КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXIII. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Станиславъ Орѣховскій.** Н. Ѳ. Сумцова. (215—234).

II. **Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. IV.** С. А. Бершадскаго. (235—265).

III. **Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.** Ѳадея Рыльскаго. (307 306).

IV. **Матеріалы для исторіи гайдамачины.** (307 - 325).

V. **Тарасъ изъ Ворохты. (Переводъ съ польскаго).** К. М. (326—363).

VI. **Люди старой Малороссіи** Ал. Лазаревскаго. (364—373).

VII. **Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго.** В. Науменка. (373—394).

VIII. **Б. Хмельницкій и неблагодарная исторія.** Ив. Лучбаго. (395—400).

IX. **Критика. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій" Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ.** Н. Голубовскаго. **Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части.** Н. Житецкаго. **Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ.** Н. Каманина. **Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ.** Н. Б. **Географическій Словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія, сост. И. Я. Спрогисъ.** Н. Каманина. **Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ ред. И. Ф. А.** С—ча. (29—60).

X. **Документы, извѣстія и замѣтки. Село Ивановка.** С. Р. **Правила погарскаго благороднаго собранія. Племянница Потемкина.** В. Г. **Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября).** Хр. Ящуржинскаго. **Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими.** А. Твердохлѣбова. **Къ біографіи Г. Н. Теплова.** Н. Каманина. (51—100).

XI. **Для справокъ.** (96—100).

XII. **Библіографическій листокъ.** (15—32).

XIII. **Объявленія** (1—12).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.**
2) **Наказы малор. депутатамъ 1767 г.**
3) **Словарь книжной малорусской рѣчи.**

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

Въ вышедшихъ 1—11 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ? **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**— Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго**— Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**— Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**— Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**— Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. Запольскаго, И. М. Каманина, Н. К—аго. А. Л., И. Л., Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана,

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуетъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ одиннадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ**: Молотники (бытов. разсказъ). **Проф. С. А. Бершадскаго**: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова**: Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка**: Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Богд. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтописное сказаніе). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго**: Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго**: Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко**: Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линниченка**: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ

въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. **проф. В. Б. Антоновича. Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **В. П. Науменка**: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О.** „Бунтъ" сквирскаго магистрата. Памятникъ Богд. Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **Ѳ. Р. Рыльскаго**: Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историч. очеркъ попытокъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго**: Тарасъ изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. К. М. **X. Н. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 66 документовъ и замѣтокъ. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. І. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIII.

НОЯБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. №

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Октября 1888 г.

Профессоръ Александръ Александровичъ Котляревскій.

СТАНИСЛАВЪ ОРѢХОВСКІЙ.

Въ исторіи польской литературы Станиславъ Орѣховскій, извѣстенъ, какъ талантливый ораторъ и публицистъ. Въ скромномъ положеніи перемышльскаго каноника онъ своими сочиненіями, горячими спорами съ польскимъ духовенствомъ, въ особенности своей женитьбой и противодѣйствіемъ безбрачію духовенства пріобрѣлъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка громкую извѣстность въ Польшѣ, обратилъ на себя вниманіе короля и римскаго папы. Крайне тревожная жизнь Орѣховскаго отразила на себѣ почти всѣ характерныя стороны современной ему польской гражданственности и культуры, хорошія и дурныя.

Личность и сочиненія Орѣховскаго представляются во многихъ отношеніяхъ любопытными и для историка южнорусской литературы XVII вѣка. Орѣховскій—украинецъ по происхожденію, и онъ хорошо это сознавалъ и даже гордился. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ указываетъ на свое русское происхожденіе, и почти всѣ они въ заглавіи имѣютъ: „Stan. Orichowii Rutheni", или „Stan. Orichowii, gente Roxolani, natione vero Poloni". Имя Орѣховскаго пользовалось почетной извѣстностью среди выдающихся по уму и образованію южнорусскихъ писателей XVII вѣка, преимущественно за оппозиціонное отношеніе Орѣховскаго къ безбрачію духовенства, рѣзкія отзывы о папѣ и нѣсколько сочувственныхъ замѣчаній о православныхъ. Захарія Копыстенскій въ „Палинодіи" (составлена въ 20-хъ годахъ XVII в.) говоритъ: „Зацный оный и высоце учоный мужъ Станиславъ Орѣховскій, каноникъ премыскій, который року 1561 маючи справу въ Варшавѣ на синодѣ провинціальномъ предъ арци-

бискупами и бискупами ляцкими, гдѣ судомъ ихъ за укривженого себе розумѣючи, до столицы апостольской константинопольской отзывался, што ся видѣти даетъ зъ словъ ораціи его, которую до того жъ синоду чинилъ... То правый и старый правды мовца ляхъ! О! гды бы и нынѣшніи панове поляци такъ чтили, шановали и поважали св. столицу константинопольскую, отъ которой научени правдиваго Бога познали, поганство повергли и крещеніемъ при княжати польскомъ Мстиславѣ (?) просвѣтилися"[1])... Въ другомъ мѣстѣ Палинодіи Копыстенскій извлекаетъ изъ „Діатрибы" Орѣховскаго слѣдующее его сочувственное замѣчаніе о православныхъ: „абы Грекове зъ Русью прето, ижъ въ нихъ поспольство келиха уживаетъ, а іереи жены маютъ, на сторонѣ непобожныхъ и въ личбѣ непріятелей Божіихъ почитаны быти мѣли, не здаетъ ми ся и овшемъ розумѣю то о нихъ, же суть христіане и же суть въ церкви"[2]). Эти замѣчанія Копыстенскаго показываютъ, какія стороны въ дѣятельности Орѣховскаго нашли сочувствіе на православной Руси, несмотря на то, что южнорусскіе люди вообще не могли считать его своимъ человѣкомъ, по причинѣ принадлежности его католической церкви, и считали его ляхомъ.

Орѣховскій родился въ 1513 г. (по Вишневскому[3]) или въ 1515 г. (по Оссолинскому[4]). Отецъ его былъ земскимъ писаремъ въ Перемышлѣ; мать—дочь православнаго русскаго священника. Католицизмъ въ родѣ Орѣховскихъ утвердился незадолго до появленія на свѣтъ Станислава Орѣховскаго, и память о томъ, что нѣкогда предки его были православными, жила еще въ семьѣ, какъ фамильное преданіе. Уже въ дѣтскихъ годахъ Орѣховскій обнаружилъ большую память, сильное воображеніе и быструю сообразительность. Первоначально онъ учился въ родномъ городѣ. На 14-мъ году онъ былъ отправленъ въ Вѣну; но во время осады Вѣны турками въ 1529 г. бѣжалъ въ Витем-

---

[1]) *Русск. Историч. Библ.* IV. 606; подробнѣе тамъ же, на 997 стр. и 1163 стр.

[2]) Тамъ же, 931.

[3]) *Wisznewski*, Hist. liter. polsk. IX, 35.

[4]) *Ossolinski*, Wiadomosci hist.—krytyczne. III. 3.

бергъ и здѣсь прожилъ три года, при чемъ познакомился съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Нѣмецкіе реформаторы произвели на Орѣховскаго сильное впечатлѣніе. Хотя Орѣховскій не вышелъ изъ лона католической церкви, хотя впослѣдствіи онъ даже писалъ противъ Лютера, но при всемъ томъ близкое знакомство съ Лютеромъ и Меланхтономъ оставило на немъ неизгладимую печать, въ смыслѣ стремленія къ духовной свободѣ и въ особенности нерасположенія къ безбрачію духовенства. По настоянію отца, Орѣховскій переѣхалъ въ 1532 г. въ Италію. Онъ слушалъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ преимущественно въ Болоньѣ, затѣмъ въ Падуѣ, Венеціи и Римѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ покровителя въ лицѣ кардинала Контарини. Пробывъ заграницей 17 лѣтъ, Орѣховскій, по желанію отца, возвратился на родину, гдѣ ему уже припасли мѣсто приходскаго священника. Свободолюбивому вольнодумцу Орѣховскому вовсе не по сердцу была дѣятельность священнослужителя. Посвященіе его состоялось въ 1542 году, послѣ предварительнаго сильнаго угощенія виномъ.

Во время Орѣховскаго Польша не отличалась большою религіозностью. Короли Сигизмундъ I и въ особенности Сигизмундъ II Августъ довольно равнодушно относились къ интересамъ церкви, а послѣдній даже обнаружилъ симпатію къ протестантамъ. Католическое духовенство было поглощено матеріальными житейскими заботами и отличалось большей безнравственностью. Безбрачіе вело къ разврату. По словамъ Орѣховскаго, польское католическое духовенство его времени представляло Содомъ и Гоморру. Власть папы въ Польшѣ была ограничена властью короля, и въ этомъ отношеніи особенно большой неуступчивостью отличался Сигизмундъ Августъ. Равнодушіе къ католицизму въ половинѣ XVI в. стало всеобщимъ среди высшаго дворянства и шляхты. Слабымъ развитіемъ религіознаго чувства обусловлена была большая вѣротерпимость и свобода совѣсти, что въ свою очередь содѣйствовало распространенію протестантизма и социніанства, только что появившихся въ это время, а потому свѣжихъ и сильныхъ[1]).

[1]) Подробности въ соч. *Любовича*, Исторія реформаціи въ Польшѣ. В. 1883.

Орѣховскій занялъ перемышльскую канонію, которая давно уже была для него выхлопотана отцомъ, и сверхъ того получилъ еще два прихода, одинъ въ Журовицахъ въ перемышльской епархіи, другой въ Побѣдникахъ, въ краковской. Перемышльскій бискупъ Тарло хотѣлъ удалить его изъ Журовицъ; но Орѣховскій отправился въ Варшаву съ жалобой къ королю и примасу Гамрату, расположилъ послѣдняго въ свою пользу и удержалъ за собой журовицкій приходъ. Орѣховскій оказался очень безпокойнымъ плебаномъ; въ короткое время онъ нажилъ много враговъ, особенно среди мѣстнаго духовенства, которое третировалъ свысока. Оссолинскій по этому поводу рѣзко отзывается объ Орѣховскомъ, становясь вполнѣ на сторону его враговъ. По его словамъ, Орѣховскій дѣйствовалъ, какъ собака, спущенная съ цѣпи, сплетнями и ябедами смущалъ сосѣдей, насмѣхался надъ духовенствомъ, пренебрегалъ мѣстными обычаями[1]). Болѣе справедливую и основательную оцѣнку его плебанской дѣятельности даетъ Любовичъ: „Заграничное путешествіе Орѣховскаго не осталось безъ вліянія на него. Онъ не могъ смотрѣть безучастно на безнравственную жизнь духовенства, на постоянныя уклоненія его отъ предписаній католической церкви, на насилія по отношенію къ православному населенію, котораго было такъ много въ перемышльской епархіи. Уклоненія отъ предписаній церкви, злоупотребленія, съ которыми католическое духовенство уже такъ свыклось, что даже не замѣчало ихъ, все это, однако, оскорбляло его религіозное чувство“[2]).

Въ первыхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Орѣховскій выступаетъ украинцемъ по своимъ симпатіямъ и мнѣніямъ, во всемъ томъ, гдѣ не примѣшалось латинство. Борьба съ турками составляла историческое призваніе южнорусскаго народа въ древнее время, что подтверждается всѣми памятниками южнорусской старины, актами, лѣтописями, пѣснями и сказаніями. И первые, самые ранніе литературные труды Орѣховскаго говорятъ намъ объ этой борьбѣ, объясняютъ отчасти ея значеніе и на-

---

[1]) *Ossolinski*, III. 11.

[2]) *Любовичъ*, 75.

правленіе; но такъ какъ Орѣховскій былъ только gente roxolani, natione vero poloni, то и рѣчь его обращена не къ южнорусскому народу, а къ польской шляхтѣ, и стремленія его опредѣлены въ значительной степени польскими интересами, въ данномъ случаѣ совпавшими съ южнорусскими народными желаніями. Въ 1543 г. Орѣховскій составилъ на латинскомъ языкѣ первую *турцику*, въ 1544—другую, два сочиненія противъ турокъ, съ названіемъ по образцу демосѳеновскихъ филиппикъ. Первая турцика посвящена шляхтѣ, вторая королю Сигизмунду I. Въ обѣихъ заключается горячее призваніе къ борьбѣ съ турками за Польшу и все христіанство. Появленіе турцикъ Орѣховскаго обусловлено было военными успѣхами турокъ, въ то время опустошавшихъ Венгрію. Солиманъ Великолѣпный въ 1541 г. осаждалъ Буда-Пештъ. Приглашая шляхту и короля на войну съ турками, Орѣховскій говоритъ, что Солиманъ, овладѣвши Валахіей, укрѣпившись на Днѣстрѣ, покоривъ Венгрію, обратитъ свои войска на Польшу, въ которой ему все противно,—вѣра, обычаи, законы, и опустошитъ край огнемъ и мечемъ. Въ первой турцикѣ Орѣховскій высказываетъ сожалѣніе, что польская шляхта стала терять воинственный духъ и предалась земледѣлію и торговлѣ. „Вся мысль шляхты, говоритъ онъ, ушла въ умноженіе богатствъ. Шляхтичи тѣмъ только и занимаются, что роются въ старыхъ документахъ и справляются въ законахъ, чтобы какъ нибудь оттягать въ свою пользу чужую деревню или отрѣзать кусокъ земли отъ сосѣда. И дѣлами подобнаго рода заваливаютъ они сеймы и судебныя собранія“. Турцики отличаются высокими литературными достоинствами, силой, простотой, ясностью. Онѣ были вторично изданы въ 1551 г., въ третій разъ въ польскомъ переводѣ подъ названіемъ Oksza na Turków (Сѣкира на турокъ) въ 1590 г. и въ четвертый въ Римѣ въ 1594 г. Послѣдніе Ягеллоны смирялись передъ грозной силой турокъ и старались сохранить съ ними мирныя отношенія. Потому турцики Орѣховскаго не заслужили ихъ вниманія. Значеніе этихъ произведеній усилилось при Сигизмундѣ III, когда турки, по причинѣ запорожскихъ набѣговъ, стали враждебно относиться къ Польшѣ, и затѣмъ польское правительство стало

склоняться на увѣщанія папъ и западныхъ государей принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ врагами христіанъ. Нунцій Маласпина многое заимствовалъ изъ турцикъ Орѣховскаго въ рѣчи своей на варшавскомъ сеймѣ 1596 о польско-турецкихъ дѣлахъ [1]).

Крупнымъ свидѣтельствомъ расположенія Орѣховскаго къ южнорусскому народу служитъ изданная имъ въ 1544 г. брошюра „*Крещеніе у русскихъ*“. Въ посвященіи этой брошюры архіепископу гнѣзненскому Гамрату Орѣховскій говоритъ о необходимости установить согласіе между различными вѣроисповѣданіями и совѣтуетъ начать это дѣло съ уничтоженія предразсудковъ относительно русскихъ. Онъ доказываетъ, что въ сущности нѣтъ большаго различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ католиковъ и православныхъ, даже относительно ученія объ исхожденіи св. Духа. Такъ какъ католическое духовенство требовало вторичнаго крещенія православныхъ при переходѣ ихъ въ католицизмъ, то Орѣховскій приводитъ въ латинскомъ переводѣ всѣ обряды и молитвы при совершеніи этого таинства у русскихъ въ доказательство тождественности ихъ у православныхъ и католиковъ, а въ заключеніе перепечатываетъ буллу папы Александра VI 1501 года, которая воспрещаетъ вторично крестить русскихъ [2]).

Сочиненіе Орѣховскаго о крещеніи у русскихъ произвело такое непріятное впечатлѣніе на католическое духовенство, всегда презрительно и враждебно относившееся къ православной Руси, что ближайшее затѣмъ сочиненіе Орѣховскаго противъ Лютера не могло его достаточно обѣлить и избавить отъ судебнаго преслѣдованія. Въ *сочиненіи о лютеранствѣ* 1546 г. Орѣховскій защищаетъ римскую церковь и папство. Онъ возражаетъ Лютеру вѣжливо и мягко, помня дружественное къ нему расположеніе Лютера въ Витембергѣ. Опровергая протестантовъ, онъ не скрываетъ слабыхъ сторонъ католическаго духовенства, его нравственную распущенность, равнодушіе къ проповѣди, и обращается къ папѣ съ просьбой созвать вселенскій соборъ для исправленія

---

[1]) *Ossolinski*, III, 186—214.

[2]) *Любовичъ*, 75; *Ossolinski*, III, 214—216.

церковныхъ недостатковъ[1]). Лютеръ умеръ въ 1546 г., не ознакомившись съ сочиненіемъ Орѣховскаго.

Еще во время пребыванія въ Италіи Орѣховскій въ бесѣдахъ съ своимъ пріятелемъ Мартиномъ Кромеромъ высказывался противъ безбрачія духовенства. Всю тяжесть целибата почувствовалъ онъ по принятіи сана плебана. „Видя черезъ свое невольно принятое священство дорогу къ женитьбѣ запертой, признавался онъ впослѣдствіи, я набралъ толпу наложницъ и развратно жилъ съ ними, какъ Геліогабалъ“ [2]). Это признаніе Орѣховскаго показываетъ, что въ немъ сильна была нравственная сторона, что онъ строго осуждалъ увлеченія молодости и стремился къ устойчивой и спокойной семейной жизни. Врядъ ли можно сомнѣваться, что Орѣховскій намѣренно преувеличилъ свои пороки въ данномъ случаѣ, чтобы оправдать свою борьбу противъ римско-католическихъ установленій о целибатѣ, и потому совершенно напрасно польскіе ученые, въ особенности Оссолинскій, напираютъ на безнравственность Орѣховскаго и его споры съ латинскимъ духовенствомъ о целибатѣ стараются объяснить плотскими вожделѣніями. Въ основѣ противодѣйствія Орѣховскаго целибату лежало глубокое нравственное чувство, вліяніе Лютера и вліяніе строя семейной жизни православнаго духовенства. Созваніе вселенскаго собора въ Тридентѣ дало Орѣховскому случай публично высказаться по этому поводу. Онъ изготовилъ *трактатъ о безбрачіи* духовенства и отправилъ его въ Краковъ друзьямъ для просмотра и напечатанія, что послѣдними и было немедленно выполнено въ 1547 г. Сочиненіе Орѣховскаго отвѣчало общему неудовольствію на латино-польское духовенство за его роскошь, развратность и корыстолюбіе. Оно быстро разошлось по всей Польшѣ, Пруссіи и русскимъ землямъ. Въ особенности сильное сочувствіе оно встрѣтило въ русскихъ земляхъ среди православнаго населенія. Но такъ какъ и реформаціонныя западно-европейскія ученія требовали, чтобы духовенство вступало въ бракъ, то и среди мѣстнаго католическаго на-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 216—231.

[2]) *Ossoliński*, III, 15.

селенія, особенно среди шляхты, затронутой уже этими ученіями, сочиненіе Орѣховскаго принято было сочувственно [1]). Съ тѣмъ большимъ озлобленіемъ къ нему отнеслось духовенство. Въ іюнѣ 1547 г. Орѣховскій былъ вызванъ на судъ въ перемышльскую консисторію. Въ виду полной покорности Орѣховскаго, перемышльскій епископъ Янъ Дзядускій, человѣкъ мягкаго характера, назначилъ ему легкое наказаніе: наложилъ на него церковное покаяніе и запретилъ проповѣдывать народу, но вскорѣ снялъ и это наказаніе. Сочиненіе Орѣховскаго было обречено на сожженіе.

Любопытнымъ эпизодомъ этого суда было обвиненіе Орѣховскаго въ томъ, что онъ поддерживалъ православную Русь въ ея заблужденіяхъ, обвиненіе, которое повторяютъ и польскіе ученые, писавшіе объ Орѣховскомъ, напримѣръ Оссолинскій (III, 14). Русь въ первой половинѣ XVI вѣка была очень бѣдна образовательными средствами; почти всѣ ея силы въ это время уходили на пограничную борьбу съ татарскими полчищами и на земледѣльческій трудъ въ укромныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Польское духовенство презирало эту скромную Русь, безъ школъ, безъ людей науки; но въ то же время оно опасалось возможности появленія православной южнорусской науки и подозрительно смотрѣло на всѣхъ тѣхъ польскихъ писателей, сочиненія которыхъ могли послужить опорой для православныхъ въ дѣлѣ научнаго разъясненія и подтвержденія ихъ религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ обрядовъ. Трудно, однако, спрятать или заглушить мысль, въ особенности когда она прошла черезъ печатный станокъ, и еще труднѣе заранѣе опредѣлить, кто и какъ ею воспользуется. Наступило вскорѣ время, когда Русь нашла возможнымъ и необходимымъ обратиться къ книгѣ и поработать въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, и тогда то, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст., оправдались отчасти опасенія ненавистниковъ южнорусскаго народа. Малороссіяне ознакомились съ сочиненіями гонимаго краковскаго профессора Лятоса для защиты юліанскаго календаря и пріютили у себя самого автора. Далѣе, малороссіяне воспользовались также сочиненіями „стараго

---

[1]) *Любовичъ*, 76.

мовцы правды" Орѣховскаго, какъ мы видѣли уже изъ Палинодіи Копыстенскаго.

Миръ, установившійся въ отношеніяхъ Орѣховскаго къ духовенству въ 1547 г., недолго продолжался. Страстный, быстро увлекающійся и энергичный Орѣховскій не могъ спокойно сносить церковныхъ нестроеній. Духовенство не могло забыть его прошлой дѣятельности. Сначала Орѣховскій молчалъ и смирялся; но враги не оставили его въ покоѣ и бросали въ него укоризнами, насмѣшками и памфлетами, при чемъ упреки шли и отъ нѣкоторыхъ его друзей, упреки въ малодушіи и бездѣятельности. Такъ или иначе ему надо было стать или на сторону шляхты, ненавидѣвшей духовенство, или на сторону послѣдняго, но въ такомъ случаѣ пришлось бы порвать съ наукой, отказаться отъ свободномыслящихъ друзей, отрѣшиться отъ всего того, что давало практическую силу и значеніе его литературному дарованію. Общество требовало отъ Орѣховскаго открытой борьбы съ духовными властями, и онъ поддался этому требованію, высказавшись одобрительно о бракѣ приходскаго священника Валентина въ с. Кржчоновѣ краковской епархіи, прямо нарушившаго такимъ образомъ пресловутый целибатъ. Вскорѣ затѣмъ женился пробощъ (протоіерей) изъ Вишни Мартинъ Кровицкій, и свадьбу его справляли въ Журовицахъ въ домѣ Орѣховскаго [1]). Наконецъ, прошла молва, что и Орѣховскій собирается вступить въ законный бракъ. На сеймикѣ въ Вишнѣ въ апрѣлѣ 1550 г. Орѣховскій въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ русскаго воеводства заявилъ, что постановленіе о безбрачіи духовенства есть дьявольское ученіе и что онъ не думаетъ повиноваться ему, хотя бы ангелъ съ небесъ увѣщевалъ его. На вопросъ перемышльскаго епископа, не думаетъ ли Орѣховскій въ самомъ дѣлѣ жениться, послѣдній отвѣчалъ утвердительно. Вызовъ былъ сдѣланъ. Латинское духовенство забило тревогу и стало готовиться къ борьбѣ съ Орѣховскимъ. Теперь къ Орѣховскому охотно пошла на помощь малопольская шляхта, свободолюбивая, отчасти затронутая западно-европейскими рефор-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 39.

маціонными ученіями, питавшая ненависть къ разжирѣвшему на готовыхъ хлѣбахъ и большихъ маетностяхъ духовенству. Озлобленное духовенство направило всѣ свои усилія къ тому, чтобы стереть съ лица земли дерзкаго русина, навлечь на него кары свѣтскихъ и церковныхъ законовъ. Въ противность духовенству гордая и воинственная шляхта вездѣ идетъ съ Орѣховскимъ рядомъ, бряцая саблей и показывая кулаки. Жизнь Орѣховскаго въ пятидесятыхъ годахъ получаетъ высокій историческій интересъ, какъ фокусъ, въ которомъ сосредоточились разнообразныя теченія жизни политической, общественной и семейной, при чемъ элементъ собственно любовный, романическій совсѣмъ поглощается элементами соціальнымъ и бытовымъ.

Два дня спустя послѣ упомянутаго заявленія Орѣховскаго на сеймикѣ, перемышльскій епископъ оповѣщаетъ запрещеніе вступать ему въ бракъ, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви, и требуетъ его на судъ. Орѣховскій заявилъ Дзядускому, что не подчинится ему, и обратился съ жалобой на него въ сеймъ, собравшійся въ Петроковѣ. Земскіе послы отнеслись къ Орѣховскому сочувственно и высказались противъ духовной юрисдикціи въ томъ смыслѣ, что право изгнанія и конфискаціи имущества должно принадлежать исключительно королю. Король согласился выслушать самого Орѣховскаго. Только что выступилъ передъ королемъ Орѣховскій и началъ рѣчь въ пользу брака духовенства, какъ епископы сорвались съ своихъ мѣстъ и подняли такой шумъ, что онъ долженъ былъ замолчать. Вынужденный такимъ образомъ отказаться отъ произнесенія рѣчи противъ целибата, Орѣховскій обратился къ королю съ просьбой о снятіи съ него отлученія. Король, не желая открыто нарушить права духовенства, отложилъ окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, а духовенство, опасаясь дальнѣйшаго вмѣшательства короля, само пошло на встрѣчу къ Орѣховскому съ цѣлью примиренія съ нимъ. Орѣховскій обѣщалъ вступить въ бракъ по полученіи разрѣшенія со стороны папы. Въ 1550 г. Орѣховскій сложилъ съ себя обязанности каноника и плебана, о чемъ заявилъ коронному писарю, или нотаріусу, при чемъ также, что, оставаясь преданнымъ сыномъ католической церкви, онъ не мо-

жетъ примириться съ ея внѣшнею формальною набожностью и не можетъ допустить, чтобы при обсужденіи вопросовъ вѣры свѣтское общество было совершенно устранено и оставалось внѣ живой связи и единенія съ церковью[1]). Въ этомъ случаѣ Орѣховскій, очевидно, гораздо ближе стоялъ къ православной Руси, чѣмъ къ католической Польшѣ, той православной Руси, которая долгое время послѣ Орѣховскаго крѣпко держалась принципа религіозно-церковнаго единенія свѣтскаго сословія съ духовенствомъ въ формѣ jus patronandi, церковныхъ братствъ и свободнаго выбора священниковъ прихожанами.

Въ 1551 году передъ началомъ великаго поста Орѣховскій вступилъ въ бракъ. Польская шляхта устраивала въ честь его пиры и празднества. Со всѣхъ концовъ Польши Орѣховскій сталъ получать поздравительныя письма, такъ что уставалъ даже отвѣчать на нихъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ одномъ письмѣ. Все это ободрило Орѣховскаго. Онъ рѣзко напалъ на целибатъ въ своихъ рѣчахъ, письмахъ и сочиненіяхъ. Онъ отправилъ смѣлое *посланіе къ папѣ Юлію III*, въ которомъ требовалъ отъ него признанія своего брака законнымъ. Здѣсь онъ папу Сириція, котораго считали первымъ уставщикомъ целибата, и затѣмъ папъ Григорія VII, Александра III, Бонифація VIII, Николая II и Каликста II называетъ преступными злодѣями за проведеніе целибата. Орѣховскій угрожаетъ Юлію поднять на него весь свѣтъ, если онъ будетъ поддерживать целибатъ. „Подумай, Юлій, говоритъ Орѣховскій, и многократно подумай, съ кѣмъ тебѣ приходится имѣть дѣло, не съ итальянцемъ, а съ русскимъ, не съ слугой своимъ, а съ обывателемъ того королевства, гдѣ и монархъ признаетъ права и вольности (шляхты). Въ Италіи ты можешь однимъ словомъ изгнать человѣка изъ отечества, лишить его духовнаго сана и имущества. Терпятъ то твои римляне, какъ бы въ наказаніе за то, что предки ихъ нѣкогда гордо повелѣвали царями и народами, и склоняютъ они свои колѣни передъ толпой твоихъ слугъ. У насъ не такъ. Король не можетъ у насъ поступать по своему произволу, и онъ не захочетъ изгнать меня,

---

[1]) *Любовичъ*, 92—95, 123.

если бы ты указалъ на меня твоимъ рыбацкимъ колечкомъ (перстень съ изображеніемъ св. Петра)" [1]).

Еще болѣе суровое нападеніе на папъ и все римское духовенство произведено Орѣховскимъ въ сочиненіи „*Repudium Romae*". Орѣховскій увѣрялъ, что онъ немногимъ только лицамъ показывалъ это сочиненіе; но врагъ его Модржевскій утверждаетъ, что оно было напечатано [2]). Послѣ мягкаго Юлія III, папскій престолъ занималъ короткое время суровый и энергичный Павелъ IV, не допускавшій никакихъ нарушеній римской обрядности, ревностный защитникъ целибата. Орѣховскій называетъ его тираномъ, безбожникомъ, хищнымъ волкомъ, старымъ плутомъ, злодѣемъ, антихристомъ, врагомъ всякаго просвѣщенія и науки. „Если, говоритъ Орѣховскій, гнусный Караффа именующійся Павломъ IV, съ святаго престола бранилъ Моисея и Христа, то я охотно желаю претерпѣть отъ него поруганіе и его проклятіе было бы моимъ вѣнцомъ и защитой". Онъ совѣтуетъ королю не довѣрять Риму, выставляетъ епископовъ измѣнниками отечеству и папскими шпіонами, всецѣло подчиняющимися своему римскому самодержцу, а монаховъ называетъ сыщиками, грабителями, саранчой, высматривающей и пожирающей богатыя нивы. „Свѣтлѣйшій государь, обращается Орѣховскій къ королю, окинь окомъ враговъ своихъ, загляни въ монастыри, конвенты, капитулы, синоды; сколько найдешь тамъ людей съ гуменцомъ (т. е. выстриженнымъ теменемъ—духовныхъ лицъ), считай ихъ заговорщиками. Ни о чемъ другомъ они не думаютъ, ничего другаго не хотятъ, какъ наложить на насъ ярмо. Эти лѣнтяи и тунеядцы только жирѣютъ въ своихъ хлѣвахъ на сало для Люцифера. Прогони изъ своего сената рогатыя шапки; совѣты ихъ погубили венгровъ. Пусть они крестятъ и учатъ народъ въ церквахъ, но не хозяйничаютъ въ Рѣчи Посполитой. Прилично ли имъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла? Пусть въ такомъ случаѣ они снимутъ свои сутанны (платье духовныхъ лицъ). Пусть выберутъ они одно изъ двухъ, или отечество, или рим-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 50—51.

[2]) *Wisznewski*, IX, 37.

скаго султана, который, назвавясь ихъ братомъ, сѣлъ имъ на шею". Далѣе Орѣховскій хвалитъ константинопольскихъ патріарховъ, что они не подчинились папамъ и не пили изъ ихъ чаши лжи, за что папы, какъ гордые фараоны, обвинили ихъ въ отступничествѣ [1]).

Въ 1551 году въ апрѣлѣ Орѣховскій прибилъ на главныхъ дверяхъ церкви въ Пржеворскѣ слѣдующее объявленіе: „Я, Станиславъ Орѣховскій, русинъ, извѣщаю вѣрныхъ христіанъ, что благодаря особенной милости Божіей, спасся отъ истребленнаго Содома и проклятой Гоморры, изъ которыхъ меня высвободила святая дѣвушка изъ почтеннаго дома, Магдалина изъ Хелма, въ настоящее время моя жена... Итакъ, обѣщаю вамъ..., что буду непоколебимо пребывать въ этомъ святомъ бракѣ съ дѣвицей Магдалиной изъ Хелма на посрамленіе, на презрѣніе и на погибель тѣхъ, которые извратили Божеское право своими дьявольскими постановленіями, а также и всѣхъ тѣхъ, которые лживо хвалятся дѣвственностью, такъ какъ они суть вредные волокиты, явные прелюбодѣи и тайные содомиты" [2]). Орѣховскій выполнилъ свое обѣщаніе. Онъ не разстался съ женой, всегда впослѣдствіи отзывался съ любовью о ней, и злѣйшіе его враги не могли указать темнаго пятна въ его семейной жизни.

Перемышльскій епископъ Дзядускій объявилъ Орѣховскаго еретикомъ, отлучилъ его отъ церкви, лишилъ правъ и чести и постановилъ изгнать его изъ перемышльской епархіи. Орѣховскій аппелировалъ на приговоръ Дзядускаго въ петроковскій синодъ; но синодъ не обратилъ на него вниманія, подтвердилъ рѣшеніе епископа и приказалъ ему довести до свѣдѣнія короля, что Орѣховскій признанъ еретикомъ. Уступая настояніямъ духовенства, король предписалъ перемышльскому старостѣ Петру Кмитѣ привести въ исполненіе приговоръ епископа, но Кмита, боясь возстановить противъ себя мѣстное общество, затянулъ исполненіе приговора до петроковскаго сейма 1552 г. На сеймѣ Кмита стоялъ на томъ, что женитьба Орѣховскаго не должна

---

1) *Ossoliński*, III, 319—320.

2) Ib. 42; *Любовичъ*, 125.

вести къ спорамъ и волненіямъ по всей Польшѣ. Краковскій епископъ Жебрыдовскій указалъ на высокое научное образованіе и литературное дарованіе Орѣховскаго. Съ него сняли клятву и только обязали его просить папу о прощеніи. Католическіе епископы опасались, что Орѣховскій, доведенный до отчаянія, перейдетъ въ православіе, и какъ большая научная и литературная сила очень пригодится православнымъ южноруссамъ. Король просилъ папу признать бракъ Орѣховскаго законнымъ, при чемъ высказалъ опасеніе, что Орѣховскій въ противномъ случаѣ можетъ отпасть отъ католической церкви и пристать къ партіи Лютера, что будетъ большимъ ущербомъ для католицизма [1]).

Въ пятидесятыхъ годахъ Орѣховскій потерялъ нѣсколько сильныхъ друзей своихъ: въ 1550 г. умеръ познанскій каштелянъ Андрей Гурка, въ 1553 г. краковскій воевода Петръ Кмита, въ 1561 г. Янъ Тарновскій. Изъ оставшихся въ живыхъ вліятельныхъ друзей его воевода познанскій Мартинъ Зборовскій устарѣлъ и облѣнился, а коронный подкоморій Николай Тржебуховскій упалъ во мнѣніи двора и потерялъ вліяніе. При такихъ обстоятельствахъ Орѣховскому пришлось смириться, тѣмъ болѣе, что и матеріальное его положеніе было не совсѣмъ удовлетворительно. Духовенство возобновило преслѣдованіе Орѣховскаго, подняло снова дѣло о его женитьбѣ, вспомнило, что онъ былъ одно время подъ проклятіемъ, и въ 1561 г. Орѣховскій былъ потребованъ на судъ въ варшавскій синодъ. Здѣсь Орѣховскій повторилъ свое исповѣданіе вѣры, уже разъ признанное за строго католическое, и въ своей рѣчи похвально отозвался о духовномъ санѣ вообще. Ставя свѣтскихъ людей ниже духовенства, признавая даже безбрачіе духовенства, въ чемъ нельзя не видѣть со стороны Орѣховскаго уступку подавлявшимъ его обстоятельствамъ, онъ, однако, по прежнему настойчиво отстаиваетъ свой бракъ: „Уже достаточно, говорилъ онъ, несчастье меня преслѣдовало, много я перестрадалъ, и пусть хоть въ концѣ жизни я немного отдохну отъ гоненій злой судьбы, отдохну съ моей женой и дѣтьми въ лонѣ католической церкви. Если вы снова

[1]) *Любовичъ*, 127, 137: *Ossoliński*, 54—60.

будете меня преслѣдовать, что тогда скажутъ православные, мои земляки и родичи русины. Они не могутъ понять, откуда у католиковъ явился дикій обычай болѣе преслѣдовать бракъ, чѣмъ развратъ... Если вы изъ за жены моей выбросите меня за двери римской святыни, то куда я дѣнусь, куда обращусь? Не могу же я блукать въ мірѣ одинокимъ, не приставъ ни къ какой овчарнѣ. Я не создамъ новой вѣры, новой церкви. Мнѣ тогда останется только повернуть на сторону моихъ предковъ съ материнской стороны и искать убѣжища въ наидостойнѣйшей въ ряду четырехъ патріархій восточныхъ—въ константинопольской, которой еще Халкедонскій соборъ подчинилъ нашу Русь подъ названіемъ варварскихъ странъ. Если вы этого желаете, то мнѣ остается только выполнить ваше желаніе... Я не могу оставить жену... Это значило бы нанести жестокое оскорбленіе женщинѣ знаменитаго шляхетскаго рода; Хелмскіе и Зарембы не простили бы мнѣ обиды, нанесенной безъ причины ихъ сестрѣ, и нанесенное имъ оскорбленіе смыли бы моей кровью. Наконецъ, на такой поступокъ я не могу рѣшиться уже потому, что далъ клятву быть хорошимъ мужемъ, что имѣю дѣтей; въ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ не позволительно даже и помышлять о такомъ безчестномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе совершить его [1]". И на этотъ разъ брачное дѣло Орѣховскаго ничѣмъ рѣшительнымъ не окончилось. Польское духовенство нашло выходъ изъ неловкаго и затруднительнаго положенія, обязавъ Орѣховскаго просить папу, но и папа не хотѣлъ рѣшительнымъ осужденіемъ оттолкнуть Орѣховскаго отъ римскаго престола и предоставлялъ рѣшеніе вопроса польскому католическому примасу. Такъ тянулось это любопытное дѣло о бракѣ Орѣховскаго до самой смерти его жены въ 1566 году. Орѣховскій справилъ торжественные похороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ похороненъ былъ и самый споръ о его женитьбѣ. Въ это время у Орѣховскаго уже были взрослые дѣти—пять душъ обоего пола. Непрерывная борьба съ многочисленными врагами, постоянная литературная работа, потеря друзей, наконецъ, потеря жены—все это надломило физическое

[1]) *Ossoliński*, III, 89.

здоровье Орѣховскаго и одновременно лишило его бодрости духа и энергіи. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ писалъ своему пріятелю: „Много бурь пронеслось надо мной, многимъ я увлекался, и теперь уже минуло для меня время борьбы, сѣдые волоса усыпаютъ мою голову; уплываетъ уже пятидесятый годъ жизни; пора собираться въ путь вѣчности; пора уплатить долги, загладить грѣхи и думать только о душѣ“. Смерть Орѣховскаго не была замѣчена современниками и время ея точно не опредѣлено. Извѣстно только, что онъ скончался вскорѣ послѣ смерти своей жены, предположительно въ концѣ 1566 года [1]).

Сочиненія Орѣховскаго многочисленны и разнообразны. Какъ писатель, Орѣховскій пользовался обширной извѣстностью въ Польшѣ и далеко за ея предѣлами. Знаменитый ученый того времени Кромеръ, защищая безбрачіе духовенства, писалъ Орѣховскому: „Не думай, мой Орѣховскій, что твое имя неизвѣстно за границей. Въ Италіи, Испаніи, Франціи и Германіи мнѣ приходилось слышать похвальные отзывы о твоихъ сочиненіяхъ, составляющихъ гордость и защиту нашего отечества. Я не встрѣчалъ ученаго, который не читалъ бы ихъ и не превозносилъ бы до небесъ твоего остроумія, краснорѣчія и учености. И я гордился твоей славой, такъ какъ имѣю въ тебѣ соотечественника и друга, и потому малые лучи отъ твоей славы освѣщаютъ и меня“. Епископъ Дудичъ писалъ Орѣховскому, что онъ не находитъ никого, кто могъ бы не только спорить съ Орѣховскимъ о научно-литературномъ первенствѣ, но хотя стать съ нимъ рядомъ [2]). Что слава Орѣховскаго, какъ писателя, проникла не только на католическій Западъ, но и на православный Востокъ, именно въ южную Русь, достаточно видно изъ ссылокъ, цитатъ и похвальныхъ о немъ отзывовъ Захаріи Копыстенскаго. Нѣкототорыя сочиненія Орѣховскаго переизданы за границей въ прошломъ столѣтіи. Въ настоящее время они забыты и встрѣчаются рѣдко даже въ большихъ книгохранилищахъ, за исключеніемъ библіотеки

---

[1]) *Ossoliński*, 176; *Кондратовичъ*, Ист. н. лит. II, 38.

[2]) *Ossoliński*, 133, 175.

университета св. Владиміра, гдѣ находятся почти всѣ сочиненія Орѣховскаго [1]).

Для исторіи южно-русскаго края и литературы нѣкоторыя сочиненія Орѣховскаго представляются любопытными, во первыхъ, тѣ его сочиненія, въ которыхъ обнаруживается его южнорусское происхожденіе и его сочувствіе къ своимъ единоплеменникамъ, и во вторыхъ, тѣ сочиненія, на которыя ссылается Захарія Копыстенскій. Сочиненія Орѣховскаго съ симпатіями къ православнымъ русскимъ написаны имъ въ первые годы его научной и литературной дѣятельности; они отличаются бодрымъ духомъ, свѣтлой мыслью и силой изложенія. Таковы уже разсмотрѣнныя наши выше сочиненія его противъ турокъ (1543) и о крещеніи у русскихъ (1544 г.). Копыстенскій ссылается на „Діатрибу" Орѣховскаго. „Разсужденіе противъ клеветы" (Diatriba contra columniam) издано Орѣховскимъ въ 1548 г. Здѣсь онъ нападаетъ на епископа Тарла, предшественника Дзядусскаго, за враждебное къ нему отношеніе епископа.

По мѣрѣ того, какъ улегалось въ Орѣховскомъ озлобленіе противъ современнаго ему католическаго духовенства, по мѣрѣ его подчиненія послѣднему, идейное достоинство его сочиненій падаетъ. Какъ противникъ целибата, онъ высказывалъ много правды; съ переходомъ въ ряды ревностныхъ защитниковъ папъ и духовенства, Орѣховскій наговорилъ много страннаго и нелѣпаго. Человѣкъ крайне страстный, горячій, быстро и до крайности увлекающійся, онъ скрытыя стремленія и желанія католическаго духовенства развилъ до бьющей въ глаза рѣзкости, преимущественно въ сочиненіи „Химера, или о пагубной для польскаго королевства сектѣ Франциска Станкара" 1563 года. Здѣсь онъ уже прославляетъ польское духовенство съ свойственной ему страстностью и стремительностью. Онъ требуетъ безусловнаго подчиненія государства церкви, свѣтскихъ лицъ духовенству. Въ сочиненіи „Политика польской республики" 1564 г. онъ идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи, утверждая, что „въ Польшѣ до тѣхъ поръ не будетъ добра, пока у ней не устано-

---

[1]) *Алфавит. указатель* книгъ библ. унив. св. Владиміра XV, 178.

вится могущественная власть духовенства, когда король будетъ вполнѣ подчиняться примасу, а примасъ папѣ"[1]). Орѣховскій, очевидно, въ концѣ своей жизни, подавленный разными невзгодами и потерями, сжегъ все то, чему прежде поклонялся, и поклонился тому, что сжигалъ въ пору разцвѣта своихъ умственныхъ силъ.

Кромѣ названныхъ сочиненій Орѣховскому принадлежатъ краснорѣчивая *рѣчь* на смерть Сигизмунда I (1546 г.), сочиненіе „*О заботливости и добромъ управленіи подданными*" (1549), посвященнное Сигизмунду Августу, затѣмъ *Idea Apocaliptica*, или „Сонъ на яву", гдѣ говорится о состояніи польскаго государства и находятся предсказанія о его будущности, польскія *лѣтописи* (Анналы), обнимающія первые годы царствованія Сигизмунда Августа, *Разсказъ о будущемъ паденіи Польши по причинѣ Лютеровой ереси* 1561, Споръ съ Фричемъ Модржевскимъ *объ авторитетѣ апостольскаго престола*, рѣчь на варшавскомъ сеймѣ 1561 г. *о духовномъ званіи*, „*Quincunx*" т. е. „образецъ польской короны" 1564, гдѣ превозносится похвалами духовенство, „*Діалогъ* объ исполненіи польской короны" 1562, съ похвалами духовенству и порицаніемъ шляхты, „*Политика* польской республики" и много писемъ къ разнымъ лицамъ. Большинство сочиненій Орѣховскаго изложено на латинскомъ языкѣ, которымъ Орѣховскій владѣлъ превосходно; нѣсколько—на польскомъ и нѣтъ ни одного на южнорусскомъ. Послѣднее обстоятельство не служитъ еще доказательствомъ, чтобы Орѣховскій не зналъ южнорусскаго языка. Есть основаніе думать, что онъ лишь не пользовался имъ при составленіи своихъ сочиненій, но зналъ его, такъ какъ въ сочиненіяхъ его на польскомъ языкѣ встрѣчаются лексическіе элементы малорусскаго языка. На страницахъ „Кіевской Старины" было уже замѣчено, что „въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малополь-

---

[1]) *Maciejowski*. Pism. polskie, II, 774.

ское нарѣчіе, которое составляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Кохановскій и Рей были малополяне; послѣдній родился и выросъ въ Червоной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы Шимоновичъ (1557—1629) и Зимоpовичъ (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его" [1]). Къ этимъ именамъ можно присоединить еще имя Орѣховскаго. Заслуживаетъ вниманія попытка Орѣховскаго ввести въ польскій литературный языкъ нѣкоторыя слова и выраженія церковно-славянскаго языка, попытка, обнаруженная въ его предисловіи къ Политикѣ [2]). Очевидно, Орѣховскій былъ знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и высоко цѣнилъ его.

Крашевскій и Кондратовичъ находятъ, что Орѣховскій былъ „страннымъ явленіемъ религіознымъ и политическимъ". На поприщѣ религіозномъ онъ вооружилъ противъ себя католиковъ и протестантовъ, на поприщѣ политическомъ шляхту и духовенство. Польскимъ католическимъ писателямъ личность и дѣятельность Орѣховскаго представляются несимпатичными и малопонятными, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Оссолинскій часто прибѣгаютъ къ суровымъ осужденіямъ Орѣховскаго. Кондратовичъ находитъ, что „рыцарская отвага Орѣховскаго на поприщѣ литературномъ, его блестящій даръ слова, его битвы оставили одно только воспоминаніе". Онъ не видитъ, чтобы „выросли хоть какіе нибудь плоды для отечества изъ сѣмянъ той мысли, которую Орѣховскій бросалъ такъ настойчиво" и съ чувствомъ гуманности восклицаетъ: „Жаль великаго генія!" [3]).

Если въ исторіи Польши Орѣховскій оказывается страннымъ явленіемъ, то въ исторіи южной Руси личность и дѣятельность его представляются явленіемъ печальнымъ и глубоко-поучительнымъ. Этотъ блестящій талантъ поросъ терніемъ и волч-

---

[1]) *Житецкій*, въ „Кіев. Стар". 1888. V. 177.

[2]) *Maciejowski*, Pism. polskie II. 339.

[3]) *Кондратовичъ*, Исторія польск. литер. II. 38.

цемъ подъ вліяніемъ чуждой ему латино-польской культуры. Эта могучая умственная сила безплодно погибла среди внутреннихъ противорѣчій между своимъ прирожденнымъ русскимъ gens и культурно-привитымъ польскимъ natio, наслѣдственнымъ расположеніемъ къ южнорусской народности, прежде всего наиболѣе характерной ея особенности—греко-восточному вѣроисповѣданію, и усвоеннымъ отчасти въ семьѣ отъ отца-католика, а большею частью въ западныхъ католическихъ университетахъ, расположеніемъ къ латинской образованности, латинскому и польскому языкамъ, схоластическимъ диспутамъ и всему польско-шляхетскому строю жизни.

Орѣховскій постоянно указываетъ, что онъ родомъ русскій (gente Roxolani), говоритъ „наша Русь", считаетъ русскихъ своими соплеменниками и родичами (macierzysty krewniaki moi Rusiny), и при всемъ томъ южноруссъ и землякъ его Захарія Копыстенскій называетъ его ляхомъ, и ни одинъ православный южноруссъ не могъ признать своимъ соплеменникомъ Орѣховскаго, католика, въ концѣ жизни завзятаго паписта, особенно послѣ того, какъ онъ сталъ требовать, чтобы король былъ „подножкой" примаса, а примасъ „подножкой" папы. Въ національномъ отношеніи это былъ потерянный человѣкъ; никто не дорожилъ имъ соотвѣтственно его громаднымъ дарованіямъ; онъ самъ страдалъ отъ свившихся въ немъ въ клубокъ національныхъ и религіозныхъ противорѣчій, то поднимался на грозную высоту отрицанія и критики, то падалъ въ пучину клерикальнаго застоя и обскурантизма. Орѣховскій заявляетъ въ одномъ своемъ письмѣ, что онъ не закопаетъ своихъ талантовъ, и, дѣйствительно, онъ пустилъ ихъ въ оборотъ, только безполезный, и въ концѣ концовъ истратилъ ихъ, разсѣялъ по пустому свою великую силу, безъ всякой пользы для „своей" Руси и съ сомнительной пользой для Польши.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(*Продолженіе* [1]).

IV.

Отрѣшеніе отъ должности земскаго подскарбія Ѳедка Хребтовича.—Въ чемъ состояла должность подскарбія земскаго?—Выдѣленіе государственныхъ доходовъ изъ доходовъ вотчинниковъ при первыхъ Ягеллонахъ.—Вотчинные доходы в. князя.—Подскарбій дворный и подскарбій земскій; различіе ихъ обязанностей.—Сравненіе должности подскарбія земскаго съ должностью современныхъ министровъ финансовъ.—„Писаря", т. е. статсъ—секретари в. княжества литовскаго. Ихъ роль въ финансовомъ управленіи.—Богушъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій.—Время его назначенія и отставки; причины ея. Вступленіе Аврама Езофовича въ должность подскарбія. Мѣры, принятыя имъ для погашенія государственныхъ долговъ.—Расширеніе операцій монетнаго двора.—Первый отчетъ Аврама Езофовича по управленію государственными фанансами, представленный въ 1511 г. на Брестскомъ сеймѣ.—Общая цифра государственныхъ доходовъ в. княжества.—Второй отчетъ отъ 1514 года.—Серебро королевы Елены.—Конфискація долговыхъ требованій московскихъ купцовъ.—Дефицитъ въ бюджетѣ.—Причины дефицита.—Дѣятельность Аврама Езофовича по снабженію пограничныхъ крѣпостей орудіями и артиллерійскими снарядами.—Обезпеченіе авансовъ Аврама Езофовича таможенными доходами Берестья Литовскаго.—Погашеніе долговъ Авраму со стороны государственнаго казначейства залогомъ г. Ковно.—Аврамъ Езофовичъ—староста ковенскій.—Новыя затрудненія казны.—Залогъ въ 1518 г. в. княжескихъ вотчинъ.—Отчетъ Аврама Езофовича въ 1518 г. за четырехлѣтнее управленіе государственными финансами.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ.—Послѣдніе займы короля у Аврама.—Заботы Аврама Езофовича о назначеніи своихъ душеприкащиковъ.

Въ концѣ 1508 г. король Сигизмундъ отрѣшилъ отъ должности подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича вмѣстѣ со многими иными государственными сановниками, заподозривъ ихъ въ сочувствіи къ Глинскому, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Вольфъ. Подозрѣнія короля были неосновательны: Ѳедко Хреб-

[1]) См. „Кіевск. Стар.", октябрь.

товичъ и его товарищи были вскорѣ освобождены изъ подъ ареста и нѣкоторые, какъ напримѣръ, Ольбрахтъ Мартыновичъ, Кгаштолтъ вновь назначены на должности; тѣмъ не менѣе Литва осталась съ 1509 г. безъ земскаго подскарбія[1]).

Ѳедко Хребтовичъ не возвращался болѣе къ своей должности.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, кѣмъ, какъ и когда была замѣщена должность подскарбія и какое значеніе имѣло это замѣщеніе для дальнѣйшей судьбы Аврама Езофовича, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самой должности подскарбія земскаго в. княжества литовскаго.

Пусть не посѣтуетъ читатель, что намъ опять приходится обращаться къ сырому матеріалу: прибѣгать для выясненія характера этой должности къ выпискамъ изъ наказа польскому земскому подскарбію, какъ это дѣлаетъ г. Вольфъ, мы считаемъ противорѣчіемъ надлежащему обращенію съ историческимъ матеріаломъ.

Трудность опредѣленія характера этой должности заключается не столько въ отсутствіи надлежащаго количества матеріаловъ, сколько въ недостаточномъ разграниченіи обязанностей подскарбія земскаго отъ обязанностей подскарбія дворнаго. Въ чемъ состояли функціи одного и въ чемъ другаго, гдѣ кончалась компетенція одного и гдѣ начинались права другаго? Вотъ вопросъ! Затрудненіе, ничуть не уменьшаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ, и другой несли одновременно со своею должностью еще и другія обязанности, напр., управленіе тѣмъ или инымъ в. княжескимъ имѣніемъ или же волостью, со связаннымъ съ этимъ правомъ суда и т. д. Несмотря на эти затрудненія, мы попытаемся съ одной стороны опредѣлить права каждой изъ этихъ должностей, а съ другой, въ частности, тѣ особыя черты должности подскарбія земскаго, которыя налагала на него самая финансовая система литовскаго государства и весь строй литовскаго народнаго хозяйства.

Государственные доходы в. княжества литовскаго поступали въ XV и XVI стол. главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ

---

[1]) М. Л. Зап. VIII f. 303 (b). Въ Краковѣ, іюля 25, индикта 12, года 1509.

источниковъ: таможенныхъ пошлинъ, акциза съ питей и судебныхъ штрафовъ („винъ") [1]). Въ 1492 г. Александръ Ягеллонъ далъ обѣщаніе эти доходы собирать и сохранять въ особомъ государственномъ казначействѣ. Собранныя здѣсь суммы могли быть затѣмъ обращаемы, съ согласія Рады, только на общегосударственныя потребности. Поэтому, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, в. князь не имѣлъ права, безъ согласія Рады, распоряжаться этими суммами государственнаго казначейства или же переводить оныя за границу. Постановленіемъ отъ 1492 г. литовскіе магнаты старались юридически разграничить доходы государства отъ доходовъ в. князя. Къ собственнымъ же доходамъ в. князя относились всѣ платежи, поступавшіе съ такъ называемыхъ державъ, т. е. населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ в. князю на вотчинномъ правѣ и причисленныхъ къ тому или иному административному центру,— замку, двору. Литовское право весьма рано отличаетъ вотчинные платежи и подати отъ общегосударственныхъ. Еще въ Городельской привилегіи 1413 г. мы видимъ, что вотчинники обязаны не только отбывать военную службу и строить замки, но и платить подати, согласно старинному обычаю [2]). Какія же это были старинныя подати? Не имѣя мѣста входить въ болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы ограничимся текстомъ жалованной грамоты короля польскаго, великаго князя литовскаго, Казиміра Ягеллона, данной имъ въ 1437 г. [3]) Литвѣ, въ которой эти подати исчислены такъ: серебщина, дякло,

[1]) Что именно эти источники были главнѣйшими, видно какъ изъ необнародованныхъ еще доселѣ расходныхъ книгъ королей Казиміра и Сигизмунда Ягеллоновъ, такъ точно изъ напечатанныхъ уже документовъ, напр., грамоты в. князя литовскаго Александра отъ 1492 г. гдѣ источники государственныхъ доходовъ опредѣлены такъ:... Census Theloneorum, tabernarum et allii et poenis et undecunque Nobis proventuentes.

[2]) *Działyński.* Zbiór etc. стр. 13. Przywiley Horodelski § VIII... baronis ad constructionem et erectionem castrorum, vias expedicionales facere et tributa dare, iuxta antiquam consuetudinem adstringantur.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 61. Впервые напечатана у Дзялынскаго въ вышеупомянутомъ изданіи, стр. 28—35, срав. у Dz. § XI. Списокъ археографической коммиссіи, хотя значительно отличается по языку отъ списка Dz., но существенныхъ отклоненій въ содержаніи не имѣетъ, какъ то можно видѣть изъ варіантовъ, напечанныхъ также по списку Дзялынскаго.

подводы, доставка дровъ для обжиганія кирпичей и извести для постройки замковъ, сѣнокосъ и иныя „работы малосправедливыя". Отъ права требовать всѣхъ этихъ повинностей и податей съ людей, живущихъ на частныхъ земляхъ, в. князь отказывается въ пользу вотчинниковъ, оставляя за собою лишь право требовать „стаціи поборы, мостовъ новыхъ будованье, старыхъ поправованье, дорогъ направованье". Опираясь на этотъ документъ, мы можемъ сказать, какіе именно доходы принадлежали в. князю, какъ государю литовской земли, и какіе составляли частную собственность на одинаковомъ правѣ со всѣми остальными литовскими вотчинниками. Такъ какъ великимъ князьямъ литовскимъ еще въ 1513 г. принадлежало на правѣ частной собственности 50 волостей, между которыми были, напр., Брестъ Литовскій, Дорогичинъ, Мельникъ, Каменецъ, Браславъ и т. д., то станетъ понятно, что подскарбію дворному было довольно дѣла.

Доходы великаго князя съ волостей группировались вокругъ трехъ главнѣйшихъ податей мѣстнаго происхожденія, т. е. „дякла", „медовой дани" и „куницъ". Хотя всѣ эти виды податей существовали во всѣхъ в. княжескихъ вотчинахъ, но преобладаніе того или инаго вида опредѣлялось мѣстными условіями: гдѣ существовали благопріятныя условія для земледѣлія, тамъ на первомъ планѣ стояло „дякло", гдѣ успѣшнѣе шло пчеловодство—тамъ „медовая дань", гдѣ звѣроловство—тамъ „куницы".

Подъ именемъ *„дякла"* разумѣли уплату в. князю съ каждой „службы" 4 бочекъ жита и 4 бочекъ овса, воза или двухъ сѣна „подякольнаго", и опредѣленнаго количества куръ, гусей и яицъ. *„Медовая дань"* состояла изъ различнаго по мѣстности количества жидкаго, прѣснаго меду. Дань эта взымалась обыкновенно сообразно величинѣ и доходности каждаго участка, иногда же огуломъ съ волости. Къ этой главной дани присоединялись иные болѣе мелкіе платежи, какъ напр. „бобры", „тивунщина", „серебро грошовое". „дубовщина и воловщина" и т. д. [1]).

[1]) Такъ мы полагаемъ, опираясь на уставъ, данный свислоцкой волости кор. Сигизмундомъ I. Здѣсь прежде всего идетъ: „Дань на Насъ, Господаря, даютъ со всее волости подле давнаго обычаю, мѣраючи у пудовню по 4 безмены"... *„За данью* бобры шерстью... а за *куницу данную* по 6 грошей... А коли тивунщины въѣдутъ

„*Куницы*“—одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ обложенія, по преимуществу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Къ этимъ куницамъ обыкновенно прирастаютъ и иные платежи. Въ то время какъ въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ куница—въ родѣ „выводной“, „змирской“ составляетъ незначительный случайный платежъ, на Жмуди мы видимъ, что подать съ сохи наоборотъ составляетъ придатокъ къ „куницамъ“, даже и тогда, когда она по своимъ размѣрамъ превышаетъ основной платежъ [1]). Къ куницамъ же присоединялись платежи „неводничіе“, „льняные“ и т. д.

Помимо этихъ платежей, подданные в. князя были обязаны извѣстными натуральными повинностями, напр., обязательно доставлять содержаніе в. князю, давать „стацію“ во время проѣзда его черезъ данную мѣстность, ставить подводы ему или же подъ пословъ и гонцовъ, свозить хлѣбные запасы, медъ, куницы, бобры и т. д. въ опредѣленные мѣста. Сюда же должны быть отнесены „толоки“, „кгвалтъ“ и нѣкоторые другіе. Естественно, что всѣ эти вотчинные доходы составляли такую же неприкосновенную частную собственность в. князя, какъ и любаго изъ вотчинниковъ.

Отсюда ясно, какого рода раздѣленіе обязанностей и правъ должно было существовать между подскарбіемъ земскимъ и подскарбіемъ дворнымъ: первый вѣдалъ общегосударственные доходы и расходы, второй—частные доходы в. князя. Трудно требовать, конечно, чтобы въ началѣ XVI в. этотъ принципъ раздѣленія производился съ безусловною послѣдовательностью, но все же, сравнительно съ XV в., мы рѣдко встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ смѣшеніе этихъ различныхъ областей. Только при выдачѣ жалованья королевскимъ дворянамъ мы встрѣчаемъ назначеніе изъ доходовъ в. князя, т. е. жито, барановъ, мясо и т. д. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ назначенія идутъ только изъ слѣдующихъ источниковъ: таможенныхъ пошлинъ („мыта“), питейнаго дохода („карчомныхъ пенезей“), судебныхъ пошлинъ и штра-

---

брати, на страву съ пудавни по 3 гроши“... „А къ тому серебро грошовое и дубавщины и воловщины за даню даютъ.“—Что эти подати составляли именно в. княжескій доходъ, видно изъ того, что на замокъ, врядннику, идутъ особые платежи.

[1]) Акт. З. Р. т. II, №№ 149 и 160.

фовъ („винъ"). Какъ воспоминаніе объ отживающемъ смѣшеніи в. княжескихъ доходовъ съ государственными, мы изрѣдка встрѣчаемъ выдачи изъ „куницъ Вядскихъ", „з бобровщинныхъ пенезей" (428, 416 b.), или „жеребца третьяка у Конюшаго" (419) и т. п.

Единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ указаннаго начала могло бы служить причисленіе къ государственнымъ доходамъ „дякла", такъ какъ мы встрѣчаемъ въ расходной книгѣ в. князя Сигизмунда Казиміровича довольно многочисленныя назначенія, адресованныя на этотъ именно источникъ. Но не слѣдуетъ забывать, что даже въ половинѣ XVI в. литовская шляхта смотрѣла на содержаніе замковъ, а тѣмъ болѣе на снабженіе ихъ провіантомъ, какъ на частное дѣло в. князя.

Такимъ образомъ обязанности земскаго подскарбія состояли: въ полученіи доходовъ изъ указанныхъ выше источниковъ, въ расходованіи этихъ доходовъ по предписаніямъ короля, въ надзорѣ за правильнымъ поступленіемъ податей; въ пріемѣ (вмѣстѣ съ назначенными в. княземъ сановниками) отчетовъ отъ управляющихъ казенными доходами или же отъ откупщиковъ.

Этимъ, можно сказать, и ограничивалась вся дѣятельность подскарбія земскаго.

Всякая новая государственная подать назначалась в. княземъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ, или же, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшихъ вотчинниковъ.

Собираніе этихъ налоговъ производилось лицами не подчиненными подскарбію, точно такъ же, какъ и взысканіе недоимокъ [1]). Отношеніе подскарбія къ откупщикамъ ограничивалось присутствіемъ при заключеніи договоровъ и повѣркою отчетовъ, такъ какъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ откупщики и ихъ слуги подлежали суду самого в. князя. Поэтому административный персоналъ финансоваго управленія былъ не великъ, а дѣятель-

[1]) Чрезвычайные доходы собирались въ вотчинныхъ имѣніяхъ князей и членовъ Рады самими собственниками или же уполномоченными отъ нихъ лицами; въ в. княжескихъ имѣніяхъ: съ шляхты сборъ производили *хоружіе*, а съ остальныхъ лицъ—*державцы* (Ак. З. Р. т. II; № 17, отъ 1507 г.). Недоимки обыкновенно взыскивались королевскими дворянами, которые вообще были употребляемы для производства всякаго рода экзекуціи.

ность его направлялась не предписаніями подскарбія, а незапамятными обычаями.

Не было еще ни бумажныхъ денегъ, ни фондовъ, ни заграничныхъ долговъ. Не подымались вопросы о поддержкѣ курса, конверсіяхъ, отвержденіи долговъ и т. д. Не задумывались надъ переложеніемъ податей и надъ вліяніемъ той или иной изъ нихъ на народное хозяйство. Поэтому должность подскарбія земскаго не требовала отъ лица, которому она ввѣрялась, никакихъ особыхъ финансовыхъ дарованій. Достаточно было умѣнья вести счеты и практическаго знакомства съ механизмомъ государственнаго управленія. Поэтому то мы и видимъ, что большинство подскарбіевъ земскихъ начинаютъ свою службу въ качествѣ дворянъ в. князя, затѣмъ чрезъ различныя мелкія должности въ родѣ дьяка, подвигаются къ „писарству" и затѣмъ переходятъ отъ него къ должности подскарбія. Такъ двигались, напр., Ѳедко Хребтовичъ, Богушъ Боговитиновичъ, Ивашко Горностай, Павелъ Нарушевичъ, Остафій Воловичъ и т. д. Переходъ отъ писарства къ подскарбству былъ тѣмъ естественнѣе, что распоряженія о выдачахъ изъ казны тѣхъ или иныхъ суммъ производились в. княземъ посредствомъ ассигновокъ, изготовляемыхъ и скрѣпляемыхъ подписью находившагося при в. князѣ писаря. У писарей же хранились справочныя свѣдѣнія о размѣрахъ поступленія съ того или инаго источника государственныхъ доходовъ; они же вели реестры расходовъ. Завѣдывая въ то же время изготовленіемъ всѣхъ вообще государственныхъ актовъ, эти „писаря", или по современнымъ условіямъ—статсъ-секретари, естественно не только въ совершенствѣ знакомились съ техническою стороною государственнаго дѣлопроизводства, но въ частности со всѣми тонкостями государственнаго хозяйства. Должность писаря сама по себѣ на столько была почетною и доходною, что ею не гнушаются знатнѣйшіе изъ литовскихъ пановъ. Изъ среды писарей обыкновенно выбираются лица для посольствъ къ иностраннымъ государствамъ и т. д. Но для занятія должности земскаго подскарбія требовалось еще одно и весьма важное условіе, а именно значительная имущественная самостоятельность. Поэтому то въ подскарбіи переходятъ лишь богатѣйшіе изъ писарей. Причина, по-

чему отъ подскарбія требовалось огромное состояніе и преимущественно въ наличномъ капиталѣ, заключалась въ совершенномъ отсутствіи государственнаго кредита, въ неустойчивости государственныхъ доходовъ, въ отсутствіи опредѣленнаго бюджета, въ несовершенствѣ контроля надъ поступленіемъ податей и т. д. Если мы припомнимъ къ этому, что уже конецъ XV ст. и начало XVI составляютъ для Литвы эпоху крупныхъ войнъ съ сосѣдями—Москвою, Татарами, Молдавіей, что для веденія этихъ войнъ помѣстныя войска оказываются несостоятельными, какъ по отсутствію боевой подготовки, такъ и по медленности мобилизаціи, что для охраненія неприкосновенности государственной территоріи приходится прибѣгать къ наемнымъ войскамъ, выписывать изъ за границы пушкарей, строить новыя крѣпости, снабжать ихъ артиллеріей, что для поощренія самихъ помѣстныхъ войскъ приходится прибѣгать къ денежному жалованью и т. д., то станетъ понятно, что казна сплошь и рядомъ не могла ждать, пока поступятъ деньги отъ того или инаго откупщика, пока медъ, воскъ, куницы, бобры и т. д. будутъ обращены въ наличность. Между тѣмъ казна всегда находила съ большимъ трудомъ деньги у купцовъ и другихъ частныхъ лицъ [1]). Понятно само собою, что в. князья при назначеніи того или инаго лица въ должность подскарбія непремѣнно должны были принимать во вниманіе денежную состоятельность и кредитоспособность назначаемаго. Отсутствіе же правильной отчетности и точныхъ свѣдѣній о количествѣ поступающихъ суммъ, въ связи съ безотлагательною необходимостью удовлетворенія той или иной нужды, вели къ

[1]) Въ этомъ, конечно, никто не станетъ винить капиталистовъ Литвы XV или XVI ст., такъ какъ казна уплачивала свои долги крайне неаккуратно, напр. королю Сигизмунду приходилось покрывать долги не только своего брата (напр., 5000 злотыхъ жалованья войскамъ въ 1510 г., т. е. по крайности черезъ 5 лѣтъ послѣ ихъ приглашенія на службу, мѣщанину смоленскому Лисневу 250 копъ грошей, объ уплатѣ которыхъ онъ тщетно ходатайствовалъ передъ кор. Александромъ), но даже долги своего отца короля Казиміра, напр., въ 1506 г. „жиду Троцкому Зубцу 200 к. гр. у подскарбего, зъ корчомъ волостныхъ за долгъ *Казиміра короля*". Между тѣмъ подъ залогъ имущества обыкновенный размѣръ процентовъ былъ 15%. Ср. Д. и Р. т. I, № 318.—Естественно, что было немного охотниковъ среди купцовъ и мѣщанъ ссужать свои деньги казнѣ.

тому, что в. князья постоянно находились въ долгу у подскарбіевъ, такъ какъ дефициты покрывались ими изъ собственныхъ средствъ подскарбія. Если же собственные рессурсы подскарбія были недостаточны, то в. князю по необходимости приходилось прибѣгать къ весьма невыгоднымъ займамъ у членовъ Рады, расплачиваясь за одолженія или пожалованіями населенныхъ имѣній, или же передачею оныхъ въ управленіе или же залогъ. Полученіе отъ откупщиковъ впередъ откупной суммы также было невыгодно для в. князя, п. ч. чувствительно отзывалось на размѣрахъ откупной суммы, такъ какъ откупщикъ естественно дѣлалъ значительный дисконтъ. Имѣя дѣло съ однимъ лицомъ было гораздо легче свести съ нимъ счеты, чѣмъ съ десятками разнородныхъ кредиторовъ.

Вотъ вѣроятныя причины, почему король Сигизмундъ почти полгода оставлялъ должность подскарбія вакантною, тѣмъ болѣе, что большинство лицъ, на которыхъ могъ бы остановиться выборъ в. князя, находились въ походѣ на Молдавію.

Въ числѣ другихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ здѣсь писаря королевскаго Богуша Боговитиновича. Во Львовѣ, 25 октября 1509 г., при раздачѣ жалованья и наградъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ противъ молдавскаго господаря Стефана, мы встрѣчаемъ Богуша Боговитиновича уже съ титуломъ земскаго подскарбія. Мы видимъ, что за свое участіе въ этомъ походѣ онъ получаетъ значительное вознагражденіе изъ денегъ, находящихся у него же въ государственномъ казначействѣ—„въ скарбѣ“. Спрашивается, когда же именно Богушъ становится подскарбіемъ?

31 января 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ, писарь, отправляется съ посольствомъ въ Москву [1]). Посольство, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не могло возвратиться скоро, такъ какъ на дорогу изъ Вильны въ Москву требовалось около мѣсяца [2]). Слѣдовательно, возвратиться въ Литву Богушъ могъ не ранѣе

---

[1]) А. З. Росс.; т. II, № 49. Точно также въ реестрѣ писаря Ив. Сапѣги 18 фев., 1509 г. п. Богушъ названъ писаремъ. М. Л. Зап. VIII f. 432 (b).

[2]) *Герберштейнъ*. Записки о Московіи (перев. Анонимова) стр. 206—210 Изъ Вильны Герберш. выѣхалъ 14 марта, въ Москву прибылъ 18 апрѣля.

конца апрѣля или даже начала мая. До октября мѣсяца 1509 г. мы не встрѣчаемъ Богуша въ актовыхъ книгахъ, и это понятно. Въ отрядѣ князя Пронскаго рядомъ съ иными князьями, панами и дворянами литовскими Богушъ сражается противъ молдавскаго господаря. Въ спискѣ же лицъ, получившихъ вознагражденіе за участіе въ походѣ, Богушъ названъ подскарбіемъ. Такимъ образомъ Богушъ Боговитиновичъ становится подскарбіемъ земскимъ не ранѣе октября 1509 г. Въ этой должности мы встрѣчаемъ его подпись на актахъ уже 30 октября [1]), а ноября 8 онъ подписывается такъ: Подскарбій земской, писарь, намѣстникъ жижморскій и довгковскій [2]).

Спрашивается, кто же завѣдывалъ въ теченіи почти цѣлаго года казною в. княжества литовскаго?

По обычаю XVII в. вакантная должность подскарбія земскаго въ Польшѣ и въ Литвѣ временно замѣщалась подскарбіемъ дворнымъ. Что подобный же обычай существовалъ уже въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ, заставляютъ предполагать, повидимому, расходныя книги в. князя Сигизмунда, въ которыхъ подъ 2 августа 1509 г. мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Отправа (выдача жалованья) тымъ дворянамъ, которымъ панъ Иванъ, его милость, не далъ былъ мѣсяца февраля 18 дня, индиктъ 12 (1509)“. Подскарбіемъ дворнымъ литовскимъ въ это время былъ Иванъ Андреевичъ. Пересматривая реестръ расходовъ за 1509 г., мы не разъ встрѣчаемъ его имя (1 стр. f. 437 (b), f. 442). Однако при обозначеніи источника, изъ котораго слѣдуетъ ему выдача жалованья, мы ни разу не встрѣчаемъ характеристической отмѣтки „въ него жъ зъ скарбу“ [3]). Обращаясь за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ той же актовой книгѣ, мы видимъ подъ 18 февраля 1509 г. слѣдующій текстъ [4]): „Отправа (жалованье) давана мар-

---

[1]) М. Л. З. VIII f. 313 (b), Львовъ, индикта 13 (1509 г.).

[2]) Ibid., f. 316.

[3]) Напр., М. Л. Записей, VIII, f. 414 „Подскарбему земскому Ѳедку 30 к. гр. *съ скарбу, въ него жъ*“; ему же „14 локотъ аксамиту гладкого, безъ золота, *у него жъ*, (*с*) *скарбу*“. Ib. f. 447 „Подскарбему п. Богушу Боговитиновичу, *писару*, 50 копъ (*с*) *скарбу въ него*“.

[4]) Ibid., f. 431.

шалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопѣгою, княземъ и панамъ и дворянамъ, лѣта Божого Нароженія, 1509 г., м. февраля 18 дня, индикта 12, какъ король е. м. ѣхалъ зъ Литвы до Польски". Новая раздача слѣдуетъ въ Мельникѣ. Затѣмъ въ Краковѣ 1-го августа 1509 г. назначается вновь уплата жалованья сокольникамъ, затѣмъ уплата лицамъ, которыя ничего не получили въ февралѣ и т. д. Послѣдняя раздача до возведенія Богуша въ званіе подскарбія происходитъ въ Львовѣ 6-го октября 1509 г. по пріѣздѣ п. Ивана Сопѣги изъ Кракова [1]) Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ теченіи 1509 г. государственными расходами, подъ руководствомъ короля, завѣдывалъ Иванъ Сапѣга. Кто же вѣдалъ доходы? Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, скажемъ кратко: доходы собирались и хранились тѣми же лицами, которыя управляли тѣмъ или инымъ источникомъ; откупщики и управляющіе доходами выдавали собираемыя деньги тѣмъ лицамъ, которыя представляли королевскія ассигновки и въ размѣрѣ этихъ ассигновокъ. Державцы, писаря, восковничіе, городничіе, ключники, тивуны, старцы и т. д. точно также собирали, хранили и выдавали денежныя суммы и различнаго рода сырые продукты, въ родѣ жита, овса и т. п., поступавшія въ уплату податей. Казна же в. княжеская въ Вильно стояла въ теченіи почти всего 1509 г. пустою: единственныя ассигновки на скарбъ дѣлаются для выдачи жалованья *сукномъ* [2]). Всѣ остальныя назначенія идутъ на мѣстности, напр. (f. 431) князю Өедору Жееловскому назначается 18 февраля 1509 г. 20 копъ жалованья съ „винъ" (судебныхъ пошлинъ) дорогицкихъ и 20 к. съ „винъ" троцкихъ, у Есмана; Михну Держковичу— 15 к. съ „винъ" бѣльскихъ; Яцку Держковичу съ „мыта" мѣнскаго; воеводѣ кіевскому князю Юрію—„2 постава сукна лунскаго въ Оврама" и 30 к. съ „сѣнныхъ пенезей и скидельскихъ" и такъ далѣе.

Окончаніе войны съ молдавскимъ господаремъ поставило передъ королемъ вновь вопросъ о вознагражденіи участниковъ

[1]) Ibid. 444 (b).

[2]) Ibid. f. 442 (b) Татарину Азіотѣ 6 локоть *сукна* лунскаго *съ скарбу*, Воробью 6 лок. сукна л. съ *скарбу* и т. д.; f. 489 служебному Юрію 6 локоть сукна махальскаго съ скарбу, тамъ же 437.

похода. Между тѣмъ ни на польскомъ, ни на литовскомъ сеймѣ не ассигновали никакихъ средствъ для веденія этой войны [1]). Поэтому королю пришлось вновь прибѣгнуть къ займу. Походъ обошелся для одного только литовскаго казначейства почти въ 2000 копъ гр. [2]), т. е. 120,000 руб. При расплатѣ съ служилыми людьми въ Львовѣ встрѣчаются снова ассигновки на государственное казначейство; такъ, напр., ноября 19 [3]) назначено волынцамъ около 400 копъ грошей и т. д. Новая раздача жалованья происходитъ затѣмъ въ Краковѣ, въ декабря мѣсяцѣ того же года: снова встрѣчаемъ мы назначенія изъ скарба наличныхъ суммъ, снова появляется при выдачѣ жалованья изъ доховъ монетнаго двора или ковенской таможни, а иногда и безъ обозначенія источника, лаконическая помѣтка „у Оврама". Изъ этого мы заключаемъ, что при новомъ подскарбіи наличныя деньги опять появляются въ казнѣ, а Аврамъ Езофовичъ по прежнему вѣдаетъ „минцу", мыто ковенское, минское и т. д. Но вотъ, вслѣдъ за означенною статьею, передъ новымъ отдѣломъ съ заглавіемъ: „Смолнянамъ отправа въ Петрыковѣ, м. февраля 8 дня индиктъ 13" (т. е. 1510 г.) въ расходныхъ книгахъ встрѣчается заголовокъ [4]): „Въ Оврама начато давати оттолѣ", а затѣмъ до самаго конца расходной книги мы не встрѣчаемъ помѣты „въ Оврама", а вмѣсто того подъ 30-мъ маемъ „толмачу Адашу" назначается „4 бочки соли зъ мыта ковенскаго въ подскарбія". Въ виду того, что мыто ковенское остается въ рукахъ Аврама Езофовича до самой его смерти, мы должны заключить, что вышеприведенный артикулъ свидѣтельствуетъ о переходѣ должности подскар-

---

[1]) Szujski. Historyi Polskiej ksiąg dwanaście. 1880 W. стр. 193. Точно также мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній о назначеніи „серебщины" въ Литвѣ на 1509 годъ. Статья расходныхъ книгъ, говорящая о вознагражденіи участниковъ молдавскаго похода, озаглавлена такъ: „отправа давана во Львовѣ княземъ и панамъ и дворянамъ, которые служили Господару на ласку господарскую у Волосѣхъ", т. е. не по обязанности или по договору, а надѣясь, что в. князь вознаградитъ каждаго сообразно оказаннымъ имъ заслугамъ.

[2]) Собственно 1,921 копу. М. Л. Зап. VIII. 445—448.

[3]) Ibid. f. 449 sequentes.

[4]) Не представляю-ъ противорѣчія выдачи на f. 462, (b) т. к. весь артикулъ относится къ 1508 г.

бія въ руки Аврама Езофовича и указываетъ на время этого перехода, т. е. декабрь мѣсяцъ 1509 г.

Предположеніе наше подтверждается предписаніемъ короля Сигизмунда отъ 7 января 1510 г. изъ Варянъ „до пана Аврама, Подскарбего“, чтобы онъ уплатилъ изъ княжеской казны троцкому воеводѣ, маршалку дворному, п. Гр. Ст. Остыковичу 700 копъ грошей, взятыхъ у него королемъ для своихъ нуждъ („ку потребѣ своей“ [1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ концѣ 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ перестаетъ быть подскарбіемъ земскимъ [2]), а становится снова писаремъ.

Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны, гдѣ искать причины отставки Богуша? Для г. Вольфа причина эта очень проста: „Осенью 1509 г. подскарбіемъ земскимъ литовскимъ былъ назначенъ п. Богушъ Боговитиновичъ, писарь; однако занималъ недолго эту должность и отказался, или былъ устраненъ, за неимѣніемъ надлежащихъ способностей(!)“ [3]). Объясненіе, слишкомъ грѣшащее своею простотою. Самъ отказался или ему отказали!

Что Богушъ Боговитиновичъ обладалъ достаточными для подскарбія способностями, это лучше всего видно изъ того, что чрезъ 10 лѣтъ тотъ же самый Богушъ занимаетъ должность подскарбія и остается въ ней до самой смерти [4]). Лицамъ неспособнымъ едва ли даются серьезныя дипломатическія порученія, а Богушъ много разъ исполняетъ самыя затруднительныя и тонкія дипломатическія миссіи. Мало того, самъ король тор-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII. f. 579 м. генваря 7 день, индиктъ 13 (т. е. 1510) у Варянѣ (Orany, мѣстечко виленской губерніи).

[2]) Мы настаиваемъ на концѣ 1509 г. не только на основаніи приведенной помѣты въ расходныхъ книгахъ, но еще и по слѣдующимъ внутреннимъ соображеніямъ: въ расходной книгѣ Авраму поручено произвести уплату 600 злотыхъ воеводѣ троцкому п. Миколаю Радивилу, слѣдовательно это распоряженіе не позже 1509 г., такъ какъ въ концѣ этого года Николай Радивилъ вступаетъ на мѣсто своего отца Николая Р. (II), воеводы виленскаго, умершаго 16 іюля 1509 г. (Kotlubaj. Galereja Nazwiska).

[3]) Наз. бр., стр. 20.

[4]) См. завѣщаніе его отъ 1529 г. въ Акт. юж. и зап. Р. подъ 1529 г.

бія въ руки Аврама Езофовича и указываетъ на время этого перехода, т. е. декабрь мѣсяцъ 1509 г.

Предположеніе наше подтверждается предписаніемъ короля Сигизмунда отъ 7 января 1510 г. изъ Варянъ „до пана Аврама, Подскарбего“, чтобы онъ уплатилъ изъ княжеской казны троцкому воеводѣ, маршалку дворному, п. Гр. Ст. Остыковичу 700 копъ грошей, взятыхъ у него королемъ для своихъ нуждъ („ку потребѣ своей“ [1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ концѣ 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ перестаетъ быть подскарбіемъ земскимъ [2]), а становится снова писаремъ.

Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны, гдѣ искать причины отставки Богуша? Для г. Вольфа причина эта очень проста: „Осенью 1509 г. подскарбіемъ земскимъ литовскимъ былъ назначенъ п. Богушъ Боговитиновичъ, писарь; однако занималъ недолго эту должность и отказался, или былъ устраненъ, за неимѣніемъ надлежащихъ способностей(!)“ [3]). Объясненіе, слишкомъ грѣшащее своею простотою. Самъ отказался или ему отказали!

Что Богушъ Боговитиновичъ обладалъ достаточными для подскарбія способностями, это лучше всего видно изъ того, что чрезъ 10 лѣтъ тотъ же самый Богушъ занимаетъ должность подскарбія и остается въ ней до самой смерти [4]). Лицамъ неспособнымъ едва ли даются серьезныя дипломатическія порученія, а Богушъ много разъ исполняетъ самыя затруднительныя и тонкія дипломатическія миссіи. Мало того, самъ король тор-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII. f. 579 м. генваря 7 день, индиктъ 13 (т. е. 1510) у Варянѣ (Orany, мѣстечко виленской губерніи).

[2]) Мы настаиваемъ на концѣ 1509 г. не только на основаніи приведенной помѣты въ расходныхъ книгахъ, но еще и по слѣдующимъ внутреннимъ соображеніямъ: въ расходной книгѣ Авраму поручено произвести уплату 600 злотыхъ воеводѣ троцкому п. Миколаю Радивилу, слѣдовательно это распоряженіе не позже 1509 г., такъ какъ въ концѣ этого года Николай Радивилъ вступаетъ на мѣсто своего отца Николая Р. (II), воеводы виленскаго, умершаго 16 іюля 1509 г. (Kotlubaj. Galereja Nazwiska).

[3]) Наз. бр., стр. 20.

[4]) См. завѣщаніе его отъ 1529 г. въ Акт. юж. и зап. Р. подъ 1529 г.

жественно заявляетъ о необыкновенныхъ способностяхъ Богуша къ службѣ. Никто не принуждалъ короля употреблять такое именно, а не иное выраженіе, слѣдовательно были основанія для того. Поэтому не отсутствіе способностей было причиною отставки Богуша, а иныя основанія. Попытаемся же разъяснить ихъ, насколько это позволяютъ акты.

Какъ мы видѣли, королю Сигизмунду приходилось принять издержки молдавскаго похода на счетъ текущихъ доходовъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ литовское казначейство было пусто. Кромѣ того на немъ лежалъ огромный непогашенный долгъ Авраму Езофовичу. Поэтому королю волей неволей приходилось или прибѣгнуть къ займу на тяжелыхъ условіяхъ у своихъ приближенныхъ, или же, назначивъ подскарбія, возложить на него покрытіе издержекъ молдавскаго похода на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ.

Расходы по экспедиціи простирались до 2000 копъ. Для покрытія этой суммы король занимаетъ *пока*, т. е. на короткій срокъ, безъ залога, у воеводы троцкаго п. Миколая (Миколаевича Радивила) 600 злотыхъ (т. е. 360 копъ гр.) и у маршалка дворнаго п. Григорія 200 копъ гр. Но этого слишкомъ мало, и король обращается къ новому подскарбію. Богушъ отыскиваетъ 800 копъ грош. [1]). Однако для покрытія дефецита еще не хватаетъ почти 600 копъ грошей. Подскарбій не находитъ денегъ. Еще новый долгъ въ 700 копъ грошей. Приходится ихъ занять

---

[1]) Заемъ мы опредѣляемъ въ этой суммѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Богушъ Б. уступаетъ королю свои права на Жижморахъ, полученныя имъ взамѣнъ трокскаго городничества, за которое Б. далъ королю Александру 100 копъ *широкими грошами*, т. е. 150 к. литов. и 75 червон. злот., т. е. $27^1/_2$ копъ лит.—всего 180 копъ гр. литов. Такъ какъ городничество троцкое было взято у Богуша противъ его воли (М. Л. Зап. VIII, f. 371), то надо допустить, что Жижморы были, по крайности, равноцѣнны троцкому городничеству, если не стоили больше. И дѣйствительно, чрезъ 8 лѣтъ подъ залогъ Жижморъ король получаетъ 500 копъ грошей, съ обязательствомъ залогопринимателей уплатить эти деньги въ теченіе 3 хъ лѣтъ изъ текущихъ доходовъ двора, т. е. Жижморы давали въ годъ около 200 коп. гр. (12000 руб.) М. Л. Зап. XII, f. 180, ibid. f. 54, отъ 1519 г.). Дворъ же Довкги былъ заложенъ въ 1000 злот. (М. Л. Зап. VIII, f. 317 (b)) или же въ 600 копъ грош. (ibid., Зап. XI, f. 9).

снова самому королю у одного изъ приближенныхъ, у того же маршала, а теперь уже воеводы троцкаго. Такимъ образомъ оплаченъ молдавскій походъ.

Но вотъ являются къ королю во Львовѣ новые и новые служилые люди: королевскіе дворяне[1]), татары[2]) и т. д. Въ Радыминѣ выступаютъ волынцы: имъ нужно уплатить 400[3]) копъ грош. Откуда же погасить эти новыя требованія?

Король, какъ мы видѣли, нашелъ деньги для покрытія молдавскаго похода. Но, спрашивается, на какихъ условіяхъ? Для отвѣта раскрываемъ актовую книгу Метрики Литовской, Записей № VIII, и на оборотѣ 317 листа встрѣчаемъ слѣдующій актъ отъ 8 ноября 1509 г.: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій, п. Богушъ Боговитиновичъ отказывается въ пользу короля отъ права на управленіе Жижморами, которые были предоставлены ему вмѣсто троцкаго городничества. Отказывается Богушъ, однако, съ тѣмъ, чтобы король, по возвращеніи ему 1000 злотыхъ, занятыхъ подъ залогъ двора Довкги, оставилъ за нимъ управленіе этимъ дворомъ пожизненно. Король, видя его уступчивость и особенныя способности Богуша къ королевской службѣ[4]), склоняется къ его просьбѣ. Какая, повидимому, идиллія! Но обратимъ вниманіе на даты приведенныхъ нами документовъ и окажется—серьезная драма. Въ январѣ 1509 г. Богушъ называется просто писаремъ. Октября 23 того же года онъ титулуется подскарбіемъ земскимъ, писаремъ, и только. А черезъ *недѣлю* мы видимъ его титулъ съ прибавкою: намѣстникъ жижморскій[5]). Еще черезъ недѣлю онъ пишется: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій и довкговскій[6]). Изъ сопоставленія датъ этихъ документовъ съ числами,

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 447 (b). Охмистръ королевскій, Янъ Щитъ, мечный к. лит., обрусный Петръ, толмачъ Ильяшъ и т. д.

[2]) Ibid., 448 (b .

[3]) Ib., 449 и 449 (b).

[4]) ...„бачачи его повольность, и къ тому видячи его *годность* ку службѣ Нашей, то есмо вчинили: какъ тую сумму золотыхъ ему отложимъ, тотъ дворъ Нашъ Довкги дали ему держати до его живота“.

[5]) М. Л. Зап. VIII, f. 313 (b), 1509 г., Львовъ, октября 30.

[6]) Залоговой записи на Довкги намъ не удалось отыскать, но мы заключаемъ по сравненію съ цѣлымъ рядомъ иныхъ документовъ такого же рода, а равно и по

въ которыя происходитъ уплата участникамъ молдавскаго похода, кажется, совершенно ясно, что деньги король получилъ отъ новаго подскарбія не иначе, какъ подъ залогъ своихъ доходнѣйшихъ вотчинъ. Процентовъ король, правда, не платитъ, но вмѣсто нихъ въ пользу Богуша поступаютъ *всѣ королевскіе доходы съ заложенныхъ вотчинъ*. Это было недурное вознагражденіе, т. е. не менѣе 30%. Очевидно, подобныя условія займа не могли показаться королю привлекательными! Но этого мало. Король, какъ мы видимъ, принужденъ былъ обращаться съ займами и къ другимъ лицамъ. Слѣдовательно, новый подскарбій не только ссужалъ деньги королю подъ залогъ и за огромные проценты, по невѣроятному курсу [1]), но сверхъ того не обладалъ самъ ни кредитомъ, ни значительными капиталами.

Среди этихъ неудобствъ, съ перспективою постепеннаго залога всѣхъ своихъ вотчинъ, король невольно сравниваетъ съ новымъ подскарбіемъ своего вѣрнаго и нетребовательнаго слугу Аврама Езофовича. Въ то время какъ Богушъ, подобно остальнымъ приближеннымъ короля, какъ бы стремился осуществить поговорку XVI ст.: „въ Литвѣ всякое слово стоитъ золота", за всякую услугу желаетъ вознаградить себя съ лихвою, Аврамъ Езофовичъ, высоко поднявъ королевскіе доходы, довольствуется незначительными королевскими пожалованіями. Мало того, онъ называетъ эти пожалованія великими милостями и за эти милости ссужаетъ короля безъ всякихъ куртажей и обезпеченій все новыми и новыми суммами [2]).

Въ то время какъ прежній подскарбій Ѳедко принадлежалъ къ знатной фамиліи Хребтовичей, а Богушъ былъ зятемъ князя Андрея Александровича Сангушка Коширскаго, извѣстнаго бо-

---

окончанію документа отъ 10 ноября 1509 г., гдѣ король говоритъ, что только послѣ перехода двора Довкги въ управленіе Богуша онъ будетъ обязанъ „доходы и иные пожитки што на Насъ приходятъ къ Нашимъ рукамъ отдавати".

[1]) Такъ мы думаемъ, потому что 1000 золотыхъ приравнены Богушемъ къ 600 копамъ, т. е. злотый сосчитанъ въ 36 гр., между тѣмъ какъ въ томъ же году 1509 и 1510 копу гр. Аврамъ Езофовичъ ставилъ всего въ 30 гр., т. е. Богушъ беретъ въ свою пользу куртажъ въ 18%!

[2]) Герберштейнъ в. н. соч. стр. 166.

гача[1]), старосты володимірскаго[2]), Аврамъ Езофовичъ среди литовской знати былъ человѣкомъ совершенно чужимъ. Для него единственною опорою могъ быть только король.

Съ помощью искуснаго, обладающаго значительнымъ капиломъ и кредитомъ Аврама Сигизмунду видѣлось осуществленіе иныхъ, неудавшихся въ Польшѣ плановъ. Какъ извѣстно, Сигизмундъ мечталъ объединить всѣ источники государственныхъ доходовъ, переложить натуральные платежи на деньги, замѣнить отживающее посполитое рушеніе постоянными войсками, при помощи установленія особаго налога обезпечить казнѣ постоянную наличность и т. д. Осторожный, привыкшій къ канцелярской рутинѣ Богушъ оказывался мало пригоднымъ для осуществленія этихъ плановъ.

Что же касалось, такъ сказать, формальныхъ условій, то съ этой стороны не могло быть ни малѣйшаго препятствія къ возведенію Аврама въ званіе земскаго подскарбія. Не говоря уже о томъ, что переходъ Аврама въ христіанство совершился въ такія отдаленныя времена, что у большинства не могло быть и представленія о его еврейскомъ происхожденіи, Аврамъ Езофовичъ былъ не просто Аврамъ, а „шляхетный Аврамъ Езофовичъ, староста смоленскій, войтъ минскій, управляющій монетнымъ дворомъ в. княжества и начальникъ цѣлаго ряда таможенныхъ округовъ, помѣщикъ („земянинъ“) литовскій“. Мало того. Это важное положеніе пріобрѣтено имъ не столько съ помощью денегъ, сколько личнымъ мужествомъ и отвагою. Мало ли откупщиковъ было въ Литвѣ въ его время, и христіанъ, и евреевъ,— однако однѣ деньги никого изъ нихъ не сдѣлали ни земяниномъ, ни старостою, не говоря уже о бóльшемъ. Назначеніе Аврама не могло встрѣтить неудовольствія со стороны членовъ Рады, потому что важнѣйшіе изъ ея членовъ, напр., Войтѣхъ, бискупъ виленскій, или Миколай Радивилъ, воевода троцкій, принимали прямое участіе въ Аврамѣ, съ другими, какъ напр., Ив. Б. Со-

---

[1]) За дочерью далъ въ приданое 1000 копъ грошей.

[2]) Съ 1508 г. мая 27, когда король дозволилъ ему выкупить замокъ Володиміръ у вдовы Ѳедора Янушевича. М. Л. Зап. VIII, f. 211.

пѣгою или Юріемъ Зеновевичемъ онъ былъ старымъ сослуживцемъ по Смоленску. А что и другіе члены Рады ничего не имѣли противъ Аврама Езофовича, видно изъ его отношеній къ Илиничу и О. М. Кгаштолту. Итакъ, въ концѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ мирно вступилъ въ число меньшихъ членовъ Рады в. княжества литовскаго [1]).

Какова же была финансовая дѣятельность Аврама Езофовича? Ограничился ли онъ прежнею рутиною, или же сталъ въ уровень съ тѣми требованіями, которыя король пытался провести по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія?

Г. Вольфъ, по своему обыкновенію, говоритъ [2]): „совершенное отсутствіе матеріаловъ не позволяетъ очертить финансовой дѣятельности Абрагама (sic) Езофовича, его вліянія на экономическое состояніе Литвы и пользу или вредъ, какой онъ могъ на своемъ высокомъ посту принести краю“. Такъ какъ читатель достаточно ознакомленъ съ пріемами г. Вольфа, то мы не станемъ продолжать полемики, а на заявленіе г. Вольфа отвѣтимъ просто послѣдующимъ изложеніемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1509 г. Аврамъ оставилъ Краковъ, имѣя на королѣ 8000 копъ грошей долгу, а въ своемъ завѣдываніи указанные выше источники. До назначенія въ должность подскарбія новыя требованія къ нему короля не превосходятъ 150 копъ грошей [3]). Въ декабрѣ 1509 г. король поручаетъ Авраму покрыть занятыя имъ у п. Радивила, воеводы троцкаго 300 к. гр., у маршалка дворнаго Григорія 200 к., а 7 января 1510 г. 700 к. грошей у того же Григорія Остыковича. Съ февраля 1510 г. жалованье назначается различнымъ лицамъ изъ Петрокова, а въ мартѣ изъ Кракова. Такимъ образомъ по 30-е мая 1510 г. къ Авраму направлено ассигновокъ на 4185 копъ гро-

---

[1]) Мы причисляемъ подскарбія земскаго къ меньшимъ членамъ Рады по мѣсту, которое онъ обыкновенно занимаетъ въ документахъ. Старѣйшими членами всегда были бискупы, канцлеръ, гетманъ великій, маршалокъ земскій и воеводы.

[2]) Выше наз. бр. стр. 22.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 440—451, passim. Собственно наличными деньгами Аврамъ уплатилъ 100 копъ гр., выдалъ въ счетъ доходовъ монетнаго двора 56 локтей атласа по 23 гр. локоть и 15 локтей бархату по 2 копы гр. локоть.

шей. Въ іюлѣ 1510 г. Аврамъ является въ Краковъ для представленія королю документовъ объ уплатѣ имъ „бурмистру мѣста Краковскаго, п. Яну Бонару 5000 злотыхъ". Деньги эти были заняты у Бонара еще королемъ Александромъ для уплаты жалованья служилымъ людямъ. Король квитуетъ Аврама Езофовича въ уплатѣ этой суммы [1]). Такимъ образомъ пассивъ короля подымается почти до 15,000 копъ, т. е. до 900,000 руб. на наши деньги! Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Аврамъ представляетъ, однако, королю докладъ объ операціяхъ по погашенію этихъ долговъ. И ноября 29 король отъ своего вѣрнаго подскарбія слышитъ пріятную вѣсть, что старый долгъ въ 5630 копъ и 50 грошей (т. е. 350,000 руб.), для покрытія котораго Авраму были предоставлены таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и Смоленскѣ,—совершенно погашенъ, что Аврамъ „тую вышереченную суму 5000 и 600 и 30 копъ и 50 грошей собѣ съ тыхъ коморъ сполна выбралъ и што есмо ему тое сумы пенезей ничого не остали винни" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Аврамъ представилъ и королевскія ассигновки, по которымъ онъ выдавалъ деньги изъ вышеназванныхъ источниковъ. Король приказалъ эти ассигновки принять и сохранять впредь до разсчета, который онъ сдѣлаетъ съ Аврамомъ по пріѣздѣ въ Литву.

Одновременно съ Аврамомъ пріѣхалъ въ Краковъ и мѣщанинъ краковскій Ульрихъ Гозій, которому король поручилъ 9 февраля 1509 г. „быти минцу (монету) нашу у в. княжествѣ литовскомъ, у мѣстѣ Виленскомъ [3])". Изъ представленнаго имъ отчета оказалось, что Аврамъ не даромъ получилъ въ управленіе монетный дворъ. Гозій не могъ жаловаться на недостатокъ матеріала, а казна литовская на малую прибыль: со времени вступленія въ управленіе монетнымъ дворомъ Аврамъ вручилъ Гозію для чеканки монеты 13,619 гривенъ, 12 лотовъ, 22 скойца, 8 пенязей, или 6,809¾ фунта чистаго серебра, цѣною около

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 112.
[2]) Ib. Зап. VIII, f. 113 (b).
[3]) Ib. f. 114.

34000 копъ грошей[1]) (около 2,000,000 рублей). За покрытіемъ издержекъ производства, казна получила чистой прибыли 12,000 злотыхъ (6000 копъ гр. литов.) т. е. 18%. Эти деньги Гозій передалъ „до скарбу (королевскаго) и на руки подскарбію п. Авраму“.

Подтверждая заявленіе Гозія, Аврамъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ въ употребленіи этихъ денегъ. Опять все ушло на покрытіе государственныхъ нуждъ. Подводя итоги къ началу декабря, мы видимъ, что за уплатою Авраму 11,000 копъ грошей, король все таки остается ему долженъ около 4000 копъ грошей (240,000 р.). Значительная сумма! Но, однако, не слѣдуетъ забывать, что общая сумма обыкновенныхъ доходовъ литовскаго казначейства превышала эту передержку, по крайности, въ четыре раза. Поэтому в. князь литовскій, король польскій, ни ранѣе этого времени, ни позже, какъ мы увидимъ, не находился въ денежной зависимости отъ Аврама. Доходы казны были довольно велики, но поступали они медленно и въ значительной мѣрѣ сырьемъ. И мы еще разъ видимъ, почему в. князь долженъ былъ дорожить подскарбіемъ, который могъ ссужать сейчасъ же, не ожидая поступленія того или инаго дохода, нужную *именно въ данный моментъ* сумму.

Мы видимъ, что 4500 копъ грошей[2]) составляли какъ бы тотъ необходимый денежный запасъ, при помощи котораго казна могла покрывать всѣ свои нужды даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сумма эта переходитъ, какъ мы увидимъ, изъ одного счета въ другой и, наконецъ, въ видѣ 10,000 червоныхъ злотыхъ, поступаетъ къ наслѣдникамъ Аврама.

На общелитовскомъ сеймѣ 1511 г. въ Берестьѣ Литовскомъ Аврамъ Езофовичъ, въ качествѣ подскарбія земскаго, представилъ в.

---

[1]) Собственно 34,049 копъ съ нѣсколькими грошами, принимая во вниманіе, что гривна серебра стоила въ 1509 г. 5 злотыхъ или $2^1/_2$ копы грошей литовскихъ; ср. наши Док. и регесты, т. I, № 55.

[2]) Мы нѣсколько разъ встрѣчали долгъ короля Авраму 5630 к. грошей, который, наконецъ, погашенъ окончательно 29 ноября 1509 г. Но въ этомъ долгу заключена сумма въ 1,200 к. гр., занятая еще королемъ Александромъ, слѣдоват. на долю кор. Сигизмунда приходится всего 4,430 копъ.

князю, окруженному Радой, свой первый отчетъ о приходѣ и расходѣ литовской казны.

Засѣданіе, на которомъ утвержденъ этотъ отчетъ, происходило третьяго октября „у вилію св. Франтишка, въ пятницу, у великой свѣтлицѣ". Въ виду важнаго интереса этого отчета для характеристики финансовой дѣятельности Аврама Езофовича, мы приводимъ его почти цѣликомъ.

Король и великій князь, вмѣстѣ въ Радою в. к. л., разсмотрѣвъ документы, квитуетъ Аврама въ томъ, что онъ въ теченіи отчетнаго времени принялъ слѣдующіе доходы:

I. Таможенные доходы въ Ковно отъ 23 февраля 1511 г. по 24 августа (или же 29 сентября) того же года [1]) дали . . . . 3,366 к. гр.

II. Монетный дворъ съ 24 августа 1510 г. по 20 апр. 1511 г. [2]). . . . . 1,000 к. гр.

III. Пошлины съ воска на виленской таможнѣ, полученныя отъ управляющихъ ею Занка, городничаго виленскаго, и Өедора восковничаго, за тотъ же срокъ . . . . 1,000 к. гр.

IV. Таможенныя пошлины въ Полоцкѣ отъ 24 августа 1510 г. по 23 февр. 1511 г. . . . . . 1,350 к. гр.

V. Таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за тотъ же срокъ. . . . . 798½ к. гр.

VI. Таможенныя пошлины въ Брестьѣ и Луцкѣ, находящіяся въ управленіи Михеля (Езофовича) отъ 24 августа 1510 г. по 29 сентября 1511 г. . . 1,000 к. гр.

VII. Особые таможенные сборы въ Луцкѣ, находящіеся въ управленіи Аврама Шахчовича, въ тотъ же срокъ . . . . 195 к 17 гр.

VIII. Таможенныя пошлины въ Володимірѣ (Волынскомъ) подъ управленіемъ Майка . . . . . 67 к. 6 гр.

[1]) „Отъ мясопустъ индикта 14", по какой срокъ, неизвѣстно; но принимая во вниманіе: 1) что большинство платежей пріурочено къ св Вартоломею или св. Михаилу, т. е. 24 августа или же 29 сентября, 2) что отчетъ представленъ за 14 индиктъ, т. е. за 1510/1511 *сентябрскій* годъ, мы полагаемъ, что предѣльный срокъ долженъ быть не дальше „29 сентября".

[2]) „Отъ св. Болтромея, индикта 13 до Велика дня индикта 14".

IX. Таможенныя пошлины въ Бѣльскѣ . . . 200 к. гр.

X. Таможенныя пошлины въ Дрогичинѣ . . 24 к. гр.

XI. Акцизъ съ питей („корчомные пенязи") за 1510—1511 годъ (индиктъ 14) и иныя мелкія поступленія. . . . . 667 к. гр.

Итого 9,668 к. 23 грош.

Приведенный итогъ, однако, далеко еще не показываетъ истинной цифры годоваго дохода литовскаго казначейства, такъ какъ доходы изъ *важнѣйшихъ* государственныхъ источниковъ показаны только за полгода. Поэтому, предполагая равномѣрное поступленіе суммъ въ теченіи всего года, мы получимъ *14,876 копъ грошей;* цифра, какъ мы увидимъ ниже, весьма близкая къ годовому доходу литовскаго государственнаго казначейства.

Всѣ полученные доходы Аврамъ Езофовичъ израсходовалъ по письменнымъ и устнымъ приказаніямъ короля (в. князя) и сверхъ 9,668 копъ оказался дефицитъ въ 7,020 копъ, который и былъ покрытъ собственными деньгами Аврама Езофовича. Для возмѣщенія этихъ суммъ Авраму Езофовичу предоставляются таможенные доходы в. княжества литовскаго.

Утвержденіе счетовъ послѣдовало, какъ мы сказали, на великомъ сеймѣ Берестейскомъ 1511 г. въ присутствіи наличной Рады, т. е. воеводы виленскаго, канцлера, п. Миколая Миколаевича Радивила, воеводы троцкаго, маршалка дворнаго, п. Григорія Ст. Остыковича, пана троцкаго, старосты жомоитскаго, п. Стан. Яновича, воеводы полоцкаго, п. Станислава Глѣбовича, старосты городенскаго пана Станислава Петровича и, наконецъ, воеводы витебскаго, маршалка и секретаря королевскаго п. Ивана Сопеги [1]).

Второй отчетъ по управленію государственнымъ казначействомъ Аврамъ Езофовичъ представилъ черезъ два года съ половиною [2]), т. е. 6 марта 1514 г., „вступивши въ постъ великій, на другой недѣлѣ, въ понедѣлокъ". Къ сожалѣнію, въ акто-

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 116.

[2]) Ibid., f. 117 (b). „Отъ сейма великаго Берестейскаго", бывшаго октября 3 дня (1511 г.).

выхъ книгахъ не сохранилось подлиннаго отчета, какъ въ 1511 г., а только квитанція короля Авраму Езофовичу, которая ограничивается перечисленіемъ главнѣйшихъ статей доходовъ и голою цифрою поступленія суммъ за отчетный періодъ. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ квитанція не лишена интереса, а потому мы и приведемъ изъ нея существеннѣйшія черты. Въ теченіи указаннаго времени въ казну поступили доходы изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ источниковъ: прибыль отъ чеканки монеты („зъ минцы"), таможенныя пошлины съ воску и соли, акцизъ съ питей, доходы „съ поднѣпрскихъ волостей"[1]) и съ жмудскихъ оброчниковъ („куничныхъ грошей жамоитскихъ") и со всѣхъ иныхъ (менѣе важныхъ) платежей, которые обыкновенно поступаютъ въ казну. Таковы ординарные доходы. Но въ теченіи этихъ двухъ съ половиною лѣтъ въ казну поступили чрезвычайные доходы, а именно: въ 1513 г. умерла бездѣтною королева Елена. Имущество ея, какъ выморочное, перешло къ королю Сигизмунду. Въ общей массѣ наслѣдства оказалось значительное количество серебра, которое по приказанію короля Сигизмунда перечеканено въ монету. На монетный дворъ пошла какъ серебряная утварь королевы Елены, такъ равно и значительное количество старинной монеты („гроши широкіе"), хранившейся въ ея имуществѣ.

Около 1512 г. началась новая война съ в. княземъ московскимъ. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Вильны съ Москвою, естественно, существовали въ каждый данный моментъ непогашенныя на той и другой сторонѣ кредитныя обязательства. На объявленіе ему войны Сигизмундъ отвѣчалъ конфискаціей въ пользу литовской казны долговыхъ обязательствъ виленскихъ купцовъ москвичамъ. Виленскіе купцы объявлены должниками не москвичей, а литовской казны и вносятъ свои долги въ руки Аврама Езофовича.

---

[1]) Подъ именемъ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостей разумѣлись слѣдующія (Ак. З. Р. т. II, №, 75 отъ 25 октября 1511 г.): Кричовъ, Пропойскъ, Чечерскъ, Горволь, Рѣчица, Брягинъ, Мозырь, Бгичь, Бобруйскъ, Свислочъ, Любошаны, Усвятъ, Озерище.

Быть можетъ, что къ этой же категоріи, т. е. къ числу конфискованнаго имущества относится и серебро, особо полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ воеводы троцкаго, маршалка дворнаго п. Григорія Остыковича. Какъ бы то ни было, всѣ эти доходы въ совокупности дали казнѣ 46,436 копъ 25 грошей, или среднимъ числомъ на годъ около 18,000 копъ; цифра, близкая къ бюджету 1511 г. Изъ этихъ доходовъ Аврамъ погашаетъ обязательство короля на 7020 копъ грошей, выданное ему на Брестскомъ сеймѣ 1511 г.[1]). Остальныя же деньги онъ роздалъ по приказанію короля (в. князя) и Рады разнымъ „князямъ и панамъ, и дворянамъ и служебнымъ". Доходовъ казны снова оказалось мало и дефицитъ въ 6016 к. гр. былъ опять покрытъ Аврамомъ изъ „своихъ власныхъ пенезей".

Дефицитъ 1511 г. былъ результатомъ первой московской войны. Передержка 1514 г. станетъ совершенно понятною, если мы ознакомимся съ положеніемъ важнѣйшихъ пограничныхъ крѣпостей наканунѣ второй московской войны. Такъ, напр., въ 1511 г. въ Смоленскѣ (при передачѣ онаго отъ Юрія Глѣбовича Николаю Иліничу), ни въ крѣпостныхъ сараяхъ, ни въ погребахъ, ни въ закромахъ, а равно и на гумнѣ не было никакихъ запасовъ. Артиллерія же этой огромной крѣпости состояла всего изъ 8 пушекъ[2]). Не въ лучшемъ видѣ находился и Витебскъ при передачѣ его п. Ивану Сопѣгѣ; есть пули для крѣпостныхъ ружей („гаковницъ"), а самихъ ружей нѣтъ. Часть пушечнаго пороха собрана изъ пушекъ, когда то покинутыхъ москвичами (хорошъ порохъ!). Селитры на всю крѣпость 2 фунта. Въ замковомъ погребѣ нѣтъ никакой провизіи и т. д.[3]). Поэтому, кромѣ выдачи жалованья служилымъ людямъ, король поручаетъ Авраму позаботиться о снабженіи этихъ крѣпостей огнестрѣльными орудіями и припасами.

[1]) Упоминая объ этомъ, король говоритъ, что Аврамъ „уплотилъ себѣ" эти 7020 копъ „и тотъ листъ вашъ (т. е. королевское обязательство) и квитунокъ намъ вернулъ".

[2]) М. Л. Зап. VI, pag. 559.

[3]) М. Л. Зап. VI, f. 52.

Ноября 23, индикта 2 (1513 г.), изъ Кракова приходитъ въ Вильно артиллерійскій транспортъ [1]). Еще ранѣе, т. е. въ 1510 г., апрѣля 11, Аврамъ Езофовичъ принялъ казну в. княжества литовскаго, а съ нею и арсеналъ [2]). Получивъ королевское предписаніе, Аврамъ Езофовичъ немедленно же, по прибытіи краковскаго транспорта, отправляетъ изъ Вильно запасы пороху, селитры, свинцу, крѣпостныхъ ружей, пуль и т. д. не только въ главнѣйшія пограничныя крѣпости, Смоленскъ и Полоцкъ, но и въ менѣе значительныя крѣпостцы, въ родѣ Кричева, Дубровны и т. п. [3]). Намъ удалось отыскать одинъ только документъ подобнаго рода, но несомнѣнно, что и остальные пограничные замки точно также нуждались въ дорого стоющихъ военныхъ припасахъ, поэтому появленіе въ отчетѣ 1514 года новаго дефицита въ 6016 к. гр. представляется вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Мало того, отсутствіе наличныхъ денегъ и неотложныя государственныя нужды побудили короля съ совѣта Рады занять у Аврама Езофовича еще вновь 4000 копъ грошей. Пергаментный документъ на этотъ заемъ съ висячею королевскою печатью сохранился до настоящаго времени въ Литовской Метрикѣ. Содержаніе его слѣдующее: „Заботясь объ удовлетвореніи государственныхъ потребностей в. княжества литовскаго, говоритъ король Сигизмундъ, мы заняли у любезнаго намъ, благороднаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, 4000 копъ грошей литовской монеты. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить болѣе надежнымъ способомъ какъ самого Аврама Езофовича, такъ и его законныхъ наслѣдниковъ въ возвращеніи занятой суммы, мы записываемъ ему оную на имуществахъ нашихъ, т. е. соляныхъ и восковыхъ пошлинахъ въ Брестѣ, а равно и на всѣхъ иныхъ доходахъ и платежахъ, взымаемыхъ на этой таможнѣ. Управленіе доходами брестской таможни съ правомъ избранія того или инаго способа для эксплоатаціи этихъ доходовъ предо-

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 651 (b).

[2]) Ibid. Судныхъ Дѣлъ, № III, 147. „Реестръ посполитый речей скарбныхъ", 1510 года.

[3]) Ibid. Зап. VII, f. 651 (b).

ставляется Авраму Езофовичу впредь до покрытія сполна изъ доходовъ этой таможни вышеупомянутой суммы. Послѣ чего означенные таможенные доходы возвращаются къ королю и его наслѣдникамъ. Вильно, 4-го января 1515 г.".

Такимъ образомъ, бюджетъ 1515 г. былъ заключенъ снова съ значительнымъ дефицитомъ, а между тѣмъ паденіе Смоленска и угрожающее движеніе русскихъ войскъ въ Литву не позволяло и думать о заключеніи мира. Чтобы остановить успѣхи непріятеля, требовались новые расходы, новое напряженіе силъ.

Мы только что видѣли, что король занялъ у Аврама вновь 4000 копъ грошей. Но оставался непокрытымъ старый дефицитъ въ 6000 копъ грошей. Впереди же выростали новыя и новыя нужды. Для облегченія государственнаго бюджета, король Сигизмундъ прибѣгаетъ по неволѣ къ несимпатичному для него средству, т. е. къ залогу в. княжескихъ вотчинъ. Замокъ Ковно съ волостью и дворъ Румшишки (Rumsziszki) поступаютъ въ залогъ къ Авраму Езофовичу за 10,000 червоныхъ злотыхъ. И казначейство освобождается такимъ образомъ отъ дефицита, переходившаго въ теченіи 7 лѣтъ изъ одного бюджета въ другой.

Что именно эти 6,000 копъ грошей были сняты со счетовъ государственнаго казначейства, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онѣ болѣе не встрѣчаются въ отчетахъ Аврама Езофовича. Къ тому же 6000 копъ, переведенныя на червоные злотые, по курсу 36 грошей, составятъ именно 10000 злотыхъ, но разница могла произойти отъ уступки в. князю части суммы въ видѣ челобитья.

Отдача въ залогъ в. княжескаго имѣнія вела за собою непремѣнно и передачу залогодержателю всѣхъ или почти всѣхъ правъ в. князя [1]).

---

[1]) Изъ множества примѣровъ укажемъ два—три: Въ 1507 г. декабря 11 король говоритъ, что п. Ѳеодору Янушевичу „въ *тыхъ пенезехъ въ 1000 и въ 400 золотыхъ даетъ* и дали есмо ему *замокъ нашъ Володимеръ* зъ местѣчкомъ Нашимъ Литовижомъ и зъ монастыремъ св. Спаса и со всими дворы нашими и фольварки и волостями... што *на замокъ всякую работу робятъ и данъ даютъ* и тежъ люди служебныи и зъ мытомъ великимъ и малымъ, што на Насъ бирано и съ корчмами Володимерскими и Турейскими и со *всими платы* и доходы и зъ данями всякими грошовыми и медовыми и съ цинши всякими и съ припадки... *А маемъ его старостою въ*

Залогъ той или иной вотчины различается отъ передачи ея въ управленіе („въ державу“, въ „держанье“) лишь размѣромъ статей, уходившихъ изъ рукъ в. князя: находилась ли вотчина въ залогѣ или же въ управленіи, титулъ лица оставался одинъ и тотъ же, точно также какъ и его служебныя отношенія. Но изъ того, что залогъ вотчины предоставлялъ залогодержателю извѣстныя права, не слѣдуетъ думать, будто только деньги служили основаніемъ для пріобрѣтенія вмѣстѣ съ вотчиною того или инаго служебнаго положенія. До конца XVIII в. судебныя должности во Франціи пріобрѣтались за деньги; до послѣдняго времени покупались офицерскіе чины въ англійской арміи. Можно ли отсюда, однако, заключить, что всякій капиталистъ во Франціи могъ сдѣлаться членомъ судебной палаты, въ Англіи полковникомъ или генераломъ? Несомнѣнно, что въ Литвѣ в. князья получали еще въ XVI в. денежные подарки „челобитье“ [1]) съ каждаго служебнаго назначенія, но едва ли кто либо докажетъ,

---

листехъ нашихъ писати“. (Зап. VIII, f 198). Здѣсь, правда, были особенныя обстоятельства, т. к. король, взявъ у Ѳ. Янушевича староство луцкое, маршалство волынской земли, хотѣлъ его вознаградить. Но вотъ другой, чистый примѣръ: Годъ спустя. король дозволяетъ „князю Андрею Александровичу Сонкгушку“ выкупить у вдовы Ѳ. Янушевича замокъ „Влодимеръ“ и владѣть имъ на тѣхъ же правахъ, какія были предоставлены Ѳ. Янушевичу. (Ibid. f. 24). —Точно также залогъ какой либо менѣе важной вотчины, намѣстничества, державы, тивунства—давалъ залогопринимателю титулъ намѣстника, державцы, тивуна. Ср. вышесказанное о Богушѣ Боговитиновичѣ: закладываетъ ему король Жижморы, онъ пишется державцемъ жижморскимъ присоединяются къ залогу Довкги — присоединяется и титулъ—державца довкговскій

[1]) Челобитье достигало иногда огромныхъ размѣровъ: такъ напр., Венцл Ст. Костевичъ за предоставленіе ему въ пожизненное „держанье“ замка Кобриня вноситъ в. князю 1000 к. гр. (60000 руб.) М. Л. Зап. XI, f. 38, апр. 7, 1516 г.—А въ 1523 г. самъ король вспоминаетъ, что съ кухмистра своего Юрія Михайловича за отдачу ему въ держанье двора Мойшакгоян „взяли немалое челобитье“ Ibid. XII, f 106, августа 27. г. 1523.—Въ 1510 г. мая 4 въ Краковѣ, король Сигизмундъ даетъ обѣщаніе пожаловать Юр. Ив. Илинича, маршалка, намѣстника лидскаго, староствомъ берестейскимъ съ „ключомъ Берестейскимъ тотъ *врядъ, замокъ Нашъ Берестейскій* одъ Насъ держати“. При чемъ король заявляетъ, что уже теперь п. Юр. Илиничъ далъ „Намъ отъ того: *челобитья* 100 золотыхъ: а какъ маемъ ему въ тотъ замокъ Берестей увязоне дати, тогды п. Юр. Илиничъ маетъ Намъ 200 *золотыхъ* еще дати“ (Зап. VIII, f 346).

что в. князья, при назначеніяхъ на ту или иную должность, руководились только соображеніями о челобитьи.

Сдѣлавшись ковенскимъ старостою, Аврамъ Езофовичъ удержалъ по прежнему управленіе и ковенскою таможнею, какъ можно видѣть изъ того факта, что таможня поступаетъ въ управленіе къ Гонусу Судорману только послѣ смерти Аврама Езофовича, т. е. съ 30 ноября 1519 г. [1]).

Если побѣда подъ Оршею остановила рѣшительные успѣхи русскаго оружія, то все же она не рѣшила судьбы войны. Не даромъ в. князь Василій Ивановичъ двинулся воевать, „пока копья и меча станетъ!" Поэтому дефицитъ продолжалъ увеличиваться и королю волей неволей приходится закладывать одну волость за другою. Еще до начала 1518 года заложены Ушполье и Пеняны воеводѣ троцкому, маршалку дворному Гр. Ст. Остыковичу въ 2000 копъ грошей, а дворъ *Утены* въ 1000 копахъ [2]) грошей Яну Яновичу Заберезинскому. 1518 годъ подымается съ новыми и еще болѣе грозными требованіями. Безуспѣшность посольства Герберштейна и Дакколо заставляетъ приготовлять къ весеннему времени новыя войска, пополнять артиллерійскіе запасы, заботиться о фуражѣ и т. д. Поэтому король 1518 г. апрѣля 25 занимаетъ у Богуша Боговитиновича 400 копъ грошей подъ залогъ Каменца [3]) (Литовскаго), а 12 мая того же года, въ Краковѣ, 2,500 коп. грошей подъ залогъ двора Бирштанъ, въ троцкомъ повѣтѣ [4]).

Возрастающія затрудненія заставляютъ короля чаще являться въ Литву для уясненія положенія дѣлъ и для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

---

[1]) М. Л. Зап. № XI, f. 88. Судорманъ по ковенской таможнѣ представилъ отчетъ со дня св. Андрея, индикта 7, т. е. съ 30 ноября 1519 г.—Но *самъ* „держалъ три года; до Громницъ индикта 10".

[2]) Ibid. Зап. XI, f. 37 (b), гдѣ крайчему, державцѣ мерецкому, п. Ст. Григ. Остыковичу въ вознагражденіе за согласіе его погасить этотъ долгъ въ 9 лѣтъ, предоставляются королевскіе вотчины Ушполье и Пеняны въ пожизненное управленіе—Ibid. f. 34. Дворъ королевскій Утени, съ волостью, дозволяется выкупить Кгаштолту.

[3]) М. Лит. Зап. XI, f. 9.

[4]) Ibid. f. 6 (b).

На Виленскомъ сеймѣ 1518 г., въ среду, 18 іюня передъ королемъ и всѣми панами Радами Аврамъ Езофовичъ представилъ отчетъ за минувшіе четыре года, т. е. отъ Брестскаго сейма 1514 г. Точная цифра поступленій за это время намъ неизвѣстна. Сохранившійся же документъ указываетъ только на дефицитъ въ 7,832 копы грошей (около 450,000 руб.). Сверхъ того настоятельныя государственныя нужды не дали возможности Авраму воспользоваться даннымъ ему правомъ на покрытіе прежняго дефицита изъ доходовъ брестской таможни. Такъ какъ, несмотря на особое королевское разрѣшеніе, старый долгъ Авраму, т. е. 4000 к. г., все еще не былъ покрытъ и въ 1518 г., то весь дефицитъ простирался до 11,832 копъ грошей (до 700,000 р.).

Вѣроятно ни одинъ литовскій подскарбій до этого времени не открывалъ в. князьямъ такого широкаго кредита. Можно думать, однако, что кредитоспособность Аврама была близка къ истощенію, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, что съ разрѣшенія короля онъ въ началѣ 1517 г. выкупилъ солецкое староство. Поэтому королю не оставалось инаго средства получить деньги, какъ новымъ залогомъ вотчинъ.

Заложенныя прежде вотчины перезакладываются въ болѣе значительныя суммы. Такъ, напр., Янъ Яновичъ Заберезинскій вноситъ къ 1000 к. грошей, за которыя ему Рада в. князя заложила дворъ *Мархово*, еще 200 к. грошей [1]). Замокъ и волость свислоцкая переходятъ отъ Гр. Исаев. Громыки въ руки Войтеха Ян. Насиловскаго по новой закладной, вмѣсто 600 копъ—въ 1,000 копъ гр. [2]); дворъ Довкги, бывшій въ залогѣ за 600 к. у Богуша Боговитиновича, перекладывается въ 800 коп. гр. Юрію Немировичу [3]).

Въ виду незначительности суммъ, полученныхъ отъ этихъ вторыхъ закладныхъ, король принужденъ заложить вновь еще цѣлый рядъ вотчинъ: такъ, утверждая 28 іюля 1518 г. закладную въ 750 копъ грошей, выданную Радою в. княжества городенскому старостѣ п. Юрію Миколаевичу подъ Мойщаголь, король

[1]) М. Л. Зап. XI, f. 21 (b), 18 ноября 1518 г. Брестъ,—а въ 1000 копъ заложенъ въ Краковѣ, 1518 г., августа 2 (ib. X, f. 14).

[2]) Ib. Зап. X f. 11 и 18. Ср. также Зап. XI f. 22, 1518 г., декабрь.

[3]) Ib. Зап. X., f. 10.

самъ закладываетъ тому же Юрью Миколаевичу дворы городенскаго повѣта: *Озера и Крынки* въ 1000 к. гр. со всѣми принадлежащими королю правами, впредь до уплаты занятой суммы; Юрію Ивановичу Илиничу замокъ и городъ Берестье (Брестъ-Литов.) за 500 коп. гр. [1]), Якубу Кунцевичу дворъ Василишки съ волостью за 1,000 коп. гр. [2]), Юрію Немировичу волость *Любошаны* за 500 коп. гр. [3]). Замокъ Мозырь съ волостью мозырскою и пчицкою заложенъ воеводѣ троцкому Олб. М. Кгаштолту въ 2,500 коп. гр. [4]).

Эти энергическія мѣры даютъ возможность нѣсколько возстановить равновѣсіе бюджета. Съ 18 іюня по 15 декабря 1518 г. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ покрыть 3,832 копы грошей, такъ что казна остается ему въ долгу всего 8,000 к. г. Для того, чтобы погасить, наконецъ, и этотъ долгъ, король отдаетъ Авраму Езофовичу не только соляное и восковое мыто въ Брестѣ, какъ то было въ 1514 г., т. е. съ дорогицкою, лосицкою и цехановскою таможенными заставами [5]), но со всѣми мытами старыми, какъ было"... за Казиміра короля е. м.: зъ *Городенскимъ*, а Дорогицкимъ, зъ *Бѣльскимъ*, зъ Каменецкимъ, зъ *Мельницкимъ*, што по дорогамъ и на перевозѣ суть, которые здавна (т. е. во время короля Казиміра) къ тому мыту берестейскому прислухали. И тежъ комору Берестейскую восковую и соляную" [6]). Такимъ образомъ не только для погашенія долга возстановленъ старинный таможенный округъ, но и самыя пошлины отданы не къ „вѣрной руцѣ", а на откупъ, на 8 лѣтъ, считая каждый годъ въ 1000 к. гр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король обязывается за себя и за свою Раду въ теченіи этихъ восьми лѣтъ съ брестской таможни у Аврама „ничого не брати на наши потребы земскіе, а ни на отправу и на страву посламъ и гонцамъ, ани на квитанціи нѣкоторыхъ отправъ, а ни данинъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати". Далѣе король обезпечиваетъ Аврама,

---

[1]) М. Л. Зап. X, f. 16, 1518 г., октября 1, Краковъ.

[2]) М. Л. Зап. X. f. 18 (b), тоже ib. Зап. XI, f. 22 (b), 1518 г., въ Брестѣ, ноябрь.

[3]) Ib. X. f. 26.

[4]) Точной даты мы не имѣемъ, но на Петроковскомъ сеймѣ 1519 г. Кгаштолтъ отказывается въ пользу в. князя отъ 1000 копъ гр. изъ залоговой суммы.

[5]) Наши Док. и Регесты, къ исторіи лит. евреевъ т. I, № 66.

[6]) М. Л. Зап. XI, f. 27 (b).

что, въ случаѣ его смерти, откупъ останется все таки за тѣмъ, кому онъ его передастъ самъ. Точно также ему не будетъ поставлено въ счетъ то время, когда по случаю повѣтрія или же нашествія непріятеля, брестскій таможенный округъ не будетъ очищать товаровъ пошлинами.

Такимъ образомъ король могъ считать себя поквитавшимся съ Аврамомъ, а потому могъ съ легкимъ сердцемъ занять передъ выѣздомъ изъ Литвы въ Польшу вновь 2000 к. грошей литовскими полугрошками [1]). Сверхъ того по порученію короля Аврамъ купилъ собольихъ и куньихъ шубъ и горностаевъ на 270 копъ грошей [2]).

С. Бершадскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Объ этомъ займѣ мы узнаемъ: во первыхъ, изъ завѣщанія Аврама Езофовича, изъ котораго видно, что король сдѣлалъ у него этотъ заемъ въ Вильнѣ. Король проводитъ въ Брестѣ конецъ 1518 и начало 1519 г. [М. Л. Зап. XI. f. 21, ноября 18 1518 г. Брестъ; ib. f. 22, тамъ же, декабрь 10; f. 30 (b)—2 января; fol. 42—8 января; 20 марта король въ Петроковѣ на „великомъ сеймѣ" (ib. f. 35) апрѣля 7 король находится въ Краковѣ (ib. f. 38), гдѣ мы его и встрѣчаемъ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ (ib. f. 42, 55 и 55 (b)]. Между тѣмъ завѣщаніе Аврама Езофовича написано въ Брестѣ 28 сентября 1519 г. По составленіи же завѣщанія Аврамъ отправился къ королю въ Польшу, но, не доѣзжая до Польши умеръ въ Ламазахъ. Слѣдовательно, заемъ этотъ не могъ быть заключенъ въ Вильнѣ въ ноябрѣ 1519 г., а раньше. Поэтому весьма возможно, что заемъ этотъ былъ заключенъ 30 ноября 1518 г. въ Вильнѣ, въ день св. Андрея, какъ видно изъ инвентаря Литовской Метрики (Записи № II, стр. 224). Годъ показанъ въ инвентарѣ 1517. Если принять его, то неразъясненнымъ остается: 1) какимъ образомъ эта сумма не входитъ въ общій списокъ 1518 г. и объ ней Аврамъ Езофовичъ упоминаетъ отдѣльно и въ своемъ духовномъ завѣщаніи; 2) какимъ образомъ одинадцатый годъ королевствованія Сигизмунда I могъ прійтись на 1517 г., тогда какъ Сигизмундъ вступилъ на польскій престолъ въ 1507 г.—Слѣдующій документъ въ инвентарѣ совершенно вѣрно показываетъ 1519-й годъ двѣнадцатымъ годомъ королевствованія Сигизмунда I.

Если мы признаемъ, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ правильно, то вытекаютъ слѣдующія несообразности: занимая въ 1517 г. 30 ноября у Аврама Езофовича 2,000 к. гр. король обѣщаетъ ему своимъ королевскихъ словомъ уплатить эти деньги на Пасху 1518 г. и не только не уплачиваетъ ихъ, но и на пріемѣ отчета отъ Аврама Езофовича въ іюнѣ 1518 г. за прошлые годы, ни однимъ словомъ не обмолвливается объ этомъ долгѣ. Между тѣмъ долги королевскіе вносились въ общій списокъ расходовъ и подлежали уплатѣ наравнѣ съ остальными расходами. Этотъ же долгъ и въ завѣщаніи Аврама Езофовича отмѣченъ, какъ подлежащій покрытію изъ казны при представленіи новаго отчета „кромъ того што теперь новая личба будетъ". Док. и рег., т. I, № 69. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ ошибочно.

[2]) А не 3,217 копъ, какъ въ инвентарѣ и у г. Вольфа.

КЪ ИЗУЧЕНІЮ
УКРАИНСКАГО НАРОДНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

I.

Мнѣ хочется подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ нѣкоторыми наблюденіями и замѣтками, касающимися міровоззрѣнія украинскаго народа. Не претендуя на систематическій обзоръ народнаго міровоззрѣнія, я ограничусь опытомъ приведенія въ нѣкоторый порядокъ моихъ воспоминаній и наблюденій въ этой области. Цитируя слышанные мною изъ народныхъ устъ разсказы, пѣсни и т. п., я не буду особенно стѣсняться тѣмъ, помѣщены ли они въ томъ или иномъ варіантѣ въ томъ или другомъ этнографическомъ сборникѣ, но съ другой стороны я желаю ограничиться видѣннымъ и слышаннымъ мною, если же понадобится отступленіе отъ этого правила въ интересахъ большей ясности мысли, то это отступленіе будетъ всегда отмѣчаемо указаніемъ источника. Тамъ, гдѣ мнѣ кажется, что въ народномъ міровоззрѣніи послѣдовали нѣкоторыя видоизмѣненія за тридцатилѣтнее время моихъ наблюденій—я постараюсь ихъ отмѣтить. Что при подобнаго рода изслѣдованіи я считаю для себя обязательнымъ соблюдать елико возможно полную объективность, не умалчивать ничего сознательно изъ вѣдомаго мнѣ, не прикрашивать и не охуждать—считаю лишнимъ прибавлять.

Я начну съ понятій, связанныхъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наша привычка къ шаблоннымъ обобщеніямъ затрудняетъ науч-

ное объективное изученіе. Мы слишкомъ склонны воображать, что знаніе о принадлежности того или иного народа къ тому или иному исповѣданію съ одной стороны и знакомство съ главными принципами этого исповѣданія—съ другой—исчерпываютъ данный вопросъ. Тотъ поверхностный способъ отношенія къ явленіямъ общественной жизни, къ которому пріучаютъ насъ наши школьные учебники исторіи, проникаетъ насъ обыкновенно глубже, чѣмъ мы предполагаемъ. Мы не безъ недоумѣнія замѣчаемъ давній языческій складъ жизни у народовъ, крещенныхъ наканунѣ, подобно тому, какъ мы не безъ труда представляемъ себѣ „легкомысленныхъ французовъ“ серьезно и настойчиво преданными интересамъ производства, науки и искусства, англичанъ свершающихъ кой какія дѣянія безъ помощи машинъ и т. п. Разъ свершилось явленіе, которое мы называемъ эпохой, и разъ намъ дана общая характеристика этого явленія—и мы уже склонны видѣть въ послѣдующемъ періодѣ общественной жизни безусловное, всепоглощающее подчиненіе этой жизни данному направленію. Но дѣйствительная жизнь слагается болѣе осложненно, менѣе прямолинейно, чѣмъ наши обобщенія; тѣ или иныя отдѣльныя понятія не поглощаютъ никогда всецѣло общественной жизни, новыя не искореняютъ сразу давнихъ, взаимнодѣйствіе ихъ, а также вліяніе постороннихъ причинъ вызываютъ разныя модификаціи, а потому неудивительно, что и въ понятіяхъ народной массы, связанныхъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ, мы встрѣчаемъ наслоеніе разныхъ историческихъ періодовъ, переработанное и перерабатываемое подъ вліяніемъ общаго сложнаго теченія общественной жизни, неудивительно, что въ преданіи мы встрѣчаемъ иногда отголоски давно минувшей прямой борьбы одного міровоззрѣнія съ другимъ, не говоря уже о неудобосвязываемыхъ отдѣльныхъ представленіяхъ, истекающихъ часто изъ весьма неоднородныхъ источниковъ.

Я не разъ слышалъ въ Кіевщинѣ слѣдующій довольно извѣстный разсказъ[1]): „Бувъ соби чоловикъ, що жывъ у лиси и

[1]) Передаю по возможности точно слова и обороты рѣчи той мѣстности, въ которой я слышалъ данный разсказъ, пѣсню и т. п.

скакавъ зъ колоды на колоду, прыговоруючы: оце тоби, Боже, а це мени, Боже. Отакъ винъ соби спасався и такій вже спасенный бувъ, що мигъ зверху по води ходыты. Колы тимъ лисомъ иде чернець. Прыйшовъ винъ до того чоловика, тай пытайеться: що це ты, чоловиче добрый, робышъ? — Спасаюся, каже.—То не такъ же треба спасаться. И навчывъ його всихъ молытвъ якъ треба, сказано по церковному. Радійе вже тай чоловикъ; годи вже скакать зъ колоды на колоду; молыться вже такъ, якъ його научено. Колы забувъ винъ йідно слово. Бижыть винъ, доганяйе ченця, щобъ його навчывъ того слова. Прыбигайе до мора, ажъ бачыть—чернець вже поплывъ, куды йому треба. Той чоловикъ давай бигты по води; колы бачыть, вода йому ногы ажъ за кистки займайе. То винъ вернувся и давай зновъ скакать зъ колоды на колоду, та прыговарувать: „оце тоби, Боже, а це мени, Боже" и ставъ винъ зновъ ходыты по води, якъ перше".

А вотъ другой разсказъ, слышанный мною много лѣтъ тому назадъ въ кіевскомъ уѣздѣ въ семьѣ, обезпокоенной тѣмъ, что на принадлежащемъ ей полѣ въ житѣ была „закрутка". Послали за *дидомъ*, который умѣетъ подобающимъ образомъ вырывать „закрутки", за *горилкою* для угощенія *дида*, а пока шла бесѣда о зловредности *закрутокъ*. Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ слѣдующее: „Ото ще якъ Господь ходывъ по свитахъ—бачыть винъ: якась жинка закрутку закручуйе.—„Ахъ ты, каже, злая, необачная, щобъ же тоби це жыто не далось у руки". Ото та жинка ловыть та ловыть жыто, а воно все въ рукы не дайеться.—Чекай же, каже жинка, колы такъ, то щобъ ты не зайшовъ, куды тоби треба. Иде Господь, а ногы все на йідному мисци ступають. Ото Винъ позволывъ тейі жинци закрутыть вже ту закрутку, а Самъ пишовъ, куды намирывся".

Здѣсь уже не только вопросъ о томъ или иномъ значеніи данной формы религіознаго поклоненія, но о взаимномъ противодѣйствіи могущественныхъ противуположныхъ началъ.

Преданія въ родѣ цитируемыхъ крайне рѣдки, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы при самомъ тщательномъ ихъ собираніи можно было бы ихъ собрать сколько нибудь законченный циклъ, и по-

тому для даннаго изслѣдованія онѣ представляли бы мало интереса, если бы онѣ не свидѣтельствовали о сохраненіи въ народномъ преданіи отголосковъ весьма отдаленной старины. Въ народной массѣ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она принадлежитъ всецѣло христіанству, но тѣмъ не менѣе она сохраняетъ и преданія, подобныя цитируемымъ, и приписываетъ громадное значеніе такъ называемымъ сверхъестественнымъ силамъ, стоящимъ положительно внѣ христіанскаго міровоззрѣнія. Не говоря уже о значительной, довольно самостоятельной роли чорта, о его мѣстныхъ добродушныхъ видахъ въ родѣ „домовыкивъ" и т. п., я хочу обратить вниманіе на усвоеніе значительной силы разнымъ видамъ вѣдуновъ и вѣдуній, развѣнчаннымъ, но тѣмъ на менѣе могущественнымъ остаткамъ жрецовъ до-христіанскаго культа.

Кто изъ насъ не слышалъ о людяхъ, которые умѣютъ „замовлять" кровь, зубы, выводить крысъ изъ дома, переводить „горобцивъ" съ проса даннаго хозяина на другое или же сѣять просо такъ, чтобы гарантировать его отъ „спыванья" воробьевъ, о „прирожденныхъ и наученныхъ" вѣдьмахъ и ихъ многочисленныхъ продѣлкахъ съ коровами и т. п.? И вѣдьмы, впрочемъ, не только вредъ, но и пользу могутъ приносить владѣльцамъ коровъ; онѣ то и умѣютъ ихъ лечить,—вотъ почему чрезвычайно щекотливый вопросъ обращаться къ сельской женщинѣ „за порадою" по поводу болѣзни коровы, оттого и совѣты между хозяйками по этому вопросу ведутся всегда съ значительною таинственностью. „Хто се тутъ наплутавъ про мою матиръ?" говорилъ мнѣ обиженно мой сосѣдъ, къ матери котораго я когда то въ невѣдѣніи данныхъ тонкостей обратился за совѣтомъ, какъ къ опытной хозяйкѣ. Вѣдьмы же, какъ извѣстно, могутъ заставлять и летать человѣка, и мнѣ случалось слышать разсказы о летаніи по волѣ вѣдьмы отъ людей, которые утверждали это вполнѣ убѣжденно, такъ какъ, по ихъ словамъ, они сами летали такимъ образомъ. О способностяхъ вѣдьмы обращаться по произволу въ разныхъ животныхъ слышалъ, вѣроятно, всякій, и очень многіе утверждаютъ, что они видѣли подобныя превращенія. Это происходитъ обыкновенно такимъ образомъ, что разсказчикъ видѣлъ ночью

нѣчто женоподобное вблизи какой нибудь „повитки", это нѣчто потомъ исчезло, и онъ увидѣлъ собаку или свинью и т. д. Я помню разговоръ двухъ стариковъ, которые скептически относились ко многимъ „бабськымъ забобонамъ", но по вопросу о вѣдьмахъ они не только признавали фактъ несомнѣннымъ, но и разсказывали о видѣнныхъ ими превращеніяхъ и т. п. Извѣстно также, что если животное, въ которое превратилась вѣдьма, избить или окалѣчить, то слѣды побоевъ или искалѣченія можно найти у женщины, чѣмъ и обнаруживается ея „видьомство". Если вѣдьма типъ вѣдуна, гл. обр. приносящаго вредъ, то другіе вѣдуны преимущественно приносятъ пользу: таковы, напримѣръ, всѣ излѣчивающіе „замовляніемъ" и т. п. Бываетъ такъ, что кто нибудь умѣетъ замовлять одну какую нибудь болѣзнь,—бываютъ и способные излечивать разныя болѣзни. „Ничого вже мойеи жинци не поможе, возывъ вже я йийи и до планетныка—то винъ глянувъ у такье виконце, та сказавъ мени, що ничого зъ неи не буде". Впрочемъ, не только по „планетамъ" можно предугадывать шансы леченія; если вылить яйцо, служившее для „выкачиванья переляку" (въ случаѣ болѣзни, приписываемой испугу, яйцомъ водятъ по тѣлу больнаго, пришептывая подобающія слова), въ воду, то оно будетъ образовывать фигуры, по которымъ глазъ вѣдающій узнаетъ „чы йдеться на жывуще, чы на вмыруще". (Въ послѣднемъ случаѣ виднѣются кресты). При леченіи употребляются разныя средства: и зѣлья и купанья, и скалыванье „щенятъ" во рту въ случаѣ водобоязни, и другія, но всѣ они недѣйствительны безъ соблюденія нѣкоторой обрядности и подобающаго приговариванья. Это и связываетъ народную медицину съ вѣдунствомъ. Но бываетъ и инаго рода полезное вѣдунство. Въ сквирскомъ уѣздѣ мнѣ разсказывали: „То наши люде возылы колысь кулыки до Кыева, ще якъ зализнои дорогы не було, и мій такы батько йиздывъ зъ нымы. Прыйшлось имъ ночувать пидъ Фастовцемъ у коршми. А тутъ сказано всякій народъ пройизжайе, то воны чергуються, глядять своихъ саней. А морозъ велыкій; досадно стоять на двори. Ночувавъ тамъ старенькій чоловичокъ—не знаю вже зъ якого села. Ото винъ каже: „не безпокойтесь, люде добри, не буде въ васъ шкоды". Ото воны

полягалы, спочылы трохы, тай вставать раненько, щобъ то вже йихать дальше, колы глянуть—стоить чоловикъ коло саней, на плечахъ кулыкъ мукы, рукы прымерзлы и нигъ ніякъ не одирве одъ земли. Давай винъ просыться въ того дида, то дидъ вже змылувався, та одпустывъ його". Слушая этотъ разсказъ, я—признаюсь—не сразу понялъ, въ чемъ сила, и предложилъ два-три вопроса въ болѣе реальномъ направленіи, то предполагая, что дѣдъ самъ стерегъ сани, то высказывая догадку, что онъ устроилъ нѣчто въ родѣ капкана, но я скоро почувствовалъ, до какой степени мои вопросы не шли къ дѣлу, и какое невыгодное понятіе о моихъ познаніяхъ составила себѣ аудиторія, слушавшая данный разсказъ. „Я знаю, що паны цьому не вирать—говорилъ мнѣ одинъ знакомый въ сквирскомъ уѣздѣ.—Воны не вирать и тому, що можна такье зробыты, щобъ чоловикъ полюбывъ яку дивчыну, чы жинку. А хиба N не зробляно такъ; чогожъ бы винъ йийи полюбывъ? Чы то жъ въ його жинкы нема, або зновъ вона така краса, чы що?" „Щось винъ мени, проклятый, зробывъ, говорила *дивчына*, що одъ колы його тутъ немайе, въ мене й робота не спорыться, и до йижы не маю охоты". Данную *дивчыну* полюбилъ кто то опять таки потому, что у ея родителей „не дурно жъ ночувала три ночы" баба вѣдунья. Въ пѣсни *дивчына* оправдывается передъ любящимъ ее парубкомъ, что она не знаетъ чаровъ:

„Бодай ты такъ знавъ
Зъ синей до хаты,
Отъ якъ я знаю
Чимъ чаруваты.
Въ мене чароньки—
Чорни бривоньки,
Въ мене прынода—
Сама молода".

(Изъ пѣсни, слышанной въ кіевскомъ и сквирскомъ уѣздѣ).

А всё таки „чорны бривоньки", несмотря на всю ихъ соблазнительность, не всегда достаточны для того, чтобы заставить полюбить. Часто то *дивчыни*, то *парубкови* „щось зробляно". Невѣдомое „щось" наполняетъ вселенную; въ одномъ случаѣ—

оно порожденіе вѣдающей силы, въ иныхъ оно является самостоятельно, какъ неопредѣленное существо. Въ нашемъ селѣ „въ глыныську щось лякайе“, то опять таки „щось лякайе“ въ томъ или иномъ домѣ и т. д.

Наши культурники и полукультурники, прислушиваясь къ подобнымъ разсказамъ, не находятъ въ отвѣтъ на нихъ ничего, кромѣ улыбки высокомѣрнаго, а то и злостнаго презрѣнія, несмотря на то, что и у нихъ въ мозгу, какъ въ нашемъ сельскомъ *глыныську*, „щось лякайе“.

Этотъ „перелякъ“ чрезвычайно трудно „одмовлять“: подъ его вліяніемъ все, находящееся внѣ міра афоризмовъ, внушенныхъ воспитателями, представляется пропастью бездонною, наполненною злыми духами и помышленіями. „Зализна баба“ стережетъ огурцы и горохъ—внушаютъ родители нашимъ сельскимъ дѣтямъ, но живая пытливость дѣтскаго ума, возбуждаемая соблазнительнымъ вкусомъ запрещенныхъ плодовъ, побѣждаетъ страхъ передъ „зализною бабою“, стерегущей огурцы; *зализна баба* традиціонныхъ афоризмовъ оказывается весьма часто непобѣдимой.

Выходитъ довольно забавно: люди, мысль которыхъ постоянно „щось лякайе“, никоимъ образомъ не могутъ уразумѣвать людей, которыхъ тоже „щось лякайе“; каждая изъ сторонъ претендуетъ на монопольное право „ляканья“ для своего нѣчто. Попробуемъ, однако, подражать нашимъ сельскимъ дѣтямъ (извѣстно „молоде—золоте“) и разобраться нѣсколько во вкусѣ плодовъ, произрастающихъ внѣ нивы нашего личнаго мышленія.

Критерій, который употребляется обыкновенно при оцѣнкѣ народныхъ понятій данной категоріи, это степень ихъ правдоподобности. Находя данныя представленія неправдоподобными, практическіе наши мыслители дѣлаютъ выводъ о крайней непригодности мыслительныхъ способностей людей, вѣрующихъ въ эти неправдоподобныя вещи, а если въ добавокъ кѣмъ нибудь изъ нихъ было преподнесено безплодно афористическое отрицаніе того или инаго народнаго понятія данной категоріи, то выводъ этотъ еще обостряется и уснащается пріятнымъ сознаніемъ личнаго монопольнаго владѣнія „здравымъ смысломъ“.

Какъ ни непріятно мнѣ расходиться съ мышленіемъ нашихъ монополистовъ „здраваго смысла", я осмѣливаюсь значительно усомниться въ пригодности критерія правдоподобности въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которые ему отводятся въ этихъ разсужденіяхъ. Онъ предполагаетъ какое то прирожденное интуитивное существованіе въ нашей мысли знанія возможнаго и невозможнаго въ природѣ. Смѣю сомнѣваться въ томъ, чтобы чья нибудь прирожденная интуиція указала на возможность мгновенной, такъ сказать, передачи нашей мысли на огромныя разстоянія при посредствѣ электричества, на возможность передачи какимъ то аппаратомъ звуковъ нашего голоса много лѣтъ спустя послѣ произнесенія ихъ, на возможность полученія изъ смѣси двухъ тѣлъ опредѣленныхъ свойствъ новаго, утратившаго характерныя свойства составныхъ своихъ частей и пріобрѣвшаго новыя, отсутствовавшія въ нихъ и т. д. А произрастаніе растенія изъ сѣмени и весь процессъ оплодотворенія, вращеніе земли около солнца, морскія теченія, превращеніе съѣдаемыхъ нами веществъ въ нашу плоть и кровь, наслѣдственность—однимъ словомъ, всѣ явленія органической и неорганической жизни—развѣ знаніе всего этого пріобрѣтается путемъ интуиціи? Употребляя послѣдовательно слогъ такъ называемаго „здраваго смысла", слѣдуетъ назвать всѣ эти явленія неправдоподобными. Да, онѣ неправдоподобны, онѣ только дѣйствительны; степень правильности понятія объ этой дѣйствительности зависитъ исключительно отъ степени пригодности метода ея изученія, умѣнья владѣть имъ и размѣровъ района наблюденій.

Степень пригодности того или инаго обобщенія явленій нисколько не зависитъ отъ того, какимъ образомъ оно дѣйствуетъ на нашу впечатлительность, образовавшуюся подъ вліяніемъ предъидущихъ наблюденій и обобщеній, а исключительно отъ того, насколько оно согласуется съ фактами, лежащими въ его основаніи; само по себѣ, für sich und an sich, оно не носитъ никакой печати пригодности или непригодности.

Съ этой точки зрѣнія народныя обобщенія, стремящіяся къ истолкованію жизненныхъ явленій, въ сравненіи съ научными понятіями не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, какъ родъ отъ

рода, а представляютъ только отдѣльный видъ того же рода: стремленіе уяснить себѣ такъ называемую причинную связь явленій; вся разница между ними состоитъ только въ степени совершенства методическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ они добыты.

Привычкой къ даннымъ методическимъ пріемамъ и объясняется безплодность партизанской войны, ведомой иногда культурниками съ тѣми или иными отдѣльными обобщеніями народнаго міровоззрѣнія непосредственно. Борьба обыкновенно ведется аргументами пресловутой правдоподобности, при чемъ забывается, что данныя, на которыя мы ссылаемся, представляются слушателямъ въ такой же мѣрѣ неправдоподобными, въ какой аргументирующему понятія, съ которыми онъ сражается. Мнѣ случалось иногда пытаться дать на иныя вопросы, возбужденные въ разговорѣ крестьянъ, научный отвѣтъ. По вопросамъ, предлагаемымъ мнѣ, или по уступчивому молчанію и дальнѣйшему ходу разговора, я замѣчалъ, что объясненія мои кажутся моимъ слушателямъ на столько же неправдоподобными, на сколько мнѣ объясненіе исхуданія лошади тѣмъ, что *домовыкъ* на ней ѣздитъ, или холерной эпидеміи тѣмъ, что холера въ образѣ женщины ходитъ изъ села въ село и т. д. Когда то зашла рѣчь о холерѣ; я старался разсказать о микроорганизмахъ, о зависимости податливости на зараженіе отъ условій климатическихъ, обстановки, личныхъ свойствъ организма и т. п. Меня слушали внимательно и вслѣдъ затѣмъ пошли дальше разговоры о томъ, какъ ходитъ холера, какъ она душитъ и т. д. Объясняя какъ то при случаѣ устройство фонографа, я чувствовалъ по общему тону дальнѣйшихъ разговоровъ, вошедшихъ въ область такъ называемаго чудеснаго, что фонографъ въ воображеніи большинства моихъ собесѣдниковъ явился или чѣмъ то такимъ неправдоподобнымъ, какъ для меня „видьомская" сила, или же обладающимъ самъ *видьомскою* силою.

И это въ порядкѣ вещей. Для людей, неподготовленныхъ къ изученію явленій при помощи микроскопа, статистическихъ таблицъ и т. д., результаты микроскопическихъ изслѣдованій, медицинской статистики, акустики и т. д. должны казаться

невѣроятными, и скептическое ихъ отношеніе къ нимъ скорѣе указываетъ на присутствіе критическихъ наклонностей ума, чѣмъ обратно.

Такимъ образомъ тѣ или иныя объясненія явленій становятся удобоусвоиваемыми или отрицаемыми въ зависимости отъ методическихъ привычекъ нашего мышленія.

Въ сущности и методическіе пріемы изслѣдованія въ данномъ случаѣ разнятся не по существу, а по степени ихъ утонченности, вызывающей большую или меньшую чувствительность мыслительнаго аппарата на сходства и различія предметовъ наблюденія. Чѣмъ анализъ тоньше, тѣмъ точнѣе выдѣляются группы аналогичныхъ явленій, чѣмъ онъ грубѣе, тѣмъ больше смѣшенія между отдѣльными группами, тѣмъ больше склонность переносить свойства, подмѣченныя въ одной группѣ явленій, на другія, не заботясь особенно объ установленіи степени ихъ сходства и различія, но въ томъ или иномъ случаѣ сведеніе отдѣльныхъ явленій въ группы на основаніи общности ихъ свойствъ составляетъ основный пріемъ всякаго изслѣдованія. Чѣмъ уже кругъ наблюденій, чѣмъ меньше опытность наблюдателя, тѣмъ несовершеннѣе данная группировка и тѣмъ больше склонность переносить извѣстныя намъ подробности изслѣдованнаго типа явленій на всѣ остальныя, не заботясь особенно объ установленіи степени ихъ сходства и различія.

Подъ вліяніемъ этой примитивной техники изслѣдованія человѣкъ, обладающій малымъ запасомъ знаній, неизбѣжно склоняется къ подведенію всѣхъ явленій движенія къ наиболѣе извѣстному ему типу—типу человѣческихъ движеній. Присутствіе сознанія и волевыхъ ощущеній, присущее значительной части человѣческихъ движеній, разсматривается, какъ необходимое сопровожденіе всякаго движенія, и оттуда неизбѣжный антропоморфизмъ міровоззрѣнія.

Подъ вліяніемъ этого одушевляющаго природу міровоззрѣнія слагались, очевидно, понятія, приписывающія возможность волѣ человѣческой, выраженной въ формѣ заклинаній и т. п., вліять на явленія внѣшняго міра: задерживать кровь, зубную боль, заставлять людей уноситься въ воздухъ, переводить воробь-

евъ съ одного мѣста на другое, вложить въ скрученныя извѣстнымъ образомъ колосья зловредную силу и т. п. Подъ этимъ же вліяніемъ трудно объяснимыя или дѣйствующія поражающимъ образомъ на воображеніе явленія приписываются дѣйствію человѣкоподобныхъ, неизвѣстныхъ естествъ. Но если такъ, то циклъ народныхъ понятій, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не представится намъ болѣе какъ нѣчто произвольное, лишенное всякаго разумнаго основанія—напротивъ, мы увидимъ въ немъ результаты первобытныхъ попытокъ изслѣдовать связь явленій, т. е. стремленіе различное по степени совершенства способовъ, но одинаковое по своей сущности съ стремленіемъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ научныхъ изслѣдованій.

Время зарожденія этихъ понятій относится къ далекому прошедшему, но они лишились бы жизнеспособности, если бы склонность къ антропоморфическому міровоззрѣнію исчезла безслѣдно и не питалась убожествомъ познаній, незнакомствомъ съ болѣе тонкими методами изслѣдованія явленій.

Всѣ языки съ ихъ безразличнымъ перенесеніемъ словъ, относящихся къ жизни человѣческой, на явленія внѣшняго міра и обратно, всѣ *стремленія* пара, химическія *сродства*, *теченія и колебанія* мысли, *тяготѣнія* партій и т. п.—живые признаки антропоморфическихъ наклонностей человѣческаго ума, но освоенное съ даннымъ условнымъ значеніемъ терминовъ ухо наше не поражается ими. Иначе съ народною рѣчью; вмѣсто условныхъ терминовъ мы встрѣчаемъ въ ней живыя выраженія, носящія очевидные слѣды даннаго міровоззрѣнія. „Дарма, що теперъ тепло—зима свого не подаруйе",—„гарный овесъ, та чы залюбыть винъ нашу землю", „що цього дощу, слида вже не майе, земля дуже прагнюча", „всяка всячына любыть выгоду, якъ чоловикъ, якъ скотына, якъ зерно" и т. п.

Занимаясь въ сельской школѣ, я былъ пораженъ тою наклонностью къ драматизированію, такъ сказать, явленій природы, которую я замѣчалъ въ отвѣтахъ учениковъ. Паръ осадился въ формѣ капель на окнѣ, а на стѣнѣ его не замѣтно, потому что онъ *любитъ* холодное; вода при кипяченіи выливается изъ полнаго горшка, потому что она *хочетъ* занять больше

мѣста; зимой у отворенныхъ дверей хаты клубится туманъ потому, что внѣшній воздухъ *хочетъ* пробраться въ хату, а хатній выйдти и они встрѣчаются тамъ; маятникъ *хочетъ* колебаться постоянно, но воздухъ его *не допускаетъ* и т. д. Несомнѣнно, трудность подобрать болѣе соотвѣтствующія выраженія играетъ тутъ нѣкоторую роль, но я замѣчалъ вообще трудность вызвать стремленіе къ подыскиванію словъ болѣе подходящихъ. Случалось и такъ, что на вопросы, которыми я хотѣлъ обратить вниманіе на несоотвѣтственность выраженія, мнѣ отвѣчали наивнымъ ихъ подтвержденіемъ.—Что же эти два теченія воздуха такъ таки борются?—Ну да, борются. Паръ такъ таки и любитъ холодный топоръ?—Разумѣется, онъ любитъ холодное.

Нужно при этомъ замѣтить, что между дѣтьми, посѣщающими сельскую школу, есть довольно взрослыя, что онѣ сравнительно съ дѣтьми другихъ общественныхъ группъ довольно развиты, такъ какъ онѣ болѣе извѣдали, участвуя въ трудахъ по хозяйству и самостоятельно развлекаясь въ свободное время, что уровень ихъ развитія не такъ значительно разнится отъ уровня развитія старшихъ—чему доказательствомъ, между прочимъ, служитъ и то, что книги, охотно читаемыя старшими школярами, охотно слушаются и ихъ родителями, и что обратно, книги, доставляющія удовольствіе грамотнымъ изъ взрослыхъ, читаются охотно и старшими школьными дѣтьми.

Вслѣдствіе этихъ соображеній я и рѣшился дополнить наблюденія надъ міровоззрѣніемъ взрослыхъ сельчанъ наблюденіями надъ сельскими дѣтьми.

Такимъ образомъ отдѣльныя понятія по міровѣдѣнію въ народной массѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ, представляются мнѣ, какъ естественный продуктъ научнаго стремленія къ изслѣдованію связи явленій и необходимой, при данной суммѣ матеріаловъ изслѣдованія, склонности къ антропоморфизму. Вотъ почему я давно пересталъ поражаться странностью ихъ, почему не сомнѣваюсь въ способности къ усвоенію болѣе точныхъ пріемовъ изслѣдованія со стороны людей, проявившихъ склонность къ самостоятельному изслѣдованію явленій въ формѣ, соотвѣтствующей наличности матеріала, но убѣжденъ въ без-

условной безплодности непосредственной борьбы съ отдѣльными суевѣрными понятіями. Только долгое и постепенное освоеніе съ болѣе совершенною техникою изслѣдованія можетъ приносить серьозный результатъ въ этомъ отношеніи; отдѣльныя понятія находятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ. Конечно, данное время не есть время активнаго, созидательнаго проявленія этого міровоззрѣнія, главныя его законченныя понятія относятся къ незапамятной старинѣ, но тѣмъ не менѣе и общія наклонности этого міровоззрѣнія, и связанныя съ нимъ отдѣльныя понятія до сихъ поръ живы въ народной массѣ, появляются даже и новыя приращенія къ традиціонному матеріалу (о телеграфѣ напр., я слышалъ: „не буде вже добра, колы ввесь свитъ торъ зализомъ переплутано" или въ селахъ, далекихъ отъ мѣстъ распространенія штундизма, образовалось повѣріе о выростаніи роговъ на головахъ штундистовъ); приращенія эти свидѣтельствуютъ объ общей живучести даннаго цикла понятій; они продуктъ умственной жизни народа и наличныхъ средствъ изслѣдованія и способны уступить мѣсто новымъ только въ той мѣрѣ, въ какой эти новыя обнимутъ всю систему его мышленія, подобно тому какъ старыя листья на черномъ дубѣ осыпаются только по мѣрѣ вскармливанія его соками новыхъ.

Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что нѣсколько критическое отношеніе къ даннымъ понятіямъ начинаетъ теперь чаще встрѣчаться среди молодаго поколѣнія сельчанъ, чѣмъ прежде. То вы услышите насмѣшку надъ тѣмъ или инымъ „зобобономъ", надъ тѣмъ или инымъ суевѣрнымъ страхомъ („не йды, дивко—вова злякайе), то вамъ предложатъ серьезно скептическій вопросъ о силѣ заклинанія, замовлянія и т. п. Значительно болѣе охотное, чѣмъ прежде, обращеніе къ совѣту доктора, если только для этого представится не особенно дорогая возможность, указываетъ также на ослабленіе вѣры въ „выкачуванья переляку", „одмовляньа прыстриту" и т. д. Сюда же будетъ относиться и нѣкоторое болѣе свободное обращеніе съ повязкой замужней женщины, хотя оно не вездѣ проявляется съ одинаковой силой и въ одной формѣ; въ данномъ отношеніи я имѣю въ виду сѣв.-вост. часть сквирскаго уѣзда (кіевск. губ.). Дѣло въ томъ, что замуж-

ней женщинѣ не подобаетъ „свитыть волосьямъ“. Я помню случай, когда семилѣтній мальчикъ играя сбросилъ „очипокъ“ замужней женщины въ обществѣ. Женщина расплакалась отъ огорченія, что онъ заставилъ ее, честную женщину, „свитыть волосьямъ“. Я помню, какъ напрасны были когда то мои заботы утишить гнѣвъ одной женщины на другую въ виду главнымъ образомъ того, что эта послѣдняя ее „розчипчыла“. Въ циклѣ пѣсней, насмѣхающихся надъ разнузданностью жены и покорностью по отношеніи къ ней мужа, есть такая:

Ой пыла, пыла, чипця згубыла,
Прыйшла до дому, ще й мужа была.
Ой была, была, выгнала зъ хаты:
Ой иды, мужу, чипця шукаты.
Прыйшовъ до корчмы: добры-день, люде!
Прызнайтесь мени, перейма буде,
Перейма буде кварта горилкы,
Хто найде чипця моеи жинкы,
Кварта горилкы, ще й мирка проса,
Бо моя жинка простоволоса.

(Романовка – сквирскаго уѣзда).

Насмѣшка подъ заботливостью мужа тѣмъ язвительнѣе, что жена его своимъ поведеніемъ по отношенію къ нему и по отношенію ко всѣмъ понятіямъ приличія честной женщины этого не заслуживаетъ („пыла, чипця згубыла и мужа была“).

Да, но эти понятія видоизмѣняются. Я помню время, когда замужняя женщина въ нашей мѣстности повязывала платокъ на верхъ „очипка“ такъ, что никоимъ образомъ не можно было увидѣть волосокъ, помню и то, что маленькій клочекъ волосъ, выглядывавшій изъ подъ очипка и какъ будто нечаянно забытый, былъ разсматриваемъ, какъ признакъ беззастѣнчиваго кокетства; далѣе я наблюдалъ постепенное удаленіе повязки назадъ; въ данный моментъ у насъ она кончается болѣе или менѣе на половинѣ верхней части головы.

Цѣлый рядъ традиціонныхъ, исключительно народныхъ праздниковъ: *наській велыкдень, переплавна середа, девятый четверъ* соблюдаются что дальше, то съ меньшею точностью. Это

коснулось и обычнаго продолженія праздниковъ христіанскихъ. Въ прежнее время съ 25 декабря по 1-ое января никто не работалъ, теперь работаютъ съ 28 декабря; на *великодни святки* до *провидъ* никто не работалъ, теперь работаютъ, начиная съ среды.

Прямаго, систематическаго воздѣйствія на всѣ эти понятія нельзя, кажется, доискаться, но косвенно-видоизмѣненный строй жизни вызываетъ новыя теченія мысли въ самой народной средѣ. Свобода труда и большее разнообразіе экономическихъ отношеній, связанное съ нею, участіе въ самоуправленіи и связанное съ нимъ возрастаніе довѣрія къ личному сужденію, болѣе частое соприкосновеніе общественное съ людьми иныхъ общественныхъ группъ, съ *пидупавшими панками* и *пидпанками* и съ выбивающимися на поверхность *полупанками, дерыхвостамы*, болѣе смѣлое обращеніе съ культурными людьми, передвиженіе изъ городовъ въ села и обратно, облегченное желѣзными дорогами, пребываніе въ разныхъ краяхъ солдатъ изъ мѣстныхъ жителей и учащенный приливъ и отливъ ихъ—все это и, вѣроятно, многое другое, здѣсь упущенное, способствуетъ расширенію кругозора, возрастанію довѣрія къ своему сужденію и дѣйствуетъ эманципирующимъ образомъ по отношенію къ традиціонной мудрости не чрезъ непосредственное насажденіе тѣхъ или иныхъ идей, а косвенно, вызывая самодѣятельность мысли въ народной средѣ. Въ такомъ видѣ представляется мнѣ въ общихъ чертахъ характеръ отношенія современной народной мысли къ остаткамъ древнеязыческой религіи. Употребляя, впрочемъ, по принятому обычаю, это слово, не нужно забывать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ настоящею религіею въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли ее понимать подъ вліяніемъ религіи откровенной, что она не только не откровенна, какъ христіанская, но даже и не принесена готовою болѣе развитымъ племенемъ менѣе развитому, какъ въ Индіи или Египтѣ, что, значитъ, она не только по своему содержанію, но и по способу зарожденія и проникновенія въ умы отдѣльныхъ лицъ безконечно разнится.

Религія эта вырабатывалась на мѣстѣ подъ вліяніемъ тѣхъ общихъ наклонностей міровоззрѣнія, которыя и до настоящаго времени не вполнѣ лишены жизненной силы, а потому и отдѣль-

ныя ея понятія являлись, какъ продуктъ мысли, работающей примитивно-научнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ этой генезы жрецы этой религіи—вѣдуны, знахари—только люди болѣе знающіе по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ; иной санкціи, кромѣ спроса на это знаніе, они, вѣроятно, никогда не имѣли въ глазахъ народа или, по крайней мѣрѣ, современные ихъ остатки пользуются въ глазахъ народа нѣкоторымъ авторитетомъ только въ указанномъ смыслѣ и границахъ.

Правда, формулы, къ которымъ приводили данныя изслѣдованія связи явленій, благопріятствовали эксплуатаціоннымъ стремленіямъ прозорливыхъ вѣдуновъ и потому насажденіе вѣрованій, разсчитанныхъ на невѣжество окружающей среды съ корыстною цѣлью, встрѣчалось, вѣроятно, съ ихъ стороны; быть можетъ, что такого рода соображенія дѣйствуютъ у иныхъ изъ современныхъ знахарей, но этого въ большинствѣ случаевъ нельзя утверждать. Они вообще наивно вѣруютъ въ силу своихъ заклинаній, замовляній и т. п. Посмотрите, какъ наивно-добродушно добрая женщина дѣлаетъ діагнозъ недуга, и опредѣливъ, что это *пидвій*, *перелякъ* или *прыстритъ*, предлагаетъ соотвѣтственные *лики*. Я помню, какъ одна добрая старуха, замѣчая мое нездоровье, опредѣлила, что это *прыстритъ*, и какъ наивно-настойчиво совѣтовала мнѣ *взяться за одвирокъ и трейчы плюнуть назадъ;* я помню пріятельскія предложенія нѣсколькихъ лицъ *замовитъ* мнѣ зубную боль; меня поражала настойчивость предложеній, несмотря на мотивированную рѣшительность отказа; я узналъ даже, что одна добродушная женщина изъ состраданія *замовыла* мою зубную боль *до мисяця;* я помню, какъ спокойно-увѣренно во время зимняго ночнаго путешествія въ лѣсу мой возница заявилъ, что разъ я ѣду съ нимъ, никакой опасности отъ волковъ нельзя предполагать, такъ какъ онъ знаетъ такую молитву, которая насъ сдѣлаетъ безусловно недоступными для волковъ.

Мнѣ кажется, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши народные вѣдающіе дѣйствуютъ также наивно, что, конечно, не исключаетъ возможности сознательной эксплуатаціонной дѣятельности со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, но это исключеніе, а не правило. Они не особенные какіе нибудь люди,

они просто кое что знають и считають своею обязанностью помочь въ бѣдѣ *добрымъ людямъ.* Сознаніе возрастающаго достоинства въ виду пользы, приносимой имъ, главный, кажется, двигатель въ предложеніи услугъ, а если, кромѣ *щирого спасыби, перепаде* кусокъ сала, *мыска пшонця,* или *чарочка тіеи,* то нельзя же *гордувать дякою* добрыхъ людей.

Вышеизложенныя общія соображенія о данномъ циклѣ вѣрованій подтверждаются, мнѣ кажется, и особымъ характеромъ критическаго отношенія къ тому или иному изъ нихъ, разъ такое критическое отношеніе проявляется. Я говорилъ о томъ, какъ твердо, убѣжденно они принимаются огромнымъ большинствомъ народа, тѣмъ не менѣе заявленіе сомнѣній по даннымъ вопросамъ не скандализируетъ вѣрующихъ, несмотря на то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они остаются упорно при своихъ вѣрованіяхъ. Сомнѣніе въ данномъ случаѣ представляется имъ недостаткомъ знанія или легкомысленнымъ выводомъ, но во всякомъ случаѣ безобиднымъ движеніемъ мысли. Этимъ же характеромъ простаго, научнаго, такъ сказать, отношенія къ даннымъ понятіямъ объясняется, мнѣ кажется, и та простота и радикальность вопросовъ, которые вамъ иногда предлагаютъ сомнѣвающіеся въ томъ или иномъ положеніи даннаго цикла понятій. Можно ихъ знать или не знать, вѣрить въ нихъ или не вѣрить; это можетъ опредѣлять вашу степень познаній, вашу бо́льшую или меньшую умѣлость оцѣнить по достоинству сообщаемыя вамъ знанія, но не вліяетъ на опредѣленіе вашей морали. Съ этимъ связывается и то, что, помимо существованія зачатковъ критическаго отношенія къ даннымъ понятіямъ, крайне рѣдки, если не вполнѣ отсутствуютъ, насмѣшливые разсказы и пѣсни о данныхъ вѣрованіяхъ и вѣдунахъ. Я, по крайней мѣрѣ, такихъ пѣсенъ или разсказовъ никогда, насколько помню, не слышалъ. Насмѣшка представляетъ мало соблазна тамъ, гдѣ можно прямо отнестись къ вопросу безъ всякихъ стѣсненій.

Перейду теперь къ сообщенію нѣкоторыхъ данныхъ относительно того, въ какомъ видѣ усвоилось большинствомъ нашего сельскаго населенія христіанское ученіе, какъ оно относится къ религіозному культу и къ его представителямъ.

Съ догматикой вообще народъ мало знакомъ. Богъ, какъ создатель и держитель всего міра, насадитель добра и каратель зла, составляетъ основное понятіе его христіанско-религіозныхъ вѣрованій; Св. Духа упоминаетъ народъ только въ заученныхъ наизустъ молитвахъ, подъ словомъ Богъ онъ подразумѣваетъ всегда Бога Отца; Іисусъ Христосъ извѣстенъ народу не менѣе Бога Отца, какъ учитель христіанской религіи, распятый за нее и за людей на крестѣ; къ Нему же обращается народъ по преимуществу съ нѣкоторыми просьбами, обращенными къ благости Господней. „Давъ бы то Сынъ Господній“, чтобы прошелъ дождикъ, чтобы хлѣбъ зародилъ въ этомъ году и т. п.

О созданіи міра и происхожденіи злаго духа я слышалъ когда то слѣдующій своеобразный разсказъ. Разсказчикъ, *дидъ Жукъ*, былъ родомъ изъ Обухова (кіевскаго уѣзда); во время моего знакомства съ нимъ онъ жилъ въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). *Дидъ* былъ вообще молчаливъ, и только иногда, выпивъ *чарку*, дѣлался разговорчивѣе. Въ такомъ нѣсколько возбужденномъ видѣ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ запорожцевъ; въ такомъ же состояніи онъ охотно разсказывалъ *божествѐнне*. Дидъ разсказывалъ о созданіи міра, приближаясь въ началѣ довольно къ библейскому разсказу и вызывая общее удивленіе своей эрудиціей, далѣе—уклоняясь отъ него уже болѣе рѣзко,—онъ разсказалъ, какъ Богъ создалъ чорта. Чортъ былъ одинъ, и ему было досадно оставаться безъ прислуги. „Ото винъ иде до Бога, та просыть, щобъ Богъ давъ йому слугы. То Богъ сказавъ: иды, та махны рукою, то й матымешъ слугы. Чортъ махнувъ рукою, та й явылысь у нього слугы. Але чортъ—сказано—ненасытный, давай махать, та махать рукамы. Ото зъ того ти маленьки чортыкы, розвелась ихъ велыка сыла. Тоди Богъ склыкайе усихъ ангеливъ, архангеливъ, херувымивъ, тай каже: а що жъ вы, хлопци-чорноморци, пиднимить мій престолъ повыже усихъ тихъ вражеськыхъ сылъ. Такъ воны и зробылы“. Вѣрованіе въ загробную жизнь всеобще; соображеніе о томъ, „якъ то буде на тимъ свити“, высказывается очень часто. По вопросу о загробной жизни вы часто услышите фразу: „а Богъ його знайе; нихто зъ того свита не вертався“.

На нѣкоторую своеобразность во взглядѣ на святыхъ угодниковъ указываетъ часто повторяемая фраза, имѣющая въ виду рекомендовать празднованіе меньшихъ церковныхъ праздниковъ: „часомъ малый святый и за великого накарайе“.

Значеніе церковныхъ обрядовъ мало извѣстно народу, но онъ очень дорожитъ ими, хотя иногда и истолковываетъ ихъ своеобразно. На вопросъ: почему ты называешься христіаниномъ? начинающій школяръ со словъ родителей всегда отвѣтитъ: потому что я крещусь. Христіане, не употребляющіе крестнаго знамени, для народа вообще непонятны, потому онъ и не признаетъ, напр., штундистовъ христіанами. На ихъ принципъ не употреблять крестнаго знаменія смотрятъ обыкновенно не какъ на извѣстное религіозное ученіе, а нѣсколько таинственно. Дѣло въ томъ, что „злый“ боится креста. Несмотря на эти и имъ подобныя значительныя неточности уразумѣванія христіанской догматики, общій духъ христіанскаго ученія довольно понятенъ народу, хотя и это пониманіе выражается иногда въ своеобразныхъ нѣсколько формахъ.

Въ д. Маковищахъ сквирскаго уѣзда я зналъ когда то Іосипа Пысьменного. Это былъ около тридцати лѣтъ тому назадъ единственный грамотный человѣкъ въ селѣ. Іосипъ мало читалъ, но—что было крайней рѣдкостью между современными ему сельскими грамотѣями—читалъ сознательно. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Іосипъ оживился болѣе обыкновеннаго, досталъ съ „полыци“ Евангеліе и свои разсужденія подкрѣплялъ чтеніемъ текстовъ. Въ его мыслящую голову глубоко запала простонародная обстановка рожденія и жизни Іисуса, ему казалось, что эти обстоятельства преднамѣренно игнорируютъ въ угоду панамъ (то было еще крѣпостное время). Доказательство этого онъ видѣлъ въ обыкновенномъ способѣ изображенія Матери Божіей. „Матиръ Божу малюють завше паньею, а вона була проста людына. Йийи бъ треба малювать у сирій свыти, а то въ мищаньскому сыньому жупани“.

Евангельская притча о Лазарѣ перешла въ малорусскую народную пѣсенность. Пѣсня эта, или правильнѣе, можетъ быть, дума (по своему складу она вполнѣ напоминаетъ историческія

малорусскія думы), какъ извѣстно, очень популярна. Всякій лирникъ знаетъ ее непремѣнно; простонародные слушатели слушаютъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и волненіемъ речетативъ лирника, акомпанируемый *жалибнымы* звуками лиры, повѣствующій объ униженіи убогаго брата богатымъ, который „брата свого Лазара за брата не мавъ", объ утѣшеніи обиженнаго въ загробной жизни „въ чести та въ хвали".

Къ числу очень распространенныхъ лирницкихъ набожныхъ пѣсенъ принадлежитъ и пѣсня о правдѣ, но лирники стѣсняются обыкновенно пѣть ее передъ „панами" или же поютъ съ значительными сокращеніями. Я слышалъ ее, между прочимъ, когда то въ Фастовѣ (кіевск. губ.) во время ярмарки. Народъ столпился около лирника, пѣвшаго о томъ, какъ теперь нѣтъ на свѣтѣ правды, какъ ее топчутъ подъ ногами, въ то время, когда „тая неправда пьйе выно зъ панамы", о томъ, какъ напрасно бываетъ отстаивать правду въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ. „На судъ изъ нымъ статы, правды не зыськаты, тилько срибломъ-злотомъ панивъ насыщаты". Однимъ словомъ, неправда „увесь свитъ зажерла"—надежда только на Бога. „Бо самъ Господь правда", онъ вселитъ правду, накажетъ неправду и „смырыть гордыню". Среди ярмарочнаго шума и гама группа, окружавшая лирника, отрѣшилась временно отъ всѣхъ заботъ ярмарочнаго дня; виднѣлись только сосредоточенныя лица, слышались отъ времени до времени фразы, подтверждавшія правдивость словъ пѣсни, слёзы навертывались иному на глаза, мѣдные гроши подносились отовсюду пѣвцу правды, иной приносилъ стаканъ квасу оросить „смажныи уста чоловика божого". (Одинъ изъ хорошихъ варіантовъ пѣсни о правдѣ помѣщенъ въ Запискахъ о южной Руси Кулиша).

Противупоставленіе божіей правды людскому „гордуванью"— живая тема для мысли народной. Я ѣхалъ когда то изъ Кіева. Въ вагонѣ 3-го класса ѣхали двѣ кіевскія прачки, одѣтыя, впрочемъ, барышнями, нѣсколько крестьянъ, евреевъ и вообще разнородная публика. Вагонъ былъ для курящихъ. Одинъ изъ крестьянъ закурилъ „люльку", ставъ, впрочемъ, у отвореннаго окна такъ, чтобы дымъ его „люльки" улеталъ въ окно. Барышни-

прачки раздраженно настаивали на томъ, чтобы онъ вышелъ на платформу, и когда „курець“ объяснялъ, что дымъ его трубки не входитъ въ вагонъ, и вообще не уступалъ, то послышались презрительные съ ихъ стороны отзывы о мужикахъ. „То Іисусъ Христосъ, Сынъ Божый—отвѣтилъ мужикъ—страдавъ за насъ всихъ, за простыхъ и благородныхъ, за убогыхъ и багатыхъ, а тутъ... трошки того благородья, а бачъ якъ гордуйе“.

Что касается формъ религіознаго поклоненія, то онѣ соблюдаются вообще тщательно, хотя обыкновенно съ весьма незначительнымъ пониманіемъ ихъ значенія или даже вовсе безъ всякаго инаго пониманія, кромѣ того, что такъ нужно дѣлать набожному человѣку. И здѣсь тоже есть своеобразныя понятія. Такъ, напр., соблюдая праздничный отдыхъ, безусловно нельзя производить нѣкоторыхъ работъ, въ то время какъ за другія „Богъ простыть“. Во всѣ вообще воскресенія и праздники нельзя рѣзать (кромѣ съѣстнаго): ни тесать дерева, ни косить, ни жать и ничего тому подобнаго. Но можно, въ случаѣ экстренной надобности, „въ гаряче время“, возить снопы, гресть сѣно, складывать копны и т. п. Есть церковные и народно-обычные праздники, въ которые можно самому, но „худобою гришно робыты“.

Обыденные молитвы тоже значительно разнятся отъ молитвъ, употребляемыхъ въ церкви. Новичокъ школяръ на вопросъ: умѣетъ ли онъ молитвы?—отвѣчаетъ обыкновенно: „якто? Богу? а вжежъ домашнього *Богу* вмію“. („Богу“ значитъ молитвы). Мужчины, особенно изъ болѣе молодаго поколѣнія, довольно часто знаютъ „церковного Богу“, хотя это далеко не общее правило, женщины же почти безъ исключенія знаютъ только *домашнього*. Эти домашнія молитвы часто значительно разнятся въ отдѣльныхъ семьяхъ одного и того же села, а то бываетъ и такъ, что *хлопци* молятся „по церковному“ (т. е. думаютъ, что они такъ молятся), а *дивчата* по домашнему. Въ иныхъ домашнихъ молитвахъ сквирскаго уѣзда видны сильные слѣды уніи. Вотъ примѣры изъ одного „домашнього Богу“. Въ утреннихъ молитвахъ повторяется десять заповѣдей въ такомъ видѣ: „Есть Божихъ десять заповедень: перша: не мовъ; друга: не беры надаремне Мъя Ёго; третя: святкуй недилю святу; четверта: шануй отця и матиръ и всихъ

старшыхъ, будешъ довго литъ жыть на земли; пята: не убый; шоста: не чужеложъ; сьома: не украдь; восьма: не будь свидкомъ фальшывымъ протывъ блыжнього свойого; девята: не пожадай; десята; не жаднои речы, ни вола, ни осла, ни слугы, ни служевныци". Перечень Св. Таинствъ встрѣчается въ такомъ видѣ: „Симъ сакраментивъ: первойе: хрещеніе; друге: мыропомазаніе; третье: евхарыстія; четверте: покута; пяте: маслосвятіе; шосте: капланство; сьоме: малжинство". А вотъ перечень смертныхъ грѣховъ: „симъ грихивъ моихъ головныхъ: пыха, лакомство, нечыстота, гнивъ, заздрость, обжерство, линыство до хвалы до Божои". Въ томъ же домашнемъ *Богу* встрѣчается слѣдующее: „На сыньому мори, на билому камени, тамъ церковця стояла; въ тій церковци престолы стоялы, на тихъ престолахъ Іисусъ Хрыстосъ седивъ, очыци склепывъ, ручыци скрыжувавъ, на билый каминь кровци пускавъ. Прыйшовъ до його святый Петро и Павло, плачуть-рыдають, на крыжы впадають.—Святый Петре и Павле, не плачъ, не рыдай, на крыжы не впадай, визьмы въ праву руку хрестъ, въ льеву руку кадилныцю, пійды по всьому свиту, закажы всьому свиту,—старому и малому: хто цейи молытвы вмійе, нехай молыть, не забувайе въ четверъ по вечери, въ пятинку до утрени, въ недилю святу до службы божои, то не буде його ни туча, ни гримъ побывать, буде одъ Бога ласку мать; якъ буде помырать, будуть його грихы одпадать, якъ на мори писокъ, на дереви лыстокъ". Нѣкоторыя непонятныя для молящагося слова въ перечнѣ, напр., Св. Таинствъ и т. д. не озабачиваютъ особенно его. Молитва творится, какъ нѣчто обязательное для набожнаго человѣка, съ значительною даже торжественностью въ позѣ, въ выраженіи лица и въ общемъ чувствѣ свершенія важной обязанности, особенно въ праздничные дни, когда заботы по хозяйству не отвлекаютъ мысли и не вызываютъ переплетенія словъ молитвы словами, обращенными къ домашнимъ, и восклицаніями къ животнымъ, но молящійся вовсе не задается мыслью углубленія въ смыслъ произносимыхъ словъ. Это не мѣшаетъ тому, что даннымъ актомъ вызывается нѣкоторое торжественное, молитвенное, такъ сказать, психическое настроеніе. Кто видѣлъ крестьянскую семью „въ билыхъ сороч-

кахъ“, въ праздничной одеждѣ, засѣдающую за столъ въ большіе праздники и свершающую молитву передъ трапезой, кто прислушался къ торжественной интонаціи словъ, произносимыхъ хозяиномъ при первой чаркѣ, кто призадумался надъ тѣмъ, какое громадное значеніе для изнуряемаго постояннымъ физическимъ трудомъ при незатѣйливой, а то и скудной, пищѣ составляетъ праздничный отдыхъ и обыкновенное обиліе и разнообразіе праздничныхъ яствъ и питія, тотъ уразумѣетъ то множество разныхъ побужденій, изъ которыхъ слагается чувство набожноторжественное, вызываемое празднованіемъ „риздвяныхъ“ или „велыкодныхъ святокъ“, и для того станетъ понятно общее торжественное настроеніе молящагося простолюдина, не взирая на слабое его пониманіе словъ молитвы. То же общее настроеніе набожности присуще ему и въ церкви, несмотря на слабое его пониманіе слышанныхъ словъ и символическаго значенія обрядовъ. Крестьянинъ нашъ податливъ на поэзію внѣшняго культа. Обширное, самое изящное въ селѣ зданіе, множество иконъ, свѣчей, пѣніе, празднично одѣтый народъ, дымъ кадилъ—все это вмѣстѣ взятое производитъ поэтически-торжественное впечатлѣніе.

Набожный въ общемъ смыслѣ склонности къ поэтически-торжественному религіозному настроенію, но плохой богословъ—народъ не особенно точно различаетъ значеніе тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ обрядовъ; мѣстные народные обычаи сливаются для него въ одно цѣлое съ обрядами церковными. „Святыть пасκы“ на 1-ый день Пасхи такъ же важно, какъ и „дочытаться до Христа“; кутя наканунѣ Рождества, снопокъ *на покути*, колядки—такія же необходимыя принадлежности рождественскихъ праздниковъ, какъ и церковное богослуженіе, и т. д. Насколько важенъ въ глазахъ народа свадебный обрядъ, видно изъ слѣдующаго. Иногда бываетъ такъ, что молодые вѣнчаются, желая скрѣпить взаимное обѣщаніе, но наближается постъ или же у родителей „молодыхъ“ нѣтъ заготовленныхъ средствъ для того, чтобы устроить *весилья*, хотя бы „не такъ, якъ у людей, то хочъ такъ, якъ коло людей“. Въ такомъ случаѣ послѣ вѣнчанія „молода“ не *покрываетъ* головы, ходитъ въ *стричкахъ по-дивоцьки*;

молодой ходитъ къ ней, какъ *парубкомъ* ходилъ къ своей нареченной, но супружеское сожительство не допускается.

Это взаимное проникновеніе понятій христіанско-религіозныхъ и самостоятельныхъ народныхъ понятій, интересовъ и жизненной обстановки сказывается, между прочимъ, въ цѣломъ циклѣ колядокъ, пріуроченныхъ къ рождественскому празднику и не имѣющихъ никакихъ слѣдовъ христіанства. Въ сборникѣ историческихъ пѣсенъ, изданномъ Антоновичемъ и Драгомановымъ, собрано множество колядокъ и щедривокъ, составляющихъ историческія пѣсни княжескаго періода. Есть много поздравительныхъ колядокъ, которыя, не примыкая собственно къ этому историческому циклу, родственны съ нимъ по отсутствію слѣдовъ христіанства; къ нимъ относится, между прочимъ, одна въ высокой степени поэтическая колядка, слышанная мною въ кіевскомъ уѣздѣ, въ честь *дивчыны* въ семьѣ поздравляемаго, гдѣ говорится, какъ „хвалылася береза своимы витамы передъ дубамы, хвалылася дивка Марійка своимы косамы передъ парубкамы". А вотъ колядка, слышанная мною въ Романовкѣ и Кошлякахъ (сквирскаго уѣзда), въ которой старинное, до-христіанское міровоззрѣніе выступаетъ со всей рельефностью.

Та не гнивайся, пане господару, ой дай Боже!
Мы твого двора не мынайемо.
Мы твого двора не мынайемо,
Мы твій двиръ звелычайемо.
Вставай зъ постели, очыняй дверы,
Застеляй столы все тисовыйи,
Клады калачы зъ яройи пшеныци:
Прыбуде до тебе а тройе гостей,
А тройе гостей, тройе радостей.
Що першый гостю—ясенъ мисяцю,
А другый гостю—дрибенъ дощыку,
А третій гостю—яснейе сонечко.
Чымъ ся похвалышъ, ясенъ мисяцю?
—Ой якъ я зійду рано звечора,
Возрадуйеться ввесь звиръ у поли,
Весь звиръ у поли, гисть у дорози.
Чымъ ся похвалышъ, дрибенъ дощыку?

—Ой якъ я зійду трейчы у маю,
Возрадуейться жыто, пшеныця,
Жыто, пшеныця, всякая пашныця.
Чымъ ся похвалышъ, яснейе сонечко?
—Ой якъ я зійду рано въ недилю,
Возрадуйеться весь мыръ хрещеный,
Весь мыръ хрещеный, дитки маленьки,
Дитки маленькы, бабкы староньки
Ой дай Боже!

Въ такомъ видѣ въ общихъ чертахъ уживаются въ жизни народа его самостоятельныя помыслы, потребности и обряды съ понятіями и обрядами религіозно-христіанскими; мы видѣли, что это не мѣшаетъ ему вѣрно уразумѣвать основную мысль христіанскаго ученія.

Отъ старосвѣцкаго причетника я слышалъ когда то въ Кіевщинѣ слѣдующую пѣсню:

Сиде Адамъ прямо рая
И наготу свою покрываше, рыдая.
А ты, Ево, не смутыся,
Та до мене прыгорныся,
Прошу я тебе!

Господь къ нему глаголаше:
Де ты, Адаме, жывешы?
Осьде въ кутку, охъ мій смутку,
Изъ Евою молодою
Тишу биду свою.

Господь къ нему гласъ даде:
Иды зъ раю, Адаме.
А бачъ, Ево, смутна бабо,
Було жыты, не гришыты.
Выбачаймо!

Лучше було въ раю жыты,
Сладки яблокы въ снѣдь имиты;
Теперъ треба працюваты,
Щобъ кавалокъ хлиба маты
До самои смерты.

Що жъ мы майемо діяты?
Чымъ мы будемо сіяты?
И копаты я не вмію,
И не знаю, чымъ посію,
Бо не маю чого.

А Господь икъ нымъ рече:
Въ поти лыця хлибъ снисте,
Возьмы заступъ, та нагныся,
Копай землю, потрудыся,—
Щось тоби Богъ уродыть.

Встрѣчаются, впрочемъ, и въ народной средѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова разговоры въ вышеуказанномъ тонѣ, то о томъ, не забылъ ли Господь нашу землю, не посылая ей дождя, то о святыхъ, которые „десь загулялы“, не обращая вниманія на просьбы людскія и т. п. Въ веселомъ тоже тонѣ разсказывается о человѣкѣ, который удивлялся „що це такее? колы не прыйду до церквы, то все паскы святять“. Разъ отецъ поучалъ новобрачнаго сына о томъ, что мужъ долженъ жить въ полномъ согласіи съ женою. Отецъ былъ нѣсколько ознакомленъ съ священною исторіею ....„то, бачышъ, якъ Адамъ спавъ, Богъ вынявъ у нього ребро и создавъ Еву“.—„Бо спавъ“, отозвался кто то изъ компаніи, вызывая этимъ всеобщее веселіе.—„А то, кажете, якъ бы не спавъ, то й не подався бъ“, продолжалъ хозяинъ въ томъ же тонѣ. Встрѣчаются и сказки въ этомъ шутливомъ тонѣ, какъ, напр., сказка „Москаль и Смерть“, записанная г. Ильницкимъ въ васильковскомъ уѣздѣ (кіевск. губ.) и помѣщенная въ сборникѣ народныхъ южно-русскихъ сказокъ. Въ сказкѣ этой *москаль* берется стоять у Бога на часахъ вмѣсто смерти, и перемѣняетъ по своему усмотрѣнію порученія, даваемыя Богомъ смерти, скучаетъ въ раю, такъ какъ тамъ нѣтъ ни водки, ни трубки, устраивается болѣе удобно въ аду, находя тамъ искомое.

Но нужно быть слишкомъ мало знакомымъ съ народною жизнію для того, чтобы на основаніи подобныхъ юмористическихъ разговоровъ, пѣсенъ, сказокъ и т. п. выводить заключеніе объ общемъ легкомысленномъ отношеніи народа къ религіи.

Я уже указалъ выше на то, что, несмотря на значительное невѣжество въ вопросахъ богословскихъ, народъ серьезно уразумѣваетъ общія положеніе христіанской этики и что съ искреннею поэтичной торжественностью относится онъ къ внѣшнему религіозному культу. Согласовать это наружное противорѣчіе не трудно.

Преобладаніе юмора составляетъ характеристическую черту мужскихъ разговоровъ о всякихъ предметахъ во время ли отдыха среди работы на полѣ или въ клунѣ, въ бесѣдѣ ли *на сели* подъ корчмой, во время ли праздничныхъ собесѣдованій за столомъ, пока *чарка* не особенно подогрѣетъ собесѣдниковъ и не приведетъ ихъ къ болѣе чувствительному и пѣсенному настроенію; даже во время возбужденныхъ собесѣдованій объ общественныхъ потребностяхъ и нуждахъ удачное юмористическое слово никогда не остается безъ отголоска. Въ этомъ отношеніи Гоголь, Котляревскій, Квитка въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ вѣрные представители въ письменномъ словѣ наклонностей народнаго малорусскаго мышленія. При данной силѣ этой наклонности понятна неопреодолимость соблазна, представляемаго юмористическимъ отношеніемъ къ какому бы то ни было предмету. Наклонность эта, конечно, далеко не исключаетъ ни сердечной теплоты, ни глубины чувства—достаточно вспомнить народную малорусскую пѣсенность и вѣрнаго, блестящаго ея продолжателя въ письменной формѣ—Шевченка.

Юморъ составляетъ часто внѣшнюю, будничную оболочку сосредоточеннаго чувства, избѣгающаго обнаженія *à tout propos.*

Этими общими свойствами народнаго малорусскаго характера и объясняются данныя экскурсіи въ область юмора при общей серьезности религіознаго чувства.

Всѣмъ извѣстна общая заботливость народа о благолѣпіи своей церкви; я знаю случаи, когда удовлетвореніе весьма настоятельныхъ экономическихъ потребностей громады было отлагаемо въ интересахъ украшенія сельской церкви, когда самообложеніе для этой цѣли было постановляемо въ трудный, неурожайный годъ. Благолѣпіе своего храма составляетъ предметъ гордости селянина. Освященіе новой церкви — торжественный

день въ жизни села; окончаніе крупной ремонтировки вызываетъ громадный наплывъ народа въ церковь.

Но само благолѣпіе храма не исчерпываетъ спроса на религіозно-поэтическія впечатлѣнія; зависимая отъ личныхъ свойствъ священника степень изящества въ богослуженіи представляетъ живой интересъ для народа. При сужденіи о томъ или иномъ священникѣ вопросъ о томъ, „чы винъ гарно правыть", всегда имѣетъ большое значеніе. Голосъ, жесты, интанація—все это весьма существенно при данной оцѣнкѣ. Въ одномъ селѣ я помню случай, когда было предположеніе о назначеніи приходскимъ священникомъ батюшки, не одареннаго хорошимъ голосомъ и вообще неумѣющаго „гарно правыть". Несмотря на капитальность вопроса о вознагражденіи за требы и на нѣкоторыя данныя, указывавшія на умѣренность въ этомъ отношеніи, прихожане были крайне смущены этимъ предположеніемъ.

Проповѣдью вообще мало интересуется народъ. Вращаясь въ отвлеченныхъ, мало доступныхъ народному пониманію сферахъ, произносимая при томъ на литературномъ языкѣ слогомъ малопонятнымъ,—проповѣдь вообще мало дѣйствуетъ на слушателей. Мнѣ ни разу не пришлось слышать разсужденій о священникѣ, въ которыхъ бы обращено было вниманіе на его проповѣдническій даръ слова. Я зналъ одного священника, весьма дорожившаго своей проповѣднической дѣятельностью. „Плетинку плете", говорили его прихожане. Одинъ священникъ говорилъ мнѣ, что онъ вмѣсто проповѣди имѣетъ обыкновеніе читать житія святыхъ и что прихожане интересуются этимъ. Я не имѣлъ случая говорить съ его прихожанами на эту тему, но мнѣ это кажется очень вѣроятнымъ. Живая, проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ жизнь всегда говоритъ незачерствѣвшему сердцу. Я зналъ когда то старика *дзвонаря* при одной изъ малыхъ кіевскихъ церквей. Старикъ и по языку, и по общему складу мысли близко примыкалъ къ народной малорусской массѣ, хотя горизонтъ его былъ нѣсколько шире горизонта селянина. Онъ былъ при томъ живописецъ; писалъ иконы, а также извѣстное изображеніе запорожца съ виршами: „хочъ на мене дывышся, та ба не вгадайешъ" и пр. (Одинъ изъ хорошихъ варіантовъ этихъ

виршей помѣщенъ въ Запискахъ о южной Руси Кулиша). Старикъ любилъ иногда побесѣдовать о козацкой старинѣ, но самой любимой темой его разговоровъ были разсужденія о житіяхъ святыхъ угодниковъ. Во время моего знакомства съ нимъ онъ уже чуть ли не въ сотый разъ прочитывалъ Четіи-Минеи и находилъ въ этомъ чтеніи высокое удовольствіе. Глубокая убѣжденность, готовность на великія жертвы святыхъ угодниковъ вызывала въ немъ неподдѣльное сочувствіе, высказываемое съ трогательною простотой. Несмотря на его глубокую и довольно культивированную религіозность, онъ никогда не обращался къ отвлеченному догматизированію. Мнѣ кажется, что онъ былъ въ этомъ отношеніи хорошимъ представителемъ народнаго типа, его впечатлительности къ поэтическимъ образамъ религіозной жизни и малой склонности къ абстракціи. Этимъ и объясняется, мнѣ кажется, безразличное вообще отношеніе сельскаго люда къ проповѣди.

Это, конечно, не значитъ, чтобы живое слово священника было напередъ обречено на безплодность. Я знаю такой случай. Въ селѣ былъ крестьянинъ, немилосердно и грубо обижавшій мать старуху. Однажды старуха захворала, чуть ли не вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ей сыномъ. Священника призвали исповѣдывать старуху. Исполнивъ эту обязанность, священникъ старался обратить вниманіе сына на безчеловѣчность его обращенія съ матерью; онъ настаивалъ на томъ, что нравственныя страданія матери облегчатся, если сынъ по народному обычаю упадетъ ей въ ноги и попроситъ извиненія. Сынъ слушалъ нравоученія. „Не пійду“, прибавилъ онъ рѣшительно. Тогда священникъ упалъ передъ упорнымъ сыномъ на колѣни, прося его во имя спокойствія его и матери исполнить его просьбу. Мужикъ расплакался, попросилъ извиненія у матери. Старуха осталась жива и не имѣла уже причинъ жаловаться на отношеніе къ ней сына. Но не всякому, конечно, проповѣдуемый имъ духъ кротости и смиренія умѣетъ внушить подобныя слова.

Что касается отношенія къ инымъ исповѣданіямъ, то оно вообще чуждо фанатизма. Въ семьяхъ чиншевиковъ вы встрѣчаете часто смѣшанныхъ православныхъ и католиковъ, но это

никогда не бываетъ поводомъ къ пререканіямъ. Чиншевикъ-католикъ иной разъ присоединяется къ православію, потому что онъ *незаможный чоловикъ*, ѣздить ему не на чемъ, а ходить въ костелъ далеко; это не скандализируетъ никого изъ его единовѣрцевъ въ народной средѣ. Православная выходитъ замужъ за католика, и обратно, и это не вызываетъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Я говорю здѣсь о чиншевикахъ, такъ какъ въ этой группѣ простонародной массы чаще встрѣчаются близкія соприкосновенія двухъ данныхъ вѣроисповѣданій. Впрочемъ, послѣ освобожденія крестьянъ встрѣчаются что дальше, то чаще браки между крестьянами въ юридическомъ смыслѣ и чиншевиками; дѣло это еще нѣсколько ново и лѣтъ десятокъ тому назадъ я слышалъ чиншевика, удивлявшагося тому, что „мужыкъ ляхивку бере", но я почти не слышалъ, чтобы по этому поводу религіозный вопросъ былъ выдвигаемъ. Среди народа вы часто услышите, что католики, какъ и православные, „вирать въ йидного Бога и въ Іисуса Хрыста, тилько въ ихъ инакше правыться". Впрочемъ, одинъ старикъ объяснилъ мнѣ, что католическій священникъ читаетъ въ церкви то же самое, что и православный, „тильки не зъ того кинця".

Къ еврейской религіи также относятся съ уваженіемъ, такъ какъ „жыды вирать въ йидного Бога", да при томъ это „дуже стара и дуже тверда вира". Точное исполненіе евреями предписаній религіозныхъ и ихъ солидарность часто ставится въ примѣръ.

Враждебное отношеніе народа къ *панамъ-ляхамъ* и къ *жидамъ* имѣетъ совсѣмъ иную, не религіозную подкладку, но объ этомъ я поговорю въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ. Съ тою же вѣротерпимостью относится народъ къ людямъ, стоящимъ внѣ его сферы, индифферентнымъ къ религіозной обрядности, если они не ведутъ себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ народнымъ религіознымъ понятіямъ. Одинъ очень набожный человѣкъ говорилъ о культурникѣ, котораго отношенія къ мѣстнымъ сельчанамъ были довольно гуманны, но который относился индифферентно къ религіозной обрядности: „дарма, що винъ не молыться, заготовывъ винъ соби мисце на тимъ

свити диламы своимы". Довольно дружелюбно вообще и довѣрчиво относилось къ нему мѣстное населеніе.

Переходя къ вопросу о тѣхъ или иныхъ модификаціяхъ, замѣченныхъ мною за время моихъ наблюденій въ данномъ отношеніи, я укажу на менѣе строгое отношеніе къ праздничному отдыху, о которомъ я уже говорилъ, и къ посту. Я помню то время, когда никоимъ образомъ нельзя было уговорить больнаго крестьянина перейти въ интересахъ здоровья къ скоромной пищѣ; въ болѣе недавное время я помню случай, когда школьный мальчикъ, изнуренный великопостною пищею, обомлѣлъ въ школѣ. Я ему предлагалъ напиться молока въ качествѣ лекарства, но онъ никоимъ образомъ на это не соглашался, точно такъ, какъ и вызванная по этому случаю его мать. Теперь больной, особенно изъ болѣе молодаго поколѣнія, безъ особенныхъ затрудненій подчиняется совѣту ѣсть скоромное. Молодежь, находящаяся въ услуженіи въ экономіяхъ, охотно пользуется скоромною пищею въ обыкновенные постные дни, и если вопросъ этотъ предоставить на ея рѣшеніе, то рѣшаетъ его обыкновенно въ смыслѣ скоромной пищи, за исключеніемъ великопостныхъ дней. А то бываетъ и такъ, что кто нибудь изъ молодаго поколѣнія охотно бы ѣлъ скоромное, но стѣсняется родителей и постороннихъ. Разговоры на тему, что оскверняетъ человѣка не входящее въ уста, но выходящее изъ нихъ, вы услышите довольно часто и среди постящихся примѣрно. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что наблюденія мои въ этомъ отношеніи относятся главнымъ образомъ къ сѣверо-восточной части сквирскаго уѣзда, прилегающей къ желѣзной дорогѣ.

Но самое крупное новое явленіе въ этой сферѣ за послѣднюю четверть столѣтія—это безспорно штундизмъ. Мнѣ не случалось бывать дальше въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ широко распространился; въ моей мѣстности (с.-в. сквирскаго уѣзда) онъ очень мало распространенъ небольшими группами въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, да кромѣ того, мнѣ случалось раза два встрѣчаться въ вагонахъ съ штундистами изъ болѣе южной Кіевщины. При такихъ условіяхъ свѣдѣнія мои въ данномъ отношеніи очень скудны, но тѣмъ не менѣе я думаю подѣлиться ими.

Не предпринимая изслѣдованія по данному вопросу, я ограничусь только сообщеніемъ двухъ-трехъ наблюденій.

У меня работалъ въ качествѣ мастероваго человѣкъ, который потомъ былъ пресвитеромъ штундистскимъ въ одномъ сосѣднемъ селѣ. Я его знавалъ и прежде. Въ былое время это былъ веселый собесѣдникъ: мастеръ, да къ тому *музыка*, онъ при *оказіи* далеко „не цурався чаркы" и веселыхъ бесѣдъ. Я помню— на одной свадьбѣ, выпивъ немного, онъ былъ въ ударѣ и началъ разсказывать небывалое о своей яко бы жизни съ такимъ юморомъ, оживляемымъ часто словами: „отъ же тутъ и батько йесть; воны не дадуть збрехаты", что кругомъ затихъ свадебный гулъ; всѣ заслушались и только гомерическій смѣхъ раздавался отъ времени до времени. „Якъ бы вы, дядьку, ще ту бурлацьку далы, а то вже въ горли засохло. Ну—очамривъ трохы, де чого не згадаю, та дарма" и далѣе продолжался остроумный разсказъ, сплетенный изъ собственныхъ выдумокъ, отрывковъ изъ сказокъ, обращеній *à propos* къ присутствовавшимъ и т. д. Не таковъ сталъ мой давній знакомый въ то время, когда онъ у меня работалъ. У него стала нѣсколько передъ тѣмъ происходить усиленная, сосредоточенная мозговая работа. Онъ постоянно обращался ко мнѣ съ просьбою дать ему почитать что нибудь. Я давалъ, что у меня было подъ рукою изъ книгъ для народнаго чтенія. Возвращая мнѣ ихъ, онъ всегда выражалъ неудовлетворенность. „Ни, це не те, я правды шукаю". Разъ какъ то онъ увидѣлъ у меня статью объ американскомъ сектантствѣ въ Заграничномъ Вѣстникѣ. Онъ просилъ дать ему почитать; я зналъ напередъ, что многое останется для него непонятнымъ въ виду научно-литературнаго изложенія, но нужно было видѣть, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ какимъ усердіемъ онъ старался бороться съ этими трудностями. Вечеромъ, послѣ напряженной дневной работы, онъ пристраивался къ маленькой лампочкѣ и зачитывался въ глубокую ночь. Какъ только онъ завидитъ, бывало, меня, сейчасъ обращается съ просьбой объяснить ему непонятныя для него слова и обороты рѣчи. Онъ, конечно, не сумѣлъ бы отдать систематическаго отчета о прочитанномъ, но для него, очевидно, было ясно, что и тѣ люди, подобно ему,

„шукають правды" на основаніи христіанскаго религіознаго ученія. Мой знакомый сталъ впослѣдствіи штундистскимъ пресвитеромъ. Веселый, нѣсколько разгульный нравъ его исчезъ. Я помню, съ какимъ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ онъ говорилъ о легкомысленности своего брата, пѣвшаго подъ хмѣлькомъ веселую пѣсню. Разговоры его стали вращаться преимущественно въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ. Какой то священникъ далъ ему исторію церкви—онъ читалъ ее очень внимательно и относился съ глубокимъ уваженіемъ и интересомъ къ читаемому. Давній юморъ, если и проявлялся иногда, то на иной подкладкѣ. Разъ какъ то онъ разсказывалъ про кого то, занявшагося повседневнымъ дѣломъ и продолжавшаго молитву. „То й я це, бувало, бувшы колысь музыкою, задримаю на весильи, а рука про те грайе".

Разъ случилось мнѣ быть на молитвенномъ собраніи штундистовъ. Усѣвшись кругомъ стола, они слушали чтеніе евангелія и бесѣдовали о читанномъ, далѣе пѣли набожныя пѣсни (пѣніе вышло довольно пріятное), послѣ того творили молитву, произносимую въ голосъ то однимъ, то другимъ изъ „братіи". Въ молитвахъ просили о разъясненіи имъ истины, молились и за преслѣдующихъ ихъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между „братіею" замѣчается нѣкоторая болѣе усиленная готовность помочь другъ другу и интересъ къ морали въ своей средѣ. Такъ, напр., одному изъ штундистовъ, не имѣвшему своего рабочаго скота, другіе вспахали его поле безвозмездно. Случилось, что одинъ изъ штундистовъ побилъ свою жену; штундисты долго не допускали его въ свои собранія. Пьянства вообще не бываетъ въ средѣ штундистовъ; уваженіе къ чужой собственности и къ своему слову значительно. Одинъ рыболовъ разсказывалъ мнѣ, что разъ у него вытянули одновременно двѣ тони; осмотрѣвъ одну, онъ спѣшилъ къ другой, но его помощникъ изъ крестьянъ православныхъ обратилъ его вниманіе на то, что къ другой тони спѣшить не нужно для контроля, такъ какъ тамъ работаютъ штундисты. Уваженіе ихъ къ своему слову на столько извѣстно, что одинъ изъ провинціальныхъ товарищей прокурора обращалъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на особенную извѣстную до-

стовѣрность показаній штундиста, несмотря на то, что по своему религіозному принципу присяги они не принимаютъ.

Нечего и говорить, что эти лучшія стороны морали штундистовъ не есть порожденіе какихъ нибудь специфическихъ свойствъ штундистскаго вѣроученія, что онѣ только косвенный результатъ возбужденнаго интереса къ болѣе возвышеннымъ вопросамъ, а возбужденіе то это по самой узости сектантскаго кругозора не можетъ быть неисчерпаемо.

Вотъ нѣкоторыя наблюденія, подтверждающія это общее положеніе.

Я старался указать на процессъ возбужденной мозговой работы одного изъ моихъ знакомыхъ, ставшаго впослѣдствіи штундистомъ. Этотъ періодъ своей умственной жизни онъ самъ прекрасно характеризовалъ словами „правды шукаю“. Я встрѣчалъ и другихъ его товарищей въ этомъ періодѣ. Мысль ихъ работала безпрестанно, они выслушивали другія соображенія и возраженія, отыскивали усиленно аргументы въ пользу своихъ мнѣній, съ трепетомъ возбужденія отыскивали въ св. писаніи мѣста, подтверждавшія, по ихъ соображеніямъ, мнѣнія, къ которымъ они склонялись. Но разъ остановившись на данной доктринѣ, они легко впадаютъ въ сектантское высокомѣріе. Характерно въ этомъ отношеніи слово, которымъ они охотно опредѣляютъ переходъ чей нибудь въ штундизмъ. Это слово „увирувавъ“. Рѣчь свою они охотно испещряютъ словами „пысьменнымы“, съ неумѣло скрываемымъ желаніемъ импонировать своей начитанностью и это дѣлаютъ даже неграмотные между ними. Любовь къ цитированію нумеровъ главъ евангелія, особенно со стороны неграмотныхъ, имѣетъ, независимо отъ сектантскаго буквоѣдства, несомнѣнно и эту подкладку. *Увирувавшій* нетерпѣливо выслушиваетъ замѣчанія и возраженія, дѣлаемыя самымъ спокойнымъ и дружелюбнымъ образомъ; онъ ставитъ вопросъ, какъ будто въ критикующемъ онъ подозрѣваетъ склонность къ преслѣдованію. Я помню, какъ до начала молитвеннаго собранія штундистовъ, на которомъ мнѣ случилось быть, одинъ изъ постороннихъ присутствовавшихъ весьма умѣреннымъ образомъ старался указать на то, что въ ихъ борьбѣ съ иконами есть

недоразумѣніе въ виду неточнаго съ ихъ стороны уразумѣванія православнаго ученія о данномъ предметѣ. Они пошли на бесѣду весьма неохотно и съ видимымъ неудовольствіемъ постарались прекратить разсужденіе, приступая къ чтенію евангелія. И внѣ молитвеннаго собранія я бывалъ свидѣтелемъ неохоты къ разсужденію по вопросамъ ихъ доктрины, при чемъ какъ будто намекалось на фанатическую нетерпимость возражателя. Предполагалась ли она въ дѣйствительности, несмотря на дружелюбный тонъ замѣчаній, или былъ это удобный полемическій пріемъ—не умѣю рѣшать. Та же узость проявилась и въ отношеніи ихъ къ сельской школѣ. Въ нашу сельскую школу присылали было штундисты изъ сосѣдней близкой деревни своихъ мальчиковъ. Все было сдѣлано для того, чтобы защитить ихъ отъ легкомысленныхъ насмѣшекъ товарищей. Школу между прочимъ посѣщали въ то время нѣсколько евреевъ и католикъ, и товарищескія отношенія къ иновѣрцамъ улаживались мирно, значитъ, и улаженіе отношеній къ штундистамъ не представляло особенныхъ трудностей. Заинтересованность нашей школой неожиданно смѣнилась поспѣшностью, съ которой они прекратили высылку своихъ дѣтей въ школу: дѣло въ томъ, что дѣти ихъ научились кое какъ читать, а дальнѣйшее чтеніе книгъ и пріобрѣтеніе познаній, стоящихъ внѣ строгой программы секты, не представляло уже для штундистовъ интереса, разъ пріобрѣтено орудіе, состоящее въ умѣніи читать кое какъ. Случается это часто и съ крестьянами православными, но они въ такомъ случаѣ и въ началѣ не особенно интересуются посѣщеніемъ школы, у нихъ выходитъ это или по индифферентности, или по соображенію, что ихъ дѣтямъ „великои наукы не треба". У штундистовъ, обращающихся часто въ интересахъ секты къ печатному слову, это выходитъ болѣе принципіально.

Съ сектантскою узостью стоитъ въ связи и устраненіе изъ жизни невинныхъ развлеченій, составляющихъ возвышающую душу поэзію трудовой жизни народа. Изящный нарядъ женщины, *улыця*, свѣтская пѣсня и т. п. все это осуждается съ точки зрѣнія сектантской. Я помню, какъ одинъ изъ штундистовъ увѣщевалъ пѣвшихъ за работою *дивчатъ*, чтобы онѣ оставили

свѣтскія пѣсни, такъ какъ тѣмъ же усиліемъ голоса можно пѣть набожныя пѣсни.

Этими свойствами штундизма (я имѣю всегда въ виду только штундизмъ моей мѣстности) объясняется, мнѣ кажется, ихъ отчужденность отъ жизни села, ихъ отсутствіе интереса къ дѣламъ міра. Нужно, впрочемъ, признать, что негуманное, жестокое иной разъ обращеніе съ ними большинства населенія поддерживаетъ эту отчужденность. Въ недалекомъ отъ насъ селеніи былъ случай истребленія огородныхъ продуктовъ у штундистовъ большинствомъ односельчанъ, въ другомъ селѣ штундиста, пришедшаго въ гости къ знакомымъ, водили босымъ на морозѣ. Чѣмъ объяснить эту склонность къ суровой расправѣ съ штундистами со стороны народа, относящагося вообще вѣротерпимо къ другимъ исповѣданіямъ? Мнѣ кажется, что здѣсь дѣйствуетъ и новизна факта, всегда раздражающая малоразвитую массу, и то связанное съ нею обстоятельство, что самъ фактъ перехода въ штундизмъ выражаетъ уже осужденіе вѣроисповѣданію большинства населенія въ то время, когда принадлежность къ другому болѣе давнему исповѣданію ничего въ этомъ отношеніи не выражаетъ, и сектантское высокомѣріе новообращенныхъ, и нѣкоторыя формы исповѣданія, рѣзко поражающія, какъ устраненіе крестнаго знаменія изъ молитвеннаго обряда и иконъ.

Объяснять появленіе штундизма, какъ это слишкомъ часто дѣлается, исключительно нѣкоторыми неправильностями поведенія той или иной части сельскаго духовенства—мнѣ кажется, крайне односторонне. Въ общемъ появленіе штундизма указываетъ на зарожденіе въ народной средѣ спроса на болѣе широкую умственную жизнь и на отсутствіе болѣе цѣлесообразнаго предложенія со стороны культурныхъ слоевъ въ отвѣтъ на этотъ спросъ. Сухая, протестантская формула штундизма мало отвѣчаетъ наклонностямъ народной малорусской мысли, общему характеру и выросшимъ на этой почвѣ народнымъ обычаямъ. Въ моей мѣстности штундизмъ скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается. Мнѣ кажется, что южная Русь не будетъ увлечена штундизмомъ, подобно тому, какъ западноевропейскій югъ

не увлекся протестантизмомъ, несмотря на ранніе задатки критическаго отношенія къ католицизму. Для полноты я долженъ прибавить, что встрѣченный мною какъ то на желѣзной дорогѣ штундистъ изъ болѣе южной Кіевщины отличался болѣе широкимъ взглядомъ отъ нашихъ мѣстныхъ штундистовъ. Его замѣчаніе о томъ, что къ штундизму склоняются болѣе въ приходахъ, въ которыхъ люди болѣе „прыхыльни до церквы", изобличаетъ въ немъ хорошаго психолога. Онъ осуждалъ завзятость борьбы нашихъ штундистовъ съ иконами, такъ какъ „люде у тому зрослы", и потому „не треба имъ заразъ такымъ у вичи брызкать". Сущность ученія онъ формулировалъ словами „намъ треба, щобъ була любовъ"

Этими, конечно далеко не исчерпывающими предмета, замѣтками я окончу настоящее письмо; въ слѣдующихъ я постараюсь перейти къ другимъ сторонамъ народнаго міровоззрѣнія.

Ѳадей Рыльскій.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ числѣ кіевскихъ дѣятелей, трудившихся на полѣ науки и положившихъ большія заслуги для научнаго описанія края, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей, бывшій въ сороковыхъ годахъ кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Несмотря на многочисленныя занятія, сопряженныя съ его служебнымъ постомъ, И. И. Фундуклей находилъ возможность удѣлить значительное количество времени на научное изученіе ввѣренной ему губерніи. Результатомъ его научныхъ трудовъ были три капитальныя сочиненія: 1) Статистическое описаніе кіевской губерніи (3 тома). Кіевъ 1852. 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи. Кіевъ 1848 и 3) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ 1847. Послѣднее сочиненіе, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, издано было весьма роскошно и украшено многочисленными видами и рисунками кіевскихъ древностей. По плану издателя, вышедшее „Обозрѣніе Кіева“ составляло только первый томъ задуманнаго изданія. Второй томъ долженъ былъ заключать такое же „обозрѣніе въ отношеніи къ древностямъ“ кіевской губерніи. И. И. Фундуклей вполнѣ закончилъ этотъ трудъ; онъ составилъ полный текстъ сочиненія и собралъ альбомъ, состоящій изъ 52 плановъ и рисунковъ, назначенныхъ для его иллюстраціи. Къ несчастью, сочиненіе это не было издано вслѣдствіе

перехода автора на службу изъ Кіева. Заготовленная рукопись была передана авторомъ извѣстному ученому М. А. Максимовичу, послѣ смерти же послѣдняго при распродажѣ его библіотеки, рукопись Фундуклея была пріобрѣтена кіевскимъ университетомъ для библіотеки музея древностей.

Въ сочиненіи И. И. Фундуклея кромѣ географическаго и топографическаго описанія городовъ, мѣстечекъ и историческихъ мѣстностей кіевской губерніи, кромѣ многочисленныхъ свѣдѣній о памятникахъ древности до-исторической и исторической, находящихся въ предѣлахъ губерніи, помѣщены народныя преданія и цѣлые разсказы, записанные изъ устъ старожиловъ, объ историческихъ событіяхъ прошлаго столѣтія. Разсказы эти, записанные 50 лѣтъ тому назадъ изъ устъ людей, которые въ молодости были сами свидѣтелями разсказываемыхъ событій или слышили ихъ отъ непосредственныхъ участниковъ, представляютъ богатый историческій матеріалъ для характеристики какъ самихъ событій, такъ и отношенія къ нимъ народа. За сохраненіе этихъ разсказовъ, вѣроятно исчезнувшихъ уже изъ народной памяти, или, по меньшей мѣрѣ, вывѣтрившихся и потерявшихъ характеръ живаго непосредственнаго воспоминанія, нельзя не принести глубокой благодарности памяти почтеннаго ученаго.

Мы приводимъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они внесены въ рукопись И. И. Фундуклея, четыре такіе народные разсказа, записанные около 1840 года отъ старожиловъ города Черкассъ и м. Медвѣдовки. Разсказы эти относятся къ характеристикѣ гайдамацкихъ набѣговъ, къ преслѣдованію православнаго духовенства уніатами и къ исторіи подготовленія коліивщины.

О наѣздахъ гайдамаковъ, на здѣшніе окрестныя мѣста во время коліивщины сохранились въ Черкасахъ живыя воспоминанія. Разсказы о томъ стариковъ мало заключаютъ въ себѣ историческихъ фактовъ, но разительно изображаютъ характеръ эпохи, устройство городовъ, взаимныя отношенія сословій и ха-

рактеръ самихъ гайдамаковъ, такъ неполно и ошибочно понимаемый нашими писателями.—Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ этихъ преданій, любопытнѣйшія и разсказанныя въ томъ же тонѣ, въ какомъ передаются самими очевидцами.

I.

„Губернаторъ черкасскій Раковскій услышалъ, что гайдамаки грабятъ одного человѣка Шрама, а тотъ Шрамъ держалъ у него на арендѣ корчму въ Русской-Полянѣ, вотъ онъ, услышавши, что Шрама грабятъ, поѣхалъ его защищать, а одинъ гайдамакъ, не допустивши его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его, такъ они сами закололи того гайдамака: „о, *вражій сынъ*, говорятъ, *погубилъ* добраго пана“, да и закололи того гайдамака! До сихъ поръ стоитъ надъ губернаторомъ крестъ въ Русской-Полянѣ; а потомъ былъ губернаторомъ *панъ Сельскій*, такъ и при этомъ же губернаторѣ пріѣхалъ разъ въ Черкасы атаманъ Шило, съ ватагою, душъ можетъ быть съ сотню, меня тогда еще и на свѣтѣ не было, а разсказывалъ все это покойникъ отецъ мой; пріѣхали, говоритъ, они подъ браму (черкасскаго замка) да и кричатъ, чтобы отворили, а губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хотя въ замкѣ было не безъ народу; а я, говоритъ отецъ, былъ на то время дома (т. е. въ самомъ городѣ); прибѣгаю къ замку, но меня уже не пускаютъ; я къ частоколу; смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ, а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ на супротивъ меня и читаетъ ему указъ, будто бы царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ ляховъ и жидовъ на Украинѣ до ноги, чтобъ ихъ и духу не было, а я себѣ думаю: постой лишь, *я тебѣ дамъ не такого указу!* Да просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь махнетъ головою, такъ и нельзя потрафить; я опять, обожду, пока конь потупитъ голову, да опять только что хочу

выстрѣлить, такъ онъ опять и махнетъ головою, а лѣтнее, знаете, время, какъ разъ передъ Троицей, такъ мухи коня кусаютъ".

Такъ вотъ прибѣгаетъ тоже съ города полковникъ войсковой Ацына Францишекъ: „Бога бойся,—Омелько! не стрѣляй;—пойдемъ сперва разузнаемъ".

Пошли—стали стучать,—отворили намъ ворота.

Вотъ отецъ поднялъ подъ руки губернатора и говоритъ.

— Встань, пане, что это ты передъ ледащимъ дѣлаешь?... Да вы ихъ не слушайте, говоритъ козакамъ, это гайдамаки, перестрѣляемъ ихъ, вражыхъ сыновъ.

Губернаторъ и всталъ, а Максимъ (Шило) говоритъ отцу:— Что ты за человѣкъ?

А отецъ говоритъ: кого тебѣ нужно?

— Ты видно Омелько Судіенко?

— Такъ, Омелько Судіенко. А батько былъ первый въ губерніи стрѣлокъ, потому Максиму и сказано: берегись, Максимъ, Омелька Судіенка, тотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣту.

— Вотъ Максимъ и говоритъ отцу: не стрѣляй же, братъ, того молодца свинцовою пулею, а стрѣляй серебряною!

— А отецъ говоритъ: моли Бога за пана полковника, а то до сихъ поръ и отъ свинцовой не сидѣлъ бы на конѣ, да еще молись Богу за то, что конь головою махалъ: переколемъ, говоритъ, ихъ, панове!

Вотъ наши заходились возлѣ гайдамакъ, а Максимъ и говоритъ: Чтожъ панове, что изъ того будетъ, что вы насъ переколете; насъ много есть, такъ переколютъ и васъ; я не по своей волѣ пріѣхалъ; меня послали: а посланнаго не бьютъ.

Наши подумали, подумали, да и выпустили ихъ.

Гайдамаки остановились на квартирѣ у Андреевца возлѣ Троицы, а потомъ присылаетъ Максимъ козака съ запискою въ замокъ, проситъ губернатора выйти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружья, а отецъ мой съ нимъ при пистолетахъ.—Не знаю, говоритъ, что мнѣ и ска-

зать своему начальнику;—выѣдь, говоритъ, ты изъ Черкасъ, такъ я скажу, что дома тебя не засталъ.

Губернаторъ послушалъ да и выѣхалъ, а гайдамаки перебили съ водкою бочки, ограбили богатыхъ жителей, да и потянулись изъ Черкасъ.

II.

Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, а иногда маленькою толпою. Разъ ѣхалъ Тышко Герасименко съ мальчикомъ изъ ярмарки, какъ смотритъ,—по Медведовской дорогѣ ѣдутъ на коняхъ, и вотъ прибѣгаетъ къ возу козакъ: „что за люди"?

— Изъ Черкасъ; были на ярмаркѣ:

Козакъ возвратился къ атаману и далъ отвѣтъ; тогда атаманъ прислалъ уже двоихъ гайдамакъ.

Вотъ, говоритъ Герасименко, взяли они меня, да и связали поясомъ, а мальчику велѣли погонять лошадей; ѣдемъ съ ними до самаго города, пріѣхавши близко, остановились; атаманъ сейчасъ: „съ коней"!

Всѣ и посходили съ коней.

— Припадайте къ землѣ!

Припали всѣ ницъ и мальчикъ всталъ съ повозки да и себѣ прилегъ къ землѣ, а я лежу связанный на повозкѣ, да и смотрю, а онъ себѣ что то тамъ ворчитъ, ворчитъ;—видите, колдуетъ: „будетъ неудача"! а потомъ: „вставайте"!

Встали, сѣли на коней и поѣхали по за городомъ, лошадей оставили за заставою, а сами пошли въ городъ и меня везутъ въ повозкѣ, а мальчикъ еще за городомъ всталъ съ воза, да и пошелъ себѣ, а имъ и нужды мало.

Ѣдемъ, говоритъ, прямо къ Дригѣ, а Дрига жилъ насупротивъ того двора, гдѣ теперь городничій; оставили возъ за воротами; одинъ тотчасъ перескочилъ черезъ частоколъ и отво-

рилъ ворота, а я, говоритъ, лежу въ повозкѣ и видать мнѣ все это.—Вотъ гайдамаки вырубили огня, а одинъ взлѣзъ на уголъ, пролѣзъ по подъ кровлею и отворилъ двери.—Я жъ, говоритъ, давай сунуть съ себя поясъ; развязался и побѣжалъ, бросивши и лошадей, и повозку: добѣжалъ до колокольни, ударилъ раза три въ колокола, да опять далѣе; бѣгу мимо дядьковыхъ воротъ; а дядько на то время случился на дворѣ: кто это такой? это ты, Тышко?

— Я, говорю.

— Чего ты бѣжишь?

— Прячьтесь, говорю, гайдамаки Дригу грабятъ. И ходятъ по двору на сторожѣ дядько съ своими, а къ Дригѣ боятся идти,—такой страхъ былъ.

А гайдамаки положили Дригу на землѣ, да насыпавши ему пороху на спину, зажгли и драли скребницею, чтобъ признался: гдѣ тѣ червонцы, что заработалъ, гоняя въ Шленскъ воловъ; а межъ ними, видите, былъ наемщикъ Дриги, такъ тотъ то все и высказалъ, и до тѣхъ поръ драли, пока старуха не принесла горшка съ червонцами.

Въ самую Петровку, именно въ первый день, въ понедѣльникъ пріѣхало человѣкъ двадцат затяжцевъ на развѣдки, встрѣтили Андрейца и распрашиваютъ:

— Гдѣ тутъ такой то войтъ?

— Я, говоритъ Андреецъ.

— Веди жъ насъ къ себѣ на квартиру.

Зазвалъ ихъ къ себѣ на квартиру, послали къ пану Сельскому въ замокъ, чтобъ далъ имъ напитковъ; тотъ тотчасъ и прислалъ имъ, потому что всѣ боялись гайдамаковъ; вотъ они пьютъ, да и говорятъ:

— Пусть вражій ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ, да и повеземъ въ кошъ.

А они стояли тогда кошемъ цѣлые сутки въ Великихъ Курганахъ.

Андреецъ же, услышавши это, скорѣе въ замокъ:

— Берегись, говоритъ, пане;—вотъ такое и такое дѣло.

Такъ панъ Сельскій заперся въ замокъ, а гайдамаки повертѣлись, повертѣлись по подъ частоколомъ, да и воротились въ кошъ.

А такой былъ шалёный народъ эти затяжцы, что бывало когда ѣдетъ по улицѣ и увидитъ гдѣ нибудь въ дворѣ человѣка, то выхватитъ пистолетъ, да и кричитъ:

— Въ хату, мурею, а то запалю!

Такъ человѣкъ склонится, да скорѣе куда нибудь подъ навѣсъ.

.... На другой день Петровки разнесся по Черкассамъ слухъ, что идетъ какое то войско; мы жъ тогда еще были дѣтьми, такъ люди боятся, а намъ и нужды мало; сказано: дѣти—побѣжимъ: что тамъ за войско?

Побѣжали за Бѣлозерскую заставу: въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, такое настоящее войско. Впереди ѣдетъ атаманъ на буланомъ конѣ, въ красномъ жупанѣ, шапка на немъ сивая, сапоги сафьяные, поясъ шалевой, за поясомъ пистолетъ, съ боку сабля. Это былъ самъ Максимъ Желѣзнякъ; нестарый былъ еще человѣкъ; лѣтъ можетъ быть сорока, а можетъ быть больше, полный, круглолицый, хорошъ собою, небольшаго росту, но плечистъ, усы русые, небольшіе, за ухомъ оселедецъ, а за нимъ всѣ по два въ рядъ съ копьями и у переднихъ паръ копья съ значками двойчатыми, такъ что половина значка бѣлая, а половина красная, половина желтая, а половина черная или розовая, или синяя, а сзади всѣхъ идетъ человѣкъ съ десять пѣшкомъ безъ копій, а только поприжигали колья и идутъ; то уже были винокуры и подобные имъ, вступившіе въ гайдамаки.

Вотъ мы и стали возлѣ дороги по правую руку, снявши шапки, а онъ, поровнявшись съ нами, говоритъ:

— Здраствуйте, вражьи дѣти!

— А мы говоримъ: здраствуй, пане!

— А что вы не орете?

— Нѣтъ, пане!

— А мы жъ отъ се почали жати!

Дай поѣхалъ въ городъ тою жъ улицею, гдѣ теперь старый базаръ, а потомъ по за панщиною, гдѣ теперь живетъ Ищенко, что служитъ въ судѣ; и пріѣхали они прямо къ замку черезъ мостъ, башня была отперта, я уже не знаю кто отворилъ ее; въѣхали въ замокъ, сами стали въ ряды, а копія поставили въ козлы. Желѣзнякъ крикнулъ: „съ коней!"...

— Вотъ они сошли съ коней и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязи; а атаманъ (Желѣзнякъ) съ десятью что ли человѣками пошелъ прямо къ покоямъ, на встрѣчу ему вышло изъ покоевъ человѣкъ тоже съ десятокъ, съ атаманомъ Буськомъ изъ Цесарской слободы; сняли передъ нимъ шапки, онъ также подошелъ къ нимъ, снялъ шапку, да тотчасъ и надѣлъ, а они всѣ передъ нимъ безъ шапокъ стояли.

— Здравствуйте, говоритъ козачество!

— Здорово, отомане, батько!

— А гдѣ вашъ атаманъ?

Вотъ атаманъ и вышелъ къ нему изъ толпы безъ шапки таки, а онъ и себѣ шапку снялъ, обнялись, поцѣловались: Ну, просите-жъ на квартиру!

Пошли въ покои.

А паны уже давно убрались на тотъ бокъ Днѣпра, еще тогда, когда услышалъ отъ Андрейца, что гайдамаки хвалятся ихъ перевязать.—Отбили кладовую топоромъ, ищутъ, чего имъ нужно; а человѣкъ семь затяжцевъ пошли въ аренду, а мы дѣти: пойдемъ, пойдемъ за ними.

Вотъ одинъ схватилъ гдѣ то топоръ, да по замку—трахъ!... замокъ такъ и разсыпался, тогда давай рубить у бочекъ обручи, водка такъ и полилась изъ амбара по косогору, а женщины сгребаютъ песокъ, да и останавливаютъ ту водку, черпаютъ горстями и льютъ въ горшки сквозь наметки; гайдамаки жъ не

трогали женщинъ и бѣдныхъ людей, только богатыхъ грабили; ляховъ и жидовъ рѣзали.

Вотъ я, посмотрѣвши на это чудо, прихожу домой и узнаю, что отецъ уѣхалъ въ лѣсъ съ двумя работниками, а дома осталась одна мать, да работникъ Сидоголовка, прихожу у хату, а мать плачетъ.

— А гдѣ батько?

— Уже, сынку, поѣхали!

Какъ въ это время батько не знаю уже зачѣмъ, раздумался что ли, воротился изъ подъ самой горы отъ церкви; только что выпрягаютъ лошадей, какъ и идетъ реестровый, городской казакъ Головка, ведетъ въ дворъ двухъ гайдамакъ, да и говоритъ: „говорятъ цехмистеръ, что у васъ есть сапоги сафьянные, которые вы работали для пановъ?“

— Нѣту, говоритъ, я работалъ, да давно!

— Вотъ и повели въ замокъ, къ самому Желѣзняку.—Отецъ послѣ уже разсказывалъ, что говоритъ, какъ только вошли въ покои, то я и увидѣлъ, что Бусько атаманъ спрятался за перегородку, а Желѣзнякъ говоритъ: „ты цехмистеръ сапожническій?“

— А я говорю: я пане!

— У тебя есть сапоги сафянные, которые ты дѣлалъ для пановъ?

— Дѣлалъ, атамане, да давно, а теперь нѣтъ!

А Бусько изъ за перегородки и шепчетъ что то, а Желѣзнякъ и ухо приложилъ, да говоритъ: „Не знаю кто лжетъ? тотъ или другой? ну ступай себѣ!“

Отецъ скорѣе домой, да за лошадей, да со двора, поѣхалъ съ двумя паробками въ лѣсъ и тамъ драли лубки, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Когда отецъ уѣхалъ, я хожу по хатѣ, а работникъ Сидоголовка Яковъ шьетъ сапоги сидя противъ окна, а мать тоже что то дѣлаетъ, какъ вдругъ гайдамаки, идучи мимо окна:

— Пугу!...

А работникъ былъ когда то на Запорожьѣ, то и отвѣчаетъ ему: *Козакъ зъ лугу*!

Какъ вотъ и идутъ въ хату два запорожца съ Головкомъ Иваномъ и одинъ, ставши на порогѣ въ хату изъ пистолета—бухъ! Мать такъ и затряслась, а другой гайдамака и говоритъ: „о, вражій сыну испугалъ молодицу!

— А ну, говорятъ, отворяй нене, комору. Бусько говорилъ, что именно есть сафьянные сапоги.

Отворили.

— Отмыкай сундукъ!

Отомкнули.

Копались, копались, ничего не взяли, не нашли сапоговъ и ушли себѣ.

Когда ушли, то работникъ Сидоголовка опять сѣлъ и началъ оканчивать сапоги, какъ приходитъ еще одинъ, въ жидовскомъ кафтанѣ, на груди и не сходится и въ кожаныхъ лаптяхъ; кому это ты сапоги шьешь?

— Себѣ!

— Ну лишь, говоритъ, дошивай!

Да и сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ пока Сидоголовка дошилъ.

— А что дошилъ?

— Дошилъ.

— На жъ тебѣ эти лапти, а я надѣну твои сапоги, а ты себѣ сошьешь!

Надѣлъ и пошелъ себѣ.

III.

Между разсказами жителей о минувшемъ и въ пѣсняхъ народныхъ случается здѣсь слышать о бѣдствіяхъ, потерпѣнныхъ малороссіянами за вѣру и противодѣйствіе уніи. Одинъ изъ разсказчиковъ о гайдамакахъ, говоритъ: что вскорѣ послѣ Колiивщины, можетъ быть въ томъ самомъ году, въ Черкасахъ въ

Николаевской церкви былъ священникъ Остапъ Корякъ; поляки и стали его подговаривать, чтобы онъ ѣхалъ въ Польшу, да высвятился на унію: „*Poiedź, poiedź Ostapie, tobie lepiey będzie!*" Онъ и поѣхалъ, высвятился и воротился уже уніятомъ; вотъ въ Троицкой церкви благочестіе, а у насъ унія; лѣтъ, можетъ быть уже нѣсколько, но когда пойдутъ бывало наши въ какой нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ наводятъ на путь: „взбунтуйтесь, говорятъ, да добыйтесь къ преосвященному, такъ будетъ и у васъ благочестіе". А эта епархія зависѣла тогда отъ Переяслава. Въ Переяславѣ жъ былъ преосвященный Гервасій; вотъ отецъ мой и поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакомъ. „Ваше Преосвященство, мы пріѣхали просить, пусть будетъ и у насъ благочестіе, какъ у людей, а то у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.

А преосвященный и говоритъ:—Дѣти мои! просите Коряка, пусть ко мнѣ пріѣдетъ, такъ я поблагословлю его на благочестіе.

А отецъ говоритъ: Святой Владыко; мы всѣ его громадою просили, но онъ не вѣритъ; тогда, говоритъ, будетъ у васъ благочестіе, когда у меня поростутъ волосы на ладони.

Вотъ преосвященный и говоритъ: Люди добрые, обождите же, онъ опомнится да поздно;—ѣдьте, говоритъ, дѣтки домой, а священникъ вамъ будетъ.

Въ Ревовкѣ же былъ тогда молодой священникъ, Максимъ Левицкій; ляхи его мучили, жаръ за сапоги сыпали, чтобъ согласился на унію, но онъ не согласился и ушелъ въ Переславъ къ преосвященному, тамъ его отецъ и видѣлъ; да также въ Переяславѣ былъ тогда у преосвященнаго и ктиторъ изъ Млѣева; онъ взялъ польскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному; такъ отецъ мой и того тамъ видѣлъ.

Вотъ, когда сказалъ преосвященный, что ѣдьте дѣтки домой, а священникъ вамъ будетъ, то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакомъ, а тогда перевозъ черезъ Днѣпръ былъ только въ Сикорной, да въ Довмонтовѣ, заплатишь было индукту, такъ и

пропустятъ; вотъ мой отецъ и ѣдетъ въ Довмонтовъ, а какъ тутъ отъ брата посланецъ. Братъ предостерегаетъ его; пусть, говоритъ, не ѣдетъ въ Черкасы: тутъ уже ляхи провѣдали гдѣ онъ былъ, такъ караулятъ на дорогѣ, чтобъ его поймать.

Вотъ батько скорѣе съ Шпакомъ въ Богушкову слободку, да нанялъ тамъ рыбака, да заплатилъ, чтобы его перевезъ тайно на сію сторону, а лошадей и Шпака тамъ оставилъ.

Приходитъ домой, а тутъ бѣда, ищутъ его ляхи, чтобъ погубить, вотъ онъ къ зятю, да и жилъ тамъ съ мѣсяцъ, въ хлѣвѣ, пока все утихло.

Когда утихло, то и сталъ отецъ уже жить дома, но все еще побаивался, какъ вотъ разъ присылаетъ за нимъ панъ швадронистый (начальникъ эскадрона), а тогда у насъ въ Черкасахъ команда стояла, такъ отецъ ладунки обшивалъ. Вотъ онъ и пошелъ къ тому швадронистому, именно на то мѣсто, гдѣ теперь присутственныя мѣста стоятъ.

— Прихожу, говоритъ, я туда, когда жъ смотрю: привезли мліевскаго ктитора, котораго я въ Переяславѣ видѣлъ; руки назади связаны, а самъ онъ привязанъ къ повозкѣ. Я какъ увидѣлъ, такъ и обмеръ; думалъ, что и меня затѣмъ призвали, какъ вотъ выходитъ швадронистый, ну, цехмейстеръ, смотри, чтобы къ середѣ были ладунки!

— Будутъ, вельможный пане!

А онъ, иди жъ, говоритъ, да чтобъ были. Вотъ я, говоритъ, скорѣй оттуда! Нехай вамъ бисъ!

А ктитора того повезли въ Млѣевъ, да тамъ, гдѣ возлѣ Млѣева есть гребелька и вербы, повѣсили его на вербѣ за руки и всячески мучили; обмотаютъ коноплями, обольютъ смолой да и зажгутъ, а потомъ, замучивши, отрубили ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ колкѣ; но ночью кто то укралъ ту голову и отвезъ въ Переяславъ къ преосвященному, такъ преосвященный началъ еще больше стараться, чтобъ было благочестіе.

IV.

Мотронинскій монастырь.

Мотронинскій Троицкій (мужскій) монастырь, находится въ чигиринскомъ уѣздѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ Кіева по прямой дорогѣ въ 170, а отъ Чигирина въ 40 верстахъ. Онъ съ четырехъ сторонъ окруженъ древнимъ, великимъ крѣпостнымъ валомъ, заросшимъ устарѣлымъ уже лѣсомъ. Валъ этотъ имѣетъ въ окружности 1750 саженей. Лѣсъ, окружающій монастырь, назывался по имени когда то бывшей владѣтельницы Мотронинскимъ, а по лѣсу и монастырь получилъ названіе.

О построеніи въ семъ мѣстѣ Мотронинскаго монастыря по грамотамъ только извѣстно, что оный возобновленъ по благословенію кіевскаго митрополита Іоны Протасевича въ 1568 году и утвержденъ универсалами гетмановъ: Петра Сагайдачнаго и Петра Дорошенка, 1620, 1621 и 1671 годовъ, но въ 1679 году, во время занятія города Чигирина турками, сожженъ и вовсе разоренъ. Послѣ чего вновь построена въ немъ церковь, по благословенію кіевскаго митрополита Гедеона Святополка (князя Четвертинскаго) въ 1685 году, по универсалу чигиринскаго старосты князя Яна Станислава Яблуновскаго, и съ того времени существуетъ до нынѣ.

Мотронинскій монастырь въ 1768 году былъ главнымъ гнѣздомъ гайдамаковъ. Одинъ изъ стариковъ здѣшнихъ разсказываетъ: что „когда собрались гайдамаки въ Мотронинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ сѣчь. Выбрали такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ пропасти, а съ четвертой стороны поставили башню. Вокругъ же обрубились лѣсомъ (т. е. засѣками). Посреди сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прибили ту нитку колышками къ землѣ въ четырехъ мѣстахъ и козакъ вокругъ ходитъ. Это жъ въ одномъ байракѣ *сѣчь*, а въ другомъ, на Байковой Лукѣ *скликъ*. Скликомъ назывался у нихъ казанъ,

висѣвшій на дубу, и возлѣ него молотъ, для того, что едва сдѣлается тревога, тотчасъ прибѣжитъ козакъ и ну молотомъ валять, тогда уже всѣ козаки сбѣгаются въ мѣсто. А недалеко возлѣ склика былъ *значекъ*, т. е. обозначенное вокругъ мѣсто гдѣ паслись кони. А отъ значка верстахъ въ трехъ, къ Жаботину, было Гульбище, на высокой могилѣ, такъ, что когда взойдешь на нее, то весь Жаботинъ какъ на ладонѣ видать—сойдутся, бывало на ту могилу, разговариваютъ, въ карты играютъ, пѣсни разныя поютъ. Рѣдко бывало, чтобъ никого тамъ не было.

. . . .

Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамаковъ пришло изъ Сѣчи Запорожской въ Мотронинъ монастырь сперва только три, будто бы на поклоненіе, и притворились они народомъ ничтожнымъ, ходятъ, бывало, себѣ сгорбившись. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, назывался Демьяномъ Гнидою; а другой, по прозванію Лусконигъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь, а третій, Шелестъ, остался здѣсь въ Мотронинскомъ монастырѣ послушникомъ. Живетъ, говоритъ, года два, и все дѣлаетъ копья, закупаетъ жупанки (кафтаны), шаровары, шапки, сапоги. И когда спроситъ его кто нибудь: „На что это братъ?“—„Это“, говоритъ, „я пошлю на Сѣчь Запорожскую подарокъ, потому что все это тамъ дорого, а народъ безпрестанно умножается, такъ терпятъ недостатокъ въ одеждѣ“.

Мы тому и вѣримъ; думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хочетъ послать на Сѣчь подарокъ. Только однажды иду я, говоритъ, въ церковь въ Мотронинъ монастырь, смотрю: стоитъ онъ, тотъ Шелестъ, на тропинкѣ, именно, на *Спасовомъ яру*, и уже въ жупанѣ. Прежде бывало ходитъ въ старенькой *свиточкѣ* (зипунѣ), а теперь уже на немъ жупанъ, синіе штаны, шапка хорошая, сабля у пояса, за поясомъ пистолеты—все совершенно! Здоровъ, говоритъ, братъ Антонъ!

— Здоровъ!

— Приставай, говоритъ, въ козаки.

— А я, говорю,—чтожъ? у меня есть и отецъ и мать и братья, будутъ меня бранить.

— Да приставай, говоритъ. У насъ будетъ хорошо, у насъ такъ будетъ, что мы во вѣки козаками будемъ.

А мнѣ страшно, я и говорю: „намъ и безъ того хорошо".

— Да приставай!

Я еще таки боюсь.

— А онъ: иди-но къ повозкѣ.

Иду, глядь и повозка стоитъ, а возлѣ повозки ляхъ и жидъ лежатъ связанные. Я какъ посмотрѣлъ на нихъ: э, это жъ уже что то недоброе, когда вяжутъ! и взялъ меня страхъ еще большій.

— А онъ тянетъ изъ повозки боченокъ: пей, говоритъ, водку!

А я говорю, что жъ братъ? еще рано, еще только въ церковь поблаговѣстили.

— Да пей, братъ, говоритъ. Одинъ тому часъ, что невѣстка въ плахти.

Какъ присталъ, какъ присталъ ко мнѣ съ просьбами, я, нечего дѣлать, выпилъ немного.

— Пей еще.

Я еще выпилъ.

— Приставай, братъ, говоритъ.

— Но я все таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, да растеръ съ водкою, да какъ потеръ по лицу, то такая вдругъ взяла меня охота, что только дай въ руки пику, то кажется пошелъ бы, да и душилъ всякаго.

Онъ тотчасъ мнѣ жупанъ, саблю, пистолеты привязалъ, нарядилъ меня совсѣмъ по козацки и пику далъ.—Пойдемъ же, говоритъ, за кленъ, да тамъ и стой, и кто бъ ни шелъ, кто бъ ни ѣхалъ, бери и вяжи.

Пошелъ я, говоритъ, за кленъ, только гляжу, а козаки вездѣ уже и стоятъ по за деревьями.

А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не извѣстилъ команды въ Жаботинѣ.

Поставилъ меня, смотри жъ, хорошо карауль, чтобъ никто ни прошелъ, ни проѣхалъ.

Вотъ я постоялъ тамъ немного, пока тотъ чадъ прошелъ, да потомъ одумался, да скорѣй домой. Прибѣгаю, а батько:—гдѣ это ты былъ?

— Бѣда говорю, тато! Шелестъ козаковъ уже собираетъ!

Вотъ батько побранилъ меня немного, да и говоритъ: спрячься ты, вражій сынъ, а то будетъ тебѣ отъ него бѣда!

Вотъ я какъ пошелъ прятаться, то прятался цѣлыхъ три года.

А Шелестъ, когда провѣдалъ, что команда о немъ уже знаетъ и пошла на Ведмедовку, на *Писарскую Гать*, то собралъ, на самую святую недѣлю, двѣсти козаковъ да прямо въ монастырь. Но удивительно, откуда явились вдругъ тѣ козаки, гдѣ они лошадей набрали и всего! А народъ только что сталъ изъ церкви выходить, какъ эти (гайдамаки) ему на встрѣчу. Народъ такъ и бросился изъ монастыря:—э, это жъ гайдамаки!

А Шелестъ сталъ гулять съ козаками. Музыка, пѣсни и танцы!

Монахи жъ ничего имъ; сидятъ себѣ въ келіяхъ, потому что давно еще объ этомъ знали. Еще какъ только Шелестъ пришелъ въ Мотронинскій лѣсъ, а тамъ тогда были великія трущобы, густота была непроходимая и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ монахъ: то онъ сказалъ тотчасъ тому монаху:

— Иди, говоритъ, себѣ отсюда, отче; тутъ тебѣ не жить, потому, что тутъ козаки будутъ, тутъ будетъ такое, тутъ будетъ такое. Вотъ монахъ и удалился съ того мѣста.

Ну, погулявши Шелестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ сѣчь. Тамъ они обрубились и жили года три. Поѣдетъ бывало ихъ человѣкъ десять, пятнадцать, да схватятъ какого нибудь человѣка и давай мучить, чтобъ говорилъ у кого есть деньги или хорошее платье, да ночью придутъ, и грабятъ; такъ что каждую ночь бывало народъ переходитъ съ имуществомъ спать въ бурьянъ, однакожъ и въ бурьянѣ находили.

Команда жъ къ нимъ не приходила, потому что и сама боялась. Да сколько тамъ и команды той было!

Вотъ, когда собралось ихъ въ каждомъ монастырѣ по триста человѣкъ, тогда и Залѣзнякъ пріѣхалъ изъ Запорожья, да собравшись всѣ вмѣстѣ, девятьсотъ человѣкъ и двинулись въ Польшу. Пришли къ Уманю, а тамъ была ярмарка, да какъ увидѣла, что идетъ Залѣзнякъ, то и заперлась въ замкѣ. А они (гайдамаки) замокъ взяли и вырѣзали всѣхъ ляховъ и жидовъ. Говорилъ мнѣ Лопата, а тотъ Лопата былъ три года слугой при Залѣзнякѣ, такъ говорилъ, что вотъ какъ (показывая за косточку ноги) изъ замка кровь текла.

Вотъ, когда завладѣли Уманемъ, то и поставили вездѣ свой караулъ. Вдругъ ѣдутъ два донца: одинъ, повидимому, изъ старшины, а другой простой. Залѣзнякъ принялъ ихъ какъ гостей, угощаетъ такъ, что ну. Какъ вотъ, немного погодя, ѣдутъ опять три донца. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ ѣдетъ уже человѣкъ пять гусаръ. Тогда онъ и догадался уже, что бѣда будетъ, да и зоветъ Лопату, своего слугу, а это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ:

— Иванъ, говоритъ.

— А я, говоритъ, говорю, чего батько?

— Поди ко, говоритъ, сюда.

Я и пошелъ, этакъ изъ за печки въ графскихъ домахъ.

Вотъ онъ растегнулъ кафтанъ, растегнулъ кожанный поясъ вокругъ себя, набитый червонцами. На, говоритъ, тебѣ этотъ поясъ, если вывезешь, то будешь меня вспоминать.

— А вы жъ, батьку?

— Э, говоритъ, мы тутъ пропадемъ.

Уже догадался, сердечный, говорю: какъ же я отсюда выду?

— Говоритъ: возьми моего коня и веди къ водопою. Если спросятъ тебя: куда идешь? то ты скажи, что поведу батькова коня поить, такъ они и пропустятъ.

Выглянулъ я на дворъ, а уже вяжутъ гайдамакъ; свяжутъ двухъ за руки, спинами одинъ къ другому, да и мѣшокъ земли на рукахъ положатъ; то они бѣдные и стоятъ такъ, по два вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А уже вездѣ московская стража стоитъ и спрашиваютъ у меня: куда идешь?

— Поведу, говорю, батькова коня поить.

Вотъ они и пропустили.

Напоилъ я коня и вотъ уже мнѣ нужно уходить... Но такъ мнѣ стало его жаль (Залѣзняка): думаю себѣ—ворочусь!

Только что выбрелъ изъ воды, какъ бѣжитъ изъ города козакъ, уже на жидовскомъ конѣ: куда?

— Поведу батьку коня.

— Уже, говоритъ, батька чортъ взялъ и тебя возьметъ.

Да рванулъ у меня изъ рукъ того коня, а мнѣ бросилъ жидовскаго; давай, говоритъ, уходить!

— Бросились мы уходить, а за нами два донца, и гнались отъ полудня до самой ночи, да уже возлѣ самаго Тальнаго потеряли насъ въ лѣсу. А мы ѣхали домой двое сутокъ, блудили все по захолустьямъ и ничего не ѣли. А вездѣ уже стоитъ стража; ловятъ гайдамакъ. Пріѣхали ночью къ Калнымъ-Болотамъ, а козакъ и говоритъ:

— Постой лишь, я тутъ бродъ знаю (чрезъ рѣчку Гнилый Тикичъ).

Стали бресть, а кони въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: лови! лови!

Мы по лошадямъ, а козакъ хотѣлъ пику поправить, да какъ подперъ меня подъ поясъ, такъ и перерѣзалъ; поясъ въ воду только *брязь!* пропали деньги!

А мы, вскочивши въ лѣсъ, легли на коней и только ногами понуждаемъ, неси куда хочешь! И пріѣхавши домой еще долго скрывались.

Такъ то когда то дѣялось. Лопата тотъ давно уже умеръ, и слухъ замолкнулъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ

Монастырищѣ, а за Монастырищемъ есть глубокія ямы. Вотъ я остановился, да и смотрю: чтобъ это за ямы были?

Гляжу, идетъ старый человѣкъ: „диду, говорю, что это за ямы?“

— А ты, говоритъ, развѣ не знаешь?

— Нѣтъ, говорю, я издалека, изъ самаго чигиринскаго уѣзда.

Вотъ это жъ, говоритъ, ваши чигиринскіе гайдамаки лежатъ. Тутъ ихъ казнили девятьсотъ, и когда навалили землею, то кровь изъ ямъ била вверхъ высотою въ человѣка. А видишь ты три креста вонъ вонъ стоятъ? То лежатъ ихъ предводители. Тамъ разстрѣляли Шелеста, Лусконога и Гниду.

Тарасъ изъ Ворохты.

Изъ быта гуцуловъ.

(Переводъ съ польскаго [1]).

Предлагаемая повѣсть г. Турчинскаго заслуживаетъ вниманія и какъ беллетристическое произведеніе, нелишенное художественныхъ достоинствъ,—и множествомъ топографическихъ и бытовыхъ подробностей, которыми авторъ обставилъ свой разсказъ; очевидно, авторъ усвоилъ себѣ пріемы реальнаго искуства и основательно изучилъ какъ мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе, такъ и этнографическія особенности описываемаго имъ населенія. Избранная авторомъ мѣстность—южная часть Карпатскаго горнаго кряжа, чрезвычайно живописна; не менѣе интересны этнографическія черты населенія, занимающаго эту часть Карпатъ; обитающее здѣсь горное племя—гуцулы—представляетъ самую характеристическую и наиболѣе рѣзко выдающуюся въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ разновидность южнорусскаго племени.

Гуцулы—это самая южная группа русскихъ карпатскитъ горцевъ; поселенія ихъ расположены какъ по самому кряжу Карпатскихъ горъ, такъ и въ Подгорьи на обоихъ его склонахъ. На сѣверномъ склонѣ Карпатъ, въ Галичинѣ, ихъ отдѣляетъ отъ другаго горнаго племени бойковъ огромная, непроходимая лѣсная пуща, такъ называемый Черный Лѣсъ. Отъ Чернаго Лѣса и окаймляющей его рѣчки, Быстрицы Солотвинской (притокъ Днѣстра) поселенія гуцу-

[1]) *Ateneum* — 1886 г., томъ I, январь, февраль, мартъ.

ловъ тянутся къ югу къ рѣчной системѣ Днѣстра до границъ Буковины, затѣмъ переходятъ за эту границу, располагаясь въ верхней части бассейновъ Серета и Прута. Они занимаютъ юго-западный уголъ Галиціи, называемый обыкновенно Покутіемъ, и сѣверозападную часть Буковины. На южномъ склонѣ Карпатъ гуцульскія села спускаются въ предѣлы Венгріи, въ мармарошскій комитатъ, и тянутся въ бассейнѣ Тиссы, занимая верховья этой рѣки и берега ея притока Вышева, почти до города Смета.

Въ общей сложности гуцулы составляютъ населеніе отъ 120 до 150 тысячъ, которое занимаетъ въ Галиціи 73 села и 6 мѣстечекъ, въ Буковинѣ 32 селенія и въ Венгріи 9. Почти въ серединѣ территоріи, занимаемой гуцулами, возвышается наиболѣе выдающаяся вершина Карпатскаго горнаго кряжа—*Чорная Гора* (6,500 футовъ надъ уровнемъ моря), по имени которой гуцулы обыкновенно называютъ себя черногорцами. Въ окрестности Чорной Горы, въ глубокихъ рѣчныхъ долинахъ, расположены самыя многолюдныя ихъ поселенія Микуличинъ и Жабье. Область, заселенная гуцулами, врѣзывается клиномъ въ окаймляющую ее съ юга и запада территорію, занятую румынами, но, несмотря на столь близкое сосѣдство, оба племенные типа сохранились въ совершенной чистотѣ и не оказали другъ на друга сколько нибудь значительнаго культурнаго вліянія. Нѣсколько десятковъ румынскихъ словъ въ языкѣ гуцуловъ представляютъ почти единственный результатъ продолжительнаго сосѣдства.

По своей наружности и тѣлосложенію гуцулы представляютъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ типовъ среди различныхъ разновидностей южно-русскаго племени. Подобно большинству горныхъ племенъ, они высокаго роста, худощавы и мускулисты, съ широко развитою грудью, очень стройнаго тѣлосложенія и отличаются чрезвычайною силою, ловкостью движеній и статностью осанки. Черты лица ихъ правильны, красивы и очерчены рѣзкими, опредѣленными линіями, кожа смуглая, глаза черные, блестящіе, волосы также черные, густые и волнистые. Мужчины не стригутъ волосъ, которые длинными кудрями развѣваются по плечамъ; бороду брѣютъ, но отпускаютъ длинные усы, концы которыхъ закручиваютъ вверхъ. Одежда гуцуловъ довольно сложная и чрезвычайно эффектная; въ

составъ мужскаго костюма входятъ: высокая, темная шляпа съ широкими полями (*кресаніе*), украшенная узорчатыми мѣдными бляхами, различными привѣсками и блестками или же вышизанными изъ разноцвѣтнаго бисера тесемками (*герданами*); поверхъ рубахи, густо расшитой шелками или шерстью, надѣвается короткій, до пояса кожухъ безъ рукавовъ (*киптаръ*), также вышитый вокругъ и по всѣмъ швамъ; затѣмъ накидывается на плечи такъ называемый *байбаракъ*, верхняя одежда изъ краснаго, синяго или коричневаго сукна. Женскій костюмъ отличается еще большимъ количествомъ вышивокъ и всевозможныхъ украшеній.

Гуцульскія села расположены весьма оригинально и живописно; они тянутся по склонамъ глубокихъ горныхъ долинъ вдоль потоковъ и рѣкъ, занимая нерѣдко довольно значительныя пространства. Каждая хата стоитъ особнякомъ, вдали отъ другихъ, окруженная садами, лугами, рощами и полями (*царинками*), принадлежащими ея хозяину. Гуцульская *хижа* (изба) состоитъ изъ двухъ комнатъ, сѣней и коморы, при чемъ нѣкоторыя части постройки еще удержали тѣ архаическія названія, какія они носили въ глубокой древности; сѣни называются *хоромами*, а комора *клѣтью*.

Гуцулы отличаются большою подвижностью, энергіею, любовью къ свободѣ и сильно развитымъ сознаніемъ своего достоинства; подобно всѣмъ горцамъ, они чрезвычайно привязаны къ своей родинѣ и вдали отъ нея подвержены ностальгіи; въ общежитіи это очень добродушные, обходительные люди, но въ тоже время очень горячіе и, въ случаѣ нанесенной имъ обиды, мстительные и жестокіе. Вслѣдствіе климатическихъ и топографическихъ условій края, гуцулы очень мало занимаются земледѣліемъ, — ровно настолько, насколько это необходимо для прокормленія собственнаго семейства; сѣется главнымъ образомъ кукуруза и картофель, составляющая ихъ повседневную пищу. Любимые промыслы — садоводство, огородничество, пчеловодство и въ особенности скотоводство; главное богатство гуцула составляютъ лошади, рогатый скотъ и особенно овцы. Овцеводство достигаетъ значительныхъ размѣровъ и составляетъ любимое занятіе мѣстныхъ жителей; правильно организованныя артели пастуховъ весною отправляются съ „турмами“ овецъ на „полонины“ — богатыя пастбища, покрывающія вершины горъ, въ теченіе цѣлаго

лѣта занимаются приготовленіемъ различныхъ молочныхъ продуктовъ и только въ октябрѣ возвращаются въ села.

Рожденные среди суровой горной природы, изобилующей разнаго рода опасностями, закаленные съ малыхъ лѣтъ, гуцулы отличаются необыкновенною удалью; они отличные охотники, смѣло въ одиночку идутъ на встрѣчу медвѣдю или дикому кабану, нерѣдко даже безъ огнестрѣльнаго оружія, съ однимъ топоромъ, рогатиною или желѣзными вилами; они гордятся своими охотничьими подвигами, которые считаются тѣмъ болѣе славными, чѣмъ съ большими опасностями они были сопряжены. Сверхъ того они славятся, какъ опытные кормчіе, и съ большимъ искусствомъ сплавляютъ лѣсъ по горнымъ потокамъ и рѣкамъ своей родины. Въ зимніе мѣсяцы, сидя дома, гуцулы занимаются различными отраслями кустарной промышленности; особенно славятся ихъ мѣдныя издѣлія, отличающіеся большимъ изяществомъ формъ и тонкостью орнаментики; изъ мѣди, добываемой на мѣстѣ, они выдѣлываютъ бронзовые кресты, складни, всевозможныя украшенія: серьги, кольца, различныя бляхи и привѣски для поясовъ и шляпъ, а также оружіе: топорики, ножи, пистолеты и т. д. Другое кустарное производство, славящееся красотою формъ и изяществомъ орнаментики—это гончарное; гуцульская посуда изъ свѣтлой глины, покрытая бѣлою глазурью и расписанная весьма оригинальными, затѣйливыми узорами, пріобрѣла почетную извѣстность въ Галиціи.

Въ теченіи прошлаго столѣтія гуцулы прославились упорною борьбою со шляхетскимъ строемъ польскаго государства; формы, въ какихъ выражалась эта борьба, были совершенно аналогичны съ современною ей крестьянскою реакціею въ приднѣпровской Украинѣ, извѣстною подъ именемъ *гайдамачества*. Подобно всякой реакціи непросвѣщенной народной массы, борьба гуцуловъ носитъ характеръ несознательныхъ, стихійныхъ порывовъ, въ которыхъ общественное броженіе проявляется въ формѣ бандитства. Гуцульскіе *опрышки* напоминаютъ не только украинскихъ гайдамаковъ, но и сербскихъ гайдуковъ и ускоковъ, греческихъ клефтовъ и т. п. Ограниченные тѣснымъ райономъ своей территоріи, они не могли развиться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и пріобрѣсти политическаго значенія. Тѣмъ не менѣе, какъ выразители народныхъ нуждъ и настроенія

народной массы своего времени, опрышки оставили по себѣ весьма сочувственное воспоминаніе въ народной памяти: множество разсказовъ, легендъ и пѣсенъ объ опрышкахъ и ихъ подвигахъ до настоящаго времени являются излюбленными сюжетами изустной гуцульской словесности. Особенною популярностью пользуется личность Олексы Довбощука, самаго смѣлаго и энергичнаго предводителя опрышковъ, погибшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣ введенія болѣе правильныхъ общественныхъ отношеній при австрійскомъ правительствѣ, гуцульское гайдамачество начало постепенно ослабѣвать и къ концу первой четверти текущаго столѣтія измельчало до размѣра небольшихъ разбойничьихъ шаекъ, а вскорѣ и совершенно прекратилось. Послѣдняя банда опрышковъ была схвачена австрійскими властями и казнена въ городѣ Надворной въ 1825 году. Изображенные въ прилагаемой повѣсти опрышки относятся къ числу послѣднихъ представителей этого явленія[1]).

К. М.

I.

Тарасъ явился на свѣтъ не въ собственной хатѣ, надъ его колыбелькою не пѣлись веселыя пѣсни, ему не улыбались обрадованныя его рожденіемъ лица. Тревога и опасеніе за будущее привѣтствовали молодую жизнь при самомъ ея началѣ.

Мать его, безпріютная сирота, оправившись послѣ болѣзни, должна была оставить чужую хату, гдѣ только изъ милости дали ей уголъ чужіе люди. Когда то у ея родителей была и собственная хата, и нѣкоторый достатокъ, но что было, то прошло; теперь въ этой хатѣ жилъ злой дядя, успѣвшій завладѣть въ ея малолѣтство всѣмъ ея имуществомъ; съ того времени она пошла служить въ чужіе люди, а когда заболѣла и не могла больше работать,—осталась безъ крова и пищи. Пришлось просить милостыни у добрыхъ людей, потому что теперь она была уже не

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія объ этнографіи гуцуловъ мы почерпнули въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Sofron Witwicki—O Hucułach. Львовъ. 1872 г. Tatomir—Geografja Galicji, изд. 2-е Львовъ. 1876 г., стр. 54—58. Романъ Заклинскій—Географія Руси. Львовъ 1887 г., стр. 121—129.

одна: въ „Микуличинской“ долинѣ стало однимъ жителемъ больше. Другіе люди встрѣчаютъ радостью появленіе на свѣтъ ребенка, по нѣсколько дней празднуютъ крестины, словно желая объявить всему свѣту радостную вѣсть, что семья увеличилась новымъ членомъ; а здѣсь мать, еще не оправившись отъ болѣзни, должна была нести дальше свое горе. Она безропотно несла свое бремя, кормила малютку, хоть сама не разъ оставалась не ѣвши; ходила по всѣмъ концамъ и закоулкамъ обширнаго Микуличина въ поискахъ за работою, съ ребенкомъ на рукахъ, который громко кричалъ, требуя пищи, а она не всегда могла его удовлетворить. Въ ненастье или въ мятель она старалась укрыться со своею ношею гдѣ нибудь подъ чужимъ навѣсомъ, а если ее прогоняли и оттуда,—искала какой нибудь покинутой, полуразрушенной хаты съ догнивающею крышею, сквозь которую дождь лилъ во всѣ щели,—гдѣ нибудь на самыхъ дальнихъ закраинахъ села.

Тогда еще не было большой дороги въ Венгрію, прорѣзывающей теперь Карпаты, а крестьянскіе избы еще дальше отстояли другъ отъ друга, чѣмъ въ настоящее время. Когда день былъ ясный и солнце свѣтило на небѣ, бѣдная мать садилась на зеленой травѣ или на холмикѣ надъ шумящимъ Прутомъ, близь *плая* [1]), по которому проходили люди изъ села, ожидая, чтобы кто нибудь изъ жалости подалъ ей кусокъ коржа [2]) или овсяной лепешки,—не для нея самой, а хоть изъ состраданія къ ребенку, который по большей части кричалъ отъ голода, иногда же улыбался, словно приглашая поиграть съ нимъ. А между тѣмъ не только каждый прохожій смотрѣлъ недружелюбно на стремившагося къ жизни малютку, но нерѣдко и злая гадина выползала изъ подъ прибрежныхъ камней и шипѣла, сердясь на то, что онъ смѣетъ занимать ея мѣсто на камнѣ, противъ горячаго солнца.

Какъ бы то ни было, а въ долинѣ Микуличина прибавился лишній обыватель. Хотя внизу надъ рѣкою изрѣдка только зеленѣли засаженныя бобами или картофелемъ убогія гряды, однако жили же чѣмъ нибудь мѣстные крестьяне. Правда, не было здѣсь

---

¹) *Плай*—горная тропинка для пѣшеходовъ или для верховой ѣзды.

²) Лепешка изъ крупной кукурузной муки.

ни хорошо воздѣланныхъ огородовъ, ни полей, шумящихъ золотымъ колосомъ, за то *полонины* „Лиснёва“, „Яворника“ „Горгановъ“ давали достаточно дохода для того, чтобы могла пріютиться въ селѣ одна лишняя душа, и при всемъ этомъ каждый хозяинъ качалъ только головою, глядя на малютку—зачѣмъ онъ явился на свѣтъ незваный, непрошеный, кто теперь его выроститъ и чѣмъ выкормитъ?... Гораздо лучше, если бы его вовсе не было: и для матери было бы легче, и другимъ людямъ лучше. Какая обуза для села, если ея не станетъ, а этого уже недолго ждать,—она видимо чахнетъ съ каждымъ днемъ отъ постояннаго горя и слезъ о томъ, кто ее оставилъ. А кто виноватъ? Зачѣмъ повѣрила сыну богача! Кто знаетъ, гдѣ онъ теперь; можетъ быть счастливо живетъ и ведетъ хозяйство съ другою, тогда какъ ее удѣлъ горе и тоска.

Несмотря однако на всѣ лишенія, ребенокъ—худой, желтый, съ впалыми глазами, не умиралъ а напротивъ, какъ бы на зло всему свѣту, крѣпко держался жизни. Если случалось ему болѣть, то, хоть ни одна знахарка, ни одна лекарка не лечила его, не заговаривала болѣзни и не шептала надъ нимъ, но тѣмъ не менѣе, прохворавши многіе дни и даже мѣсяцы, онъ все таки какимъ то чудомъ оставался живъ и снова становился на ноги. Такъ день за днемъ влачилось ихъ существованіе, пока, наконецъ, мальчикъ не доросъ до такихъ лѣтъ, что могъ уже самъ бѣгать за матерью и требовать, чего нужно. Иногда случалось ему играть съ другими, хозяйскими дѣтьми и, хотя въ кругу ихъ онъ былъ самымъ безправнымъ, но не разъ осмѣливался, среди общей ссоры, ударить даже наслѣдника любого богача, считавшаго *марыну* [1]) цѣлыми сотнями. Но тогда уже самой матери приходилось отстаивать Тараса передъ другими женщинами, грозившими свернуть голову этой *видмини* [2]), если будетъ покушаться на дѣтей добрыхъ *газдовъ* [3]).

Зимою, въ самые сильные морозы и непогоду мальчикъ бѣгалъ по снѣгу босой въ одной полуразорванной рубашонкѣ, лѣ-

---

[1]) Названіе рогатаго скота у гуцуловъ.

[2]) Видмина—оборотень.

[3]) Газда—хозяинъ.

томъ же по большей части ходилъ совсѣмъ голый. Никого это не удивляло, потому что здѣсь и дѣти богатыхъ ходили точно также; если смочитъ дождемъ, вѣтеръ и солнце высушатъ. Головка маленькаго Тараса никогда не чесалась и не стриглась, густые черные волосы опускались до пояса, на половину замѣняя одежду. Такъ дожилъ онъ до семи лѣтъ.

II.

Постоянно тоскуя о прошломъ и задумываясь о свой горькой судьбѣ, несчастная женщина чахла и слабѣла съ каждымъ днемъ, пока наконецъ не заболѣла такъ, что почти и двинуться не могла изъ своего жалкаго убѣжища; она пыталась вставать и идти куда то далеко, куда ее влекло какое то тайное чувство, словно боялась умереть она здѣсь въ Микуличинѣ. Ее какъ будто что то тянуло по направленію къ Татарову и Ворохтѣ, но силы измѣняли ей и она снова принуждена была ложиться. Наконецъ, едва немного оправившись и поднявшись на ноги, она поплелась кое какъ по тропинкѣ вдоль берега Прута, но въ Татаровѣ опять слегла, пролежала здѣсь нѣсколько дней, потомъ встала снова и поплелась влѣво отъ села къ глубокой долинѣ Ворохты. Однако, не доходя села, совершенно выбилась изъ силъ и не могла уже двинуться съ мѣста. Голова, словно налитая свинцемъ, клонилась къ землѣ, запекавшіяся губы горѣли, она едва слышнымъ голосомъ просила воды, хотя подлѣ нея никого не было.

Мальчикъ бѣгалъ надъ Прутомъ, шумѣвшимъ по обрывамъ скалъ, и забавлялся, бросая въ воду камешки, но примѣтивъ змѣю на прибрежныхъ скалахъ, въ испугѣ бросился къ матери, молившей его слабымъ голосомъ зачерпнуть ей немного воды изъ рѣки; маленькій Тарасъ сначала удивился, затѣмъ направился къ ближайшей хатѣ и вскорѣ вернулся, расплескивая по дорогѣ воду изъ разбитаго ковшика, на который больная набросилась съ жадностью, и выпивъ воду, опять захотѣла пить. Ее жгло внутри какъ бы огнемъ и мучительная жажда съ каждою минутою усиливалась все больше и больше, а мальчика уже не было около нея.

Онъ снова убѣжалъ къ рѣкѣ, гдѣ рѣзвился, и, любуясь, какъ сверкали и переливались на солнцѣ быстрыя волны Прута, чувствовалъ себя также спокойно, какъ въ родномъ селѣ.

А мать его, закрывъ глаза, въ изнеможеніи тяжело дышала послѣ труднаго пути, задумываясь по временамъ, почему она теперь такая покинутая, такая одинокая?...

По временамъ она приподымалась, какъ бы желая подозвать кого то, и будто сквозь сонъ, произносила чье то имя. Неужели имя это и теперь еще было ей дорого?

Но она уже чувствовала, что мысли и образы въ головѣ ея начинаютъ мутиться, путаться и обрываться; какой то неясный шумъ и смятеніе мѣшаютъ различать все, что дѣлалось вокругъ. Съ минуты на минуту все это путалось и мутилось все сильнѣе и сильнѣе и мало по малу какъ бы покрывалось туманомъ.

Ничто у ней уже не болѣло и ничего она не желала; только до слуха все слабѣе и слабѣе доносилось какое то неясное, неопредѣленное клокотаніе, а вскорѣ и оно утихло и больная ничего уже не видѣла и не сознавала.—Такъ лежала она часъ, другой совсѣмъ неподвижная, очень тихая и спокойная, но какъ будто другая, непохожая на прежнюю; слишкомъ уже она была неподвижна, лице какъ то вытянулось, губы раскрылись, но дыханія уже не было замѣтно.

Между тѣмъ маленькій Тарасъ, набѣгавшись и нарѣзвившись вволю, почувствовавъ докучливый голодъ, бросился къ матери, прося ѣсть, но мать не двигалась. Мальчикъ нетерпѣливо ждалъ ея пробужденія, но не дождавшись и недоумѣвая, почему она такъ долго спитъ сегодня, началъ кричать и требовать все настойчивѣе и настойчивѣе пищи, и если у матери ее нѣтъ, то пусть отведетъ его въ какую нибудь хату, гдѣ бы и ему, и ей дали по куску коржа, какъ это не разъ бывало. Но мать ко всему оставалась глуха. Ребенокъ плакалъ все громче и громче, крича, что онъ голоденъ; наконецъ сталъ дергать и тормошить ее, но она не просыпалась; тогда, обративъ вниманіе на ея неподвижное лице и испугавшись, онъ дотронулся до ея рукъ, холодныхъ, какъ ледъ, и что то невѣдомое, какое то неясное предчувствіе морозомъ прошло по его жиламъ. Онъ въ страхѣ

бросился къ ближайшей хатѣ; вскорѣ собрались люди изъ села и поняли, что случилось.

Хоть и чужая то была женщина, захожая изъ Микуличина, но христіанина не бросаютъ на дорогѣ безъ погребенія. Покойницу принесли въ хату, обмыли, сложили руки накрестъ и зажгли свѣчу. Мальчикъ смотрѣлъ на все широко раскрытыми глазами и сидѣлъ въ углу, ожидая, скоро ли мать проснется.

— Ой, нескоро, *небоже*, проснется твоя маты! сказала одна изъ женщинъ, приходившихъ отдать послѣдній долгъ—помолиться за упокой души умершей.

— И что съ нимъ будетъ теперь? глядя на сиротку, произнесъ кто то другой.

Были и такіе, которые утѣшали ребенка, изъ жалости увѣряя его, что мать проснется, что она только сегодня крѣпко уснула. Мальчикъ на все смотрѣлъ со страхомъ и не могъ понять, что сдѣлалось съ его матерью.

На другой день сбили нѣсколько неровныхъ, необтесаныхъ досокъ и положили женщину въ тѣсный ящикъ. Пришелъ сѣдой, сгорбленный старикъ, за нимъ еще нѣсколько крестьянъ изъ села, подняли гробъ на плечи и поспѣшно вынесли его изъ хаты. Мальчикъ громко зарыдалъ, не понимая, куда это уносятъ отъ него мать. Смотрѣли на это собравшіяся на выносъ старухи; одна изъ нихъ изъ состраданія удержала ребенка, толкуя ему, что мать теперь спитъ, что эти люди отнесутъ ее въ другое мѣсто, гдѣ ей уже будетъ хорошо, а какъ только она проснется, то сама придетъ къ своему сироткѣ. Казалось, мальчикъ какъ будто повѣрилъ этимъ словамъ, но скоро вырвался и догналъ людей, несшихъ его мать. Теперь онъ умолкъ изъ боязни, чтобы его опять не воротили съ дороги, и шелъ, повидимому, спокойно, а встрѣчные люди, видѣвшіе это, дивились, какъ это такой малый ребенокъ одинъ одинешенекъ идетъ за гробомъ человѣка.

Не звонили колокола, не слышно было ни погребальныхъ пѣсенъ, ни жалобнаго звука *трембитъ* [1]), не толпились люди,

---

[1]) Трембита—длинная труба, около двухъ саженей, сдѣланная изъ еловаго дерева и обтянутая сверху березовою корою: у гуцуловъ принято играть на трембитахъ во время похоронъ.

пришедшіе отдать послѣдній долгъ умершему; поспѣшно, безъ шума шла процессія: впереди старикъ съ крестомъ, за нимъ четверо крестьянъ поспѣшно уносили человѣка, чтобы не мѣшалъ дальше на свѣтѣ. Позади бѣжалъ ребенокъ, но такъ какъ бѣжалъ онъ молча, безъ крику, то никто не обращалъ на него вниманія. Только заходящее солнце, какъ бы нахмурившись, мрачно смотрѣло на эти одинокія похороны. Скоро пришли на кладбище между могилъ, поднялись на небольшей холмикъ и остановились надъ свѣже вырытою ямою. Старый дьякъ прочелъ молитву и осѣнилъ гробъ крестомъ, а другіе принялись поскорѣе спускать его въ могилу. Тогда мальчикъ ухватился за гробъ обѣими руками и поднялъ отчаянный крикъ и плачъ. Пришлось насильно оторвать рыдающаго ребенка, старикъ хотѣлъ отвести его обратно, но ребенокъ рвался къ матери, такъ что только при помощи проходившей мимо женщины едва удалось увести его въ село.

Женщина изъ жалости удержала на ночь сиротку, дала ему кусокъ овсяной лепешки и увѣряла, что мать только спитъ, но черезъ три дня проснется и будетъ уже здорова. Ребенокъ молча смотрѣлъ на нее и со слезами жевалъ хлѣбъ; затѣмъ, усталый, измученный долгимъ плачемъ и тяжелыми, хотя непонятными впечатлѣніями дня, уснулъ тутъ же на лавкѣ и проспалъ крѣпко до утра. Солнце уже стояло высоко, когда онъ проснулся. Открывъ глаза, Тарасъ осмотрѣлся вокругъ и, не видя матери, а только какую то чужую женщину, хозяйничавшую въ хатѣи не обращавшую на него никакого вниманія, сталъ въ недоумѣніи соображать, что такое случилось. Вдругъ онъ припомнилъ вчерашній день, потихоньку всталъ, вышелъ во дворъ и боязливо оглянулся на всѣ стороны, не видитъ ли его кто нибудь и не задержитъ ли его опять та чужая женщина; но той и въ голову не могло придти, что онъ хочетъ дѣлать.

Тогда онъ отправился, какъ бы руководимый инстинктомъ, по той же самой дорогѣ, съ безпокойствомъ оглядываясь назадъ, не гонится ли за нимъ кто нибудь; по временамъ останавливался, соображая, какъ идти дальше, то по кучамъ смеречины, то по виднѣвшимся изъ за *ворыни* [1]) грядамъ; иногда воз-

[1]) Плетень.

вращался назадъ, сбившись съ дороги. И такъ понемногу, путаясь то сюда, то туда съ тихимъ плачемъ, маленькій Тарасъ кое какъ прошелъ на кладбище и, пробираясь между могилами нашелъ и свѣжее мѣсто, куда хотѣли наканунѣ бросить его мать. Но, не видя теперь той страшной ямы, онъ никакъ не могъ подумать, чтобы его мать могла быть здѣсь. Нѣтъ, она должна лежать гдѣ то въ другомъ мѣстѣ; а можетъ быть она уже встала и спряталась отъ недобрыхъ людей? И онъ обходилъ могилы, оглядывался по сторонамъ, не видно ли матери, не прячется ли она отъ него; обошелъ и обшарилъ всѣ кусты и, не находя ее, звалъ все громче и громче, задыхаясь отъ тяжкихъ рыданій.

Когда наступили сумерки, ребенокъ оставилъ напрасные поиски и заплаканный, измученный бросился бѣжать, боясь наступающей темной ночи; нѣсколько разъ онъ спотыкался и падалъ, но тотчасъ подымался и изо всѣхъ силъ спѣшилъ въ село. Такъ ждалъ онъ нѣсколько дней, все еще надѣясь, что мать воротится къ нему; но мало по мало среди хаоса смутныхъ мыслей и неясныхъ представленій, бродившихъ въ маленькой его головкѣ, все яснѣе и яснѣе являлось сознаніе, что мать его больше не воротится, и тогда онъ понялъ въ первый разъ въ жизни, что такое смерть. Теперь Тарасъ смотрѣлъ мрачно и спокойно, точно въ эти послѣдніе дни выросъ на нѣсколько лѣтъ.

III.

Итакъ мальчикъ очутился одинъ на свѣтѣ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ. Въ Ворохтѣ прибавилось одно новое хозяйство. Не было ни хаты, ни поля, ни скота, ни работниковъ, не было ничего, а все же это было хозяйство. Голодъ и холодъ понуждали: отсюда и заботы, и усилія.

Когда начинала донимать пустота въ желудкѣ, маленькій Тарасъ подходилъ къ той или другой чужой хатѣ и терпѣливо стоялъ у дверей, не спуская глазъ съ суетившейся хозяйки. Такъ стоялъ онъ часъ, другой, иногда до самаго вечера, пока наконецъ женщина не сжалится и не броситъ ему кусокъ су-

хаго коржа или не дастъ нѣсколько ложекъ прокисшей *гусленьки* [1]). Иной разъ случалось ему прождать до вечера и уходить ни съ чѣмъ; тогда онъ плелся дальше и плакалъ, но прохожія не обращали на это вниманія. Дѣлать нечего! Нужно было мириться съ судьбою и дитя ложилось спать гдѣ нибудь подъ кустомъ, надъ *плаемъ*. Если сильный вѣтеръ не давалъ уснуть, мальчикъ забирался куда нибудь въ хлѣвъ или загонъ и тамъ находилъ пріютъ и покой въ сосѣдствѣ телятъ, овецъ и козъ. Рогатые товарищи поталкивали его; иногда которое нибудь животное, присмотрѣвшись къ гостю, пріятельски терлось объ него головою, лизало ему лице. Тогда мальчику снилось, что мать воротилась и ласкаетъ его; а проснувшись по утру, онъ съ удивленіемъ оглядывался вокругъ и мрачная тѣнь набѣгала на гладкій лобъ и ясные глазки ребенка.—Иногда случалось ему и день, и два пробыть безъ пищи, не обходилось иной разъ и безъ кулака отъ какой нибудь раздражительной хозяйки; дитя плакало, но должно было терпѣть молча, убѣждаясь, что это въ порядкѣ вещей; иначе быть не можетъ, потому что ему другаго чего ни отъ кого не слѣдуетъ ждать.

Казалось, маленькій Тарасъ сроднился съ такою жизнью, но, просуществовавъ такъ цѣлый годъ, онъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ, какъ пробуждается зависть къ другимъ дѣтямъ, не спавшимъ ни на дворѣ, ни въ хлѣву вмѣстѣ съ домашними животными, а жившимъ въ теплой хатѣ при матеряхъ, заботившихся и о ихъ пищѣ и теплѣ. А когда ему случалось видѣть такихъ дѣтей, которыхъ мать мыла, чесала и одѣвала къ празднику въ бѣлую рубашку, въ то время какъ на немъ самомъ висѣли только клочки чего то грязнаго, чернаго,—тогда въ немъ пробуждалось и чувство озлобленія: почему это другіе дѣти красивѣе его и есть кому объ нихъ позаботиться, а онъ одинъ на свѣтѣ и не нуженъ никому? Такъ росъ и развивался нашъ герой. Хотя кожа на его худомъ тѣльцѣ высохла и сморщилась, а глаза глубоко впали, однако широкія плечи и высокая грудь свидѣтельствовали о природной его силѣ и здоровьи.—

---

[1]) Варенецъ—обычная пища гуцуловъ.

Случилось однажды, что измученный голодомъ мальчикъ забрался въ чужіе бобы и украдкою началъ срывать и ѣсть стручки. Въ это самое время шелъ по дорогѣ какой то газда, высокій, плечистый, въ короткомъ *киптарѣ*[1]), красиво расшитомъ различными узорами; поверхъ вышитой сорочки надѣтъ былъ широкій кожаный поясъ, густо усѣянный *кильцями*[2]). Шелъ онъ весело, смѣло, самодовольно, и, замѣтивши мальчугана въ грядахъ, крикнулъ ему полу-шутя: „А выходь но зъ бобу, газдо!" Но когда испуганный ребенокъ подошелъ и сталъ умолять не бить его, крестьянинъ взглянулъ ему въ лице и, какъ бы пораженный его видомъ, поспѣшно отошелъ, бормоча про себя: „Та, якъ бы то ще було?... Отъ, *маяки*!" [3]). Ребенокъ же, оставшійся на мѣстѣ, запомнилъ наружность крестьянина, показавшагося ему очень добрымъ человѣкомъ уже по одному тому, что не билъ его. Нѣсколько дней спустя Тарасъ, какъ бы по инстинкту, опять находился близь того же мѣста, въ концѣ села надъ Прутомъ. По тропинкѣ шелъ тотъ же самый *газда*, а въ его *дзіобенкѣ*[4]) лежалъ большой кусокъ *будза*[5]) и *малай*[6]); замѣтивъ его, мальчикъ собрался съ духомъ, поклонился и протянулъ руку. Крестьянинъ тоже узналъ мальчика, пристально взглянулъ изъ подлобья на него, послѣ чего тотчасъ отвернулся; затѣмъ, словно что то тянуло его къ ребенку, посмотрѣлъ вторично, нахмурился и пошелъ дальше, задумавшись и какъ бы опечалившись чѣмъ то. Впослѣдствіи онъ началъ, какъ бы невзначай, мимоходомъ, распрашивать въ селѣ, что это за ребенокъ, котораго хозяина, и, узнавши, что онъ ничей, чужой, остался всѣмъ этимъ очень недоволенъ. Когда ему разсказали всю исторію сироты,—какъ недавно зашла съ нимъ изъ Микуличина какая то молодая женщина и умерла здѣсь, крестьянинъ ни слова не сказалъ на это,

---

[1]) *Киптаръ*—короткая кожаная куртка, подбитая овчиною, вышитая кругомъ и по всѣмъ швамъ шерстью и шнурками, съ бараньею оторочкою; очень красивая верхняя одежда, которую гуцулъ надѣваетъ, выходя изъ дому.

[2]) Блестящія пуговицы и другія металлическія украшенія для пояса.

[3]) Воображеніе.

[4]) Сумка.

[5]) Большая плитка овечьяго сыра, изъ котораго послѣ приготовляютъ брындзу.

[6]) Лепешка изъ кукурузной муки.

но съ тѣхъ поръ становился все угрюмѣе, старался избѣгать ребенка, а если случалось встрѣтить его, сердито отворачивался и уходилъ поспѣшно.

Однажды, когда наступила дождливая пора въ горахъ и Тарасъ, промокшій насквозь, иззябшій, голодный, напрасно бродилъ отъ хаты до хаты, не находя нигдѣ пріюта, сжалилась надъ нимъ одна *газдыня* и, взявъ къ себѣ пасти гусей, въ видѣ задатка накормила будущаго пастуха въ теплой хатѣ и позволила ему погрѣться около *ватры*[1]). Когда же мальчикъ въ первый разъ выгналъ свое стадо на зеленую траву на берегъ шумящаго Прута, онъ былъ совершенно счастливъ, несмотря на холодный дождь, мочившій его безпрерывно. Съ гордостью посматривалъ онъ вокругъ, точно сознавая въ первый разъ въ жизни, что и онъ что нибудь значитъ на свѣтѣ: есть, наконецъ, созданія, которыя и ему должны повиноваться. Подъ вечеръ онъ торжественно привелъ домой свое стадо, загналъ въ хлѣвъ и, войдя въ хату, замѣтилъ съ радостью въ печи горшокъ съ кипѣвшимъ на огнѣ картофелемъ. Сегодня, наконецъ, онъ въ первый разъ будетъ *харчоваты*[2]), какъ и всѣ люди.

Въ эту минуту воротился газда съ сѣнокоса и, увидя мальчика, остановился какъ вкопанный, затѣмъ обратился къ газдынѣ и губы его дрожали отъ гнѣва.

— А этотъ... зачѣмъ здѣсь?

— Такъ, былъ голоденъ и прозябъ... можетъ, пригодится... Взяла его къ гусямъ...

— А тебѣ... что до чужаго?—Газда былъ блѣденъ и дрожалъ, не то отъ холода, не то отъ гнѣва, зачѣмъ жена раздаетъ чужимъ, когда имѣетъ уже своего ребенка.

Мальчикъ тоже узналъ его, но сразу почувствовалъ недоброе и кровь ударила ему въ голову.

— Или у тебя, *жинко*, хлѣба божьяго такъ много стало?... началъ газда и не могъ окончить.

— Такъ, подумала себѣ: зачѣмъ это дитя сирота, будетъ побираться, только Бога гнѣвить... чѣмъ онъ виноватъ?

---

[1]) Огонь на очагѣ.

[2]) *Харчоваты*—ѣсть за общимъ столомъ изъ общей миски.

— А тебѣ что за дѣло?...

— Вѣдь оно тоже божье созданіе! робко замѣтила женщина.

— Что тебѣ до него? у тебя есть свое... Говоря это, онъ отворачивался, не смотря на ребенка, и весь дрожалъ, какъ бы въ лихорадкѣ.

И Тарасъ принужденъ былъ оставить чужую хату. Такъ постигла его новая неудача въ жизни; чувство горькой обиды указало ему недруга въ этомъ человѣкѣ, который лишилъ его пріюта и заработка. Сидя на мокрой землѣ при дорогѣ, ребенокъ плакалъ и не могъ понять, почему онъ такой безпомощный, всѣми отвергнутый и за что этотъ человѣкъ прогналъ его. И за что, при самомъ началѣ своего жизненнаго пути, у него есть уже врагъ.

И тогда маленькій Тарасъ почувствовалъ въ первый разъ свои силы; теперь въ немъ явилось сознаніе, что онъ можетъ пригодиться къ чему нибудь въ хозяйствѣ и имѣть свой собственный кусокъ хлѣба, заработанный, а не выпрошенный подъ окномъ,—что онъ можетъ уже пасти гусей. Эта мысль засѣла ему въ голову и мальчикъ ходилъ изъ дома въ домъ, предлагая каждой хозяйкѣ принять его ходить за гусьми; цѣли своей онъ достигъ; такимъ образомъ—онъ уже не нищій и бездомный сирота—онъ—*наймытъ*, и жизнь его получила новый интересъ. Утромъ чуть свѣтъ онъ выгонялъ свое стадо на берега Прута, едва зеленѣвшіе прошлогоднею травою, но почва была каменистая, нужно было выбирать мѣсто и при этомъ не разъ доходило до схватки съ другими мальчиками: всякому хотѣлось доставить своимъ гусямъ лучшее пастбище.

Какъ то разъ Тарасъ, отстаивая интересы своего стада, сильнѣе обыкновеннаго ударилъ одного мальчика, отецъ котораго владѣлъ цѣлою *полониною*, большимъ участкомъ лѣса на „Клывѣ“, а овецъ и козъ и не перечесть. Тутъ онъ узналъ на опытѣ, что не съ каждымъ позволительно драться. Его самого такъ избили, что онъ пролежалъ неподвижно цѣлыхъ двѣ недѣли въ горячкѣ, а лежа сдерживалъ стонъ и закусывалъ губы, чтобы не кричать отъ боли, и такъ учился самообладанію. Жажда мести росла въ немъ все сильнѣе и сильнѣе и кровь закипала

при воспоминаніи объ обидѣ. Брошенный въ сѣняхъ на соломѣ, безъ всякаго ухода, мальчикъ нисколько не жалѣлъ о томъ, что не поправится и не будетъ жить, какъ это всѣ говорили ему въ глаза, его мучила одна мысль, что ему никогда не придется отплатить за свои обиды. Эта мысль жгла и сушила его, но въ то же время и поддерживала, давая силы въ борьбѣ съ болѣзнью.

Послѣ болѣзни поднялся онъ худой, какъ щепка, измятый, изломанный, съ впалыми щеками и глазами, съ головою, на которой еще виднѣлись голыя мѣста, вмѣсто бывшихъ густыхъ черныхъ волосъ;—но все же онъ какимъ то чудомъ поправился. Теперь онъ сознадъ свое безсиліе и понялъ, что часъ мести для него еще не насталъ. Весна и молодость творятъ чудеса. Когда въ воздухѣ повѣяло тепломъ и свѣжестью, здоровымъ запахомъ хвойныхъ лѣсовъ, ярче засвѣтило солнце и настали теплые дни, кровь живѣе заходила въ маленькомъ тѣлѣ и мало по малу къ Тарасу возвратились прежнія силы и здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя мысли его получили иное направленіе. Теперь онъ какъ будто забылъ о мести, но по временамъ глубоко задумывался о чемъ то и тогда становился серьезнымъ и даже мрачнымъ. Какая то работа происходила въ дѣтской головкѣ, но, когда силы позволили ему побѣгать дальше по окрестностямъ, когда онъ спустился въ самую глубину долины еще ниже „Ребровача", дальше котораго никогда не заходилъ, когда онъ осмѣлился подняться на ближайшую вершину „Дила" (слѣдующей горной цѣпи) и тамъ пахнуло на него настоящимъ горнымъ воздухомъ, всѣ мрачныя мысли оставили ребенка.

IV.

Когда Тарасъ выросъ настолько, что могъ уже помогать пастухамъ на полонинахъ, то для него началась новая жизнь.

Весною вмѣстѣ съ старшими *бугарами* [1]) вышелъ онъ въ горы и здѣсь на высокой, обширной полонинѣ „Рыси" вмѣстѣ съ другими выпасывалъ стада воловъ. Теперь всѣ употребляли

[1]) Бугаръ—пастухъ для рогатаго скота.

его для всевозможныхъ услугъ и старый *ватага*, управлявшій въ качествѣ начальника въ *колыбѣ*, и молодые *легини* [1])—никто не жалѣлъ *„знайду“*. Если онъ достаточно силенъ, пусть его карабкается по обрывамъ,—пусть сгоняетъ *марыну*.

Если случалось какому нибудь волу заблудиться подъ вечеръ въ лѣсной чащѣ, на поиски посылался Тарасъ и онъ волею неволею долженъ былъ по большей части одинъ, иногда вдвоемъ съ кѣмъ нибудь постарше, обходить всѣ *зворы* [2]) и лѣсные закоулки, лазить по оврагамъ, пробираться сквозь густыя заросли огромныхъ папоротниковъ *„згасивки“* съ широкими, перистыми листьями и высокой *„тои“* (aconitum) съ синими цвѣтами, поминутно переступать черезъ поросшіе мхомъ, гніющіе стволы деревьевъ, сваленныхъ бурею или расколотыхъ молніею. Такъ блуждалъ онъ почти въ потьмахъ; и страхъ овладѣвалъ имъ среди глубокой лѣсной тишины, нарушаемой изрѣдка только одинокимъ стукомъ дятла гдѣ то вдали. Когда же подымался вѣтеръ и съ глухимъ, грознымъ шумомъ колыхалъ вѣтви деревьевъ, сердце мальчика холодѣло и морозъ пробѣгалъ по кожѣ, но онъ долженъ былъ искать то, зачѣмъ былъ посланъ старшими, не обращая ни на что постороннее вниманія. За то, отыскавши заблудившееся животное, Тарасъ возвращался гордый, какъ солдатъ, ведущій плѣнника. Онъ шелъ съ надеждою, что хоть на этотъ разъ его похвалятъ, но ему часто приходилось горько разочаровываться—вмѣсто похвалъ онъ встрѣчалъ упреки и брань за то, что такъ долго искалъ утерянную по своей же винѣ скотину; а за ужиномъ около *ватры* его толкали старшіе парубки. Мальчикъ съ огорченіемъ замѣчалъ, что и здѣсь онъ ни къ кому не можетъ привязаться; прежде, пока онъ самъ не сознавалъ своихъ силъ и способностей, онъ вѣрилъ другимъ, что онъ хуже всѣхъ, послѣдній между людьми, но теперь, узнавши себя лучше и убѣдившись, что и онъ къ чему нибудь способенъ, Тарасъ не могъ понять, почему бы ему быть хуже всѣхъ, и мало по малу въ душѣ накипала горечь и злоба по отношенію къ остальнымъ людямъ.

---

[1]) Легинь—парубокъ.

[2]) Зворъ—узкое ущелье, вырытое потокомъ, какъ бы ворота въ горахъ.

Когда же онъ выходилъ изъ туманной *колыбы* и становился одиноко, вдали отъ другихъ, на самомъ высокомъ *гронѣ* [1]), когда съ сѣвера и съ юга тянулись передъ нимъ длинные гребни горъ, то подернутые темною синевою, то отливающіе различными тонами зелени, а въ лице вѣяла здоровая прохлада *верховинъ*,—тогда разлетались всѣ гнетущія мысли и что то подсказывало ему, что онъ и здѣсь могъ бы быть счастливымъ, если бы не было тѣхъ другихъ. Теперь онъ сознавалъ, что товарищи только мѣшаютъ ему, и въ ближнихъ видѣлъ только враговъ. Онъ оглянулся назадъ; а тамъ, словно мрачный стражъ отъ сѣвера, надъ всѣми окрестными горами подымала свои холмы „Кобыла“, самая высокая, но за то и самая пустынная и обильная дикими звѣрьми. Передъ нимъ, съ южной стороны, между темными борами, покрывающими склоны горъ, среди темной чащи мелькали тамъ и сямъ свѣтло-зеленыя поляны. Разсказываютъ, что и тамъ, вдали отъ села, проживаютъ какіе то *газды*. Въ долинѣ, на днѣ длиннаго, глубокаго ущелья протекалъ Прутъ, надъ которымъ, одинъ за другимъ возвышались безконечные ряды горъ различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, уходившіе куда то въ синеватую даль, пока наконецъ не исчезали въ едва примѣтномъ для глазъ легкомъ горномъ туманѣ.

Тарасъ любилъ заглядываться на эти картины, удивляясь, что свѣтъ такъ великъ. Этого онъ никогда не предполагалъ, и теперь задумывался надъ тѣмъ, что бы могло быть тамъ дальше?...

Среди этихъ размышленій, сзади подкрадывался *бугаръ* и ударялъ его по спинѣ. Тарасъ вскочитъ бывало, желая оправдаться, но тотъ, не слушая объясненій, гналъ его на работу:

— Тамъ *марына* разбрелась, быки разбѣгаются, а онъ сидитъ, сложа руки, любуется на горы!... Ой, выйдетъ изъ тебя разбойникъ!

Тарасъ молча отправлялся къ стаду, недовольный, что такъ прервали его мечты; нерѣдко онъ готовъ былъ отплатить за обиду, хотя бы и старшему, но зная, что ихъ много и никто за него не вступится, сдерживался, какъ умѣлъ, и молчалъ, вымещая свою злобу на быкахъ, которые дальше другихъ уходили

---

[1]) Хребетъ горы.

въ полонину. Если же какой нибудь быкъ изъ болѣе горячихъ хотѣлъ показать ему рога, то получалъ такой ударъ по лбу, который приводилъ его къ убѣжденію, что почтенная бычачья сила должна смиряться даже передъ капризомъ подростка.

Такъ росъ нашъ мальчикъ и набирался силъ и отваги; отъ свѣжаго горнаго воздуха грудь его сдѣлалась шире, самъ онъ пополнѣлъ и окрѣпъ. Жизнь среди горъ не обходилось и безъ приключеній.

Однажды, во время густой „*мраки*", пастухи услышали вдругъ въ концѣ стада отчаянный ревъ вола; все стадо сбѣгалось въ испугѣ. Догадываясь, въ чемъ дѣло, всѣ бросились въ ту сторону и увидѣли, какъ медвѣдь, поднявшись на заднія лапы, уцѣпился передними за шею вола и лизалъ кровь метавшейся подъ нимъ жертвы. Пастухи еще издали кричали, махали кольями, но звѣрь не уходилъ, словно не могъ оторваться отъ этого источника горячей крови.

Одинъ парубокъ посмѣлѣе подошелъ ближе и ударилъ по лбу лакомку; тотъ оставилъ свою жертву, обернулся къ человѣку и въ одно мгновеніе опустилъ ему лапу на затылокъ; еще секунда и тотъ бы остался безъ головы. *Бугары* помертвѣли, но Тарасъ, съ сверкавшими, какъ у рыси, глазами, выхватилъ у ближайшаго изъ нихъ рогатину и со всего размаха всадилъ медвѣдю въ животъ по самую рукоятку. Древко переломилось, звѣрь бросился къ мальчику; но пастухи уже успѣли опомниться и поспѣшили къ Тарасу на выручку, кто съ топоромъ, кто съ рогатиною, и въ одно мгновеніе прикололи звѣря.

Посѣщеніе лѣсного гостя окончилось счастливо на этотъ разъ, и человѣкъ, и волъ остались въ живыхъ, хотя и пораненные, и все это благодаря Тарасу, подоспѣвшему такъ во время со своею рогатиною.

Тарасъ стоялъ, гордый своимъ подвигомъ, кровь бросилась ему въ лице, волосы развѣвались по вѣтру, глаза сверкали радостью и торжествомъ. Но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что подвигомъ своимъ онъ только нажилъ себѣ враговъ. Пастухи ни за что не хотѣли признать, будто онъ спасъ ихъ товарища; просто медвѣдь погибъ, благодаря ихъ длиннымъ кольямъ и оружію,

а мальчикъ только по глупости обратилъ на себя его вниманіе, и только. Тарасъ на опытѣ узналъ, что значитъ зависть другихъ.

Впрочемъ, лѣто, проведенное на полонинахъ принесло ему пользу; онъ выросъ, окрѣпъ и загорѣлъ здоровымъ загаромъ, такъ что осенью, вернувшись въ село съ пастухами, онъ былъ почти неузнаваемъ. Сталъ онъ сильнымъ очень смуглымъ молодымъ гуцуломъ въ рубашкѣ, голошняхъ и ременномъ поясѣ, почти насквозь прокопченныхъ дымомъ; его блестящіе, густые волосы падали до пояса, глаза сверкали, словно два угля, и по временамъ въ нихъ показывался какой то невиданный прежде огонекъ. Но когда онъ сбросилъ черную *мазанку* [1]), выкупался въ Прутѣ, смылъ и соскоблилъ съ себя всѣ слѣды долгаго пребыванія на полонинахъ, будто снялъ съ себя другую кожу, то въ чистой рубахѣ, подстриженный, онъ выглядывалъ такъ же, какъ и прочіе подростки въ селѣ.

Съ наступленіемъ зимы снова настали для него трудныя времена; хоть и далеко еще было ему до парубка, но люди знали уже его силу и выносливость въ трудѣ и теперь, ему было легче, чѣмъ прежде, поступить куда нибудь *наймытомъ*. Однако, хозяева нерѣдко давали понять, что онъ ѣстъ больше, нежели стоитъ его работа, и мальчикъ не разъ въ раздраженіи бросалъ ложку и шелъ голоднымъ спать.

Теперь Тарасъ лучше мирился съ товарищами; иногда отвѣчалъ кулакомъ, если кто изъ нихъ называлъ его „знайдою", и въ цѣломъ селѣ боялся одного только человѣка, къ которому чувствовалъ какъ бы инстинктивное отвращеніе; въ свою очередь и тотъ старался избѣгать его, если же имъ случалось встрѣтиться лицемъ къ лицу, тогда оба смотрѣли другъ на друга, какъ два врага. Между тѣмъ ничто не связывало ихъ, ни одинъ не былъ помѣхою другому. Однако, несмотря на это, глаза Тараса сверкали при взаимныхъ встрѣчахъ и кровь приливала къ лицу, газда напротивъ становился блѣденъ и уходилъ мрачный, поглядывая на него искоса.

---

[1]) Рубаха, пропитанная масломъ, какія употребляются пастухами на полонинахъ.

Такъ минула зима—подулъ вѣтеръ съ юга, растопилъ снѣговой покровъ, съ горъ зашумѣли ручьи, а когда весеннее солнце пригрѣло землю и зазеленѣли полонины, Тарасъ былъ снова въ горахъ, на „Китиловкѣ", уже съ другимъ *ватагою* и *бугарами*. Когда онъ взошелъ на самую вершину и оглянулся вокругъ, охваченный знакомою горною прохладою, все его существо какъ бы замерло отъ счастья.

У ногъ его, по волнистымъ склонамъ горъ, по лощинамъ и оврагамъ разстилалась безъ конца наводящая страхъ, темная чаща лѣсовъ, въ которой, по разсказамъ, такъ и кишили волки, рыси, медвѣди. Страхъ охватилъ его и въ то же время что то влекло туда, въ эту чащу; въ глазахъ у него помутилось, голова горѣла и кружилась.

Тамъ вдали, позади другихъ горъ, на голубомъ фонѣ неба темносинею массою возвышалась сама „Чорногора", о которой онъ слыхалъ не разъ. Тарасъ различалъ ея вершины: Зарослякъ, Позижевку и Данцеръ[1]), но главная вершина, Говерля[2]), едва виднѣлась, окутанная туманомъ. Мальчикъ стоялъ пораженный, словно проходили передъ нимъ слышанные въ зимніе вечера разсказы объ „опрышкахъ", скрывавшихся на Черной горѣ, и кровь быстрѣе заходила по жиламъ. А когда черезъ минуту разорвало туманъ и передъ нимъ обрисовалась сразу огромная Говерля, Тарасъ, какъ очарованный, не могъ оторвать сверкающихъ глазъ отъ этой громады.

Теперь онъ распрашивалъ *ватагу*, далеко ли оттуда до неба. Старый пастухъ, любившій поговорить, разсказывалъ самыя неправдоподобныя вещи о Черной горѣ, о страшныхъ озерахъ въ глубинѣ ея долинъ, объ „манѣ", которая садится тамъ на глаза людямъ, о буряхъ и громахъ, зажигающихъ лѣса, а молодежь слушала, окруживъ старика, и трепетала при мысли о подобной пустынѣ и таящихся въ ней чудесахъ. Здѣсь, можетъ быть не разъ придется имъ повстрѣчаться и съ опрышками; но, если не оказывать имъ сопротивленія, то они довольствуются

---

[1]) Боковыя вершины, образующія хребетъ Черной горы.

[2]) Названіе наиболѣе выдающейся возвышенности черногорской.

обыкновенно одною, много двумя головами скота и удаляются спокойно. Они больше падки на *сорокивки*[1]), тщательно сберегаемыя богачами Ворохты, Яблоницы, Космача, нежели на *марыну*, которую не могутъ вести на ярмарку. И это второе лѣто провелъ Тарасъ на полонинахъ подобно первому; теперь онъ видѣлъ уже и опрышковъ, которые, поторговавшись съ *ватагою*, зарѣжутъ одного-двухъ воловъ, изжарятъ ихъ на огнѣ и идутъ дальше. Страхъ разбиралъ его при видѣ этихъ рослыхъ людей съ длинными волосами, грозными лицами и сверкающимъ взглядомъ; но мысль часто возвращалась къ нимъ и тѣшилась ихъ образомъ. Ему казалось, что съ ними можно освоиться также, какъ и со своими односельчанами. Они вѣдь не ѣдятъ людей, а пастухи мирно бесѣдовали съ ними у огня.

Такъ, проводя каждое лѣто на полонинахъ, на свѣжемъ горномъ воздухѣ, Тарасъ выросъ, возмужалъ и выглядывалъ почти какъ взрослый. Глядя на этого рослаго, смуглаго юношу съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, съ густыми, блестящими, какъ вороново крыло, черными волосами, съ черными глазами, въ которыхъ какъ бы искрились горящіе угли,—никто бы не узналъ въ немъ прежняго блѣднаго сиротку съ желтоватымъ, безкровнымъ лицемъ, съ глубоко впалыми глазами, сморщенною кожею, подъ которою можно было сосчитать всѣ кости.

Сознавая свои силы, Тарасъ хотѣлъ бы уже сдѣлаться *легинемъ* и съ охотою нанимался весною и осенью гнать плоты, когда не былъ на полонинахъ; но его брали только въ помощь старшимъ *легинямъ*, которымъ онъ долженъ былъ прислуживать, и не разъ подъ холоднымъ дождемъ или осеннимъ туманомъ, леденящимъ кости, приходилось ему прыгать въ воду, чтобы приподнять и направить дальше плотъ, задержанный какою нибудь преградою, хотя бывали тамъ и другіе *керманичи*[2]) постарше и посильнѣе его. Вездѣ онъ былъ первымъ, не заботясь

---

[1]) *Сорокивка*—мелкая серебряная монета въ двадцать крейцеровъ, сорокъ грошей.

[2]) *Керманичъ*—рулевой; *керма* у гуцуловъ длинное весло, замѣняющее на плотахъ руль.

о томъ, что можно наткнуться на острые корни и сучья на днѣ рѣки, и нерѣдко окровавленный, съ израненнымъ колѣномъ хватался за весло, стараясь изо всѣхъ силъ, лишь бы поскорѣе признали его *легинемъ*.

V.

Въ ту пору, когда Тарасъ, наконецъ, сдѣлался легинемъ, онъ былъ красивый, стройный парубокъ, на котораго заглядывались дѣвушки, да и онъ въ свою очередь не опускалъ глазъ при встрѣчѣ съ сельскими красавицами.

Въ праздничные дни, когда молодежь собиралась въ корчму для танцевъ, Тарасъ и здѣсь былъ первымъ и та, которую онъ выбиралъ въ *коломыйку*, не должна была уставать на половинѣ, потому что танцоръ у нея былъ сильный и ловкій и кружился также быстро, какъ струя горнаго потока. За то и дѣвушки готовы были за него въ огонь... Нерѣдко его успѣхи кончались дракою между легинями, особенно если Тарасъ выбиралъ дочь какого нибудь богача; тогда товарищи давали ему различныя прозвища, которыя онъ тутъ же вымещалъ на ихъ спинахъ. Не были рады ему и отцы, у которыхъ хранились годами накопленныя *сороковки* и которые ни въ какомъ случаѣ не могли примириться съ мыслью, чтобы ихъ дочери выходили за легиня, не имѣвшаго ни большихъ стадъ, ни обширныхъ полонинъ. Опасенія ихъ были напрасны, такъ какъ нашъ легинь, повертѣвшись съ тою или другою въ коломыйкѣ, оставлялъ ее безъ вниманія, будучи увѣренъ, что ни она для него и ни онъ для нея. Случалось это, впрочемъ, довольно рѣдко, такъ какъ и къ богачамъ, и къ ихъ дочерямъ Тарасъ чувствовалъ какъ бы врожденное отвращеніе и не разъ съ раздраженіемъ отталкивалъ ту или другую, хотя онѣ ни въ чемъ не были виноваты передъ нимъ.

Разъ, во время такого собранія, въ числѣ присутствующихъ дѣвушекъ была одна, поминутно взглядывавшая на него робко, какъ бы украдкою и краснѣя, какъ лѣсная калина. Но такъ какъ то была дочь богача, съ которымъ у Тараса были старые

счеты, то онъ и не думалъ обращать на это вниманія. Онъ хорошо помнилъ того газду, который его, еще ребенка, призналъ недостойнымъ пасти его гусей и выгналъ, какъ собаку, изъ хаты. Съ тѣхъ поръ еще онъ всею душою возненавидѣлъ своего врага, а эта дѣвушка была его дочь.

Не имѣя возможности отплатить отцу, онъ готовъ былъ выместить свою обиду на его дочери; и теперь, танцуя съ другими, обходилъ ее нарочно, зная, что она только и ждетъ своей очереди, и проходя мимо нея, не могъ сдержаться, чтобы не толкнуть ее. Когда же Олена, краснѣя по уши, съ трудомъ сдерживала слезы, онъ чувствовалъ какое то внутреннее удовлетвореніе и придумывалъ, чѣмъ бы еще сильнѣе досадить дочери своего врага-богача. На ней хотѣлъ онъ выместить все зло, вынесенное имъ въ дѣтскіе годы. И хотя временами, обидѣвъ ее чѣмъ нибудь, ему приходилось невольно ее пожалѣть и его разбирала досада на себя, но онъ тотчасъ же старался подавить въ себѣ всякое страданіе къ ней, какъ неумѣстное: дѣлать ей на зло было для него наслажденіемъ, зачѣмъ же отказывать себѣ въ удовольствіи.

А бѣдная Олена все переносила терпѣливо и только не могла надивиться, за что этотъ легинь такъ ненавидитъ ее, почему ни разу привѣтливо не взглянетъ на нее. Или она уже такъ дурна собою? Но взглянувши въ воду вмѣсто зеркала, она не могла съ этимъ согласиться. Изъ воды смотрѣла на нее красивая, стройная дѣвушка съ кроткими, темными глазами, глубокими, какъ бы подернутыми туманомъ. Обыкновенно же лице дѣвушки выражало какую то сдержанную грусть и подчиненіе чужой волѣ. Она была очень терпѣлива: развѣ вздохнетъ молча, или изрѣдка заплачетъ втихомолку.

Тарасъ ни на что не обращалъ вниманія; иногда его даже разбирала злость, зачѣмъ она такъ смотритъ на него, и его брало желаніе сдѣлать ей какую нибудь новую непріятность. Но, вглядываясь пристальнѣе, ему казалось, что въ глубинѣ этихъ черныхъ глазъ, какъ бы подернутыхъ горнымъ туманомъ, есть что то притягивающее и его; этого онъ ни за что не хотѣлъ допустить и приходилъ въ ярость отъ одной мысли, какъ могъ

онъ допустить себя до этой мысли. Онъ не хотѣлъ даже смотрѣть на нее, а между тѣмъ, взглядывая украдкою и замѣчая ея смущеніе, Тарасъ чувствовалъ, что кровь быстрѣе приливала и къ его сердцу. Но ему казалось, что это не болѣе какъ *уроки*, и хотѣлось сдѣлать ей что нибудь такое, чтобы она долго помнила и не бросала на него въ другой разъ *уроковъ*.

Раздумывая надъ этимъ, Тарасъ долженъ былъ убѣдиться, что его преслѣдуетъ образъ этой проклятой дѣвушки; она постоянно у него передъ глазами. Тьфу! нечистая сила! Вѣдь это дочь его врага! И онъ старался возненавидѣть ее такъ же, какъ уже издавна ненавидѣлъ ея отца. Дѣйствительно, ему удалось забыть ее на время; образъ этой дѣвушки совсѣмъ было скрылся изъ его памяти.

Разъ, послѣ продолжительныхъ дождей, вода въ рѣкѣ прибыла и Прутъ, грозя разливомъ, принялъ угрожающій видъ; волны съ страшною силою и шумомъ ударяли о прибрежныя скалы и мчались дальше, унося съ собою цѣлыя деревья старыя и молодыя, подхватывая ихъ или съ корнемъ вырывая изъ размытаго берега. Люди со всего села выходили на берегъ, мужчины размѣстились вдоль рѣки на удобныхъ мѣстахъ и вылавливали лѣсной матеріалъ, доставляемый водою изъ дальнихъ горъ, а женщины и дѣти издали наблюдали эту ловлю. Нашъ Тарасъ отбѣжалъ далеко отъ другихъ, увлеченный погонею за огромнымъ деревомъ, которое волны подбрасывали, кружили и мчали дальше, какъ щепку. Поймать его было дѣло нелегкое, но онъ былъ упрямъ и твердо стоялъ на своемъ; онъ уже совсѣмъ было зацѣпилъ колоду и поворачивалъ ее къ берегу, но въ эту минуту, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ воду въ очень опасномъ мѣстѣ, прямо въ водоворотъ. Увлекаемый бурными волнами, онъ слышалъ неясно какъ бы крикъ ужаса и затѣмъ чей то зовъ на берегу, и продолжалъ бороться съ волнами, стараясь удержаться наверху... на мгновеніе ему показалось, будто кто то протягивалъ ему шестъ, но вода заливала глаза и уши и, оглушенный ея шумомъ, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Кое какъ удалось, наконецъ, добраться до берега, но едва выкарабкавшись на землю, еще весь ошеломленный, измученный

долгими усиліями, Тарасъ замѣтилъ невдалекѣ отъ него, внизъ по теченію, какъ будто дѣвичью голову, которая то показывалась на поверхности воды, то снова исчезала въ ея глубинѣ. Онъ побѣжалъ въ ту сторону и съ ужасомъ увидѣлъ, какъ волны подбрасывали чье то тѣло, боровшееся со стихіею остатками послѣднихъ своихъ силъ... Не раздумывая долго, кто бы это могъ быть, нашъ легинь поспѣшилъ на помощь утопавшей, но успѣвъ схватить ее, самъ уже обезсиленный недавнею борьбою, сразу пошелъ съ нею ко дну. Черезъ минуту голова его появилась уже въ другомъ мѣстѣ и казалось, будто чьи то руки, крѣпко уцѣпившись за него, тянули его ко дну, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ исчезъ, только сильнѣе забурлила, запѣнилась вода, да круги, одинъ за другимъ, расходились все дальше и дальше, разбиваясь о встрѣчныя волны. Вскорѣ забурлило снова въ другомъ мѣстѣ и все дальше и дальше внизъ по теченію показывалась пѣна, окруженная широкими водяными кругами. Наконецъ, въ болѣе мелкомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка разливалась шире, тѣло остановилось, задержанное торчавшими на днѣ скалами. Это еще не былъ утопленникъ, потому что продолжалъ еще барахтаться въ водѣ, но другое тѣло висѣло безжизненно, крѣпко ухватившись руками за легиня.

Съ немалымъ трудомъ выбрался онъ на берегъ... протеръ глаза, но смотрѣлъ точно пьяный; голова кружилась, въ глазахъ еще темнѣло; медленно разжалъ онъ руки дѣвушки, положилъ ее на землю и отступилъ, какъ бы чѣмъ пораженный. Тутъ только узналъ онъ, кого ему пришлось спасать.

Онъ началъ оглядываться и звать на помощь, поблизу же никого не было, пришлось самому выливать воду изо рта, изъ ушей, растирать тѣло; дыханье же не возвращалось... къ тому времени подошли люди, подняли утопленницу—съ распущенными, спутанными волосами, повисшими безжизнено руками и ногами—и понесли въ хату. Увидя дочь въ такомъ состояніи, мать въ ужасѣ всплеснула руками, бросилась къ ней и начала согрѣвать собственнымъ тѣломъ, покрывая ее въ то же время ласками и причитывая надъ нею голосомъ, полнымъ нѣжности и отчаянія.

Наконецъ, дѣвушка открыла глаза; мать и смѣялась, и плакала, осыпая ее страшными поцѣлуями. Мало по малу Олена пришла къ сознанію, силилась собраться съ мыслями и припомнить, что случилось, а припомнивши, съ тревогою начала распрашивать, что съ нимъ сталось. Но матери она не могла и не хотѣла разсказать всей правды, да впрочемъ, и сама она не имѣла точнаго представленія о случившемся. Она помнила только, что, завидѣвъ утопающаго Тараса, въ испугѣ вырвала изъ какого то плетня колъ, чтобы протянуть ему, но едва вошла въ воду, какъ тотчасъ была подхвачена и снесена теченіемъ. Словно сквозь сонъ припоминалось ей, какъ она еще нѣсколько минутъ боролась съ волнами, холодными и тяжелыми, какъ камень, заливавшими ее, подбрасывавшими, бившими и оглушавшими своимъ шумомъ, до сихъ поръ отдававшимся у нея въ ушахъ. Дальше она ничего не помнила и не сознавала, кромѣ этого страшнаго гула.

Олена молча сидѣла на лавкѣ, о чемъ то думала, а мать, уже успокоенная, готова была цѣловать руки тому безцѣнному легиню, о которомъ напомнили люди, принесшіе ея дочь. Еще не вполнѣ оправившись, сидѣлъ онъ на камнѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хаты, погруженный въ глубокое раздумье; тамъ нашла его старуха и бросилась цѣловать ему лице, руки... Онъ спасъ ея дитя!

Молодой человѣкъ просто испугался, самъ не зналъ, что дѣлать, когда старая женщина поминутно цѣловала его руки. Онъ готовъ былъ бѣжать..

— Да смилуйтесь!... Что вы дѣлаете?... Да оставьте!...

— Мій батечко! мій соколе! мое золото!...

Она распрашивала,—хотѣла знать подробно,—какъ тонула ея дочь, какъ онъ спасалъ ее, и поминутно прерывала разсказъ восклицаніями, снова и снова цѣловала его руки.

— Да перестаньте!... что вы это дѣлаете, ненько? вѣдь я вамъ гожусь въ сыновья...—Онъ остановился, какъ бы испуганный собственными словами.

— О! Будь моимъ сыномъ!... Пусть я буду твоею матерью... Ты мнѣ жизнь возвратилъ... мій соколе! мій сыночку!...

— Да что же я такого сдѣлалъ?... Не смотрѣть же мнѣ было, стоя на берегу, какъ потопаетъ крещеная душа!... Вѣдь каждый бросилъ бы камнемъ въ такого человѣка. Не могъ же я уйти, когда ваша дочка падала въ воду... Развѣ уже я былъ бы собака, а не человѣкъ... да и собака лучше такого человѣка...

Подъ вечеръ возвратился газда съ дальней полонины и, узнавши, что случилось въ его отсутствіе, чуть не разсердился, зачѣмъ понадобилось дѣвушкѣ вытаскивать изъ воды какую то глупую колоду?.. (такъ объясняла она свое приключеніе). Точно ему не за что привезти себѣ дровъ изъ лѣсу. Но узнавши, кто спасъ ее, онъ мрачно потупился и произнесъ въ полголоса: „Что же это такое, ужъ не кара ли Господня на меня?“

Слушая дальше разсказъ жены, ея восторженныя похвалы легиню, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, а услыхавъ, что она въ порывѣ благодарности цѣловала его руки, весь вспыхнулъ и замѣтилъ кратко, что баба глупа, не понимаетъ самаго простаго дѣла: бѣдный, безродный *хлопъ* спасалъ дочь богача,—ничего не можетъ быть проще. Вѣдь на *сплавахъ* ему за цѣлую недѣлю не заработать столько, какъ здѣсь въ нѣсколько минутъ. Чтожь, передъ нимъ не останутся въ долгу!

Старуха хотѣла было продолжать о томъ, какъ по ея мнѣнію слѣдовало вознаградить ихъ благодѣтеля, но услыхавъ, что мужъ намѣренъ купить ему широкій поясъ, унизанный *кильцями*, какого онъ не имѣлъ никогда въ жизни, и *порошныцю* [1]) и такимъ образомъ всѣ счеты между ними будутъ кончены,— она только взглянула на мужа и, не смѣя прибавить ни слова, грустно занялась своею работою.

Между тѣмъ Тарасъ силился припомнить все случившееся. Сначала его воспоминанія были безсвязны, но мало по малу подробности, одна за другою, отчетливѣе вставали въ памяти и волненіе овладѣвало всѣмъ его существомъ. Ему казалось неестественнымъ, чтобы дѣвушка бросилась спасать человѣка; другое дѣло онъ, мужчина; онъ силенъ и пріобрѣлъ опытность и

---

[1]) Рогъ для пороха и кожанный мѣшокъ, привѣшенный къ двумъ ремнямъ, которые перекрещиваются на груди.

сноровку на *сплавахъ*. Мысль эта пробуждала въ немъ новыя, до тѣхъ поръ невѣдомыя чувства, не то благодарности, не то восторга; но вслѣдъ затѣмъ шевелилось другое чувство—досады и смущенія. Онъ сравнивалъ ея положеніе со своимъ и въ душѣ отчетливо выступало сознаніе, что онъ нищій, „*знайда*“. Онъ вспомнилъ свое дѣтство, смерть матери и въ первый разъ заплакалъ, сердце въ немъ какъ бы растаяло и въ то же время онъ чувствовалъ, что на него надвигается новое бѣдствіе.

VI.

Возвращаясь однажды изъ Опарскихъ горъ, гдѣ онъ работалъ на сѣнокосахъ, Тарасъ неожиданно повстрѣчался съ Оленою и снова ясно и отчетливо, до мельчайшихъ подробностей встало въ его памяти приключеніе съ нею. Кровь быстрѣе при этомъ воспоминаніи заиграла въ его жилахъ, онъ почувствовалъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не услышитъ отъ нея самой того, что ему такъ сильно хотѣлось знать.

Обмѣнявшись обычнымъ привѣтствіемъ „Помагай Бигъ“, Тарасъ спросилъ дѣвушку, вполнѣ ли она оправилась послѣ несчастнаго происшествія; теперь ему во что бы то ни стало хотѣлось поговорить съ нею. Олена вспыхнула, въ смущеніи пробормотала что то вродѣ благодарности Богу и добрымъ людямъ, но и сама не сознавала, что говоритъ. Изъ словъ ея, однако, можно было догадаться, что ей извѣстно, кто вырвалъ ее изъ рукъ рѣчныхъ русалокъ; она блѣднѣла каждый разъ при воспоминаніи о холодныхъ волнахъ Прута, словно чувствовала прикосновеніе нечистой силы.

Слово за словомъ Тарасъ надѣялся выпытать отъ дѣвушки, какимъ образомъ она очутилась въ водѣ, что она дѣлала на берегу. Олена молчала, въ смущеніи опустивъ глаза, и не знала, что отвѣтить.

— Тамъ на берегу еще были люди... вылавливали то, что несло водою...

Она остановилась, не зная, что сказать дальше, а Тарасъ стоялъ и ждалъ; она продолжала:

— Тамъ плыли такія колоды, какихъ не легко найти и на „Кечерѣ“, или даже въ „Форостецкомъ“ лѣсу.

— Можетъ быть... я самъ видѣлъ... но вѣдь ихъ вытаскивали мужчины.

— Были и женщины... да и дѣвушки тоже стояли вдоль берега. Иныя помогали, другія такъ смотрѣли.

— Но какъ это случилось, что она стояла одна, вдали отъ другихъ, потому что вѣдь тамъ никого не было; и другіе люди стояли далеко и только случайно подошли и успѣли подать имъ помощь.

Такъ вопросъ за вопросомъ Тарасъ достигъ наконецъ того, что она, дрожа отъ охватившаго ее непонятнаго ей самой чувства, созналась, какъ, видя его въ опасности, хотѣла помочь ему и протянула первую попавшуюся жердь, стоя на самомъ краю берега, тутъ ее и подхватило волнами. Сильно забилось сердце легиня при этомъ признаніи. Хотя онъ и догадывался объ этомъ, но все же никакъ не хотѣлъ допустить мысли, чтобы она изъ за него добровольно подвергала себя опасности. Кровь бросилась ему въ голову и онъ обнялъ дѣвушку въ порывѣ восхищенія. Въ эту минуту онъ убѣдился, что любитъ ее, и самъ былъ пораженъ этимъ открытіемъ. За то Олена была совершенно счастлива. Лице ея отражало то блаженство, какое она испытывала впервые.

Между тѣмъ зашло солнце. На западѣ пурпуромъ загорѣлась заря и начала блѣднѣть, а вокругъ распространялся упоительный ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ и травъ, живительный запахъ сосноваго лѣса. Было что то разслабляющее въ этой теплой лѣтней ночи. Тарасъ чувствовалъ, какъ сильно билось и стучало его сердце, а кровь быстрѣе и быстрѣе переливалась въ жилахъ... Вѣдь они могли бы осчастливить другъ друга... и вдругъ, словно что то шепнуло ему, что это невозможно—вѣдь она дочь богача, а онъ кто такой? Эта мысль угнетала его, а при воспоминаніи о ея отцѣ морозъ прошелъ по кожѣ.

Долго стояли они такъ вдвоемъ, а проходившіе мимо люди многозначительно поглядывали на нихъ—наконецъ нужно было расходиться. Она возвращалась въ родительскій домъ,

охваченная какимъ то новымъ, еще невѣдомымъ счастьемъ, которое изъ предосторожности должна была тщательно скрывать отъ отца и матери, какъ скрывала раньше свою любовь. Онъ, напротивъ, шелъ медленно, опустя голову, и спрашивалъ себя, почему онъ такъ несчастливъ, почему онъ теперь не имѣетъ отца?

— Нѣтъ!—думалось ему,—отца давно уже нѣтъ на свѣтѣ! онъ даже не припомнитъ его и въ дѣтствѣ... Навѣрно это было очень давно, если даже мать никогда не вспоминала о немъ. Если бы онъ былъ живъ, онъ долженъ былъ бы когда нибудь вспомнить о своемъ сынѣ... И тотчасъ прибавилъ въ видѣ утѣшенія самому себѣ:—А можетъ быть отецъ еще живъ гдѣ нибудь? Но нѣтъ! нѣтъ!.. это невозможно!.. Это было бы ужасно, такъ оставить сына! Такихъ отцовъ не бываетъ на свѣтѣ!... А можетъ быть онъ гдѣ нибудь далеко? можетъ быть живетъ гдѣ нибудь въ чужихъ сторонахъ... въ какомъ нибудь далекомъ краю... или можетъ быть въ войскѣ?... Въ такомъ случаѣ, чѣмъ онъ виноватъ, если его не пускаютъ домой!... Вѣдь ихъ берутъ лѣтъ на четырнадцать, а можетъ быть и того больше? Это очень долго. И мать умерла, а его при этомъ не было... Можетъ быть онъ даже не знаетъ объ ея смерти?... Сколько различныхъ бѣдъ ходитъ между людьми по свѣту!

Какъ ни старался Тарасъ оправдать отца въ своихъ глазахъ, но это было очень трудно.—Нѣтъ! не нужно обманывать себя: отца его давно уже нѣтъ въ живыхъ!

Такъ шелъ онъ *плаемъ* вдоль берега и ему казалось, что въ этотъ день Прутъ шумитъ какъ то особенно глухо и угрюмо, и воздухъ какой то тяжелый, удушливый. Вскорѣ подошелъ къ нему одинъ знакомый человѣкъ, говоря, что уже давно ищетъ его: отецъ Олены воротился изъ Ясеня венгерскаго, привезъ оттуда широкій поясъ изъ доброй кожи, густо унизанный *кильцями*, и поручилъ отдать его *легиню*, такъ какъ самъ онъ, усталый съ дороги, тотчасъ улегся спать, а на слѣдующій день еще до свѣта выходитъ на сѣнокосъ; нужно спѣшить съ уборкою сѣна, потому что угрожаютъ ливни.

Тарасъ слушалъ и не понималъ этого человѣка. Тотъ повторилъ ему все сначала, показывая широкій красный поясъ, настоя-

щій венгерскій, густо украшенный блестящими гвоздиками и бляхами, стараясь втолковать ему, что это за ту дѣвушку, которую онъ спасъ изъ воды... Ему вѣдь слѣдуетъ что нибудь за это, а отецъ Олены такой богачъ и такой щедрый.

— Такъ это плата!

— Конечно такъ!

— Но я не хочу никакой награды!

Кровь ударила ему въ голову, онъ въ гнѣвѣ оттолкнулъ подарокъ, а гуцулъ недоумѣвалъ и удивлялся, что сталось съ молодымъ человѣкомъ, который пренебрегаетъ такимъ подаркомъ.

— Такъ ты, хлопче, еще чего нибудь лучшаго захотѣлъ? Чтожь тебѣ лошадь нужно или вола?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Кто вамъ сказалъ, что я чего нибудь желаю? Ничего мнѣ не нужно! Что я сдѣлалъ такого?... Я для старика ничего не сдѣлалъ. Что онъ мнѣ братъ или сватъ, что бъ я сталъ для него топиться?

— Да вѣдь ты вытащилъ изъ воды его *дивчыну*.

— А если бы вы сами, дядьку, шли мимо и видѣли, какъ потопаетъ крещеная душа, развѣ бы вы прежде потребовали платы, а потомъ уже шли спасать?

— Ну, какъ это можно? Вотъ еще, что выдумалъ!

— Такъ за что же вы хотите платить мнѣ! Я ничего не хочу! Ну, какъ это можно? Вотъ еще что выдумалъ! Не за что... Я ничего такого не сдѣлалъ.

— Такъ не возьмешь?

— За что я буду брать?... Если заработаю, буду носить новый, какой захочу... а если нѣтъ, то и такъ буду.

Посланный удалился, качая въ недоумѣніи головою и соображая, что вѣроятно молодому человѣку такъ *наслано* или *пороблено*, иначе нужно быть совершеннымъ болваномъ, чтобы не брать, когда даютъ.

А Тарасъ остался на мѣстѣ, уязвленный подобною щедростью своего врага и въ то же время отца любимой дѣвушки, словно жаломъ ядовитой змѣи. Онъ сознавалъ, что въ глазахъ всѣхъ онъ только *наймытъ*, которому платятъ, которому за все можно заплатить, даже за то, когда онъ рискуетъ собственною

жизнью... Теперь онъ съ горечью думалъ о своемъ отцѣ, оставившемъ его какъ бы на потѣху всѣмъ людямъ, въ особенности же тому человѣку, которому злая доля судила быть отцемъ Олены, котораго онъ ненавидѣлъ съ дѣтства и зналъ, что тотъ въ свою очередь платилъ ему взаимностью. Теперь этотъ самый человѣкъ хотѣлъ оскорбить его этою платою, унизить его въ глазахъ дѣвушки.

Зачѣмъ судьба сдѣлала его отцемъ Олены? Тарасъ не могъ помириться съ этимъ. Зачѣмъ онъ стоитъ между ними? Навѣрно этотъ человѣкъ разлучитъ ихъ.

Но тутъ, какъ бы на зло, пробуждалась въ немъ сила сопротивленія, придававшая ему бодрости. Казалось, онъ испытывалъ какое то высшее наслажденіе при мысли, что теперь онъ могъ бы поддѣть старика. Вѣдь онъ не заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ поступали, какъ съ человѣкомъ. Если онъ смотритъ на молодаго человѣка, какъ на выродка, какъ на собаку, на дикаго звѣря—такъ пусть же онъ почувствуетъ, какъ больно кусаетъ эта собака, какъ волкъ подкрадывается къ чужой овчарнѣ и выбираетъ себѣ самую лучшую овцу, перепортивши остальныхъ.

Такъ думалъ Тарасъ и пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ старику: это его врагъ, а съ врагомъ нечего стѣсняться...

Гуцулы народъ горячій и не привыкшій задумываться надъ своими душевными побужденіями. Ихъ темпераментъ быстрый, порывистый и нерѣдко увлекаетъ ихъ къ тому, на что житель *долины* не сразу рѣшился бы. А въ то время, когда жилъ нашъ герой, эта племенная черта сказывалась еще сильнѣе. Тогда долину Прута не прорѣзывала, какъ теперь, большая дорога въ Венгрію, пролегающая вдоль береговъ Прута и Яблоницы; слишкомъ еще слабо проникали сюда отблески культуры, особенно въ долину Ворохты, отстоявшей въ сторонѣ даже отъ проселочнаго *плая* на Венгрію. Только дикіе звѣри да опрышки хозяйничали въ темныхъ лѣсахъ, окружавшихъ слабо заселенныя села, изрѣдка разбросанные въ рѣчныхъ ущельяхъ, въ неприступныхъ ярахъ и глубокихъ долинахъ. А жители Ворохты были продуктомъ своего времени.

Поэтому и Тарасъ не долго раздумывалъ, и, встрѣчаясь съ Оленою, научалъ ее, какъ обманывать отца, чтобы онъ ни о чемъ не догадался; а мать, хоть и прекрасная женщина, но она „не дасть рады своему старому“ Онъ прибьетъ ее, она и покорится. Нѣтъ у нея прыти. А тутъ вѣдь нужна хитрость лисицы, изворотливость ужа, который проникаетъ во всѣ щелки, сквозь всѣ преграды. У старика рысьи глаза. Стоитъ ему замѣтить издали, онъ притаится, застигнетъ врасплохъ и выцарапаетъ глаза въ то время, когда этого всего меньше можно ожидать. Олена блѣднѣла при мысли объ отцѣ и подчинялась *легиню*. Она знала не хуже его, что старикъ поломалъ бы ей кости, если бы встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ. Иногда она готова была во всемъ открыться матери, но Тарасъ отговаривалъ ее каждый разъ, грозя оставить ее, если она выдастъ ихъ тайну. Дѣвушка плакала, обнимала его и умоляла не покидать ее. Что съ нею будетъ тогда? Вѣдь она не можетъ безъ него жить...

Такъ видались они, скрывая отъ всѣхъ свою любовь. Тарасъ даже смягчался, становился кроткимъ и ласковымъ, какъ дитя, въ присутствіи своей возлюбленной; если же случалось ему какъ нибудь невзначай повстрѣчаться съ старикомъ, оба хмурились и мрачно поглядывали другъ на друга. Старый *газда* ненавидѣлъ его теперь еще больше, сильно оскорбленный тѣмъ, что убогій *легинь* отказался принять такой богатый подарокъ и такимъ образомъ старикъ оставался передъ нимъ въ долгу. Эта мысль не давала покоя гордому богачу и усиливала его нерасположеніе къ молодому гуцулу.

— Смотрите! какой богачъ! Побрезгалъ такимъ поясомъ, такою *порошницею!* Какъ будто онъ имѣлъ когда что нибудь подобное! И что жъ себѣ думаетъ—этотъ?..—Онъ не могъ кончить, кровь приливала къ лицу и онъ шелъ дальше, подавленный, приниженный.

Иногда, будучи увѣренъ, что Тарасъ не замѣчаетъ его, старикъ осматривалъ его пристальнымъ взглядомъ и задумывался, потомъ вдругъ отворачивался и уходилъ съ тяжелымъ вздохомъ и уже цѣлый день ходилъ мрачный, угрюмый. Можетъ быть въ немъ пробуждалась совѣсть, а можетъ быть онъ просто хотѣлъ

измѣрить силы врага: осматривалъ его высокую грудь, широкія плечи, такіе же, какъ и у него, потому что и самъ онъ отличался чрезвычайно сильнымъ тѣлосложеніемъ.

Иногда, услышавши случайно голосъ Тараса, даже издали, онъ вздрагивалъ, словно отъ шипѣнія змѣи, и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ дней нарочно сдерживалъ свой собственный голосъ, боясь крикнуть громче, чтобы не узнать въ его звукѣ голоса своего врага. Не было ли это навожденіемъ нечистой силы, что, слыша голосъ легиня, казалось, онъ слышалъ самого себя. Въ такія минуты онъ самъ себя ненавидѣлъ, боялся звуковъ собственнаго голоса. Навѣрно, это бѣсовское навожденіе, потому что прежде этого не было. Теперь же онъ готовъ былъ бы охрипнуть на вѣки, лишь бы не слышать постоянно своего голоса, чистаго, громкаго и рѣзкаго, потому что и у Тараса такой же точно. Онъ чувствовалъ, что имъ обоимъ становилось слишкомъ тѣсно въ обширной долинѣ Ворохты.

Между тѣмъ молодые люди сходились то здѣсь, то тамъ, окружая свои свиданія всевозможными предосторожностями, не подозрѣвая того, что старикъ наблюдалъ за дочерью, когда она, воротившись домой позже обыкновеннаго, краснѣла и смущалась при распросахъ. Мать легче вѣрила ея отвѣтамъ, отецъ же рѣшился выслѣдить, съ кѣмъ видается его дочь. Влюбленные и не догадывались объ этомъ.

Разъ вечеромъ сошлись они подъ старымъ, развѣсистымъ осокоромъ, окруженнымъ рѣдкими, тощими смереками, и не обратили вниманія на то, что какая то тѣнь двигалась за ними, то удлиняясь, то исчезая за деревьями. Глубокая тишина царила вокругъ; мѣсяцъ, красный, огромный, словно налитый кровью, медленно выплывалъ на небо между вершинами „Магуры“ и „Ребровача“. Въ воздухѣ было такъ душно и парно, какъ будто собиралась гроза, а на сердцѣ становилось тоскливо и жутко, словно въ предчувствіи какого нибудь несчастья. Подчиняясь вліянію природы, молодые люди стояли грустные, задумчивые, словно предвидѣли конецъ своей любви, и не замѣчали того, какъ тѣнь за смереками то приближалась, то снова исчезала и тихо, безъ шума показывалась въ другомъ мѣстѣ.

Вдругъ что то затрещало позади... Не успѣли они обернуться, какъ изъ за кустовъ выскочилъ, какъ бѣшеный, отецъ Олены.

— А! ты здѣсь? погане дивча!...

Испуганная дѣвушка бросилась бѣжать, но Тарасъ остался на мѣстѣ, какъ бы вызывая врага. Эта дерзость еще сильнѣе раздражила старика, онъ схватилъ первый попавшійся колъ и, какъ хищный звѣрь, бросился на легиня; тотъ въ одно мгновеніе вырвалъ его изъ рукъ нападающаго.

— Не будь ты отецъ Олены, убилъ бы! ей Богу убилъ!

— А! отецъ Олены? А тебѣ какое дѣло, что я отецъ Олены?

У старика разгорѣлись глаза, какъ у волка, но онъ былъ безоруженъ, а Тарасъ отступалъ медленно, словно издѣваясь надъ безсиліемъ врага, котораго всего сильнѣе раздражало хладнокровіе этого проклятаго легиня. Старый газда издали слѣдовалъ за нимъ, шагъ за шагомъ, поглядывая изъ подлобья, какъ звѣрь и думалъ, чѣмъ бы отомстить врагу. Путь пролегалъ черезъ горный потокъ Параджынъ. Замѣтивъ, что Тарасъ взошелъ на *кладку*, переброшенную черезъ ручей, онъ быстро подскочилъ и хотѣлъ столкнуть его въ воду. Тотъ быстро обернулся, схватился съ старикомъ, но ни тотъ, ни другой не могъ удержаться на узкой перекладинѣ, оба зашатались и одинъ за другимъ съ высоты упали въ потокъ, на торчавшіе на днѣ его камни и корчи. Оба застонали отъ боли, ударившись всѣмъ тѣломъ объ острые камни, и едва могли встать на ноги. Старикъ продолжалъ стонать, а Тарасъ, схватившись за колѣно, нащупалъ широкую рану и въ бѣшенствѣ поднялъ огромный камень, чтобы размозжить голову противнику. Тотъ поблѣднѣлъ и закричалъ въ смертельномъ страхѣ:

— Стой! Не убивай! Ты и не знаешь... кто я?

— Кто? Мой врагъ! И онъ размахнулся.

— Нѣтъ! не врагъ... Господи Боже! Я твой отецъ...—прибавилъ онъ тихо.

Онъ замолчалъ, подавленный этимъ, невольно вырвавшимся, признаніемъ; Тарасъ, тоже весь оглушенный, пристально вглядывался въ корчившагося передъ нимъ отъ боли врага и вдругъ поблѣднѣлъ; теперь—вблизи онъ узналъ свои собственныя черты.

Ему показалось, что земля передъ нимъ разступилась. Старикъ съ усиліемъ поднялся, крехтя отъ боли, кое какъ выбрался изъ воды и поплелся въ село съ переломленнымъ ребромъ, съ болью въ сердцѣ, проклиная свою жизнь. Тарасъ остался на мѣстѣ ошеломленный, будто оглушенный ударомъ; очнувшись наконецъ, онъ оглянулся вокругъ; ночь давно уже наступила, тихая, грозная. Онъ протеръ глаза.

Да! все это произошло на самомъ дѣлѣ! Онъ боролся за минуту передъ тѣмъ, на этомъ самомъ мѣстѣ... съ кѣмъ же?... Неужели этотъ человѣкъ?...

Онъ не могъ докончить; при этой мысли у него кружилась голова. Всѣ прошлые дни, все пережитое путалось и мѣшалось, превращалось въ какой то страшный, бѣшеный вихрь, который шумѣлъ и бушевалъ въ головѣ.

Кого онъ любилъ?... Боже милостивый! зачѣмъ онъ полюбилъ ее? Она сестра его! За что такое несчастье?... А онъ чей сынъ?...

Что то невыносимо жгло ему грудь, темнѣло въ глазахъ, въ головѣ было страшное смятеніе, близкое къ помѣшательству. — Что ему оставалось теперь?... Могъ ли онъ воротиться въ село, жить среди этихъ людей? Могъ ли онъ теперь смотрѣть имъ въ глаза?—Онъ весь холодѣлъ.—Проклятіе! тысячу разъ проклятіе! Онъ никогда больше не увидитъ ее! Теперь онъ не можетъ ее видѣть!...

Его мѣсто тамъ, гдѣ никто ему не бросить въ глаза этого упрека. Нужно бѣжать, поскорѣе бѣжать отсюда!...

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.[1]

18. ЖУРАКОВСКІЕ.

1. *Яковъ Михайловичъ Жураковскій*, сотникъ глуховской 1669—72; полковникъ нѣжинскій 1678—81; знатный войск. товарищъ. † окт. 1704. Жена *Марина*.
2. *Лукьянъ*, полковникъ нѣжинскій 1708—718. Жена *Анна Павловна Апостолъ*. 1
3. *Василій*, генеральн. есаулъ 1710—724; † 1730. Жена, 1, *Анна Петровна Тернавіотъ*; 2, *Марья Григорьевна Максимовичъ*, дочь переяславскаго протоіерея 1
4. Сынъ. Жена *Анна Романовна Лазаревичъ*, во второмъ бракѣ за Павломъ Полуботкомъ 1
5. *Яковъ*, бунчук. товар. 1727—751. Жилъ въ Безугловкѣ. Жена *Агафія Лизогубовна*. 2
6. *Андрей*. Жена NN, во второмъ бракѣ за Андреемъ Мих. Миклашевскимъ. 2
   Дочь. Мужъ *Яковъ Павловичъ Полуботокъ* 2
7. *Петръ*. † 1730 3
   Дочь. Мужъ *Григорій Ѳедоровичъ Кулябка* 3
8. *Матвѣй*, бунч. товар. 1736. Жена *Елена Ивановна* 4
9. *Яковъ* 4
10. *Андрей*, род. 1729; въ 1767—нѣжинскій подкоморій, а потомъ бригадиръ. Жена *Марья Аѳанасьевна Гуржи*. Крестьяне: въ Безугловкѣ и Липовомъ Рогѣ—1204 д. и въ Переводѣ—400 д. 5
11. *Петръ*, бунч. товар. 1771; премьеръ-майоръ 1798. Жена *Прасковья Ѳедоровна Корецкая*. Крестьяне: въ Безугловкѣ—525, въ Переводѣ—352, въ Корецкомъ-Заводѣ—282, Полонѣ—540 и друг., всего—2165 д. . . . 5
12. *Лука*. По купчей 1766 г. свою часть въ Безугловкѣ продалъ брату Андрею 5
    Анна. † 1792. Мужъ *Павелъ Григорьевичъ Скорупа* 5
13. *Василій*, бунч. товар. 1751—767. Жена *Марья Бороздна*, дочь генер. судьи 6
    Настасья. Мужъ *Аѳанасій Михайловичъ Быковъ* 11
    Марья. Мужъ *Матвѣй Почека* 11
    Надежда. Мужъ *Михаилъ Валькевичъ* 11
    Елена. Мужъ *Николай Николаевичъ Матоніусъ*, колл. совѣтникъ, изъ нѣжинскихъ грековъ, † 1787. 13

---

[1]) См. „Кіевс. Стар.“ 1887 г., т. XVIII, стр. 627—637.

Родоначальника Жураковскихъ — Якова въ первый разъ встрѣчаемъ въ 1669 г., когда онъ былъ глуховскимъ сотникомъ; затѣмъ въ 1677 г., онъ участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, будучи „выборнымъ городовымъ полковникомъ“ [1]); вѣроятно въ это время онъ былъ уже нѣжинскимъ полковникомъ, почему и названъ „выборнымъ городовымъ“. Нѣжинскимъ полковникомъ Яковъ Жураковскій пробылъ недолго,—года три, не болѣе; въ послѣдній разъ видимъ его полковникомъ въ октябрѣ 1681 г., когда Самойловичъ далъ ему „одну Слободу Большую подъ болотомъ, а другую слободу меншую, надъ рѣчкою Локнею, на самой границѣ московской лежащія“ [2]). Вмѣстѣ съ лишеніемъ уряда, Жураковскій лишился и маетностей, которыя были ему возвращены только Мазепою; въ универсалѣ 1 сентября 1687 г., читаемъ: „репкектуючи на значныя п. Якова Жураковскаго, знатного товарища войскового, въ войску запорожскомъ прислуги, приворочаемъ ему въ сотнѣ Глуховской находящіяся его Слободу съ Малой Слободкою и с. Щебру, которыми онъ и передъ тѣмъ пользовался“. Умеръ Яковъ Жураковскій около 1704 г., такъ какъ въ этомъ году Мазепа выдалъ универсалъ „овдовѣлой женѣ его Маріи Жураковской съ оставшимися сыновьями“, на тѣ же Щебры, Великую Слободу и Малую Слободку. Яковъ оставилъ двухъ сыновей Лукьяна и Василія. Лукьянъ Ж—ій былъ женатъ на дочери гетмана Апостола и конечно, по предстательству послѣдняго, былъ назначенъ наказнымъ нѣжинскимъ полковникомъ. Наказнымъ онъ былъ и въ началѣ ноября 1708 г., когда Петръ В. звалъ его особымъ письмомъ на Глуховскую раду, для выбора преемника Мазепы [3]). Тутъ же на Глуховской радѣ, царь утвердилъ Лукьяна Ж—аго на нѣжинскомъ полковничествѣ и далъ ему грамоту на села Володькову Дѣвицу, Крупичполь, Сварычовку, Вишневку, Максимовку и Рожновку. Десять лѣтъ правилъ Лукьянъ Ж—ій нѣжинскимъ полкомъ и, какъ видно, былъ исключеніемъ изъ своихъ товарищей: въ мѣстныхъ архи-

[1]) Акты Зап. Россіи, V, 144. Ср. соч. Максимовича I, 739.

[2]) Первая слобода теперь с. Полковничья слобода, а вторая деревня Малая Слободка, обѣ въ глуховскомъ уѣздѣ.

[3]) Ригельманъ, III, 37.

вахъ мы не встрѣчаемъ ни одной жалобы на него. По смерти Лукьяна Ж—аго, Скоропадскій утвердилъ за вдовою его, кромѣ пожалованныхъ маетностей, еще села Безугловку, Липовъ-Рогъ и Переводъ, которыми Лукьянъ Ж—ій, вѣроятно, завладѣлъ во время своего полковничества. Но, когда на мѣсто его нѣжинскимъ полковникомъ назначенъ былъ Петръ Толстой, зять Скоропадскаго, то послѣдній оставилъ Жураковской только Безугловку, Липовъ-Рогъ и Переводъ, а остальныя маетности отобралъ и отдалъ Толстому, такъ какъ эти маетности и прежде принадлежали „на рангъ“ полковника. Толстой ими пользовался во все время своего полковничества, а послѣ его отставки, Апостолъ снова отдалъ своимъ внукамъ—Крупичполь и Сварычовку. Послѣ Лукьяна остались два сына—Яковъ и Андрей; послѣдній умеръ молодымъ, оставивъ сына Василія.

Наслѣдство Лукьяна было раздѣлено въ 1731 г., между сыномъ его Яковомъ и внукомъ Василіемъ; первому досталась—Безугловка, Переводъ и небольшая часть Липоваго-Рога, а Василію—Крупичполь, Сворычовка и Липовъ-Рогъ. Всѣ эти имѣнія впослѣдствіи перешли въ женскія линіи, такъ какъ у внуковъ Лукьяна Ж—аго сыновей не было [1]).

Младшій сынъ Якова Ж—аго—Василій въ 1710 г., получилъ урядъ генеральнаго есаула, а вмѣстѣ съ нимъ и маетности: въ августѣ 1710 г.—с. Сиволожъ, а въ декабрѣ того же года, ему были подтверждены отцовскія маетности—Полковничья Слобода, Малая Слободка, Щебры и слободка Дорошовка; наконецъ, въ 1720 г. Василій, Ж—ій получилъ глуховское село Княжичи. Всѣ эти маетности утверждены были за нимъ царскою грамотой въ 1721 г. Генеральнымъ есауломъ Василій Ж—ій оставался во все продолженіе гетманства Скоропадскаго; а по смерти послѣдняго, сталъ однимъ изъ помощниковъ Полуботка до отъѣзда послѣдняго весною 1723 г. въ Петербургъ. А послѣ отъѣзда Полуботка, Василій Ж—ій остался въ Глуховѣ главнымъ исполнителемъ тѣхъ распоряженій, которыя черниговскій пол-

[1]) См. статью В. Я. Макарова о с. Липовомъ-Рогѣ, Записки Черниг. Губ. Статист. Комитета, книга II.

ковникъ слалъ въ Малороссію изъ столицы. Жураковскій послалъ въ Петербургъ и извѣстныя коломацкія челобитныя, за подачу которыхъ Полуботокъ съ товарищами въ ноябрѣ 1723 г., посаженъ былъ въ крѣпость. Присланный тогда же въ Малороссію Румянцовъ (А. И.) для производства слѣдствія о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ царю въ сентябрѣ, нашелъ, что Василій Ж—ій былъ главнымъ агентомъ Полуботка, когда тотъ изъ Петербурга старался затемнить ту обстановку, при которой составлены были челобитныя, поданныя имъ царю 13 сентября. Поэтому Василій Ж—ій, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Яковомъ Лизогубомъ, былъ арестованъ, въ началѣ января 1824 г., и отправленъ въ Петербургъ. Тамъ онъ находился подъ арестомъ до 6 января 1725 г., когда былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими; но выѣздъ изъ Петербурга былъ имъ запрещенъ [1]). Черезъ два года Василію Ж—ому было разрѣшено переѣхать въ Москву, гдѣ онъ поселился въ Греческомъ монастырѣ; тамъ его видѣлъ Яковъ Марковичъ въ началѣ 1728 г. [2]). Изъ Москвы Ж—ій распоряжался и своими маетностями [3]). На родину Жураковскій отпущенъ былъ можетъ быть по ходатайству Апостола, но здѣсь прожилъ онъ недолго и умеръ въ 1730 г. О семьѣ Василія Ж—аго мы неимѣемъ точныхъ свѣдѣній. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ оставилъ въ Малороссіи жену—Марью Григорьевну (рожденную Максимовичъ); но это была вторая жена Василія Ж—аго; первою же была, кажется,—Анна Тернавіотъ. Отъ этой первой жены должно быть онъ и имѣлъ дочь, которую выдалъ за лубенскаго сотника Григорія Кулябку. Едва ли не единственный сынъ его же—Петръ умеръ въ одинъ годъ съ отцемъ. Маетности Василія Ж—аго перешли къ его внуку Степану Григорьевичу Кулябкѣ, за которымъ въ 1766 г., числились Полковничья Слобода, Княжичи и Щебры. Малая Слободка досталась Матвѣю Жураковскому и брату его Якову, которые были дѣтьми, повидимому, третьяго брата Лукьяна и Василія Жура-

---

1) Дневн. Записки Як. Марковича, I, 67.

2) Тамъ же, 266.

3) Матеріалы для отеч. истор., Судьенка, I, 75.

ковскихъ. Въ Запискахъ Марковича, 29 апрѣля 1727 г., записано: „сегодня пріѣхалъ къ намъ слуга тещи нашей съ писмомъ отъ неи просителнимъ насъ на веселье (сватьбу), мѣючее отправоватись сынови ея Матвѣю Жураковскому“. Издатель Записокъ пояснилъ эту замѣтку, что Матвѣй Жураковскій былъ пасынкомъ Павла Полуботка[1]). Такимъ образомъ должно быть, что вторая жена Полуботка Анна Романовна Лазаревичъ, выходя въ 1718 г. замужъ за черниговскаго полковника, была вдовою Жураковскаго, отъ котораго имѣла сыновей Матвѣя и Якова. Послѣднимъ досталась Малая Слободка; но Яковъ продалъ свою часть Матвѣю, отъ котораго Слободка перешла сыну его—Михайлу. У Михайла Малую Слободку скупилъ по частямъ Степанъ Григорьевичъ Кулябка, заплативъ за послѣднюю часть въ 1765 г. 2020 рублей. Такимъ образомъ всѣ глуховскія маетности Жураковскихъ перешли къ Кулябкамъ.

---

19. НОСЕНКИ-БѢЛЕЦКІЕ.

1. *Ярема Носъ*, городовой атаманъ Носовки, 1678.
2. *Иванъ*, полковникъ прилуцкій, а потомъ генер. судья. † 1715. Жена *Настасья Раковичъ*, вдова Ивана Бѣлецкаго 1
3. *Степанъ* † прежде отца. Жена *Марья Харевичъ*. 2
   Меланія. Мужъ 1, *Иванъ Быстрановскій*, 2, *Тимофей Радичъ*, державца с. Гирявки. 2
4. *Иванъ*—сынъ Настасьи Раковичъ отъ перваго ея брака съ Бѣлецкимъ, сотникъ сребрянскій.
   Марья. Мужъ *Николай Троцкій*, бунч. тов. 3
   Ѳедора. Мужъ *Мартынъ Жураковскій*, зн. тов. 1726. 3
5. *Петръ*, прилуцкій хоружій 1720. Сталъ писаться Носенкомъ-Бѣлецкимъ. Жена *Прасковья Романовна*. 4
6. *Яковъ*, войск. тов. 1743. 5
7. *Никифоръ*, прилуцкій полковой есаулъ 1752, а потомъ судья. Жена *Пелагея Семеновна Слюзъ*. Въ 1772 г. жилъ въ отставкѣ, въ Бережовкѣ, и имѣлъ въ Рудовкѣ—242 д. м. п. и въ Щуровкѣ—51 5
8. *Георгій*, войск. канц. 1743 5
   Анна. Мужъ 1, *Иванъ Даровскій*, „господарь“ гетм. Скоропадскаго. 2, *Василій Андреевичъ Гудовичъ*, тайный совѣтникъ 5
9. *Павелъ*, капитанъ 1784 8

---

[1]) Дневн. Записки Марковича, I, 224.

Родоначальника—Ярему Носа—встрѣчаемъ въ одномъ актѣ 1678 г., на которомъ онъ подписался носовскимъ городовымъ атаманомъ. Сынъ его Иванъ, по преданію, молодость провелъ въ Сѣчи, откуда вышелъ въ 1665 г., въ прилуцкій полкъ и женился здѣсь на вдовѣ польскаго выходца Ивана Бѣлецкаго, Настасьѣ, родной сестрѣ Семена Раковича, бывшаго полковымъ писаремъ и зятемъ тогдашняго прилуцкаго полковника Лазаря Горленка. Родство съ Раковичемъ доставило Ивану урядъ прилуцкаго городоваго атамана (1671 г.), а потомъ и другіе высшіе полковые уряды. Въ 1692 г., будучи полковымъ судьею, Иванъ Носъ получилъ отъ тогдашняго полковника Дмитрія Горленка сельцо Щуровку, которую утвердилъ за нимъ и Мазепа въ 1695 г. Немного позже утверждена была за Носомъ Мазепою и другая маетность—с. Голубовка.

Родной сынъ Ивана Степанъ вовсе не служилъ, потому что былъ „ума несовершенного и пьянственный"; отъ пьянства онъ и умеръ: „какъ ѣхалъ пьянъ изъ шинку, лошади голову розбили и отъ того бою и умре". Дочь Меланія выдана была замужъ за какого то панка Ивана Быстрановскаго, жившаго въ с. Старой, конотопскаго уѣзда. По смерти Быстрановскаго, Меланія вторично вышла замужъ за Тимофѣя Радича, войсковаго товарища, который, получивъ въ 1689 г. отъ Мазепы с. Гирявку, сталъ державцею и умеръ въ 1709 г., не оставивъ мужескаго потомства; дочь его и Меланіи, Марья, была замужемъ за родоначальникомъ Лащинскихъ, красноколядинскимъ сотникомъ Леонтіемъ.

Измѣна Мазепы представила случай Ивану Носу выдвинуться на полковничій урядъ: тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко пошелъ за Мазепой, а полкъ его оставался въ Батуринѣ. При осадѣ послѣдняго, Иванъ Н., какъ говоритъ преданіе, указалъ Меньшикову, какимъ путемъ можно было войти въ Батуринъ, и за услугу эту сдѣланъ былъ прилуцкимъ полковникомъ.

Лишившись сына (ок. 1708 г.), Иванъ Носъ хотѣлъ продолжить родъ свой потомствомъ своего пасынка; въ февралѣ 1709 г., пользуясь своею властью, онъ отдалъ сыну пасынка,

Петру, сельцо Рудовку и называетъ при этомъ Бѣлецкихъ—Носенками: „респектуючи на давныя услуги умершаго Ивана Носенка и взираючи на постоянныя сына его Петра Носенка прислуги, надалъ ему на подпомогу Рудовку, со всѣми тамошними посполитыми людьми".

Иванъ Носъ правилъ прилуцкимъ полкомъ до 1714 г., когда мѣсто его понадобилось для Галагана; для очистки мѣста Носъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею[1]), но пробылъ на этомъ урядѣ не болѣе года и въ 1715 г. умеръ. За пять лѣтъ полковничества, Носъ нажилъ противъ того, что другіе наживали, немного; изъ маетностей, кромѣ Щуровки и Голубовки, другихъ ему не было дано. Видно, что Носъ не пользовался у Скоропадскаго значеніемъ. Движимость, оставленная имъ, тоже была не велика. При спорѣ вдовы Степана съ свекровью за невыдѣлъ полной части изъ этой движимости, „господарь" умершаго полковника Михаилъ Гондзакъ въ генеральномъ судѣ, показалъ, что Носъ незадолго передъ смертью, выходя въ войсковой походъ, отдалъ ему на сохраненіе всего 12 тысячъ золотыхъ (ок. 2500 р.).

Оставшимися послѣ Носа маетностями владѣла его вдова до своей смерти въ 1720 г., а по смерти ея Петръ Носенко съ помощью зятя своего Даровскаго, бывшаго господаремъ гетмана Скоропадскаго, выпросилъ себѣ универсалъ на Щуровку и владѣлъ ею до смерти; потомъ Щуровка перешла къ его дѣтямъ, но вдова Степана въ 1743 г. начала противъ дѣтей Петра процессъ, доказывая, что Щуровка отдана была Скоропадскимъ Петру неправильно, и въ 1744 г. процессъ выиграла: Щуровка была возвращена ей.

Сыновья Степана умерли, не оставивъ потомства, и наслѣдство Ивана Носа перешло къ его внучкѣ Марьѣ Степановнѣ, бывшей замужемъ за бунчук. тов. Николаемъ Троцкимъ.

---

[1]) Универсалъ Лащинскому на с. Поноры 1714 г., гдѣ Носъ названъ „нынѣшній судья енералный".

20 ТРОЩИНСКІЕ.

1. *Степанъ Трощинскій*, господарь гадяцкаго замка 1690—97; обозный гадяцкій 1697—1704 и полковникъ гадяцкій 1704—1708. Жена *Марья Ильинична Новицкая.*
2. *Андрей*, канцеляристъ генер. канцеляріи 1716—25; бунч. тов. 1725—40. Жена *Ульяна* 1
3. *Иванъ*, бунч. товар. 1730 † 1733 1
   Дочь. Мужъ *Александръ Сытенскій*, гадяцкій полковой писарь. 1
4. *Прокофій*, войск. товар. 1752. 2
5. *Мартынъ*, войск. товар. 1752 2
6. *Андрей*, сотникъ м. Яресекъ, 1771. 3
7. *Дмитрій*, р. 1754 † 1829; полковой писарь 1773: секретарь кн. Репнина 1776; секретарь Безбородка; статсъ-секретарь императрицы Екатерины; министръ удѣловъ 1801—1812; полтавскій губернскій маршалъ 1812—1814; министръ юстиціи 1814—1817 4

Родоначальникъ Трощинскихъ—Степанъ былъ племянникъ Мазепы и поэтому, конечно,—былъ выходецъ изъ за Днѣпра. Вызвалъ его оттуда, вѣроятно, самъ Мазепа, желая пристроить родича. Въ 1690 г. Степанъ Трощинскій женился на дочери Ильи Новицкаго, при участіи своего дяди, какъ видно изъ письма, которое писалъ по этому случаю Мазепа къ Новицкому:— „если самого вашей милости на томъ стало изволеніе, жебы п. Стефанъ Трощинскій зъ домомъ вашемилостинымъ зпріятелився—понятьемъ собѣ въ станъ малженскій милой дочери вашой, теды мы такому доброму дѣлу не перечимъ, вручаючи то божому благословенію; а любо (хотя) писалисмо до вашей милости о завзятью тоей зъ паномъ Трощинскимъ пріязни, однако яко въ томъ писмѣ нашомъ жадного не было о немъ залеценья (похвалы) такъ розумѣемъ, же ваша милость за бытностью его у вашомъ дому, поразумѣлъ оного обычаи; тылко жъ вѣдаемъ тое же поступки его не ошпетятъ (не посрамятъ) вашего дому..." [1]).

Вслѣдъ за женитьбою, Мазепа поставилъ Трощинскаго „господаремъ гадецкаго замка", т. е. сдѣлалъ его управляющимъ тѣхъ богатыхъ маетностей гадяцкаго полка, которыя назначены были изстари въ личное пользованіе гетмановъ. Вмѣстѣ съ вы-

---

[1]) Акты Зап. Рос., V, 244.

годнымъ мѣстомъ, Мазепа далъ Трощинскому и маетность—село Ручки. Господаремъ гадячскаго замка Трощинскій оставался семь лѣтъ, скупая въ это время разные козачьи грунты въ Ручкахъ; такъ, въ купчей 1692 г. читаемъ, что Марья Никитина Форфацкая продала „славетне урожоному п. Стефану Трощинскому, на тотъ часъ господареви замка гадяцкаго, млинъ свой, т. е. клѣтку едну, стоячую въ селѣ Ручкахъ на рѣцѣ Хоролѣ, за певную сумму добрихъ грошей дробной монети золотыхъ двѣстѣ пятьдесятъ.“ Въ 1697 г. Трощинскій получилъ урядъ—обознаго гадяцкаго полка. Гадяцкимъ полковникомъ въ это время былъ Михаилъ Бороховичъ. Въ 1704 г. Бороховичъ умеръ и сынъ его Өедоръ, взявъ у матери тысячу червонцевъ, поѣхалъ было въ Батуринъ—хлопотать объ отцевскомъ урядѣ [1]); но мѣста этого купить у Мазепы нельзя было, такъ какъ оно готовилось племяннику, который вслѣдъ затѣмъ и поставленъ былъ на мѣсто Бороховича. Гадяцкимъ полковникомъ Трощинскій оставался до 1708 г., когда Мазепа измѣнилъ. Трощинскій за нимъ не пошелъ; но тѣмъ не менѣе „за родство“ съ Мазепою былъ лишенъ полковничества. Лишенный уряда, онъ дожилъ свой вѣкъ въ Ручкахъ. По смерти Трощинскаго, Ручки Скоропадскій отдалъ зятю его, гадяцкому писарю Сытенскому, но потомъ, вслѣдствіе просьбы вдовы, возвратилъ Трощинскимъ часть этой маетности. Въ универсалѣ 1716 г. читаемъ: „респектуючи на вдовство панеи Маріи Стефановой Трощинской, а до того мѣючи взглядъ на всегдашнія сына еи, п. Андрея Трощинскаго, въ канцеляріи войсковой, при боку нашемъ не лѣниво роначіеся услуги, приворочаемъ для вспартя вдовиного еи господарства, большую часть прежнего еи жъ села Ручокъ, въ полку гадяцкомъ будучого, прозвискомъ Довгалювку“. Черезъ два года, Марія Трощинская умерла и Скоропадскій, „имѣючи взглядъ, на осиротѣлыхъ по отцу и матцѣ, оставшихся пановъ Трощинскихъ“, возвратилъ имъ и другую часть Ручекъ, которая звалась Мокляковкою, Видно, что эта маетность гетмана выпрошена была старшимъ братомъ Андреемъ, который продолжалъ служить въ генераль-

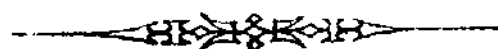
---

[1]) Изъ духовнаго завѣщанія вдовы полковника Бороховича.

ной канценяріи. Получивъ Ручки въ полномъ составѣ, братья Андрей и Иванъ подѣлили ихъ; первый взялъ себѣ Довгалювку, а Иванъ—Мокляковку. Въ этихъ частяхъ Ручки утверждены были за братьями и Апостоломъ, по универсалу 1730 г. Черезъ три года Иванъ Трощинскій, отправившись въ польскій походъ, тамъ умеръ; по случаю его бездѣтства, Макляковку унаслѣдовалъ Андрей Трощинскій, за которымъ она была утверждена и универсаломъ кн. Шаховскаго 1735 г.

Андрей Трощинскій умеръ въ 1740 г., оставивъ вдову съ тремя сыновьями. Въ этомъ поколѣніи родъ Трощинскихъ сталъ было теряться въ массѣ и только въ сынѣ старшаго Андреевича снова сталъ извѣстнымъ, пока жилъ внукъ Андрея Степановича—Дмитрій Прокофьевичъ, сначала гадяцкій полковой писарь, а потомъ министръ юстиціи.

Ал. Лазаревскій.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА КОТЛЯРЕВСКАГО.

29-го минувшаго октября исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго, знаменитаго автора „перелиціованной Энеиды“, оперетки „Наталка Полтавка“ и водевиля „Москаль Чаривныкъ“. Полвѣка со дня смерти выдающихся на общественномъ поприщѣ личностей—это такой, по установившемуся обычаю, срокъ, въ который принято, въ той или другой формѣ, поминать ихъ дѣятельность, съ одной стороны—какъ дань уваженія ихъ заслугамъ, съ другой—какъ назиданіе и поученіе современникамъ, трудящимся на той же нивѣ. Поэтому, наша южная Русь не можетъ пройти молчаніемъ этого дня, такъ какъ въ сердцѣ каждаго южанина непремѣнно отыщется уголокъ, наполненный живымъ огнемъ, подогрѣвающимъ чувство любви къ循родинѣ и чувство признательности тѣмъ лицамъ, которыя сослужили ей свою службу, а въ мысляхъ самъ собой возстанетъ образъ человѣка, рѣшившагося 90 лѣтъ тому назадъ свой несомнѣнный литературный талантъ проявить въ формѣ роднаго слова—на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи.

Много страницъ, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, было удѣлено до сихъ поръ за эти 90 лѣтъ объясненію и оцѣнкѣ литературной дѣятельности И. П. Котляревскаго, при чемъ въ нихъ можно встрѣтить самыя разнорѣчивыя мнѣнія, какъ о достоинствѣ его произведеній, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ вообще писательство его на малорусскомъ языкѣ. До конца 30-хъ годовъ печатные отзывы

о Котляревскомъ отличаются отрывочностью и почти полнымъ отсутствіемъ вопроса о только что упомянутыхъ причинахъ возникновенія новой украинской словесности, почему мы и не можемъ знать, какъ судили объ этомъ современники факта; знаемъ только по краткимъ свидѣтельствамъ, что Энеида пользовалась громаднымъ успѣхомъ не среди однихъ украинцевъ, но и въ средѣ великорусскихъ читателей ея, что Наталку Полтавку смотрѣли на сценѣ съ большимъ наслажденіемъ, что Москаль Чаривныкъ тоже производилъ эффектъ. Послѣ же 1838 года, т. е. послѣ смерти автора, какъ и слѣдовало ожидать, мы встрѣчаемся въ разныхъ изданіяхъ съ цѣлымъ рядомъ статей о немъ, то біографическаго характера, то въ видѣ критической оцѣнки его произведеній, но основной вопросъ о причинахъ все еще оставался незатронутымъ, хотя тутъ ужъ Котляревскій общимъ голосомъ былъ признанъ *начинателемъ новой украинской словесности*, при чемъ одни (и ихъ было значительное большинство) ставили въ заслугу начинаніе въ такой формѣ, другіе же высказывались съ большей или меньшей рѣзкостью противъ вообще писательства на малорусскомъ языкѣ, и въ частности—противъ пародированной Энеиды. Съ одной стороны—можно было прочесть въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1839 г.[1]), помѣстившемъ на основаніи статьи *С. С. К.* (Стеблина-Каминскаго) въ „Сѣверн. Пчелѣ“ такіе строки: „комизмъ его Энеиды неподражаемъ; въ ней вездѣ дышетъ самая непринужденная сатира, блестящая неподдѣльною веселостью и остротами наблюдательнаго ума“; или въ Москвитянинѣ 1841 г. въ статьѣ Пассека[2]): „съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать полнаго изданія Энеиды на малороссійскомъ языкѣ и надѣемся, что г. Волохиновъ (издатель) употребитъ все стараніе, чтобы, кромѣ большаго количества экземпляровъ для общаго народнаго чтенія, были экземпляры и для столицы, въ которой много цѣнителей прекраснаго дарованія г. Котляревскаго и любителей малороссійской народности“. Съ другой стороны—можно было встрѣтить въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1843 г.[3])

[1]) Часть 24-я, отд. 6-ой, стр. 166—168.

[2]) Часть 4-я, отд. смѣси, стр. 562—567.

[3]) Т. 56-й, отд. 6-ой, стр. 46—49.

и такой отзывъ „шутка въ украинскихъ степяхъ и до сихъ поръ ходитъ еще на распашку, клянется чертомъ, сморкается въ рукавъ, сапоги мажетъ дегтемъ... Для русскихъ читателей поэма Котляревскаго непонятна... Какъ всѣ провинціальные юморы, малороссійскій юморъ страстно любитъ избирать своимъ героемъ и своимъ чучеломъ мѣстнаго мужика. Надо, поэтому, прежде всего знать бытъ, нравы и понятія украинскаго простолюдина; кромѣ того, надо порядочно привыкнуть къ малороссійскимъ *жартамъ*, которые будучи буквально переведены на русскій языкъ, рѣдко могутъ быть выслушиваемы безъ самопожертвованія... Наконецъ, надо еще умѣть смѣяться громко, смѣяться во все горло, смѣяться „высокимъ смѣхомъ", какъ смѣются донынѣ въ украинскихъ степяхъ,—условіе, для насъ почти невыполнимое, потому что мы теперь умѣемъ только улыбаться и то кончиками губъ, тихо, непримѣтно".

Въ томъ же 1843 году появился въ „Молодыкѣ" [1]) обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ, Іереміи Галки (Костомарова), въ которомъ признавалось, что появленіе такихъ произведеній, какъ перелицованная Энеида, свидѣтельствуетъ о ненормальномъ состояніи литературныхъ вкусовъ, хотя обвиненіе въ этомъ не можетъ падать на Котляревскаго, такъ какъ это являлось результатомъ тогдашняго настроенія по поводу упадка классицизма и вторженія романтизма: „малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе"—говоритъ Іеремія Галка. Такимъ образомъ, въ очень неясной формѣ, была впервые указана причина, породившая новую украинскую литературу. Послѣ этого до 1861 г., когда появилась въ „Основѣ" извѣстная статья Кулиша [2]), вопросъ о Котляревскомъ и его писаніяхъ почти былъ позабытъ. Статья же Кулиша, какъ извѣстно, пробовала очень рѣзко поставить вопросъ о значеніи Котляревскаго, какъ начинателя новой украинской словесности, такъ какъ—по словамъ статьи—„Энеида носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства само-

[1]) Стр. 157—185.

[2]) Обзоръ украинской словесности, № 1, стр. 235—262.

сознанія и самоуваженія", причина чего скрывается въ исторически выработавшемся раздвоеніи малорусскаго народа на *пана* и *мужика*, а результатъ этого сказался въ стремленіи Энеиды глумиться надъ мужикомъ, представить въ видѣ каррикатуры этого мужика, однимъ словомъ—найти для пановъ развлеченіе въ изображеніи глупости простолюдина. Этотъ взглядъ Кулиша, не съ такой рѣзкостью высказанный имъ еще раньше Основской статьи[1]), не нашелъ обильныхъ послѣдователей, такъ что въ концѣ 60-хъ годовъ, по поводу близившагося столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта (1869 г.), появился опять новый рядъ статей о немъ, и всѣ онѣ были исполнены чувства признательности и уваженія къ авторскимъ заслугамъ Котляревскаго. Не слѣдя въ подробностяхъ за дальнѣйшими отзывами о дѣятельности автора перелицованной Энеиды, мы только вкратцѣ отмѣтимъ еще мнѣнія гг. Пыпина, Петрова и Дашкевича, какъ мнѣнія наиболѣе компетентныхъ историко-литературныхъ изслѣдователей вопроса объ украинской литературѣ.

А. Пыпинъ въ своей „Исторіи Славянскихъ литературъ" (2-ое издан. 1879 г.) говоритъ, что „у добродушнаго Котляревскаго едва ли могли быть такія злостныя цѣли (какія приписывалъ ему Кулишъ); его пародія была не угодливостью вкусамъ пановъ, а скорѣе отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и плодомъ простой шутки" (стр. 358). Признавая, что съ Котляревскаго начинается новая малороссійская литература, г. Пыпинъ видитъ причины открытія новой поры въ развитіи этой литературы въ общемъ движеніи эпохи славянскихъ возрожденій съ конца прошлаго вѣка (стр. 306 и 350).

Н. Петровъ въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы 19-го столѣтія" (Кіевъ 1884 г.), поставивъ себѣ болѣе сложную задачу—прослѣдить ходъ историческаго развитія новой украинской письменности, естественно, долженъ былъ, по поводу литературныхъ трудовъ начинателя этой письменности, выяснить при-

---

[1]) См. „Передне слово до громады", которымъ начинается литературный альманахъ „Хата", изданный имъ въ 1860 г. (здѣсь, между прочимъ, онъ выражается: „бурлацьке *юродство* Котляревського", стр. VIII.

чины возникновенія ея. Нужно признаться, что причинъ этихъ г. Петровъ указываетъ довольно много, но не съ особенной опредѣленностью анализируетъ ихъ, въ результатѣ чего и оказалась, между прочимъ, не совсѣмъ ясная точка зрѣнія автора на достоинства произведеній Котляревскаго. Если не ошибаемся главныя положенія автора могутъ быть формулированы такъ: новая украинская литература возникла, какъ результатъ общаго движенія эпохи славянскаго возрожденія, но подъ вліяніемъ литературы русской и отчасти польской, вслѣдствіе чего реакція въ русской литературѣ псевдо-классицизму породила „Энеиду" Котляревскаго, а Карамзинскій сентиментализмъ — „Наталку Полтавку" его же.

Прекраснымъ дополненіемъ и освѣщеніемъ труда г. Петрова является послѣдняя работа г. Дашкевича „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", напечатанная въ этомъ году по распоряженію Императорской Академіи Наукъ въ „Отчетѣ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова" (отд. оттискъ стр. 1—265). Г. Дашкевичъ въ своемъ „Отзывѣ" весьма подробно останавливается на объясненіи возникновенія новой украинской литературы и совершенно справедливо замѣчаетъ, что „въ этомъ отношеніи особый интересъ представляютъ произведенія И. П. Котляревскаго, котораго уже съ 30-хъ годовъ общій голосъ признаетъ начинателемъ новѣйшей украинской литературы" (стр. 21).

Признавая, что основы новѣйшей украинской литературы и объясненія ея скрываются въ литературныхъ фактахъ предшествовавшихъ эпохъ, а также въ цѣломъ рядѣ другихъ культурно-бытовыхъ явленій малорусскаго народа, г. Дашкевичъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы считаетъ „любовь къ своей народности, естественную, а не привнесенную извнѣ потребность самовыраженія на родномъ нарѣчіи, привязанность къ родному слову" (стр. 67). Вслѣдствіе этого, говоря о Котляревскомъ, авторъ прежде всего оправдываетъ его отъ тѣхъ обвиненій въ проявленіи упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія, которыя возводились на него по поводу Энеиды, и отъ обвиненій въ аффектаціи и сенти-

ментализмѣ—по поводу Наталки Полтавки; а затѣмъ устанавливаетъ то положеніе, что произведенія Котляревскаго появились далеко не подъ воздѣйствіемъ русской литературы.

Мы не задавались въ данномъ случаѣ цѣлью представить обстоятельный библіографическій обзоръ всѣхъ отзывовъ о Котляревскомъ: намъ хотѣлось только намѣтить послѣдовательную смѣну главнѣйшихъ воззрѣній, изъ которыхъ одни представляютъ интересъ по своей научно-философской обоснованности, а другіе—въ родѣ отзыва „Библіотеки длд чтенія"—являются любопытными по своей курьезности, очень близкой къ тѣмъ отзывамъ о малорусской письменности, какіе приходится, къ удивленію, подъ часъ встрѣчать и въ современной періодической прессѣ. Давая краткую формулировку этимъ главнымъ воззрѣніямъ, мы имѣли въ виду и еще одну цѣль. Намъ кажется, что, прочитавъ обстоятельно всѣ эти отзывы, невольно въ концѣ концовъ поставишь себѣ для разрѣшенія нѣсколько вопросовъ: 1) въ какой мѣрѣ и въ какомъ значеніи И. П. Котляревскій можетъ быть названъ *начинателемъ новой украинской словесности?* 2) сознательно или безсознательно проявилъ онъ свой литературный талантъ на *малорусскомъ языкѣ?* 3) чѣмъ объяснить, что первый опытъ новой украинской словесности начался съ *пародированной Энеиды?*

Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ трудахъ изслѣдователей малороссійскаго слова мнѣніе, что литературная дѣятельность Котляревскаго начинаетъ собой *новый* періодъ украинской словесности; но нужно помнить, что мнѣніе это далеко не всегда, особенно въ первой половинѣ столѣтія, высказывалось опредѣленно, а напротивъ,—иногда проскальзывала мысль, что Котляревскій со своей „Энеидой" появился, какъ нѣчто невиданное и неслыханное, что онъ какъ бы съ неба свалился, чтобы положить начало малорус. словесности. Въ доказательство этого достаточно сослаться на „Передне слово до громады" г. Кулиша, помѣщенное имъ въ альманахѣ „Хата" 1860 г., гдѣ встрѣчаемъ такія слова; „Дывне отсе въ насъ дило, панове громадо, наша словесность Украинська! Не було, не було іи тогди, якъ наши дуки великимъ коштомъ громадськимъ академіи та школы споряжалы и до нимцівъ дитей у науку

посылалы, и саму нимоту до себе велыкимы гришмы пидіймалы, а теперъ—ось тоби на! усе не до смаку, що въ насъ, починаючи ажъ одъ Нестора, понапысувано: треба *якусь инщу мову* и *инщій духъ* у кныжкахъ появыты". (стр. VII). Повторяемъ, что новѣйшіе изслѣдователи украинской словесности—А. Пыпинъ, Н. Петровъ, Н. Дашкевичъ—не только не видятъ, чтобы не было у насъ прежде нашей словесности, но прямо ставятъ новую украинскую письменность въ связи со многими предшествующими литературными фактами. Мы не станемъ повторять подробностей ихъ доказательствъ, но не можемъ при случаѣ не подѣлиться съ читателями мнѣніемъ по этому вопросу того человѣка, который можетъ быть названъ однимъ ихъ самыхъ компетентныхъ въ этомъ случаѣ судей. Я говорю о покойномъ М. А. Максимовичѣ, который еще въ 1860 г. составилъ набросокъ статьи подъ заглавіемъ „Полемическое обозрѣніе малороссійской словесности",—статьи, въ рукописныхъ обрывкахъ имѣющейся у насъ. Статья эта предназначалась, очевидно, для журнала въ видѣ полемики съ г. Кулишомъ по поводу изданнаго имъ альманаха „Хата". Въ ней, по поводу приведенныхъ выше словъ изъ „Переднего слова до громады", читаемъ такія строки:

„Дѣло обыкновенное, что съ наступленіемъ новаго періода въ жизни народа являются новыя стремленія и въ его словесности, при которыхъ она, не удовлетворяясь прежними своими формами, является въ новыхъ. Но когда же это было у насъ въ Малороссіи, чтобы вдругъ пришлось не по вкусу все, что было написано у насъ, начиная съ Нестора? Такого крутого поворота во вкусѣ не было ни въ томъ поколѣніи малороссіянъ, въ которомъ явился первоначальникъ новой нашей словесности Котляревскій, ни въ поколѣніяхъ девятнадцатаго вѣка. Какой иной духъ, какую иную рѣчь потребовалось намъ явить въ новой малороссійской словесности? Конечно, тотъ же народный духъ и ту же народную рѣчь, какими дышала и звучала вся наша народная словесность *изустная* и отчасти *письменная*—во все время Украины козацкой. На что же выставлять передъ громадою новую нашу словесность, какъ небывалое диво, когда она есть продолженіе прежней? Малороссійскій народъ издавна

выражалъ на своемъ языкѣ свою душу, свою домашнюю и общественную жизнь, и оставилъ въ наслѣдіе нынѣшнему столѣтію, въ образецъ и въ науку для новой словесности, богатый запасъ своихъ преданій, пословицъ, сказокъ и пѣсенъ. То, что написано на малороссійскомъ языкѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, потому и можетъ называться словесностью, что оно есть продолженіе прежней малорусской словесности, которая процвѣтала во всю бытность Украины козацкой и, въ свою очередь, была продолженіемъ словесности, существовавшей во времена Украины княжеской. Новая словесность малороссійская произошла изъ прежней прямо и непосредственно, такъ что не было между ними и десятилѣтняго промежутка. Въ тѣхъ же девяностыхъ годахъ, какъ прославился Полтавецъ *Котляревскій* своею Энеидою, являлся и послѣдній представитель старо-украинской словесности, запорожецъ *Головатый*, съ своею пѣснею:

Ой годи намъ журытыся,
Пора перестаты,—

пѣтою на черноморскомъ праздникѣ 1792 года и тогда же напечатанною. Головатому приписываютъ въ Малороссіи и сочиненіе извѣстной запорожской вирши на Велыкдень (Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь!). Но вотъ что писалъ мнѣ Г. Ѳ. Квитка въ своемъ письмѣ отъ 3 октября 1839 года: „Вирши, желаемой Вами не имѣю, но буду стараться отыскать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатаго, а точно, во дни славы Таврическаго извѣстна стала, и сколько помню, тогда называли кого то другого сочинителемъ. Головатый же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцемъ моимъ, и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали бы, что вирша имъ сочинена, а то, несмотря на занимавшую насъ и твердимую нами наизусть виршу, мы не относили ее къ Головатому“. Вотъ одно изъ свидѣтельствъ, какъ у насъ въ старину были по вкусу стихотворенія, на малороссійскомъ языкѣ сочиненныя. То же подтверждается и другими свидѣтельствами, напримѣръ: тетрадями, кое гдѣ уцѣлѣвшими отъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ списаны были и народныя пѣсни, и разныя малороссійскія стихотворенія, какъ видно, бывшія въ ходу у со-

временниковъ, но потомъ совсѣмъ позабытыя. Къ числу давнихъ стихотворцевъ на малороссійскомъ языкѣ, бывшихъ еще до козака *Климовскаго*, принадлежитъ и гетманъ *Мазепа*, сочинившій извѣстную пѣсню

Вси покою щиро прагнуть,
А не въ одынъ гужъ вси тягнуть,—

и львовскій епископъ *Іосифъ Шумлянскій*, сочинившій пѣсню на Вѣнскую войну 1683 г., въ укоръ малороссійскому гетману:

Жалься, Боже, на гетьмана
Самойловича Ивана

Сюда же принадлежатъ неизвѣстные сочинители стиховъ и пѣсенъ на первыя побѣды гетмана Хмельницкаго (1648 г.), въ укоръ коронному гетману Потоцкому, напр.:

Глянь обернышся,
Встань подывыся!

Самъ Богданъ Хмельницкій, какъ говоритъ преданіе, сложилъ извѣстную пѣсню „Чайку", которая, по всей вѣроятности, была подражаніемъ той народной женской пѣснѣ (слышанной мною отъ старыхъ козачекъ наднѣпровскихъ), въ которой осиротѣлая вдова изображена подъ видомъ чайки, стенящей о своихъ дѣтяхъ. И такъ, у насъ давно была словесность на малороссійскомъ языкѣ, не только изустная, но и письменная. Изустная словесность, достигавшая высокаго совершенства, окончила свой пѣснотворческій вѣкъ подъ конецъ Екатерининскаго вѣка, когда окончилась прежняя жизнь Малороссіи и насталъ новый ея періодъ. Тогда же насталъ новый періодъ и для словесности малороссійской,—періодъ возрастанія письменной или книжной словесности, которое началось съ Энеиды Котляревскаго, напечатанной 1798 года".

По времени это, можно сказать, первый обстоятельный отзывъ о томъ, въ какой мѣрѣ Котляревскій долженъ считаться начинателемъ украинской словесности,—отзывъ, основанный на извѣстныхъ до 1860 года литературныхъ фактахъ малорусскаго слова въ 17 и 18 стол. Нечего и говорить о томъ, какъ много прибавилось съ той поры этихъ фактовъ, чуть не каждый день

выплывающихъ изъ мрака нашей старины, и ревностное разысканіе старинныхъ рукописей, конечно, ихъ откроетъ еще больше. Минуя все извѣстное до сихъ поръ, мы укажемъ на одинъ такой литературный фактъ, который въ самомъ скоромъ времени появится на страницахъ „Кіевской Старины“. Фактъ этотъ—довольно обширное малорусское стихотвореніе юмористическаго характера, описывающее ревизію разныхъ мѣстъ полтавской губерніи малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Беклешовымъ—слѣдовательно, сочиненное въ первые годы нынѣшняго столѣтія. Читатели увидятъ въ этомъ стихотвореніи, вполнѣ современникѣ Энеидѣ Котляревскаго, и форму стиха, и характеръ изложенія однородные съ послѣдней, и только, можетъ быть, отличающіеся степенью таланта, каковой не составляетъ, какъ извѣстно, границы между двумя періодами.

Ясно послѣ этого, въ какой мѣрѣ и въ какомъ значеніи авторъ перелицованной Энеиды можетъ быть названъ начинателемъ новой украинской словесности. И до него была украинская словесность, не одна *устная*, но и *письменная*, только не попадавшая на печатный станокъ. А это послѣднее находитъ себѣ объясненіе прежде всего въ общихъ условіяхъ культурной жизни Россіи всей вообще въ прошломъ вѣкѣ, и тѣмъ болѣе Малороссіи—въ частности. Оживленіе печатнаго дѣла въ Россіи началось только съ конца прошлаго вѣка, и почти исключительно въ столицахъ; провинціальные же пункты сравнительно долго еще оставались въ дремотѣ, почему и провинціальная украинская словесность существовала только *pro domo sua*, создаваясь въ тишинѣ и патріархально переписываясь въ укромныхъ провинціальныхъ уголкахъ. И такъ, И. П. Котляревскій прежде всего можетъ быть названъ начинателемъ не *новой украинской*, а только *печатной украинской словесности*.

Но мнѣ кажется, мы были бы несправедливы, приписывая силу начинанія печатной украинской словесности исключительно общимъ условіямъ жизни, ничего не удѣливъ на долю сознательнаго участія въ этомъ дѣлѣ личности И. П. Котляревскаго. Это насъ и подводитъ къ необходимости отвѣтить на второй вопросъ, поставленный нами ранѣе: *сознательно или безсознательно* про-

явилъ Котляревскій свой литературный талантъ *на малорусскомъ языкѣ?* Вопросъ этотъ мы считаемъ необходимымъ поставить въ виду того, что всѣ изслѣдователи до сихъ поръ почти въ одинъ голосъ признавали безсознательное влеченіе Котляревскаго къ творчеству на родномъ языкѣ. Г. Кулишъ, напримѣръ, прямо выразился такъ: „самъ Котляревскій не знавъ добре, що винъ творыть“ [1]). Даже г. Дашкевичъ, болѣе другихъ остановившійся на рѣшеніи вопроса о причинахъ возникновенія новой украинской литературы—вообще, и писаній Котляревскаго—въ частности, въ видѣ заключительнаго своего положенія говоритъ: „такимъ образомъ, Котляревскій обратился къ литературной дѣятельности *подъ вліяніемъ безсознательнаго влеченія къ творчеству на родномъ языкѣ*“ (стр. 47).

Если бы дѣло шло о человѣкѣ мало образованномъ, не только не знакомомъ съ иностранными языками, но и мало причастномъ къ литературному русскому языку,—тогда, конечно, можно было бы говорить о безсознательности творчества на марусскомъ языкѣ, подобномъ тому, какое видимъ иногда у поэтовъ самоучекъ; можно было бы говорить о ней и въ томъ случаѣ, если бы Энеида осталась въ рукописи и была написана вся въ семинарскій періодъ воспитанія Котляревскаго. Но первыя напечатанныя три части ея появляются въ 1798 году, когда автору было уже почти 30 лѣтъ, четвертая—въ 1809 г., когда онъ уже вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана и побывалъ до того времени въ обѣихъ столицахъ, а двѣ послѣднія—въ 1825 году, когда лѣта его уже были преклонны. Кромѣ того, мы видимъ, напримѣръ, что въ то время, какъ многіе его земляки и даже школьный другъ его Гнѣдичъ съ успѣхомъ подвизались на полѣ русской беллетристики, онъ не оставилъ ни одного поэтическаго произведенія на русскомъ языкѣ. Можно ли, послѣ этого, говорить о безсознательности творчества его на малорусскомъ языкѣ? Трудно также не вѣрить словамъ г. Стеблина-Каминскаго, который прямо заявляетъ, что Котляревскій „по

---

[1]) Хуторна поэзія, стр. 123. Не имѣя подъ руками этой книги, цитирую по работѣ г. Дашкевича (стр. 46, примѣч. 2-ое).

долгомъ обдуманномъ приготовленіи рѣшился переложить Энеиду Виргилія на малороссійское нарѣчіе"[1]), а приготовленіе это, между прочимъ, состояло, по словамъ современниковъ его, въ томъ, что онъ по окончаніи семинаріи „бывалъ на сходбищахъ и играхъ народныхъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія украинцевъ"[2]). Однимъ словомъ,—скажемъ отъ себя—онъ *совершенно сознательно* стремился къ воспроизведенію на родномъ языкѣ родной обстановки не въ такомъ видѣ, въ какомъ явился извѣстный „Козакъ-стихотворецъ" кн. А. Шаховскаго, самимъ же Котляревскимъ охарактеризованный устами Выборнаго въ „Наталкѣ Полтавкѣ" такъ: „отто тилько не чепурно, що москаль взявся по нашему и про насъ пысать, не бачывшы зроду края и не знавшы звычаивъ и повирья нашого". Основаніемъ для такого сознательнаго отношенія Котляревскаго къ творчеству на малорусскомъ языкѣ, кромѣ указанной раньше преемственности, служило, конечно, и проявлявшееся въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго стремленіе къ введенію въ литературу народнаго элемента. Въ „Вѣстн. Евр." 1810 г. говорится, напримѣръ, что на рождественскія Святки въ Москвѣ поставлена была любимая русская опера „Старинныя святки", и между прочимъ тутъ читаемъ: „сочинитель музыки удачно воспользовался голосами нѣкоторыхъ пѣсенъ малороссійскихъ; сія руда еще недавно открыта и обѣщаетъ театральнымъ композиторамъ пребогатую добычу, ежели только они обратятъ на нее свое вниманіе. А нельзя не пожелать того: въ Малороссіи пѣсни едвали не лучше французскихъ водевилей"[3]). Такимъ образомъ — повторимъ слова г. Дашкевича — „если въ Энеидѣ Котляревскаго украинская литература получила произведеніе съ широкимъ народнымъ направленіемъ" (стр. 35); если „литературная заслуга его въ Энеидѣ состояла именно въ томъ, что

[1]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ. Полтава 1869 г., стр. 20.

[2]) Тамъ же стр. 16.

[3]) № 1, стр. 71.

онъ высказалъ въ блестящемъ видѣ и богатство народнаго языка, и богатство юмора, таящееся въ душѣ народа"; *если „онъ съумѣлъ пріобрѣсти полное вниманіе и сочувствіе пановъ, которые до того времени не такъ сознателно питали любовь къ народному слову и народной словесности* (стр. 34),—то какимъ же образомъ можно говорить *о безсознательности* влеченіе его самаго къ писательству на малорусскомъ языкѣ?

Н. М. В. въ статьѣ о Котляревскомъ (Новь", 1886 г. [1]) замѣчаетъ, что авторъ Энеиды, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ *только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на малорусскомъ языкѣ"*. Извѣстно, какимъ нападкамъ подвергался поэтъ, впослѣдствіи—впрочемъ, за эту предполагавшуюся цѣль его; извѣстно также, чѣмъ и какъ оправдывали отъ этихъ нападковъ разные излѣдователи литературной дѣятельности его; извѣстно, наконецъ, и то, какими причинами и воздѣйствіями объясняли появленіе перелицованной Энеиды его. Мы не будемъ останавливаться, поэтому, съизнова на всѣхъ этихъ вопросахъ, о которыхъ нѣсколько превосходныхъ страницъ можно прочесть въ упомянутой выше работѣ г. Дашкевича (стр. 25—36): находимъ только умѣстнымъ при случаѣ подѣлиться съ читателями еще однимъ отрывкомъ изъ названной ранѣе неоконченной статьи г. Максимовича. Въ „Переднемъ словѣ до громады" Кулиша есть такія строки:

„Якъ появывся Котляревській изъ своимъ Енеемъ, уси зареготалы щиро, що якый то справди чудный той простый людъ украинській, одъ которого мы, дякуючи деякымъ старосвитськымъ добродіямъ, одризнылысь. Зареготалы, и той регитъ бувъ—найстрашнійша проба нашому писаному слову украинському. То було все одно, якъ родытця дытына середъ пъяныхъ бабъ, да ще й сама сповытуха впьетця. Колы выдержыть бидолашне немовлятко перве безумне прывитання на Божому свити, то то буде ознака, що вродылось воно соби живуще ажъ—надто. Вже такои страшнои пробы навпосли ёму й не трапытця. Тымъ ре-

[1]) См. Дашкевичъ, стр. 32.

готомъ надъ Енеидою мало-мало не згубылы самы земляки свого жъ нарожденнаго слова [1]).

Очевидно, эти слова Кулиша и заставили покойнаго Максимовича написать нижеприводимыя строки, сохранившіяся у насъ на особомъ листкѣ.

„Не напрасная ли это тревога? Смѣхъ, возбужденный комическою поэмою Котляревскаго, никакъ не могъ быть пагубнымъ для начатой ею новой малороссійской словесности; напротивъ, онъ былъ знакомъ полнаго успѣха поэмы и залогомъ живаго сочувствія Малороссіянъ къ своенародному слову въ литературѣ. Смѣхъ былъ всегда по душѣ Малороссіянамъ, хотя бы онъ былъ и сквозь слезы. Народная малороссійская словесность, какъ видно по множеству ея гулливыхъ и сатирическихъ пѣсенъ, сказокъ и побасенокъ, любила *смѣхотворство*; оно господствовало и въ новой малороссійской словесности почти полвѣка, до кончины Квиткиной.

Нахожу несправедливымъ и недовольство г. Кулиша на Котляревскаго за его комическое изображеніе малороссійскаго простолюдья. У нашего поэта-украинца не было односторонняго пристрастія ни къ высшему, ни къ низшему сословію народа, также точно, какъ и у нашей народной поэзіи, которая потѣшалась равно надъ простолюдьемъ и надъ панствомъ, надо всѣмъ, что попадалось ей подъ веселый часъ пѣснотворчества.

Когда моторный парубокъ Эней пришелъ въ пекло (адъ), кого тамъ увидѣлъ на первомъ мѣстѣ?

Панôвъ за те тамъ мордовалы
И жарылы зо всѣхъ бокôвъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотôвъ... и проч.

Изъ одного этого мѣста видно уже, что у Котляревскаго не было спуску и нашему панству. Малороссіяне засмѣялись отъ его поэмы совсѣмъ не потому, что простой украинскій людъ явился въ ней въ забавномъ видѣ; столь же забавною представляется въ ней и старшина: смѣшные показались въ Энеидѣ

[1]) Хата, стр. XVII.

Котляревскаго классическіе боги и герои, наряженные въ старосвѣтскихъ украинцевъ—искусною рукою, съ вѣрнымъ знаніемъ натуры и жизни своего народа, и совершенно во вкусѣ народной укранской каррикатуры.

Зевесъ тогди кружавъ сивуху
И оселедцемъ заѣдавъ;
Вönъ, сёму выпивши осьмуху,
Послѣдки съ кварты вылывавъ.

Вотъ что было новостью для тогдашней Малороссіи, наглядѣвшейся до сыта на Парнассъ и Геликонъ, которые тяготѣли надъ Кіевомъ со временъ Петра Могилы [1]) до самаго конца екатерининскаго вѣка, и на которыхъ привитало не только латино-польское стихотворство *лавроноснаго піита* Яворскаго и другихъ малороссіянъ, но и то россійское стихотворство по ломоносовскимъ образцамъ, которому еще и въ послѣдній екатерининскій годъ Павелъ Логвиновъ училъ питомцевъ кіевской академіи. Послѣднимъ вздохомъ той классической лиры были „Радостныя чувствованія музъ, изліянныя въ одахъ и другихъ стихотвореніяхъ"—поднесенныя 1796 года 31 мая въ привѣтъ новоприбывшему кіевскому митрополиту Іероѳею отъ учениковъ „россійскаго стихотворенія". Тамъ, напримѣръ, ученикъ Василій Ризѐнко (будущій профессоръ акушерства въ московскомъ университетѣ) такъ возглашалъ въ своей одѣ:

Парнасской арфой, въ день священный,
Взлетѣвъ на Пиндъ, ты муза пой:
Іероѳей благословенный
Въ сей день явилъ намъ образъ свой.

И сколько разъ, въ тѣхъ „Радостныхъ чувствованіяхъ" названы *Аполлонами* и митрополитъ Іероѳей Малицкій, и почившій предмѣстникъ его Самуилъ Миславскій,—подобно тому, какъ у Яворскаго (въ 1684 г.) Варлаамъ Ясинскій и предмѣстникъ

---

[1]) Книжка *Евхаристиріонъ*, напечатанная въ Кіевѣ 1632 года, состоящая изъ привѣтственныхъ стиховъ Петру Могилѣ на Великдень, раздѣлена на двѣ части - *Парнассъ* и *Геликонъ*.—Прим. Максимовича.

его Иннокентій Гизель воспѣты были подъ заглавіемъ: Hercules post Atlantem,—какъ у Филиппа Орлика (въ 1695 г.) гетманъ Мазепа возвеличенъ былъ подъ заглавіемъ: Alcides Rossiyski [1]). Такъ пришлая къ намъ латино-западная муза наряжала нашихъ малороссійскихъ сановниковъ въ боговъ и героевъ классическаго міра. И вотъ, въ комической поэмѣ Котляревскаго, тѣ сановитые боги и герои зажили и загуляли запросто, какъ щирые, старосвѣтскіе украинцы, и заговорили простонароднымъ малороссійскимъ языкомъ.

Юпитеръ, все допывшы съ кубка,
Рукою свôй. . . . .

Котляревскій, ближайшій преемникъ старо-украинскаго юмора и смѣхотворнаго слова, снималъ съ нихъ не одну легкую шумную пѣну; онъ бралъ ихъ незастѣнчиво съ самаго дна, со всею гущею. Его пародія Виргиліевой Энеиды была ниспроверженіемъ кумировъ классической поэзіи, отъ которой остался въ ней только голый остовъ. Описаніемъ, какъ Эней училъ своихъ троянцевъ латинскому языку, Котляревскій насмѣялся и надъ старымъ способомъ ученія въ нашихъ школахъ.

Троянське племя все засило
Коло кныжокъ, що ажъ потило,
И по латынському гуло.
Эней одъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою вспхъ прыганявъ,
И хто хоть трохы линовався,
То тимъ субôтки и дававъ.
За тыждень такъ Лацину взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все на *усъ*:
Энея звалы Энеусомъ,
И вже не паномъ Домынусомъ,
Себе жъ то звалы Троянусъ.

---

[1]) См. книжная старина южнорусская, въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, М. 1850.— Прим. Максимовича.

Былъ бы замѣтный пропускъ въ новой малороссійской словесности, еслибы въ ней, при самомъ началѣ ея, не отозвалось ничего отъ прежней классической; если бы и самое стихотворное слово наше, такъ хорошо сложившееся въ пѣснопѣніи народномъ, не прошло черезъ школу четырехстопнаго ямба, сложеннаго Ломоносовымъ для русскаго стихотворства, но не привычнаго для стихотворенія народно-украинскаго. Вотъ это была страшная проба нашему литературному новобранцу—выдержать въ цѣлой поэмѣ 4-стопный ямбъ, въ опредѣленныхъ строфахъ и съ полными риѳмами, а возбужденный поэмою смѣхъ не угрожалъ ему ни малѣйшею опасностью: эту пробу онъ со славою выдержалъ давно, еще въ народномъ пѣснопѣніи Украины козацкой. Впрочемъ, Котляревскій порою самъ унималъ свой Энеическій смѣхъ воспоминаніемъ родной старины, столь близкой къ сердцу тогдашняго поколѣнія".

Эта защита Энеиды Котляревскаго такимъ компетентнымъ судьей, какъ Максимовичъ, вполнѣ достойна памяти пятидесятилѣтія со дня смерти покойнаго поэта, почему мы и считаемъ умѣстнымъ окончить ими нашу поминку.

Но полувѣковый срокъ со дня смерти такого выдающагося дѣятеля на полѣ родной словесности заставляетъ насъ думать, что въ этотъ день не будутъ лишены значенія всякія новыя данныя, хотя и мелочныя, которыя могутъ чѣмъ нибудь дополнить все прежде извѣстное. Вотъ почему мы пользуемся случайностью, благодаря которой къ намъ въ руки попала давняя рукописная статья о Котляревскомъ С. Стеблина-Каминскаго, писанная имъ еще въ 1860 году и, очевидно, бывшая въ редакціи „Основы", но не нашедшая себѣ пріюта тамъ по причинамъ весьма понятнымъ: г. Кулишъ выступилъ въ той же „Основѣ" со статьей о Котляревскомъ, діаметрально противоположной возрѣніямъ Стеблина-Каминскаго. Статья эта была напечатана потомъ въ „Полтавскихъ Губернск. Вѣдом." 1866 г. (№ 45—47), а также перепечатана отдѣльной брошюрой въ 1869 г. подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ (изъ запи-

сокъ старожила"). Сличивши теперь рукопись съ этой брошюрой, мы находимъ въ первой нѣкоторыя данныя, не вошедшія въ печатную статью, а потому помѣщаемъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ.

Разсказывая о томъ, что Котляревскій читалъ матери автора воспоминаній неизданныя тогда еще 5-ю и 6-ю части Энеиды, С. Стебинъ-Каминскій въ рукописи своей прибавляетъ: „припоминаю, что въ описаніи одного прихода къ Зевсу —у Котляревскаго было одно циническое выраженіе *„вона до пупа пиднялася"*. Мать моя замѣтила, что „слишкомъ высоко"; авторъ улыбнулся и, сказавъ: „а потому слишкомъ низко", вымаралъ стихъ.

Онъ былъ членомъ массонской ложи, существовавшей въ Полтавѣ до 1825 года, и зналъ даже тайну престолонаслѣдія; ибо въ тотъ самый день, когда присягали Константину Павловичу, вечеромъ сказалъ моему отцу: „сегодня мы присягали Константину, а черезъ недѣлю будемъ присягать Николаю" и когда это предсказаніе совершилось, признался, что давно зналъ отъ *Новикова,* бывшаго правителемъ канцеляріи малороссійскаго военнаго губернатора и членомъ тайнаго общества, о существованіи извѣстнаго акта объ отреченіи В. Кн. Константина Павловича отъ престола.—Когда случилось событіе 14-го декабря 1825 г., Котляревскій совѣтовалъ моему отцу позабрасывать и самъ позабрасывалъ всѣ массонскіе знаки, звѣздочки какія то и пр.).

Приведено также нѣсколько анекдотовъ Котляревскаго: Однажды, помнится, въ домѣ графа Ламберта просили Котляревскаго разсказать что нибудь малороссійское, смѣшное. И. П. улыбнулся, закрылъ на минуту глаза, обыкновенная его привычка предъ началомъ разговора, и началъ: „Жинка журыла свого чоловика, почему онъ никогда не ходитъ въ церковь: „якъ

таки тоби не соромъ, Мусію, що ты николы не пидешъ до церквы; ну, хочь бы теперичка, въ пистъ, пишовъ колы небудь, а якъ въ шынокъ—що дня шкандыбаешъ".

Мусій задумавсь.—„Ну, жинко, добре, завтра вже пиду." И въ самомъ дѣлѣ пошелъ. Былъ ли онъ въ церкви, или нѣтъ, неизвѣстно. Но въ обѣдъ жинка его спросила: „А що? бувъ, Мусію, въ церкви?—Та бувъ же, бувъ.—„А що жъ тамъ служылось?—То що? Звисно: часивня, часы, служба и службасы.— „А *белебень* бувъ?" спросила жинка.—Этотъ неожиданный вопросъ сбилъ Мусія.—„Белебень! Якый белебень?"—„Тю, тю, дурный, хиба не знаешъ, що на кинци бувае белебень?" (молебенъ) — Ага!—отвѣчалъ Мусій: Та стаяло щось биля дверей въ шкурпийци, може той белебень." (Этотъ отвѣтъ оставилъ жинку въ подозрѣніи, что мужъ ея не былъ въ церкви).

Вотъ другой—въ подобномъ родѣ. Мужыкъ хотивъ провчыть свою жинку и не знавъ, якъ бы прынятысь за неи.—Вотъ въ день крещенія, когда обыкновенно вырубливаютъ на прудахъ проруби, въ которыхъ святятъ воду, мужикъ повелъ свою жинку къ такой проруби на сосѣднемъ прудѣ, когда уже тамъ никого не было.—„Ну, жинко, беры свячену воду!" Жинка бросилась къ водѣ съ *глечикомъ*, а мужъ, взявши порядочную лозину, давай стегать ее, приговаривая: „*Не товптесь, а не товптесь!*" (Такъ обыкновенно случалось, когда толпа устремится къ проруби, но тутъ толпу составляла одна его жинка).

Были у Котляревскаго анекдоты, касавшіеся мѣстныхъ личностей; припоминаю два, три: Князь Лобановъ отличался вспыльчивостью характера, однажды, разсерженный на комиссара (земскаго исправника) Значко-Яворскаго, князь въ досадѣ сказалъ ему: „Я съ вами служить не хочу!"...—„Такъ подавайте, Ваше Сіятельство, въ отставку!" отвѣчалъ невозмутимый малороссъ, считавшій себя правымъ,—и князь расхохотался.

Въ другой разъ тотъ же генералъ-губернаторъ гулялъ по городу съ тѣмъ же комиссаромъ и, подходя къ дому, спрашивалъ у него: чей это домъ? Исправникъ, говорившій съ примѣсью малороссійскихъ словъ, сказалъ: *Се Руденка*. Идутъ дальше. „А это чей?" спросилъ опять князь.—*Се Руновской*.—Тьфу!

Что за мерзкія фамиліи, замѣтилъ Лобановъ, не подозрѣвая наивности отвѣтовъ исправника.—Во время одного пріема чиновниковъ князь былъ сильно взбѣшенъ, топалъ ногами, и заставилъ всѣхъ удалиться изъ залы, тогда какой то пріѣзжій чиновникъ, ничего не знавшій, тихонько отворилъ дверь въ комнату, по которой шагалъ сердитый начальникъ,—и выставилъ голову въ двери.—„Ты что за птица?“ вскричалъ князь.—„*Горобецъ*, Ваше Сіятельство!“—Вонъ!... и князь прогналъ смущеннаго чиновника, а въ самомъ дѣлѣ фамилія его была *Горобецъ*.

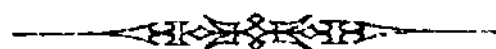
Когда государь Николай I, еще въ санѣ великаго князя, въ 1817 г. посѣщалъ Полтаву, Котляревскій былъ при немъ въ качествѣ адъютанта, сопровождалъ Его Высочество при осмотрѣ Шведской могилы и нѣкоторыхъ заведеній города. Въ больницѣ богоугоднаго заведенія в. к. обратился съ вопросомъ къ врачу (Матвѣеву): много ли больныхъ и выздоравливаютъ ли они? Врачъ поспѣшилъ отвѣчать: Слава Богу, выздоравливаютъ;—но стоявшій близъ него Котляревскій подсказалъ на ухо оробѣвшему врачу—„прибавьте и *умираютъ*“ врачъ повторилъ внезапно: *и умираютъ*—в. в.—о! В. кн. подмѣтилъ уловку Котляревскаго и долго смѣялся.

Императоръ Александръ I-й, по возвращеніи въ 1814 году изъ Парижа, пожелалъ видѣть гробницу генерала Моро, похороненнаго въ католической Петро-Павловской церкви въ Петербургѣ, подлѣ гробницы послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Императоръ пріѣхалъ въ соборъ и, разсматривая въ лорнетъ обѣ гробницы, замѣтилъ на одной изъ нихъ записку, снялъ и прочелъ на ней два слѣдующихъ стиха:

„Ту лежитъ два (zdraica) здрайца:
Единъ кропу стерялъ, другій ноги по . . . .“

Государь, при всей своей серьезности, не могъ не улыбнуться справедливости остроты. Замѣчу, что подобнаго рода анекдотовъ Котляревскій не досказывалъ вслухъ при дамахъ, а передавалъ на ухо ближайшему изъ слушателей,—и смѣхъ, какъ электрическая искра, пробѣгалъ по всему кружку, между тѣмъ самъ разскащикъ лукаво усмѣхался.

В. Науменко.

Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія.

Въ іюлѣ нынѣшняго года въ Кіевѣ совершилось столь давно ожидавшееся торжество открытія памятника освободителю Малороссіи гетману Богдану Хмельницкому. Естественно было ожидать, что русская историческая литература не останется безучастною къ этому событію, что оно послужитъ для нашихъ историковъ поводомъ къ изслѣдованію и переработкѣ немалаго запаса новыхъ документальныхъ свѣдѣній о Хмельницкомъ, накопившихся со времени появленія въ свѣтъ капитальнаго труда покойнаго Н. И. Костамарова. Къ удивленію, открытіе памятника Хмельницкому прошло почти незамѣченнымъ въ нашей литературѣ, и только въ сентябрьской книгѣ „Историч. Вѣстника“ мы встрѣтили небольшую статью П. Н. Полеваго подъ заглавіемъ: „Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія“, посвященную этому событію.

Какъ же отнесся къ кіевскому торжеству г. Полевой? Какое пониманіе выразилъ онъ объ одномъ изъ величайшихъ явленій прошлой исторической судьбы нашего народа?

Тяжелое впечатлѣніе производитъ на объективнаго читателя помѣщенная П. Н. Полевымъ въ сентябрской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ статья: „Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія“. Все не по вкусу г. Полевому: и исторія памятника на его взглядъ „темна и запутана“, но въ то же время„ заглядывать въ эту исторію“ онъ „не станетъ да и не можетъ“, будто

бы „по неимѣнію матеріала“; и исторія постройки памятника тоже „мутна“; г. Полевой хотя не знаетъ ее доподлинно, но подозрѣваетъ въ ней „не мало загадочнаго, страннаго и даже совсѣмъ непонятнаго“. Но г. Полевой, столь горячо интересующійся памятникомъ Хмельницкаго, безъ сомнѣнья, могъ бы прочесть напечатанный еще въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины“ довольно обстоятельный историческій очеркъ сооруженія памятника, составленный тѣмъ самымъ комитетомъ, который завѣдывалъ его постройкой,—и быть можетъ убѣдился бы, что въ исторіи этой постройки ничего нѣтъ „мутнаго“, „загадочнаго и даже совсѣмъ непонятнаго“.

Затѣмъ г. Полевой нападаетъ на строителей памятника; зачѣмъ де они допустили сочиненную будто бы членами кіевской думы (?!) надпись на монументѣ: „Богдану Хмельницкому великая (?!) недѣлимая Россія“? Это, по мнѣнію г. Полеваго, и „наивно“, и „курьозно“ и „абсурдно“, и „блистательно доказываетъ глубочайшее историческое незнаніе строителей, или, лучше сказать, полное ихъ пренебреженіе къ знанію русской исторіи“. Вѣдь г. Полевой твердо убѣжденъ въ томъ, что Великая[1]) Россія „положительно *ничѣмъ не обязана*[2]) Богдану Хмельницкому и потому *не можетъ* воздвигать ему памятниковъ“, а наоборотъ: „Богданъ Хмельницкій *обязанъ Великой Россіи своимъ спасеніемъ*“.

Не входя съ г. Полевымъ въ праздное словопреніе по вопросу болѣе нежели наивному: кто кому болѣе обязанъ—Великая ли Россія Богдану Хмельницкому, или Богданъ Россіи?—мы должны замѣтить, что его раздражительная тирада по поводу надписи основана на смѣшномъ недоразумѣніи: въ надписи на монументѣ, какъ всѣмъ извѣстно, начертано: „Богдану Хмельницкому *единая* недѣлимая Россія“. Г. Полевой вмѣсто „единая“, прочелъ „Великая“. Чтобы рѣшиться выражать оскорбительныя обвиненія другимъ, надо, по крайней мѣрѣ, правильно прочитать.

---

[1]) Очевидно, г. Полевой понимаетъ это прилагат., въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ географическомъ.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ; тоже—и ниже.

Покончивъ съ фантастическою надписью и ея воображаемыми сочинителями и „попустителями“, нашъ историкъ вызываетъ къ суду (что гораздо важнѣе) изъ могилы самого „козацкаго батька“, гетмана Богдана Хмельницкаго. За какіе подвиги поставленъ ему монументъ? По свѣдѣніямъ г. Полевого, то былъ „хитрый и вѣроломный“ человѣкъ, „котораго такъ искусно и послѣдовательно вскормила и воспитала себѣ на погибель польскоезуитская почва“; „интрига, коварство, обманъ и вѣроломство“— вотъ тѣ „орудія, которыя такъ успѣшно примѣнялъ Хмельницкій въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ“, т. е. къ своему прежнему правительству. А къ Великой Россіи развѣ онъ добровольно присоединился? Жалкое недомысліе! Г. Полевому доподлинно извѣстно, что „еслибы царь Алексѣй Михайловичъ не внялъ мольбамъ его и всего малороссійскаго народа и не принялъ бы Малороссію подъ свою высокую руку,—Богданъ не сносилъ бы головы“, потому что Хмельницкій до того неумѣренно „раздражалъ и разжигалъ народныя страсти“, что въ концѣ концовъ ему предстояло „пасть жертвою“ имъ же самимъ вызваннаго „сильнѣйшаго революціоннаго движенія“; а соединившись съ Москвою, онъ пріобрѣлъ „возможность умереть въ почетѣ и богатствѣ, въ постели, а не на плахѣ... И *за все это* (негодуетъ г. Полевой) *Великая Россія воздвигла еще и памятникъ Хмельницкому*!“

Но г. Полевой дѣлаетъ уступку: Россія „была бы еще обязана поставить памятникъ Богдану Хмельницкому, еслибы онъ (хотя и по нуждѣ примкнувъ къ московскому государству), служилъ вѣрою и правдою царю Алексѣю Михайловичу, заботился о закрѣпленіи тѣсной связи между Малороссіей и Великой Россіей и такъ же честно и правдиво отстаивалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, недѣлимую Россію отъ ея враговъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ отстаивалъ Малороссію отъ Польши“. Но что же г. Полевой видитъ? А то, что въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, протекшихъ отъ переяславской рады до смерти Хмельницкаго, „знаменитый гетманъ малороссійскій“ ничего иного не дѣлалъ будто бы, какъ только „заботился исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ (?!) и всѣми мѣрами охранялъ *отдѣль-*

ность Малороссіи отъ московскаго государства и въ церковномъ, и въ административномъ, и въ военномъ отношеніи“ (т. е., другими словами, дѣйствовалъ на основаніи только что утвержденныхъ царемъ переяславскихъ статей?); а когда началась война съ Польшею за освобожденіе Малороссіи, то Хмельницкій не только, будто бы, „*не помогалъ*, а прямо таки *мѣшалъ* дѣйствіямъ московскаго войска (когда же и какъ?) и вообще „дѣйствовалъ прямо какъ *измѣнникъ!*... А въ своихъ отношеніяхъ къ царю Богданъ только „коварствовалъ и лукавилъ“ съ нимъ „съ самаго перваго момента поступленія Малороссіи въ подданство—и до послѣдняго издыханія!“...

Ну, конечно! чего же было и ожидать другаго отъ человѣка, „вскормленнаго польско-іезуитской почвой“ и отплатившаго своему прежнему отечеству—Польшѣ, за всѣ ея благодѣянія, лишь измѣной, бунтомъ, „коварствомъ“ и „вѣроломствомъ“.

Что сказать объ этой выходкѣ, которую авторъ выдаетъ за историческую характеристику знаменитаго гетмана? Опровергать ее—значило бы повторять общеизвѣстные факты и много разъ доказанныя положенія. Вѣдь почти все то, что съ такимъ апломбомъ, будто новое откровеніе, говоритъ г. Полевой о Хмельницкомъ, на самомъ дѣлѣ такъ же старо, какъ старъ и самый подвигъ Хмельницкаго. Минуло ужъ два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ польской исторической литературѣ, отъ Коховскаго до Сенкевича включительно, на разные лады варьируется старая пѣсня объ іезуитской хитрости и пронырствѣ, коварствѣ, вѣроломствѣ, прирожденной склонности къ бунтамъ, мятежамъ и измѣнѣ и тому подобныхъ отвратительныхъ чертахъ характера предводителя „дикаго и разнузданнаго хлопства“, т. е. Хмельницкаго, и еслибы г. Полевой пожелалъ, онъ могъ бы позаимствовать изъ этой литературы цѣлый арсеналъ еще болѣе сильныхъ порицаній, нежели тѣ, какими онъ счелъ умѣстнымъ помянуть знаменитаго южно-русскаго героя по случаю открытія ему памятника. Но тамъ для осужденій Хмельницкаго можно найти хоть какія нибудь, если не оправданія, то, по крайней мѣрѣ, психологическіе мотивы; а у г. Полеваго это и бездоказательно, и безпричинно. Факты, на которые ссылается г. Полевой въ доказатель-

ство измѣны Хмельницкаго, давно всѣмъ извѣстны; вмѣсто безплоднаго повторенія ихъ, лучше было заняться ихъ провѣркою. Но мы считаемъ настоящій поводъ совершенно незаслуживающимъ того, чтобы провѣрять исторію послѣднихъ годовъ гетманства Хмельницкаго. По счастію, это оказывается и ненужнымъ: нѣтъ надобности опровергать обвиненія г. Полеваго; онъ самъ опровергъ ихъ удачно и своевременно.

Въ одно время съ статьею Историч. Вѣст. онъ написалъ другую статью подъ заглавіемъ: „Грозный батько козацкій" (по поводу постановки памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ). Статья эта помѣщена въ 35 № „Нивы", вышедшемъ въ свѣтъ почти въ одинъ день съ сентябрской книжкой „Истор. Вѣст." Если бы подъ ней не стояло имя автора, никто не повѣрилъ бы, что ее написалъ тотъ же самый П. Полевой. Ни „измѣны", ни „вѣроломства", ни другихъ сильныхъ словъ, какими преисполнена статья „Историч. Вѣстника", здѣсь нѣтъ. Богданъ охарактеризованъ здѣсь, какъ „блестящій, храбрый, способный, одаренный тактомъ и проницательнымъ умомъ" человѣкъ. Онъ поднялъ возстаніе противъ Польши не по врожденному „коварству" и „вѣроломству", какъ явствуетъ по смыслу первой статьи г. Полеваго, а потому, что „испытавъ на самомъ себѣ всю тягость страшнаго гнета, тяготѣвшаго надъ Украиною", и „измученный насиліемъ и оскорбленіями", онъ естественно „долженъ былъ горячо сочувствовать той народной массѣ, которая рвалаль изъ польскихъ оковъ". И къ Великой Россіи онъ присоединился не потому, чтобы имѣть возможность „умереть въ почетѣ и богатствѣ, въ постели, а не на плахѣ", а потому, что „ждалъ оттуда спасенія и умиротворенія для своей несчастной родины". Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣятельность Хмельницкаго, не можетъ быть и вопроса о томъ, по заслугамъ ли поставленъ ему памятникъ. „Прекрасный этотъ памятникъ (торжественно превзглашаетъ на этотъ разъ все тотъ же П. Полевой) одинаково увѣковѣчиваетъ въ памяти потомства и эпоху возсоединенія Малороссіи съ Великою Россіею, и самое событіе, *и личность того народнаго вождя*, который съумѣлъ всѣхъ убѣдить въ необходимости подклониться подъ „государеву высокую руку".

Вотъ такъ бы и давно. Но какова же должна быть устойчивость убѣжденій того автора, который въ состояніи одновременно выпустить двѣ статьи, взаимно исключающія другъ друга!

Но такова сила привычки! авторъ и въ этой статьѣ не утерпѣлъ, чтобы не взвести на Хмельницкаго нѣкоей напраслины—правда, невинной и нимало не позорной для его памяти, но все же напраслины. Онъ повѣствуетъ, будто Хмельницкій, уходя „осенью" (?) 1647 года на Запорожье, „захватилъ съ собою кстати и старинныя королевскій (?!) грамоты *донскихъ козаковъ* (sic). Зачѣмъ Богдану понадобились „грамоты *донскихъ* козаковъ"? Онъ точно захватилъ тогда съ собою „штучнымъ" образомъ добытыя у своего кума Барабаша королевскія грамоты, но онѣ были вовсе не „старинныя", а выданныя королемъ Владиславомъ IV всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и выданы онѣ были не донскимъ, а запорожскимъ козакамъ. Да и какъ бы „старинныя грамоты донскихъ козаковъ" очутились въ тогдашнемъ Чигиринѣ? Съ такими историческими познаніями нельзя браться за оцѣнку великихъ историческихъ событій и лицъ.

Ив. Луговой.

Критика.

Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій“ Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. I—XI. 235. I—XI. 19. Спб. 1888.

Изъ дошедшихъ до насъ, крайне скудныхъ, данныхъ о жизни Серапіона, не дающихъ ничего для біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля, ясно только одно, что Серапіонъ былъ уроженецъ юга, что вся его молодость и даже почти вся старость прошли на югѣ и что въ самомъ концѣ своей жизни онъ попадаетъ на сѣверъ и является тамъ замѣчательнымъ церковнымъ ораторомъ. Очевидно, что какъ проповѣдникъ онъ дѣйствовалъ и на югѣ, такъ какъ и проповѣдническій талантъ, и извѣстное направленіе его мыслей и складъ убѣжденій не могли явиться вдругъ на сѣверѣ, а установились и развились на югѣ. Поэтому, Серапіона можно причислить къ числу многихъ другихъ кіевскихъ людей, несшихъ свои труды на просвѣщеніе далекаго сѣвера, а стало быть и трудъ г. Пѣтухова имѣетъ ближайшій интересъ для нашего журнала.

Разсматриваемый трудъ распадается на 10 главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ приводитъ тѣ немногія свѣдѣнія о жизни Серапіона, которыя сохранились въ лѣтописяхъ. Вторая глава посвящена вопросу, какія изъ поученій, приписываемыхъ Серапіону, принадлежатъ ему въ дѣйствительности. Въ третьей авторъ старается опредѣлить время написанія или произнесенія каждаго изъ „словъ“. Съ IV главы г. Пѣтуховъ переходитъ къ изслѣдованію главнаго вопроса, подлежащаго уясненію въ его трудѣ,—вопроса объ отношеніи „Словъ“ Серапіона къ дѣйствительной жизни, современной его проповѣднической дѣятельности. Этому вопросу посвящены и слѣдующія главы V, VI и VII. Три послѣднія VIII, IX и X заняты

опредѣленіемъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ проповѣдникъ факты для своихъ поученій, разсмотрѣнію литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ проповѣдямъ Серапіона, оцѣнкѣ древне-русской проповѣди и, наконецъ, опредѣленію значенія Серапіона въ исторіи древне-русской поучительной литературы.

Нельзя не отдать должной справедливости г. Пѣтухову, за удачное разслѣдованіе вопросовъ, на которые онъ обратилъ свое вниманіе. Авторъ собралъ для рѣшенія ихъ весьма много данныхъ, разсмотрѣлъ относящуюся къ нимъ литературу, прекрасно сгруппировалъ факты, пришелъ къ вполнѣ основательнымъ выводамъ. Но вся суть въ томъ, что все вниманіе автора обращено не туда, куда слѣдовало бы: самый интересный и самый важный вопросъ оставленъ г. Пѣтуховымъ почти безъ вниманія, обслѣдованъ очень слабо, хотя самъ же авторъ указываетъ на него, какъ на самый важный среди другихъ вопросовъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію. Посмотримъ, что говоритъ самъ г. Пѣтуховъ въ началѣ своего труда. Онъ указываетъ, что есть двѣ главныя задачи, которыя историкъ литературы можетъ имѣть въ виду при изслѣдованіи извѣстнаго письменнаго памятника: 1) литературная по преимуществу и 2) историко-культурная. Вторая заключается въ изученіи связи даннаго литературнаго явленія съ жизнью его произведшей. Рѣшеніе этой задачи способствуетъ изученію духовной жизни народа. Въ другихъ мѣстахъ г. Пѣтуховъ высказываетъ прямо, что весь интересъ проповѣднической дѣятельности Серапіона заключается въ историко-культурномъ значеніи его „Словъ“, такъ какъ въ нихъ изображаются замѣчательные въ культурномъ отношеніи факты русской народной жизни во второй половинѣ XIII столѣтія. Итакъ, выяснить историко-культурное значеніе проповѣднической дѣятельности Серапіона—вотъ задача, которую авторъ разбираемой книги ставитъ себѣ за главную. Дѣйствительно, IV, V, VI и VII главы, на протяженіи 139 страницъ, посвящены рѣшенію этой задачи, и лишь меньшая половина труда занята собственно историко-литературнымъ изслѣдованіемъ. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ авторъ свою главную задачу—уяснить связь даннаго литературнаго явленія съ жизнью, его породившей. Само собой ясно, что на первомъ планѣ должна стоять сама жизнь, что разъясненіе явленій этой жизни, отразившихся въ проповѣдяхъ Серапіона, должно предшествовать уясненію его къ нимъ отношенія, что историко-культурный интересъ главнымъ образомъ и прежде всего лежитъ въ этихъ явленіяхъ жизни,

а потомъ уже въ отношеніяхъ къ нимъ Серапіона. Вѣдь самый взглядъ того или инаго дѣятеля на фактъ общественной, окружающей его, жизни не можетъ быть правильно оцѣненъ, пока самые факты не будутъ представлены въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Авторъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: онъ посвящаетъ большую часть труда выясненію вопроса, какъ относился проповѣдникъ къ явленіямъ современной ему жизни, и нужно сказать, что едва ли что нибудь новое онъ внесъ въ науку русской исторіи. Въ IV главѣ г. Пѣтуховъ приходитъ къ заключенію, что Серапіонъ является яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія того времени. Страшныя бѣдствія татарскаго ига заставили народъ отнестись критически къ своей жизни и въ ней искать причины постигшихъ его несчастій. Взглядъ на бѣдствія, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи, проходитъ, по справедливому замѣчанію автора, черезъ всю древне-русскую литературу. Достаточно развернуть нашу древнюю лѣтопись, которая является самымъ сильнымъ выразителемъ общественныхъ чувствъ въ древній періодъ нашей жизни, чтобы вполнѣ убѣдиться во всемъ сказанномъ выше. Является ли, поэтому, Серапіонъ исключительнымъ явленіемъ, какъ выразитель общественнаго настроенія? Нѣтъ, и не въ этомъ заключается интересъ его проповѣдей.

Кто прочтетъ „Слова“ владимірскаго проповѣдника, тому сразу станетъ ясно отношеніе его къ явленіямъ жизни, ему современной, и для того, чтобы показать это отношеніе, достаточно привести выдающіяся мѣста изъ его поученій. Тутъ нѣтъ мѣста обширному изслѣдованію. Поэтому авторъ отвлекается совершенно въ сторону отъ главной своей задачи—разъяснить отношенія Серапіона къ окружающей его жизни,—оставляетъ ее совершенно и значительную часть своего труда посвящаетъ вопросу, чьи взгляды на общественныя заблужденія были гуманнѣе, нашего ли Серапіона, проповѣдника XIII в., или духовенства и ученыхъ Западной Европы даже въ XVII столѣтіи. Авторъ съ 69 по 131 страницу (почти 70 страницъ) передаетъ намъ мнѣнія западно-европейскихъ богослововъ о процессахъ вѣдьмъ, и все это нужно только для того, чтобы потомъ сказать, что Серапіонъ въ XIII ст. стоялъ по гуманности выше западно-европейскихъ людей не только ему современныхъ, но и болѣе поздняго времени. Но неужели для полученія этого второстепеннаго по своей важности вывода необходимо было вводить такой балластъ въ свою книгу? Можно было коротко, въ немногихъ словахъ, сдѣлать припоминаніе аналогичныхъ фактовъ западно-европей-

ской жизни, чтобы для читателя стало ясно превосходство нашего Серапіона во взглядахъ на окружающую его жизнь предъ людьми З. Европы. Кому также не извѣстна борьба между іосифлянами и заволжскими старцами по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ? Чтобы отмѣтить, что Серапіонъ является не одинокимъ въ области древне-русской жизни и литературы, какъ замѣчательный представитель гуманнаго направленія древне-русской религіозной жизни, для этого опять не слѣдовало на 30 страницахъ говорить о взглядахъ іосифлянъ и ихъ противниковъ, такъ какъ они вполнѣ извѣстны и достаточно выяснены въ трудахъ русскихъ ученыхъ. И здѣсь, какъ и прежде, достаточно было напомнить читателю въ общихъ чертахъ объ этихъ фактахъ нашей культурной жизни. Если мы теперь удалимъ изъ труда г. Пѣтухова весь этотъ указанный нами излишній балластъ, то изъ книги останется нѣсколько болѣе ея половины. И интересно еще, что авторъ подвергаетъ изслѣдованію то, что собственно его не требуетъ: 1) Серапіонъ былъ гуманнѣе западно-европейскихъ богослововъ, 2) Серапіонъ не одинокъ въ древней Руси по своимъ гуманнымъ взглядамъ—это явствуетъ изъ его собственныхъ поученій и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ древне-русской и западно-европейской жизни и не требуетъ многословныхъ доказательствъ.

Увлекшись въ одну сторону, авторъ совершенно выпустилъ изъ вида главный вопросъ: насколько вѣрно отражается дѣйствительная жизнь въ разсматриваемыхъ поученіяхъ. Нельзя сказать, чтобы г. Пѣтуховъ совсѣмъ не касался этого вопроса, но обслѣдованъ онъ имъ весьма неполно, и самое изслѣдованіе ведено невѣрно.

Авторъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего труда, что ему должно обратить вниманіе на два главныхъ пункта: 1) это съ одной стороны—фактъ народной расправы съ вѣдьмами, 2) съ другой—отношеніе къ нему проповѣдника. Мы ожидали бы, что авторъ посвятитъ свой трудъ изслѣдованію вопроса о вѣрованіи въ вѣдьмъ: какъ развилось оно, въ какомъ видѣ является оно во времена язычества, укажетъ намъ факты этого вѣрованія въ дохристіанскій періодъ жизни славянъ, обратитъ вниманіе и сгруппируетъ данныя о проявленіи этого вѣрованія въ ближайшее къ Серапіону время. Но этого ничего нѣтъ въ трудѣ г. Пѣтухова... „Не станемъ вдаваться, говоритъ онъ, въ вопросъ о первоначальномъ происхождеіи вѣры въ волховъ и чародѣевъ“. Конечно, это по отношенію къ дѣятельности Серапіона, не важно, а важно и безусловно необхо-

димо было указать проявленіе вѣры въ вѣдьмъ въ древне-русской жизни. Авторъ долженъ былъ обратиться къ этнографическимъ даннымъ, сохраненныхъ для насъ и лѣтописью, и другими историческими источниками, и разсыпаннымъ по разнымъ современнымъ этнографическимъ и неэтнографическимъ изданіямъ. Если бы авторъ посвятилъ въ своей книгѣ анализу этихъ данныхъ вдвое болѣе того, что онъ отвелъ для передачи указанныхъ выше почти общеизвѣстныхъ фактовъ, то и въ такомъ случаѣ онъ не принесъ бы ничего, кромѣ пользы, а главное—онъ доказалъ бы, что слова поученій Серапіона вѣрны дѣйствительности древне-русской жизни. Въ книгѣ г. Пѣтухова это главное положеніе остается недоказаннымъ. Авторъ сознаетъ, что ему необходимо въ подтвержденіе слова Серапіона объ испытаніи вѣдьмъ водой привести факты, и вотъ на стр. 85 и далѣе г. Пѣтуховъ приводитъ данныя, но... изъ западно-европейской жизни, и ни намека на подобный фактъ не приведено изъ жизни древне-русской. Казалось бы, что справедливость словъ древне-русскаго проповѣдника надо и доказывать фактами древне-русской жизни, а не западно-европейской". Для читателя остается совершенно неизвѣстнымъ, правду говорилъ Серапіонъ, или нѣтъ. Относительно вѣрованія въ вѣдьмъ среди древне-русскаго общества не приведено авторомъ ни одного указанія. Гораздо больше указаній сдѣлано г. Пѣтуховымъ относительно суда надъ вѣдьмами и казни ихъ чрезъ сожженіе, но и тутъ мы видимъ нѣчто странное. Авторъ говоритъ: „не говоря о болѣе раннихъ случаяхъ, о которыхъ даютъ намъ свѣдѣнія лѣтописи и акты, упомянемъ о ближайшихъ". Наоборотъ, для доказательства, что обвиненіе Серапіономъ современнаго ему общества въ расправѣ съ вѣдьмами справедливо, необходимы были именно эти болѣе ранніе факты, по времени стоящіе ближе къ владимірскому проповѣднику, а не позднѣйшіе. Вѣдь и взглядъ на вѣдьмъ, и отношеніе къ нимъ въ XVIII в. могли значительно измѣниться сравнительно съ XIII в., не говоря уже о временахъ языческихъ. А между тѣмъ у насъ имѣется очень интересное извѣстіе, указывающее прямо на практиковавшееся у русскихъ славянъ *испытаніе вѣдьмъ водой* и казни ихъ чрезъ сожженіе въ XII в., т. е. во время, весьма близкое къ Серапіону. „Tous les vingt ans, разсказываетъ арабъ Андалуси, les vieilles femmes de ces pays (des Slaves) se rendent coupables de sorcellerie: ce qui occasionne de grands troubles parmi le peuple. On saisit alors toutes celles que l'on trouve dans cette contrée, et on les jette, pieds

et poings liés dans un grand fleuve qui y passe. Celles qui surnagent sont reputées sorsières et livrées aux flammes; celles, au contraire, qui s'enfoncent, sont declarées innocentes de toute sarcellerie et remises en liberté [1])". Авторъ почему то совершенно выпускаетъ изъ виду это въ высшей степени важное извѣстіе, которое, будучи приведено одно даже, вполнѣ показываетъ вѣрность отраженія дѣйствительной жизни въ поученіяхъ Серапіона. Авторъ вообще не вполнѣ знакомъ съ этнографическими матеріалами, что приводитъ его иногда къ неправильному толкованію фактовъ. Въ началѣ V главы г. Пѣтуховъ приводитъ факты о вѣрованіи у нашихъ предковъ въ волхвованіе и въ основу своихъ доказательствъ кладетъ разсказъ лѣтописи подъ 1024 г. о волхвахъ, появившихся въ землѣ Суздальской. Авторъ совершенно не понялъ передаваемаго имъ явленія, отчего и самый взглядъ на волхвовъ у него вполнѣ неправильный. „Замѣчательно, говоритъ авторъ, что здѣсь не народъ гонитъ, а напротивъ волхвы будто бы по подозрѣнію, что старики и старухи „держатъ гобино", убиваютъ послѣднихъ. Надо думать, что поступали тутъ такъ потому, что хотѣли спасти самихъ себя" и т. д. Ничего подобнаго не бывало, смѣемъ увѣрить автора. Далѣе авторъ утверждаетъ довольно смѣло, что изъ разговора Яна съ волхвами о богахъ можно заключить, что *воззрѣнія волхвовъ были новостью между народомъ,* даже между болѣе свѣдущей ею частью, какъ Янъ, уполномоченный князя. Это утвержденіе уже черезчуръ странно. А все происходитъ оттого, что авторъ не потрудился познакомиться съ данными древне-русской этнографіи. Во первыхъ, авторъ упустилъ изъ вида, въ какой мѣстности происходитъ дѣйствіе. Язычество въ землѣ Ростовско-Суздальской держалось очень долго, когда христіанство на югѣ вполнѣ утвердилось. На сѣверѣ сохранялись языческія вѣрованія и обряды, и тѣ, кого нашъ лѣтописецъ—христіанинъ называетъ волхвами, были просто такіе же жрецы, или люди, исполнявшіе жреческія обязанности, какихъ мы находимъ и теперь еще у мордвы, черемисы и другихъ финско-угрскихъ народцевъ. Приводить этихъ данныхъ мы не будемъ, такъ какъ они извѣстны всякому. Такимъ образомъ, тѣ люди, которые явились въ Суздальской землѣ, совершенно были свободны отъ страха за себя, ибо, какъ

---

[1]) Charmoy. Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Mémoires de l'Akademie des Sciences de S.-Petersbourg. VI-e série, tome II, livraison 4 et 5-e. 1834, pp. 342—3, 403.

жрецы, охраняли населеніе отъ колдовства женщинъ и были въ глазахъ туземцевъ, мери и веси, силой положительной, а не отрицательной. Янъ, какъ христіанинъ, а авторъ, какъ упустившій изъ вида этнографическія данныя, не поняли явленія, проходившаго предъ ними. Что сказанное нами о волхвахъ вѣрно, мы укажемъ на обычай, сохранившійся и до сихъ поръ у мордвы, о которомъ говоритъ г. Мельниковъ въ своихъ „Очеркахъ Мордвы“, и затѣмъ г. Корсаковъ въ своемъ трудѣ „Меря и Ростовское княжество“. Изъ этого существующаго обычая обнаруживается, что въ извѣстное время года жрецы мери (и вообще всѣхъ финско-угрскихъ племенъ) производили осмотръ старыхъ женщинъ, по имъ однимъ извѣстнымъ примѣтамъ узнавали, вѣдьма она или нѣтъ, и буде примѣты показывали первое, женщину подвергали казни. Чѣмъ же здѣсь являются волхвы? Это такое же духовное сословіе языческое, преслѣдующее вѣдьмъ, какъ было на смѣну ему христіанское. Христіанское духовенство – православное—принесло гуманное отношеніе къ подобнымъ явленіямъ. Но представители христіанства встрѣтили сильное сопротивленіе проповѣдываемой ими религіи именно среди жреческаго сословія, гдѣ послѣднее было сильно и удержалось даже до сихъ поръ (мордва, черемисы, раньше у мери, веси и т. д.), и стало преслѣдовать его, смѣшавъ съ колдунами и чародѣями. Въ языческое время среди общества были вѣдьмы, колдуны, чародѣи, но были и жрецы, одаренные также великой силой и мудростью, которые охраняли населеніе отъ этихъ вредныхъ элементовъ и преслѣдовали ихъ. Вотъ съ этими то жрецами, удержавшимися еще среди языческой мери, и встрѣтился Янъ и уничтожилъ ихъ, какъ людей, могущихъ препятствовать утвержденію среди мери христіанства и власти русскихъ князей. Но еще, повторяемъ, болѣе странно утвержденіе автора, что разсказы мерянскихъ жрецовъ о богахъ были новостью для туземцевъ. Для Яна они дѣйствительно были новостью, но Янъ и полуязыческое населеніе мери не одно и то же. То ученіе, которое слышалъ Янъ отъ мерянскихъ жрецовъ о подземныхъ богахъ, о сотвореніи человѣка, есть дѣйствительное вѣрованіе финско-угрскихъ племенъ, а не выдумка. Мы находимъ его у мордвы, по сообщенію покойнаго Мельникова, у вотяковъ, по даннымъ Георги въ „Описаніи всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ“. О пребываніи боговъ въ безднѣ мы находимъ вѣрованіе у чуди (эстовъ) по нашей лѣтописи, у черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ по другимъ сообщеніямъ; слѣды этого вѣрованія есть у ли-

вовъ,—все это народы, родственные мери и веси, въ области которыхъ дѣйствовалъ Серапіонъ и распоряжался Янъ Вышатичъ. Мы не можемъ здѣсь приводить всѣхъ этихъ данныхъ и производить ихъ сопоставленіе, но автору разбираемой книги сдѣлать все это было необходимо, чтобы ясно понять тѣ факты, на которые онъ ссылается, и отвѣтить на вопросъ, насколько проповѣди Серапіона отражаютъ въ себѣ дѣйствительную жизнь. Если мы теперь выдѣлимъ изъ сочиненія автора излишній балластъ, если затѣмъ главный вопросъ, подлежавшій изслѣдованію, является почти невыясненнымъ, то остается только одна историко-литературная часть работы, которая одна и можетъ быть признана выполненной успѣшно.

П. Голубовскій.

Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1888.

Сочиненіе г. Эварницкаго вышло въ этомъ году; только нѣкоторые отрывки его были помѣщаемы въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ за предъидущіе годы. Теперь, имѣя передъ собою два толстыхъ тома, изданныхъ аккуратно и изящно, мы можемъ оцѣнить это произведеніе, „результатъ осьмилѣтнихъ поѣздокъ по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ“, во всемъ объемѣ и во всей полнотѣ широкой задачи, выполненной г. Эварницкимъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и настойчивостію. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ собралъ такую массу матеріаловъ для исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, какой не собиралъ до него никто. Эта масса матеріала служитъ основой для изложенія автора и въ нѣкоторой степени входитъ въ самое содержаніе произведенія. Но этотъ историческій, археологическій и топографическій матеріалъ слишкомъ разнообразенъ по своей цѣнности; можно смѣло сказать, что нѣтъ двухъ группъ матеріала, равныхъ по своей достовѣрности, и даже каждая данная группа не одинаково достовѣрна во всемъ своемъ объемѣ. Серьезная, научная критика уравниваетъ цѣнность матеріаловъ, приводитъ ихъ къ одной степени достовѣрности, при чемъ эта достовѣрность должна быть доведена до возможно большаго приближенія къ истинѣ. Уравненіе матеріаловъ въ степени ихъ достовѣрности вноситъ и въ самую работу тотъ тонъ, который опре-

дѣляетъ довѣріе къ автору и научную цѣнность работы. Особенно необходима тщательная критика при той массѣ и разнообразіи матеріаловъ, какими пользуется г. Эварницкій. Въ его матеріалы входятъ письменные документы, сохранившіеся въ оригиналахъ и копіяхъ, не всегда относящіеся къ современной эпохѣ, археологическія и топографическія свѣдѣнія, извлеченныя изъ описаній путешественниковъ предъидущаго времени, и данныя, собранныя самимъ авторомъ, народныя преданія и пѣсни, разсказы стариковъ, рѣдко современниковъ исторической жизни Запорожья, даже поэтическія произведенія и малорусскихъ и русскихъ авторовъ и т. п. Другое затрудненіе, которое долженъ былъ побѣдить г. Эварницкій, заключалось въ расположеніи этого матеріала и системѣ изложенія судебъ Запорожья въ историческихъ, топографическихъ и археологическихъ остаткахъ старины. Авторъ въ предисловіи предупреждаетъ читателя, что послѣдній „не найдетъ здѣсь полной, систематически изложенной исторіи запорожскихъ козаковъ, а лишь отдѣльные эпизоды и краткіе намеки на цѣльную исторію“. Но эта оговорка не освобождаетъ автора отъ систематическаго изложенія если не исторіи Запорожья, то своего сочиненія, безъ чего сочиненіе будетъ растеканіемъ „по мысленну древу“, гдѣ читатель не найдетъ никакой точки опоры, чтобы слѣдить за исторіей, топографіей и археологіей интересующаго его края. Г. Эварницкій собралъ много матеріаловъ; но критика и уравненіе достовѣрности ихъ, затѣмъ систематизація этого матеріала, исполнены имъ далеко неудовлетворительно: критика страдаетъ произвольностью, матеріалы не сведены къ одинаковой степени достовѣрности, группировка фактовъ имѣетъ мало системы и выдержанности.

Остановимся на способѣ обращенія г. Эварницкаго съ его разнообразнымъ матеріаломъ.

Насколько насъ можетъ удивить количество матеріала, собраннаго авторомъ, настолько странно, что почти всѣмъ имъ онъ пользуется, какъ достовѣрными историческими, археологическими и топографическими данными.

Сперва обратимся только къ письменнымъ источникамъ.

У г. Эварницкаго мы находимъ постоянныя ссылки на соч. кн. Мышецкаго „Исторія о козакахъ запорожскихъ“ Одесса 1852 г. Правда, авторъ отвергаетъ свѣдѣнія этого „инженеръ подпоручика“ о трехъ сичахъ, предшествовавшихъ якобы хортицкой сичѣ [1]), за-

[1]) Эварницкій, Запорожье, I, стр. 201.

тѣмъ не соглашается съ Мышецкимъ, что Сагайдачный жилъ въ 1630 г.[1]) и пр., но мы замѣчаемъ все таки излишнюю довѣрчивость автора къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ". Какъ важны свѣдѣнія Мышецкаго о современной ему эпохѣ 1736—1740 гг. (о ретраншементахъ, нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ Запорожья и топографіи края того времени), такъ историческія его свѣдѣнія не имѣютъ никакой цѣны. Для характеристики этихъ свѣдѣній мы можемъ указать на всю историческую часть сочиненія Мышецкаго[2]), гдѣ что ни слово, то диковинка. Итакъ, разъ у Мышецкаго разсказывается, „какъ поляки шла войною на Россію въ *1630 г.*, тогда Запорожскіе козаки были подъ Польшею, а одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ"[3]), то изъ словъ Мышецкаго посредствомъ перевода цифръ съ 1630 на 1620 нельзя никакъ вывести *достовѣрнаго* заключенія, что данное урочище „получило свое названіе отъ извѣстнаго историческаго лица Петра Конашевича-Сагайдачнаго, который пребывалъ въ этихъ мѣстахъ со своимъ войскомъ въ *1618* или *1620* году", какъ то дѣлаетъ г. Эварницкій[4]). Такимъ же, никакъ ужъ не *свидѣтельствомъ,* мы считаемъ разсказъ Мышецкаго объ уничтоженіи татарскаго города пауками[5]), что за таковое приводитъ въ своей книгѣ г. Эварницкій[6]). Легенду Мышецкаго объ основаніи запорожскаго козачества въ 948 г. воиномъ Семеномъ[7]) г. Эварницкій приводитъ безъ всякаго замѣчанія съ своей стороны[8]), такъ что читатель, разсчитывая на критическое отношеніе автора къ своему разсказу, смѣло долженъ принимать и разсказъ Мышецкаго за правду, развѣ, по примѣру г. Эварницкаго, исправивъ слишкомъ нелѣпую хронологію. Вѣдь „многіе лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе (это) полагаютъ"... (Ib.). И дѣйствительно, г. Эварницкій санкціонируетъ то, что не выдавалъ за истинное самъ Мышецкій. Послѣдній говоритъ, напримѣръ, о томъ то *„ска-*

---

[1]) Запорожье, I, 134, 211.

[2]) Исторія о коз. запор., глава I.

[3]) Ibid. стр. 68.

[4]) Эварницк. Запор. I, 134.

[5]) Ист. о коз. запор. стр. 64.

[6]) Запор. II, 129.

[7]) Ист. о коз. запор. 2.

[8]) Эварн. Запор. II, 149.

зываютъ“, а г. Эварницкій о томъ же прямо упоминаетъ: „изъ Исторіи Мышецкаго мы *узнаемъ*“ [1]).

Обратимся еще къ тѣмъ ссылкамъ, которые дѣлаетъ г. Эварницкій въ своемъ сочиненіи и на „Очеркъ исторіи запорожскаго козачества“ Марковина. Этотъ очеркъ—компилятивная брошюрка, не имѣющая никакого научнаго значенія—состоитъ изъ выписокъ изъ всякихъ сочиненій, источниковъ рѣдко первой руки, связанныхъ между собою неискусно, безъ всякаго критическаго отношенія къ этимъ источникамъ; эта брошюрка имѣетъ значеніе развѣ только популярнаго очерка Запорожья, да и то написана она тяжелымъ языкомъ и ни на одну черту не уясняетъ читателю исторіи знаменитой общины. Ссылки на эту мало удачную компиляцію въ трудѣ, претендующемъ на кое какую серьезность, болѣе чѣмъ странны. Между тѣмъ г. Эварницкій ссылается, напримѣръ, на одного только Марковина по поводу инструкціи Екатерины I генералу Чернышеву на счетъ пропуска запорожцевъ въ Россію и приводитъ текстъ по отрывку инструкціи у Марковина [2]). Наконецъ, г. Эварницкій рѣчь Б. Хмельницкаго въ Запорожьѣ на Микитиномъ рогѣ беретъ изъ книжки того же Марковина. Если мы представимъ себѣ, что текстъ этой рѣчи находится у Коховскаго [3]), въ отрывкѣ и переводѣ съ латинскаго въ „Богданѣ Хмельницкомъ“ Костомарова [4]), затѣмъ въ сокращеніи и нѣкоторомъ измѣненіи костомаровскаго текста у Марковина [5]), наконецъ, изъ Марковина дословно перепечатано г. Эварницкимъ [6]), если представимъ себѣ такой способъ историческаго разсказа, то поймемъ, что ссылки г. Эварницкаго ясно указываютъ на отсутствіе у него критическаго отношенія къ письменнымъ источникамъ исторіи Запорожья.

Мы, не останавливаясь дольше на однихъ матеріалахъ второй руки, спѣшимъ перейти къ общей характеристикѣ отношенія г.

---

[1]) Ibid. I, 199.

[2]) Ibid. II, 144. Инструкція Чернышеву помѣщена въ Полн. Собр. Закон. т. IV отъ 22-го апрѣля 1725 года, за № 4700. Отрывокъ (§§ 7 и 8) у Скальковскаго (Ист. Нов. сѣчи. Изд. 1-е, стр. 173), откуда и заимствуетъ текстъ самъ Марковинъ (Оч. ист. запор. коз., стр. 68).

[3]) Annalium Poloniae climacter primus, scriptore Vespasiano à Kochowo Kochowski equite Polono. Crac. 1683. p. 25.

[4]) Т. I, стр. 79—80.

[5]) Оч. ис. запор. коз. 52—53.

[6]) Запор. II, 39.

Эварницкаго къ своимъ матеріаламъ. Матеріалы для исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, какъ мы говорили, разнообразны, и по самому характеру ихъ, и по степени ихъ достовѣрности, какъ различны народныя преданія и пѣсни, разговоры автора съ старожилами и письменные документы, лѣтописныя данныя. Г. Эварницкій распредѣляетъ эти матеріалы произвольно: гдѣ есть разсказы, опредѣленные по достовѣрности, онъ излагаетъ ихъ, гдѣ не хватаетъ этихъ разсказовъ, вводитъ народныя преданія, если нѣтъ и этого, помѣщаетъ свои разговоры и разсказы стариковъ, отличающіеся отрывочностью и случайностью, и т. д. Авторъ не соблюдаетъ перспективы: передъ нами раскрывается, картина, писанная на китайскій образецъ. Все сдвинуто во весь ростъ всѣ детали выдвинуты съ тою же яркостью и силою, какъ и существенныя стороны картины. Вы теряетесь, не зная, чему отдать предпочтеніе, что—истина: разглагольствованія ли Россолоды, разсказы ли Надхина, или все это одинаково достовѣрно, или, наконецъ, все недостовѣрно. Авторъ не только не даетъ вамъ возможности разобраться среди этого, но самъ съ очевидною любовью останавливается на народныхъ преданіяхъ и разсказахъ старожиловъ, полныхъ, можетъ быть, интереса, но во всякомъ случаѣ неудобныхъ въ болѣе или менѣе серьезномъ историческомъ сочиненіи тогда, если имъ будетъ придана такая же степень достовѣрности, какъ и документальнымъ свѣдѣніямъ. Вообще, намъ кажется, что матеріалъ народнаго творчества требуетъ въ высшей степени тщательной критической оцѣнки, чтобы быть признаннымъ за матеріалъ научно историческій. Тѣмъ болѣе это необходимо при внесеніи въ научную книжку случайныхъ разговоровъ съ старожилами и просто жителями данной мѣстности, иначе такой матеріалъ будетъ полонъ субъективизма и произвольности. Г. Эварницкій не вноситъ никакой критики въ свои матеріалы народныхъ преданій, пѣсенъ и разсказовъ, поэтому его устный матеріалъ не имѣетъ въ книгѣ никакой научной цѣнности, и только произвольно введенъ среди болѣе или менѣе документальнаго изложенія автора. Мы не указываемъ всѣхъ отдѣльныхъ примѣровъ такого отсутствія перспективы въ изложеніи г. Эварницкаго,—это было бы утомительно и слишкомъ длинно: такими мѣстами полна вся книга, особенно, гдѣ авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, наблюденія, встрѣчи и разговоры. Довольно припомнить разговоры автора съ гребцами на порогахъ, разсказы о похожденіяхъ автора съ „чаркою горілки", которую онъ не разъ преподноситъ и

своимъ разсказчикамъ въ дѣйствительности, и читателямъ въ книгѣ, довольно, говоримъ, возстановить въ памяти, напримѣръ, разсказъ Семена Герасименка, прервавшiйся случайно, потому что г. Эварницкому нужно было куда то спѣшить, или болтовню хортицкаго нѣмца, среди подробнаго и сухаго топографическаго описанiя о—ва Хортицы, разсказни „дiдiвъ" вплоть до длинныхъ рѣчей Россолоды, сопоставить все это съ болѣе или менѣе глубокомысленными соображенiями и документальными доказательствами автора о томъ, гдѣ и когда была какая сича, довольно вспомнить и сопоставить хотя бы это, чтобы увидѣть полное отсутствiе критическаго метода у г. Эварницкаго, метода который такъ необходимъ въ каждомъ сколько нибудь серьезномъ сочиненiи [1].

Такимъ образомъ г. Эварницкiй не внесъ во всѣ части своего сочиненiя надлежащей критики; критическiе прiемы онъ примѣняетъ произвольные и лишаетъ, благодаря этому, книгу той научной цѣнности, которую она могла бы имѣть, если бы авторъ сумѣлъ справиться съ матерiаломъ въ смыслѣ критическаго отношенiя къ нему. Это первый и основной недостатокъ труда г. Эварницкаго Но у автора есть и другой крупный и общiй недостатокъ,—онъ не сладилъ съ задачей систематическаго изложенiя книги такъ же, какъ не сладилъ и съ критикой матерiала.

Въ первыхъ главахъ 1-го тома г. Эварницкiй, послѣ опредѣленiя слова козакъ, начинаетъ свои путевыя замѣтки, описывая во всѣхъ подробностяхъ мѣстности отъ г. Кременчуга до пороговъ, приводя нерѣдко историческiя справки по поводу описываемыхъ мѣстностей. Далѣе, идетъ разсказъ о переѣздѣ черезъ пороги съ подробнымъ описанiемъ береговъ и изгибовъ рѣки, съ мало вѣроятной картиной утопленниковъ на Ненасытцѣ [2]. Весь этотъ разсказъ скученъ, подробности нагромождены въ излишествѣ, безъ всякаго плана; неизвѣстно, по какой причинѣ авторъ останавливается на нихъ, а многiя свѣдѣнiя, сообщаемыя имъ, рѣшительно никому не нужны. Но, несмотря на неопредѣленность изложенiя автора, эти

---

[1] Характерно однообразiе языка и прiемовъ рѣчи разсказчиковъ, встрѣчавшихся на пути г. Эварницкому; что здѣсь принадлежитъ обычнымъ, постояннымъ и повсемѣстно одинаковымъ прiемамъ народнаго разсказа и что самому автору, мы не беремся разбирать, тѣмъ болѣе, что самъ г. Эварницкiй жалуется какъ то на нежеланiе разсказчика повторить довольно большой (напечатанный однако разсказъ.

[2] Эварн. Запор. I, 120.

первыя главы носятъ характеръ не особенно удачно составленныхъ путевыхъ замѣтокъ. Черезъ нѣсколько страницъ, послѣ описанія переѣзда черезъ пороги, г. Эварницкій, нисколько не оговариваясь, поворачиваетъ круто и бросаетъ излагать замѣтки по системѣ описанія пути. Онъ переходитъ къ замѣткамъ историческимъ, описывая запорожскія сичи одна за другой не по мѣсту ихъ расположенія, а *по времени* ихъ возникновенія[1]). Между тѣмъ какъ изложеніе исторіи и топографіи сичей по мѣсту ихъ расположенія не нарушило бы путеваго характера замѣтокъ, обращеніе къ хронологіи и исторіи, безъ видимой необходимости прерывать прежній способъ изложенія, приводитъ читателя въ недоумѣніе, лишаетъ его возможности слѣдить за разсказомъ автора, спутываетъ всѣ впечатлѣнія прочитаннаго. Передъ читателемъ вырисовывается какая то большая куча матеріаловъ по исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, наваленныхъ безъ всякой системы и цѣлесообразности, неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно почему... Такимъ образомъ вся книга оставляетъ впечатлѣніе историческихъ справокъ, неточныхъ ссылокъ, народныхъ преданій, якобы критическихъ споровъ, топографическихъ данныхъ, лирическихъ восторговъ, описанія красивыхъ мѣстностей, благодарностей автора гостепріимнымъ хозяевамъ, воспоминаній объ удобствахъ и неудобствахъ переѣздовъ, стихотвореній и русскихъ, и малорусскихъ, сообщенія могильныхъ надписей, собственной его, автора, характеристики и т. д., и т. д., при томъ впечатлѣніе всего этого сброшеннаго въ одну безформенную массу безъ всякаго отдѣленія цѣннаго матеріала отъ праздной болтовни и путевыхъ наблюденій, и безъ какой бы то ни было систематичности въ изложеніи. Итакъ,—отсутствіе опредѣленнаго критическаго метода, перспективы въ расположеніи матеріала и опредѣленнаго плана во всемъ изложеніи—вотъ основные недостатки книги „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“.

Что же такое въ самомъ дѣлѣ сочиненіе г. Эварницкаго? Научное изслѣдованіе, путевыя замѣтки или поэма въ прозѣ? Ни то, ни другое, ни третье—отдѣльно, но и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Однако прежде подведенія послѣднихъ итоговъ всего нашего пере-

---

[1]) Порядокъ сѣчей по времени ихъ возникновенія таковъ: 1) Хортицкая, 2) Базавлуцкая, 3) Томаковская, 4) Микитинская, 5) Чортомлыцкая, 6) Каменская, 7) Алешковская, 8) Пидпиленская.

смотра книги г. Эварницкаго, остановимся еще на выясненіи значенія слова „сичь“, топографіи Запорожья и лиризмѣ автора, а затѣмъ на внѣшней сторонѣ изданія.

Мы долго разыскивали у г. Эварницкаго выясненіе слова *сичь*, слова, которому даютъ различное толкованіе. Ничего подходящаго мы не нашли. Въ I-мъ томѣ (стр. 201) авторъ, однако, устанавливаетъ порядокъ первыхъ сичей и не соглашается съ ихъ перечисленіемъ у Мышецкаго, заявлявшаго о существованіи сичей такъ: „1) Въ Седневѣ, которая отстоитъ отъ Чернигова 30 верстъ. 2) Въ Каневѣ, которое состоитъ ниже Переяславля, на правой сторонѣ Днѣпра. 3) Въ Переволочной. 4) Въ Хортицѣ“ [1]). Мы совершенно согласны съ г. Эварницкимъ, что первая запорожская сичь была на Хортицѣ, но въ этомъ нисколько не убѣждаемся именно его доказательствомъ, что *запорожской* сичи не могло быть ни въ Седневѣ, ни въ Каневѣ, ни въ Переволочной потому, что эти три мѣста не лежатъ *за порогами* (а *сичь* могла быть?). Ужъ если доказывать посредствомъ уясненія словъ „запорожская сичь“, то слѣдовало остановиться на второмъ словѣ—*сичь*, уясненіе котораго точно показало бы невозможность существованія *сичи*, по крайней мѣрѣ въ Седневѣ и Каневѣ, такъ какъ никакая *сичь* (сича) не могла существовать въ этихъ мѣстахъ. Дѣло въ томъ, что *сичею* въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Новороссіи, и въ Новороссіи называлось расчищенное лѣсное пространство, гдѣ лѣсъ вырубленъ и остались только пни [2]). Мы имѣемъ на это очень ясныя указанія въ документахъ XVII-го вѣка, гдѣ говорится о продажахъ *сичей* частными лицами и раздѣлѣ ихъ между ними же, что свидѣтельствуетъ о широкомъ употребленіи этого слова именно въ смыслѣ лѣсныхъ расчищенныхъ пространствъ [3]). Документы относятся къ той части нынѣшней полтавской губерніи, которая соприкасается съ екатеринославской [4]). Намъ

---

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 9.

[2]) Въ сѣверной части Малороссіи такое мѣсто называется *зрубомъ*.

[3]) По поводу такого пониманія слова сичь см. А. М. Лазаревскаго. Русск. Арх. 1875 г. I, въ генеалогіи Жученковъ-Жуковскихъ.

[4]) Изъ десятка имѣющихся у насъ подъ руками документовъ приводимъ для примѣра два (ненапечатанныхъ), гдѣ упоминается о сичахъ.

Документъ первый.

Запись Трохимова Крамарова и Прокопова Гарасименкова о раздѣленю *сѣчи* низовой зъ Андрушкомъ Игнатенкомъ.

Року Божія 1686, мѣсяца февраля, дня 20.

кажется совершенно достовѣрнымъ и совершенно правдоподобнымъ, что и запорожская сичь есть ни что иное въ первоначальномъ своемъ понятіи, какъ расчищенная отъ лѣса мѣстность, расположенная за порогами, такъ же какъ другія сичи были выше пороговъ. Позже понятіе запорожской сичи спеціализировалось и локализировалось въ представленіи о той общинѣ за порогами, которая была защитницей самыхъ живыхъ интересовъ малорусской жизни. Замѣна слова *сичь* словомъ зрубъ на сѣверѣ Малороссіи, и документальность данныхъ о сичахъ на югѣ, затѣмъ полная вѣроятность необходимости первымъ запорожцамъ расчищать богатыя лѣсомъ острова и берега Днѣпра для своего житья убѣждаетъ насъ именно въ такомъ, а не иномъ происхожденіи слова *сичь*.

Касаясь топографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Эварницкимъ, мы думаемъ, что онъ долженъ былъ быть въ нихъ необыкновенно правдивъ и точенъ во что бы то ни стало, такъ какъ провѣрка топографическихъ данныхъ еще болѣе трудна, чѣмъ провѣрка письменныхъ и другихъ документальныхъ свѣдѣній. Г. Эварницкій излагаетъ свои топографическіе матеріалы съ убѣдительностью очевидца и человѣка, не дѣлающаго никакихъ погрѣшностей въ своихъ описаніяхъ историческихъ мѣстностей. Между тѣмъ его топографія, его географія болѣе чѣмъ сомнительны. Остановимся только на

Предъ насъ Стефана Мосцѣвого судѣ полку полтавского и демяна Кгуджола, атамана городового максима попенка, войта левка, бурмистра и при многихъ зацнихъ персонахъ.

Постановивщеся пред насъ прокопъ гарасименко с притомностю приятеля своего трохима крамара скаржилися на Андрушка Игнатенка: намъ, ласкавие панове, не можемъ того вѣдати для якой причини, андрушко игнатенко нашу власную отцевщину и дѣдизну и грунта къ *сѣчи* належние влугу къ изки ксвоей *сѣчи* подгортаетъ. Онъ недавно купилъ, а наша дѣдизпа одкилку десятъ лѣтъ при насъ зостаетъ, нащо мѣемъ старинних людей. Просимъ скутечной справедливости зреченного андрушка игнатенка вислухавши ми скаргъ акторскихъ. А призвавши предъ себе Андрушка Игнатенка, а на жадане обоихъ сторонъ висталисмо старинныхъ людей задля огляжения и роздѣления тихъ кгрунтовъ: клима чернушенка, мацка хведоровича, якова семенишина, зятя ивана Семененка и остапа семененка. Тіи згодне повѣдѣли: панове змолодости лѣтъ нашихъ свѣдомисмо тихъ кгрунтовъ небожчиковихъ гарасимовихъ и потомковъ его же много Андрушко подсебе погорнулъ. А теперъ по досказаню вашомъ и нажадане обоихъ сторонъ такъ трохимово, тежъ Андрушково и о чемъ слушне вѣдаемъ роспорядивши и признаки положивши на деревѣ сирой байракъ завелисмо прокопа Гарасименка и трохима Андрушковыхъ кгрунговъ наимнѣй не займуючи. Ми тое слышачи от висланихъ нашихъ .. и трохимови вѣчне отцевщиною их позволяем владѣти. а з особна—

нѣсколькихъ примѣрахъ. Просмотримъ 146—148 стр. II-го тома. „На одну четверть версты ниже города Алешекъ, говоритъ г. Эварницкій, съ правой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кошевая“ [1]). Ничего подобнаго нѣтъ, Кошевая впадаетъ и ниже чѣмъ на $^1/_4$ версты, и при томъ ниже Херсона. Далѣе, р. Конка не выходитъ и не можетъ выходить изъ Днѣпра *ниже* Алешекъ, по той простой причинѣ, что она выходитъ изъ Днѣпра *выше* Алешекъ. Затѣмъ, с. Бѣлозерка Безбородку не принадлежало; села *Гнилища* никакого нѣтъ, а есть хуторъ *Глинище* въ нѣсколько хатъ; с. Касперовка принадлежитъ г. Касперову, а не Сербинову: имѣніе Сербинова лежитъ у Надеждовки, верстъ за 50 вглубь степи; с. Софіевка никакому Скоропадскому не принадлежитъ, а принадлежитъ купцу Русову; колоніи Розенталь около Софіевки никакой нѣтъ; Бѣлогрудовскій каналъ никогда не былъ съ правой стороны Днѣпра; с. Богоявленское расположено вовсе не на песчаномъ Таврическомъ берегу, а подъ Николаевомъ на Бугѣ, т. е. верстъ на 50 сѣвернѣе. Янушевѣ островъ, правда, есть, но не $^1/_2$ верст. ширины и не 1 версту длины. Села Соленой Пристани и дер. Бузовой вовсе нѣтъ, а есть с. Голая При-

---

и в изку що семениха старая визнала жетеи изъ давнихъ часовъ належен *сѣчи* небожчиковой Гарасимовой, писмомъ тое ствердивши велѣлисмо вкниги мѣские полтавскіе вписати, что и есть вписано.

Документъ второй.

Запись Семенова Яременкова войтова и Александрова Никифировичова накуплене *сѣчи* на орчику в Іванихи краснолерковни.

Року Божія 1688 мѣсяца мая 1-го дня.

Преднасъ Ивана Браилка на мѣстцу полковницкомъ Филона Горкуши атамана городоваго, Максима павленка бурмистра и при многихъ зацнихъ персонахъ.

Ставщи преднасъ Маріа Краснопѣрковна з сыном еи Мирономъ вызнали яже ясне доброволне не примушоне панове з доброи воли нашой продалисмо: Семенови яременкови войтови полтавъскому *сѣчъ* нашу власную на орчику на которой крилъ три: имъшаникъ плесомъ и два взменѣ подъ тоею сѣчу. За которую *сѣчъ* взялисмо всемена яременка и в Александра Никифоровича готовыхъ грошей десят таляровъ монети доброй. Волно будетъ Семенови яременкови и Александрови Никифоровичу и потомкомъ ихъ тоею *сѣчу* спринадлежностями кней вѣчне владѣли, дати, продати и даром дати и на свой пожиток як хотѣти обѣрнути турбацій правнихъ нѣоткого неузнавши такъ отъ мене самой отъ потомковъ и отъ всѣхъ близкихъ и далних повиноватихъ моихъ. Мы, тое слышачи отъ устъ марѣнихъ и отъ сына еи Мирона, купълю сию велѣлисмо вкниги мѣские полтавские вписати що иестъ вписано.

(Протоколы Полтавскаго полковаго суда. Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго).

[1]) Запор. II, 146.

станъ, но верстъ на 20 выше указаннаго г. Эварницкимъ мѣста. „Рѣчка Корабелка получила свое названіе, говоритъ авторъ, уже со времени основанія г. Херсона, когда по ней плавали къ Херсону корабли“ [1]). Между тѣмъ Коробка или Коробкая рѣчка такъ звалась еще во времена запорожцевъ.—Всѣ приведенныя крупныя ошибки въ топографіи мѣстности находятся на трехъ страницахъ труда г. Эварницкаго. Мы не имѣемъ ни времени, ни возможности прослѣдить тщательно мѣсто за мѣстомъ путевыя и топографическія замѣтки г. Эварницкаго; но такія же диковинки разбросаны вездѣ: что это за „гранитныя глыбы“ на Каменкѣ [2]), когда и на 100 верстъ кругомъ никакого гранита нѣтъ? *Села* Кременчука нѣтъ, а есть небольшой хуторъ; села верхнеднѣпров. у. г. Эварницкій помѣщаетъ въ александр. или елисаветгр. у. и не на тѣхъ рѣчкахъ, на которыхъ они расположены, и т. д. Гдѣ у автора 100 верстъ, тамъ въ дѣйствительности 8, гдѣ у него 10, тамъ на картѣ 60 и т. п. и т. п. Пусть судитъ теперь читатель, имѣемъ ли мы какое либо право довѣрять топографіи г. Эварницкаго? Никакого, несмотря на рѣшительное заявленіе самого автора, что онъ любитъ точность. Такимъ образомъ и болѣе цѣнная на первый взглядъ часть труда, топографическія данныя, не имѣетъ никакой научной цѣны. Что же еще находимъ въ книгѣ? Поэму въ прозѣ—лирику г. Эварницкаго. Къ чему эта лирика? Богъ его вѣдаетъ. И лирика плоха, и всѣ чувствительныя размышленія дѣланны, и разсказы о гостепріимныхъ людяхъ и путевыхъ впечатлѣніяхъ—ненужная болтовня, и приводимыя стихотворенія Шевченка, Щоголева, А. Толстаго и др. неумѣстны... Авторъ всюду удивляется, всюду восхищается, и сообщаетъ все, что съ нимъ случилось. Узнаемъ мы, когда авторъ сломалъ себѣ руку въ 1-й разъ, и что онъ ломалъ ее еще и потомъ нѣсколько разъ, узнаемъ, какой плохой супъ у нѣмцевъ (авторъ патетически восклицаетъ по поводу супа; „Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы!“ [3]). Наконецъ г. Эварницкій приходитъ въ такой экстазъ, что при видѣ Муравскаго шляха начинаетъ говорить: „что за *ровнота*! что за широта! [4]) и т. д. Эпиграфомъ къ 6-й главѣ I-го тома служатъ слѣдующіе стихи (г. Эварницкаго?):

[1]) Запор. 197.

[2]) Ibid. II, 112.

[3]) Ibid. I, 230.

[4]) Ibid. II, 205.

Ой Дніпре мій, Дніпре,
Прихильний та щирий!
Багато ты, друже, у душу мою
Переливъ своеи теплои, палкои,
Бравои души!
Росполохавъ мріи,
Зогривъ мои думи,
И въ серцеви хворимъ розбудивъ надіи.

Правда, лирическія разглагольствованія г. Эварницкаго высказываютъ въ немъ искренняго и увлекающагося человѣка: онъ весь согрѣтъ самыми добрыми желаніями, мучится всѣми несбывшимися надеждами своего роднаго края. Но... кто не знаетъ, что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, чувствительными рѣчами и благородными сентенціями?... Лиризмъ, только лиризмъ, лиризмъ, такъ сказать „безъ руля и безъ вѣтрилъ", право, не имѣетъ никакой цѣны. Прочитайте, напримѣръ, всѣ рѣчи автора объ Украинѣ до стр. 237 II-го тома и сравните съ фразами, которыя стоятъ на 237 стр. II-го тома: „Украина! Сколько и грустныхъ, и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ. Только одно слово, но какое богатое и глубокое! Найдется ли гдѣ нибудь въ *нашей* обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украина? Путникъ, остановись: здѣсь священная почва!... Да, здѣсь почва священна, трижды священна! Здѣсь, что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое *нашихъ* славныхъ предковъ. Сколько подвизалось достойныхъ въ *нашей* исторіи героевъ?" и т. д.

Мы просмотрѣли критику документальныхъ данныхъ въ сочиненіи г. Эварницкаго—она слаба, невыдержана, произвольна; коснулись мы народныхъ матеріаловъ,—они не провѣрены, не препарированы такъ, чтобы ими можно было пользоваться, какъ научнымъ матеріаломъ,—разсказамъ же „дідівъ" мы не даемъ вѣры: „діды" г. Эварницкаго слишкомъ болтливы и слишкомъ однообразно ведутъ свои разговоры. Обратились мы къ плану изложенія книги—плана никакого, путаница въ сочиненіи полная; наконецъ, мы остановились на топографіи и географіи г. Эварницкаго и на его же лирикѣ. И то, и другое или малоцѣнно, или совершенно ненужно.

Однако мы были бы несправедливы, еслибы не упомянули о достоинствахъ книги. Въ ней достаточно свѣдѣній о вещественныхъ памятникахъ Запорожья и много народныхъ разсказовъ о запорожцахъ.

Затѣмъ книга издана хорошо... Вотъ и все. Заявляя о хорошемъ изданіи, мы не можемъ не указать на рисунки, такъ какъ и подборъ ихъ, и самое сниманіе произведены довольно небрежно, чѣмъ характеризуется вся книга г. Эварницкаго.

Во II-й части около 18-й стр. помѣщенъ рисунокъ съ подписью „Запорожскіе лагерь и возы", на стр. 28-й того же тома рисунокъ „Запорожскіе войсковые клейноды". Откуда эти рисунки? Г. Эварницкому *слѣдовали бы* оговориться, что онъ ихъ скопировалъ изъ книги Сементовскаго „Старина малороссійская, запорожская и донская" (Спб. 1849 г.). Первый рисунокъ снятъ съ рисунка Сементовскаго на стр. 16, второй съ рисунковъ на стр. 29, 33, 39, 40. При этомъ замѣтимъ, что рисунки Сементовскаго, сколько мы знаемъ, не имѣютъ никакого историческаго основанія. Во II-мъ же томѣ около стр. 20 помѣщенъ рисунокъ „Запорожскій зимовникъ"; онъ тоже взятъ изъ сочиненій Гавріила, еп. тверскаго и кашинскаго (Москва, 1854 г. II, отдѣлъ I, повѣствованіе Коржа). Г. Эварницкій объ этомъ умалчиваетъ; опять упомянемъ, что рисунокъ въ соч. Гавріила мало достовѣренъ, такъ какъ не имѣетъ силы автентичности, и рисованъ должно быть по фантазіи художника. Около 196-й стр. II-й ч. есть рисунокъ „Запорожскіе галеры и чайки по Ровинскому и Боплану". Мы не имѣемъ подъ руками Ровинскаго, но чайка у Боплана мало похожа на изображеніе чайки г. Эварницкимъ. У Боплана два руля —на кормѣ и носу лодки, для быстроты поворотовъ судна; г. Эварницкій почему то второй руль уничтожилъ... Непонятно намъ также, почему картину, изображающую запорожца Мамая и такъ распространенную въ Малороссіи, г. Эварницкій подписываетъ „играющій на бандурѣ *гайдамака*" (I, 72).

Послѣ всего этого, мы окончательно останавливаемся на вопросѣ: что же такое представляетъ сочиненіе г. Эварницкаго, изданное въ двухъ томахъ съ очевидно серьезными цѣлями ознакомленія публики съ судьбою знаменитой общины? Все и ничто: все въ смыслѣ quod libet по части „Запорожья въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" и ничто въ смыслѣ строго научной книги по топографіи края и исторіи „славнаго войска запорожскаго низоваго"...

И. Житецкій.

Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. С.-Петербургъ. 1888 года.

Настоящее сочиненіе является однимъ изъ цѣлой серіи сочиненій, издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ и посвященныхъ судьбамъ западно-русскихъ областей, находившихся долгое время подъ иноплеменнымъ господствомъ и только въ позднѣйшее сравнительно время возсоединившихся съ Россіею. Изданіе „Волыни" было предположено еще года два тому назадъ, но въ виду приближавшагося празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси составленіе и печатаніе этой книги было ускорено настолько, что выходъ ея совпалъ съ всероссійскимъ торжествомъ и она такимъ образомъ явилась изданіемъ юбилейнымъ.

Съ празднованіемъ 900-лѣтія крещенія Руси эта книга имѣетъ, какъ замѣчено въ предисловіи, ту связь, что на Волыни, послѣ Кіева, осталось наиболѣе слѣдовъ государственной и христіанско-просвѣтительной дѣятельности князя Владиміра; здѣсь же имъ сооружались величественные храмы для укрѣпленія въ народномъ сознаніи истинной вѣры. Указанная связь изданія съ торжествомъ выражена также на заглавномъ листкѣ въ виньеткѣ, въ которой образно представленъ фактъ побѣды православія надъ всѣми кознями враговъ восточнаго исповѣданія,—надъ русскимъ крестомъ, незыблемо стоящимъ 900 лѣтъ и покрытымъ снизу черными тучами, поднимается свѣтлое солнце, разсѣевающее ихъ.

Надъ составленіемъ текста книги и объясненій къ рисункамъ трудились тѣ же лица, что и въ предыдущемъ изданіи П. Н. Батюшкова „Холмская Русь" именно: текстъ принадлежитъ перу извѣстныхъ кіевскихъ ученыхъ, профессоровъ здѣшней духовной академіи Н. И. Петрова и И. И. Малышевскаго, изъ коихъ второй лишь содѣйствовалъ первому; объясненія сдѣланы М. И. Городецкимъ, которому принадлежитъ и редакція изданія. Цѣлью книги, по прежнему, служитъ польза, ожидаемая отъ широкаго распространенія вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ западнаго края, подчинявшихся долгое время латино-польскому вліянію. По прежнему же, она предназначается въ руководство лицамъ, которыя близко стоятъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ, чтобы чрезъ ихъ посредство „творилась истина, грядущая къ свѣту".

Бросая взглядъ на пережитыя волынскимъ краемъ историческія судьбы, Н. И. Петровъ различаетъ четыре періода: 1) отъ начала историческаго существованія Волыни и до прекращенія линіи самостоятельныхъ русскихъ князей изъ Рюрикова дома въ началѣ XIV вѣка; 2) періодъ господства Литвы надъ Волынью, или литовско-русскій, съ начала XIV вѣка и до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 году; 3) періодъ польскаго преобладанія и владычества въ краѣ, или польско-русскій, съ 1569 года до втораго раздѣла Польши въ 1793 году и 4) періодъ возстановленія русской народности и православія въ краѣ, продолжающійся до настоящаго времени.

Указанныя судьбы Волыни опредѣляютъ по отношенію къ ней важнѣйшія задачи русскаго государства и общества; къ числу ихъ почтенный авторъ относитъ задачу „представить въ ясномъ свѣтѣ коренныя начала русской народности и православія, развивавшіяся на Волыни въ первый періодъ ея исторіи, обозначить различныя стороннія и наружныя наслоенія на коренной пластъ мѣстнаго русскаго населенія, наложенныя на него литовскимъ и, особенно, польскимъ владычествомъ, ослабить ихъ дѣйствіе и, наконецъ, провести въ сознаніе различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія мысль о необходимости и неизбѣжности объединенія этой окраины Россіи съ другими коренными ея частями“. Соотвѣтственно такой задачѣ, авторъ излагаетъ только такія событія изъ жизни Волыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія, и опускаетъ событія, не имѣющія отношенія къ этой цѣли. Съ этой точки зрѣнія должна быть также оцѣниваема работа и автору не можетъ быть поставлено въ упрекъ игнорированіе другихъ сторонъ мѣстной жизни. Напротивъ, надо отдать справедливость автору, прекрасно выполнившему свою задачу: онъ воспользовался всѣми лучшими, изданными въ послѣднее время матеріалами и изслѣдованіями, прямо или косвенно касающимися Волыни; въ изложеніи онъ не опустилъ ни одного сколько нибудь выдающагося историческаго событія во всемъ, что касается администраціи и церкви; онъ свелъ во едино, связавъ одною общею мыслью, всѣ разбросанныя до сихъ поръ по многимъ изданіямъ данныя мѣстной исторіи и тѣмъ облегчилъ трудъ разысканія нужнаго факта каждому, кто такъ или иначе поставленъ въ необходимость дѣлать справки по исторіи края; это практическое значеніе книги заставляетъ сильнѣе чувствовать недостатокъ географическаго указателя

въ ней. Въ спорныхъ же вопросахъ авторъ или отдаетъ предпочтеніе болѣе важнѣйшему и вѣроятному, по его мнѣнію (напр., вопросъ о происхожденіи Богоявленскаго братства и кіевскихъ школъ), или же приводитъ оба противоположныя мнѣнія (напр., вопросъ о времени подчиненія Волыни литовскимъ князьямъ). Написанная легкимъ и плавнымъ языкомъ, „Волынь" читается съ величайшимъ интересомъ; каждый знакомый болѣе или менѣе съ исторической литературой, на которой основано сочиненіе, съ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ группируются въ цѣльную живую картину разрозненные факты. Мысль о сводѣ ихъ нельзя не назвать весьма удачной и счастливой; порученіе же этой работы названнымъ выше ученымъ, не мало и съ пользой потрудившимся на поприщѣ науки, вполнѣ обезпечиваетъ успѣхъ книги среди читающаго люда.

По содержанію, разбираемая книга, кромѣ обычнаго предисловія и введенія, въ которыхъ объясняются задачи, цѣли, пріемы и способы изданія, распадается на 10 главъ: въ двухъ первыхъ излагаются судьбы южной Руси отъ начала княжеской власти на Волыни до начала литовскаго владычества; въ 3 и 4-й главахъ разсказывается о времени господства литовскихъ князей; 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы посвящены началу уніи, ея росту, борьбѣ православія съ ней и католичествомъ, успѣхамъ православія во время козацкихъ войнъ, угнетенію его послѣ войнъ Хмельницкаго и его преемниковъ на правомъ берегу Днѣпра и сближенію уніи съ католичествомъ; девятая глава имѣетъ предметомъ возсоединеніе Волыни съ Россіей, а десятая — возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ и возстановленіе православія и русской народности на Волыни.

Текстъ книги снабженъ многочисленными ссылками и примѣчаніями, которыя всѣ вынесены къ концу книги; для каждаго факта указано мѣсто его заимствованія и это въ высшей степени облегчаетъ справки съ первоисточниками; при этомъ текстъ иллюстрируется большимъ числомъ священныхъ изображеній, иконъ, портретовъ и изображеній историческихъ лицъ: государей, князей, патріарховъ, митрополитовъ, воеводъ, генераловъ и проч., видовъ мѣстностей, монастырей, церквей и памятниковъ, гравюръ, монетъ, медалей, заставокъ и инициаловъ изъ древнихъ рукописей и первопечатныхъ книгъ; не мало также есть образцовъ шрифтовъ и почерковъ первопечатныхъ и рукописныхъ священныхъ книгъ. Всѣ рисунки имѣютъ обстоятельныя объясненія, сдѣланныя М. И. Городецкимъ, редактировавшимъ и все изданіе, о чемъ мы упомянули уже выше.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ указанныя достоинства книги, въ нее проскользнуло нѣсколько незамѣченныхъ (правда, не особенно важныхъ) противорѣчивыхъ фактовъ; такъ, напр., Десятинная церковь, сооруженная во имя пресвятой Богородицы княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ, названа Н. И. Петровымъ Успенской, и это мнѣніе никакимъ доводомъ у него не подкрѣплено; ссылка же его въ этомъ случаѣ на Иловайскаго совершенно не убѣдительна (стр. 17, примѣчаніе 32); эту же церковь г. Городецкій, въ своихъ объясненіяхъ (стр. 33), называетъ, по общепринятому мнѣнію, Рождество-Богородицкой.

Имя Галжки Гулевичевны точно также неправильно переводится у г. Петрова (стр. 146) на имя Елены, тогда какъ въ объясненіяхъ г. Городецкаго она названа правильно Елисаветой (стр. 45), хотя у послѣдняго странно читать современное наименованіе учрежденія въ приложеніи къ тому состоянію, въ какомъ она находилась въ началѣ XVII вѣка, именно, что Елисавета Лозка „основала Кіевскую Духовную Академію, преобразованную Петромъ Могилой" (стр. 45). Кстати: говоря о Петрѣ Могилѣ, г. Городецкій поправляетъ свою прежнюю ошибку относительно этого митрополита, котораго онъ считалъ причисленнымъ къ лику святыхъ въ объясненіи къ портрету Могилы, помѣщенному въ „Холмской Руси".

Нельзя также, намъ кажется, согласиться съ мнѣніемъ Н. И. Петрова (стр. 107), будто Сигизмундъ-Августъ (1548—1572 гг.) умышленно назначалъ недостойныхъ лицъ на епископскія должности, чтобы ослабить православіе, нельзя согласиться, во 1-хъ, потому что время правленія Сигизмунда-Августа было еще такимъ, когда католицизмъ не пользовался силой въ государствѣ, когда ему, какъ и православію, угрожала опасность со стороны успѣшно и быстро распространявшагося протестанства, когда самъ Сигизмундъ Августъ былъ склоненъ къ нему, когда безобразія въ жизни высшаго католическаго духовенства ничуть не были меньше, если не превосходили, таковыхъ же въ жизни православныхъ епископовъ.

Взглядъ редакціи на лѣтопись Георгія Кониссскаго, отличающуюся будто бы правильнымъ разборомъ событій (объясн. стр. 53) не имѣетъ для себя никакой опоры, равно какъ и мнѣніе ея о принадлежности лѣтописи Кониcскому, мнѣніе, давно опровергнутое покойнымъ М. А. Максимовичемъ; извѣстно также, что „Исторія Руссовъ" не можетъ быть даже названа строго исторіей, такъ какъ наполнена многочисленными вымыслами и вовсе не отличается правильнымъ разборомъ событій.

Ошибочнымъ мы находимъ и утвержденіе г. Городецкаго, будто въ царствованіе императора Николая Павловича возсоединены съ православіемъ всѣ уніаты сѣверо и юго-западнаго края (Объясн., стр. 62). Событія недавняго прошлаго, о которыхъ подробно говорилось даже въ „Холмской Руси", опровергаютъ слова автора.

Нельзя, наконецъ, не пожалѣть, что въ „Объясненіяхъ" г. Городецкаго не указано мѣсто, изъ котораго онъ заимствовалъ любопытный фактъ, будто генералъ Тутолминъ, управлявшій съ 1795 г. губерніями минской, изяславской и брацлавской, открылъ въ 1794 году „едвали не первую въ краѣ научную коммиссію для разбора архивныхъ дѣлъ и книгъ въ судахъ и магистратахъ Волыни" („Объясн.", стр. 57). Откровенно сознаемся, что слѣдовъ существованія такой коммиссіи мы не находили въ дѣлахъ прошлаго столѣтія, которыя имѣли случай обстоятельно узнать, хотя встрѣчали распоряженіе Тутолмина о разборѣ и описи судебныхъ дѣлъ при передачѣ ихъ изъ польскихъ учрежденій въ замѣнявшія ихъ русскія; но научная коммиссія и практическія цѣли при разборѣ архивовъ—это двѣ вещи совершенно разныя.

Къ опечаткамъ мы относимъ нигдѣ неисправленную дату смерти Богдана Хмельницкаго; вмѣсто 27 іюня должно читать 27 іюля (стр. 177).

Указанныя противорѣчія и ошибки нисколько не умаляютъ высокаго значенія книги, но едва ли могутъ быть допущены въ руководствѣ, которое предназначено къ обращенію среди людей, не всегда имѣющихъ время и возможность провѣрять сообщаемые въ книгѣ факты. Издана „Волынь" хорошо и цѣна ея не дорога, что должно способствовать распространенію книги, котораго она и заслуживаетъ.

И. Каманинъ.

Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888. 8°. 111 стр. +III таб. снимковъ.

Въ 1882 г. вышло въ свѣтъ роскошно изданное сочиненіе гр. И. И. Толстаго—„Древнѣйшія монеты великаго княжества Кіевскаго". Матеріаломъ для этого изслѣдованія послужили монеты, по поводу которыхъ было сломано много копій между учеными нумизматами и которыя признаны несомнѣнно древнѣйшими русскими

монетами. Въ названномъ сочиненіи гр. Толстаго всѣ онѣ отнесены къ великому княжеству кіевскому и пріурочены къ тѣмъ или другимъ великимъ князьямъ. Выводы гр. Толстаго, отличающіеся повидимому логичностью доказательства, ждали все таки безпристрастной критической оцѣнки. Таковой безъ сомнѣнія являются „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“, составляющія отдѣльный оттискъ изъ 7-го выпуска Вѣстника археологіи и исторіи, издаваемаго при Археологическомъ институтѣ. По словамъ автора „цѣль настоящихъ замѣтокъ далека отъ созданія какой нибудь новой теоріи; она заключается лишь въ исправленіи ошибокъ предыдущихъ изслѣдователей тамъ, гдѣ мы ихъ видимъ, и въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, касающихся разсматриваемыхъ нами монетъ, которые были ими обойдены или оставлены въ тѣни“ (стр. 3). Нужно признать, что задача выполнена авторомъ вполнѣ удовлетворительно. Главное достоинство „Замѣтокъ“ заключается въ той осторожности, съ какой сдѣланы поправки и выражены новыя предположенія. Видно, что уважаемый авторъ ни на шагъ не отступалъ отъ одного опредѣленнаго метода въ своихъ изысканіяхъ, метода, по которому, какъ онъ говоритъ, „задача изслѣдователя должно состоять не въ построеніи болѣе или менѣе правдоподобныхъ гипотезъ, а въ тщательномъ и безпристрастномъ изученіи памятниковъ нашей старины, всестороннемъ ихъ разсмотрѣніи и раскрытіи ихъ истиннаго смысла, на основаніи, главнѣйшимъ образомъ, фактическихъ данныхъ, заключающихся въ самихъ памятникахъ, а не на основаніи отвлеченныхъ умозаключеній, какъ бы логичны и заманчивы они не казались“ (стр. 38). Нужно удивляться тому терпѣнію, съ какимъ разобраны атворомъ изображенія и надписи на монетахъ,—каждая буква сравнивается съ другими одвозначущими и только такимъ путемъ устанавливается то или другое чтеніе надписи.

„Замѣтки“ состоятъ изъ предисловія и 8-ми главъ. Первыя 4 касаются знаменитаго нѣжинскаго клада 1852 г., разрѣшившаго въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи на Руси монетъ въ домонгольскій періодъ; причемъ 3 главы посвящены разбору мнѣній объ этомъ кладѣ, изображеній и надписей на монетахъ; въ конечномъ результатѣ авторъ пришелъ къ выводамъ, не вполнѣ согласнымъ съ заключеніями гр. Толстаго:—изъ трехъ группъ монетъ, приписываемыхъ этимъ послѣднимъ св. Владиміру, только на двухъ ясно читается имя Владиміръ, третья же должна считатся сомни-

тельной; сомнительны далѣе также монеты, относимыя гр. Толстымъ ко времени Святополка Окаяннаго. Какъ примѣръ того, къ чему можетъ привесть изслѣдователя заранѣе предвзятая мысль, служатъ монеты Ярослава Мудраго по опредѣленію гр. Толстого, но на нихъ мы не можемъ, не искажая надписей, прочесть что либо, похожее на „Георгій“ или „Юрій“. Но за то на нихъ ясно и естественно читается имя „Петръ“ въ греческой или древне-русской формѣ“ (стр. 56). Въ 4-ой главѣ авторъ высказываетъ свое особое мнѣніе по поводу нѣжинскихъ „сребренниковъ“ съ именемъ Владиміра. Опираясь главнымъ образомъ на мѣсто нахожденія клада, онъ относитъ ихъ къ черниговскому княжеству и пріурочиваетъ Владиміру Давидовичу, княжившему въ Черниговѣ отъ 1139 по 1151 г.; при этомъ мнѣніе свое авторъ высказываетъ съ оговоркой. что не считаетъ его единственно возможнымъ и непогрѣшимымъ, а только болѣе правдоподобнымъ.

Въ 5-ой главѣ трактуется о „сребренникихъ“, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1876 г. и о „Владиміровомъ златѣ“. Авторъ по поводу этихъ монетъ соглашается съ мнѣніемъ Куника, высказанномъ только о золотыхъ монетахъ этой категоріи, и видитъ въ нихъ скорѣе монеты Владиміра Мономаха, чѣмъ Владиміра Святаго, какъ полагаетъ гр. Толстой. 6-ая глава занята замѣтками о „сребрѣ Ярославлѣ“, о монетахъ Владиміра Ольгердовича и о монетахъ „Болеслава“ съ кирилловскими надписями. Монеты съ именемъ „Святославъ“ занимаютъ 7-ую главу; приведя мнѣнія различныхъ ученыхъ по этому вопросу, авторъ считаетъ болѣе правдоподобнымъ мнѣніе П. Савельева и D-r Egger'a, относящихъ эти монеты къ великому князю кіевскому Святославу Игоревичу. Очень интересна 8-я глава, въ которой говорится о поддѣльныхъ монетахъ великаго княжества кіевскаго. Книжка г. Чернева снабжена приложеніемъ, состоящимъ изъ сравнительныхъ таблицъ надписей на нѣжинскихъ сребренникахъ, и тремя таблицами снимковъ съ поддѣльныхъ монетъ.

Вообще нужно сказать, что „Замѣтки о древнѣйшихъ монетахъ“, какъ работа строго критическая, составляютъ очень полезный вкладъ въ русскую нумизматическую литературу.

Н Б.

Географическій Словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія, составл. И. Я. Спрогисомъ. Вильна 1888 г.

Мы сократили нѣсколько пространное заглавіе настоящаго словаря, такъ какъ выписанными словами вполнѣ исчерпывается существенное содержаніе книги. Вмѣстѣ съ нами, всякій, кому дороги успѣхи науки и въ частности архивнаго дѣла, вполнѣ искренно будетъ привѣтствовать появленіе этого солиднаго, потребовавшаго 20 лѣтъ для своего исполненія труда г. Спрогиса, какъ цѣнный вкладъ въ исторію западно-русской географіи XVI вѣка. Съ этимъ словаремъ можно сдѣлать выборку изъ древнихъ актовыхъ книгъ Виленскаго Центральнаго Архива всѣхъ фактовъ, касающихся той или другой мѣстности, и нарисовать какъ общую картину состоянія Жомойтской (теперь ковенская губ.) земли въ XVI в., такъ и исторію отдѣльныхъ мѣстъ, а равно опредѣлить размѣры русскаго колонизаціоннаго движенія въ эту страну. Названная капитальная работа составлена по 40 актовымъ книгамъ россіенскаго земскаго суда, такъ какъ г. Россіены, теперь уѣздн. г. ковенск. губ., былъ прежде центромъ Жомойтской земли. Выбирая изъ книгъ географическія названія, авторъ передавалъ ихъ такъ, какъ они написаны въ подлинникѣ, т. е. русскими буквами и безъ перевода этихъ названій на русскій языкъ (да и переводимы ли географическія названія?); при каждомъ изъ нихъ онъ обозначаетъ географическій терминъ, употреблявшійся въ актовой книгѣ; гдѣ встрѣчаются современные переводы названій, авторъ приводитъ ихъ; въ предисловіи онъ настаиваетъ на возстановленіи древняго обычая писать всѣ литовскія слова русскимъ алфавитомъ, обычая, существовавшаго уже три столѣтія тому назадъ и вошедшаго во всеобщее употребленіе безъ малѣйшаго насилія, благодаря лишь силѣ русской культуры; тутъ же онъ отмѣчаетъ фактъ существованія русскихъ поселеній въ Жомойтской землѣ, доказывающій мирное сліяніе литовскихъ и русскихъ племенъ. Всѣ географическія названія, не имѣющія отношенія къ раіону литовскаго поселенія, выдѣлены авторомъ въ „Прибавленія“. Работа г. Спрогиса пріобрѣла бы еще болѣе важное значеніе, если бы при каждомъ имени мѣста онъ обозначилъ его современную административную принадлежность и положеніе, какъ сдѣлано это И. П. Новицкимъ въ „Указателѣ географическихъ именъ“ къ изданіямъ Кіевской Археографич. Коммиссіи. Не менѣе цѣнна была бы

и карта Жомойтской земли, составленная на основаніи „Словаря“. Но и безъ всего этого работа производитъ отрадное впечатлѣніе.

Настоящая книга увидѣла свѣтъ, благодаря субсидіи Виленскаго Учебнаго Округа, попечитель котораго Н. А. Сергіевскій оказывалъ уже не разъ вниманіе и поддержку скромнымъ дѣятелямъ мѣстной науки, безъ его содѣйствія едва ли бы нашедшимъ издателя для своихъ почтенныхъ работъ. Очень желательно, чтобы настоящая книга нашла себѣ подражателей въ другихъ архивахъ и продолжателей въ Виленскомъ.

И. Каманинъ.

Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ ред. И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1887.

Нельзя сказать, чтобы у насъ на Руси процвѣтала литература мѣстныхъ историко-статистическихъ и географическихъ изданій, съ помощью которыхъ читающее общество знакомилось бы болѣе или менѣе обстоятельно съ современнымъ и прошлымъ состояніемъ нашихъ отдѣльныхъ областей, городовъ и пр. Всякій изъ насъ, кому приходилось только проѣзжать по Западной Европѣ и колесить нашу Россію, невольно наталкивается на чрезвычайно невыгодныя для насъ сравненія: въ то время, какъ тамъ, на западѣ, въ каждомъ даже ничтожномъ городишкѣ имѣется къ услугамъ любознательнаго проѣзжаго толковый путеводитель или другая справочная книга, у насъ такое богатство можно найти лишь въ самыхъ большихъ городахъ; изъ обыкновенныхъ же губернскихъ и областныхъ городовъ имѣютъ путеводители или историко-географическія описанія только нѣкоторые древнѣйшіе города, какъ напр., Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ (послѣдній—только недавно). Вообще же любопытство проѣзжающаго предоставлено на волю судебъ либо на произволъ слѣпаго случая.

Южная Русь едвали еще не отстала въ этомъ отношеніи отъ сѣверной: въ Кіевѣ только недавно появился разсчитанный на пріѣзжаго путеводитель г. Бублика, а другіе города, даже изъ самыхъ древнихъ, какъ, напр., Черниговъ, сплошь да рядомъ щеголяютъ

отсутствіемъ какихъ бы то ни было доступныхъ и полезныхъ для путешественника описаній. Обстоятельство это до такой степени невѣроятно, что намъ самимъ случалось видѣть, какъ пріѣзжіе иностранцы не довѣряли ему и настойчиво добивались таки путеводителей по городамъ.. Глубоко разочарованные, они только укоризненно покачивали головою.

Въ послѣднее время замѣтно какъ то болѣе движенія въ этомъ отношеніи, особенно по части литературы календарей и мѣсяцеслововъ, нѣкоторые изъ которыхъ, какъ, напр., харьковскій, при баснословной дешевизнѣ, могутъ служить положительно образцами этого рода изданій. Въ волынской губерніи сразу явилось цѣлыхъ два полезныхъ и необходимыхъ изданія: разсматриваемое нами и другое чисто спеціальное „Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи", Н. И. Теодоровича, предполагаемое, судя по вышедшей первой книгѣ (430 стр. слишкомъ), въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

„Памятная книжка волынской губ." состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ и приложенія. Въ первомъ отдѣлѣ находятся собственно такъ называемые святцы, свѣдѣнія же собственно по волынской губ. начинаются лишь со втораго отдѣла, гдѣ помѣщенъ адресъ-календарь разныхъ учрежденій и важнѣйшихъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ. Въ третьемъ отдѣлѣ заключаются „матеріалы по статистикѣ" губерніи, въ четвертомъ разныя справочныя свѣдѣнія и полный „списокъ населенныхъ мѣстъ", наконецъ, въ приложеніи помѣщено краткое историко-географическое описаніе города Житомира, составленное полиційместеромъ города Т. І. Вербицкимъ. Въ каждомъ отдѣлѣ ведется особый счетъ страницъ, что для читателя при справкахъ едвали должно признать удобнымъ. Книга составлена въ общемъ довольно обстоятельно, хотя, разумѣется, не безъ недостатковъ и промаховъ, которые, конечно, будутъ устранены въ слѣдующихъ выпускахъ.

Мы сдѣлаемъ лишь нѣкоторыя замѣчанія, какія сами собою невольно представились при бѣгломъ обзорѣ книги. Такъ, въ числѣ

учебныхъ заведеній мы нигдѣ не нашли указанія на Здолбуновское желѣзнодорожное училище и его составъ, а при изчисленіи районовъ инспекціи народныхъ училищъ не показано, какіе уѣзды входятъ въ эти районы. Школъ чешскихъ въ губерніи показано всего *девять* съ *538* учащимися обоего пола, что рѣшительно не вѣрно, такъ какъ и количество чешскихъ училищъ, и число учащихся въ нихъ, по меньшей мѣрѣ, втрое или даже вчетверо болѣе.

Что касается собственно исторической части изданія, а именно приложенія, то, сколько мы замѣтили, въ ней нѣтъ особенно крупныхъ историческихъ несообразностей. Статья ничего особеннаго, выдающагося изъ себя не представляетъ, но изложена вообще прилично, хотя нѣсколько сухо. Обиліе хронологическихъ данныхъ и нѣкоторыя другія обстоятельства придаютъ работѣ какой то протокольный оттѣнокъ. Авторъ напрасно, какъ намъ кажется, помѣщаетъ городъ Волынь, давшій наименованіе цѣлой области, „въ Галиціи на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ, на лѣвомъ берегу Буга, стоитъ селеніе Грудскъ". По „Очеркамъ русской исторической географіи" г. Н. Барсова, этотъ городъ находился гдѣ то вблизи нынѣшняго Владиміра-Волынска, къ сѣверу отъ него, т. е. въ прямо противоположную сторону. Филологическія свѣдѣнія автора, повидимому, не обширны; такъ, оспаривая мнѣніе І. Крашевскаго о происхожденіи названія „Житомиръ" отъ словъ „жито" и „міръ", онъ замѣчаетъ: отчего же не производить этого названія отъ словъ *жить мирно* (въ мирѣ, согласіи)?" Затѣмъ въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ цѣлую идиллическую картинку мирной, тихой жизни „вѣрнаго слуги витязей Аскольда и Дира, опечаленнаго смертію ихъ и... удалившагося въ землю Древлянскую, въ поэтическую мѣстность..., чтобы забыть тяжкую, невознаградимую утрату. Во всякомъ случаѣ можно считать этотъ вопросъ (т. е. о происхожденіи названія „Житомиръ") спорнымъ и открытымъ", заканчиваетъ авторъ свое буколическое изображеніе. Весь этотъ пустой споръ составитель статьи могъ бы и не заводить, если бы онъ зналъ, что

разногласіе у него съ Крашевскимъ не идетъ далѣе *одной буквы*, т. е. что оба значенія слова *миръ* только въ новое сравнительно время стали различаться въ правописаніи, что, однако, вовсе не мѣшаетъ имъ быть одного происхожденія, а въ древности даже и одного смысла.

А. С—чъ.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Село Ивановка.

(Опытъ этнографической характеристики малорусскаго поселенія въ Новороссіи).

Передъ нами довольно обширный рукописный матеріалъ народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ, записанныхъ М. А. Ганенко въ селѣ Ивановкѣ елисаветградскаго у. херсонской губ. Лежитъ это село верстахъ въ 30 къ зап. отъ г. Елисаветграда, въ семенастовской волости и расположено по обѣимъ сторонамъ балки Чабанки, при впаденіи ея въ Черный Ташлыкъ. Въ самомъ поселеніи и на прилежащихъ къ нему степяхъ расположено до 7 прудовъ,—весьма важное условіе въ Новороссіи, гдѣ вопросъ о водоснабженіи игралъ большую роль при заселеніи. Всей земли, принадлежащей селу Ивановкѣ, насчитываютъ 4906 десятинъ, изъ нихъ крестьяне владѣютъ 934 дес., дворянину помѣщику принадлежитъ 1503 дес.; остальная земля распредѣляется между церковью и однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ изъ мѣщанъ. Какъ по количеству принадлежащей ему земли, такъ и по числу жителей (по переписи 1883 г. 875 д.) Ивановка принадлежитъ къ среднему типу поселеній елисаветградскаго уѣзда.

Наружный видъ поселенія тоже ничѣмъ не отличается отъ большинства мѣстныхъ селъ: прямыя улицы огорожены плетнями или досчатыми заборами; всѣхъ хатъ по переписи 1883 года было 159, въ которыхъ помѣщалось 174 хозяйства; изъ нихъ 128 занимались исключительно земледѣліемъ, 18 земледѣліемъ вмѣстѣ съ ремеслами, 3—кустарнымъ промысломъ, а одно виноторговлей. Въ селѣ есть церковь, постройка которой началась еще въ 1779 г., 1 земская школа, 11 вѣтряныхъ мельницъ и кузницъ и 1 шинокъ.

Вотъ тѣ внѣшнія условія жизни Ивановки, которыя мы узнаемъ изъ подворнаго описанія елисаветградскаго уѣзда. Эти точныя дан-

ныя о внѣшней обстановкѣ не даютъ понятія о внутренней, духовной жизни села; его бытъ, національныя особенности остаются для насъ совершенно неизвѣстны. Собранный г-жею Ганенко матеріалъ является первою попыткой охарактеризовать умственную физіономію села въ херсонской губ., міровоззрѣніе его жителей, ихъ художественное развитіе и юридическія понятія. До сихъ поръ любому ученому, желающему уяснить себѣ этнографическія особенности населенія Новороссійскаго края вообще, а херсонской губ. въ особенности, представилась бы далеко не легкая задача. Прежде всего уже потому, что населеніе это представляетъ интереснѣйшее смѣшеніе самыхъ различныхъ народностей, сошедшихся въ этотъ край изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и сохраняющихъ или видоизмѣняющихъ свои индивидуальныя особенности. Стоитъ проѣхаться по этой безконечной степи, разстилающейся однообразной равниной между двумя оживляющими ее рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ, отъ Чернаго моря до границъ кіевской и подольской губ., чтобы при самомъ бѣгломъ обзорѣ натолкнуться на самую разнообразную сельскую обстановку. То вы въѣзжаете въ чистыя, прямолинейныя поселенія нѣмцевъ колонистовъ, поражающія своей аккуратностью, то попадаете въ жалкія землянки десятинщиковъ, не осмѣливающихся даже называть домами свои невзрачныя жилища, которымъ сами даютъ характерное названіе „гадючниковъ"; то переноситесь въ цвѣтущую садами болгарскую колонію или пестрѣющее яркими нарядами женскаго населенія молдаванское село; то въѣзжаете въ настоящее малорусское село съ бѣлыми мазанками, съ обведенными красной и синей глиной окнами, съ вишневыми садками и цѣлымъ лѣсомъ вѣтряныхъ мельницъ при въѣздѣ; или проѣзжаете мимо длинныхъ деревянныхъ заборовъ и темныхъ деревянныхъ же избъ великорусской раскольничьей слободы. Вездѣ съ переѣздомъ изъ одного села въ другое вы окружены разнымъ народомъ, разной обстановкой и встрѣчаете разный пріемъ, разное міросозерцаніе. Но напрасно захотѣли бы вы найти чье либо авторитетное изслѣдованіе, которое уяснило бы вамъ ваши бѣглыя наблюденія надъ заинтересовавшей васъ духовной физіономіей населенія новороссійскаго края. Это край поистинѣ новый, не послужившій еще предметомъ основательнаго научнаго изученія. Въ этомъ сказалось отсутствіе на югѣ Россіи всякаго географическаго ученаго общества. Кратковременное существованіе въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. общества принесло для мѣстнаго изслѣ-

дованія плодотворнѣйшіе результаты, не столько совершенными имъ учеными работами по этнографіи края, сколько уже однимъ пробужденіемъ въ обществѣ интереса къ таковымъ изслѣдованіямъ, указаніемъ на ихъ важность, а также изданіемъ прекрасной разносторонней и вполнѣ выработанной программы изученія этнографическихъ особенностей населенія. Въ Одессѣ — главномъ центрѣ умственной жизни юга Россіи, никогда не было никакой секціи Географическаго Общества; въ Новороссію никогда не направлялись никакія этнографическія экспедиціи; въ ней нѣтъ ни учрежденій, ни частныхъ лицъ, которыя интересовались бы вопросами этнографіи. Въ 1883 г. передъ археологическимъ съѣздомъ въ Одессѣ, коммиссіей, подготовлявшей для съѣзда разные доклады и работы, выработана была краткая, но очень обстоятельная программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній въ херсонской, екатеринославской и таврической губ. Разослано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ ея съ покорнѣйшей просьбой присылать отвѣты на нее, хотя бы въ самомъ сыромъ видѣ; но увы! воспослѣдовало всего два отвѣта.

Во многихъ губ. Епархіальныя Вѣдомости для лучшаго знакомства съ населеніемъ поручаютъ священникамъ или другимъ своимъ сотрудникамъ составлять описанія повѣрій и обрядовъ того или другаго села. Въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ попадаются по большей части мелкія историческія извѣстія о той или иной мѣстности, связанныя съ постройкой церкви. Изрѣдка только одинъ изслѣдователь, священникъ Никифоровъ, даетъ географическія и этнографическія подробности о бытѣ населенія александрійскаго уѣзда херсонской губ.; да въ 1862 году въ этомъ изданіи былъ помѣщенъ сводъ мѣстныхъ простонародныхъ предразсудковъ и суевѣрій, составленный другимъ священникомъ.

Военно-топографическое описаніе херсонской губ. составленное офицеромъ генерал. штаба Шмидтомъ, при тщательнѣйшемъ изученіи мѣстной географіи, даетъ лишь самыя общія свѣдѣнія о бытѣ народонаселенія. Изъ него мы узнаемъ, что въ составъ населенія херсонской губ. входитъ 17 національностей, принадлежащихъ къ 6 различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Послѣ г. Шмидта самое обстоятельное описаніе херсонской губ. мы находимъ въ Трудахъ статистическаго отдѣленія. Но, посвященное спеціальному изученію экономическаго положенія губ., это описаніе могло лишь самымъ поверхностнымъ образомъ коснуться бытовыхъ особенностей населенія. Мы

знакомимся въ немъ лишь съ внѣшней обстановкой жизни, хотя все же можемъ получить ясное представленіе о смѣшанности національностей. Такъ, напр., мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одесскаго у. встрѣчаются села съ 3—4 національностями и болѣе. Въ городахъ же и предмѣстьяхъ елисаветградскаго у. смѣшано по 5 націй и больше. Вообще же малороссы по всей губерніи являются преобладающими по числу; такъ, напр., въ елисаветградскомъ у. малороссовъ 72%, молдаванъ—11%, великороссовъ 8%, евреевъ 6%; кромѣ того живутъ еще и болгаре, нѣмцы, поляки и др. національности. Малороссы отсутствуютъ только въ 17 поселеніяхъ изъ 1460, молдаване являются сплошнымъ населеніемъ только въ 3-хъ селахъ, въ 17 составляютъ преобладающій элементъ и небольшими „кутками" живутъ въ 85. Великороссы купеческаго сословія разсѣяны по всей губерніи, ведя торговлю; въ сельскомъ же сословіи они только въ 15 селахъ являются преобладающимъ населеніемъ и сами по себѣ образуютъ только 4 слободы. Также разсѣяны по всей губ. евреи, держащіе въ своихъ рукахъ всю торговлю; они преобладаютъ численно во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ (особливо въ Бобринцѣ и Вознесенскѣ). Всѣ эти національности живутъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, каждый съ своимъ рѣзко отличающимся темпераментомъ, съ своими традиціями и разными требованіями отъ жизни. Какъ важно было бы изслѣдовать ихъ особенности, сравнить степень ихъ развитія, ихъ разную воспріимчивость къ культурѣ и художественную впечатлительность. Какъ интересно было бы опредѣлить, вырабатывается ли подъ вліяніемъ всеобъединяющихъ одинаковыхъ условій жизни и природы изъ смѣшенія разныхъ націй какой нибудь новый національный типъ—новоросса и какова его физическая и нравственная физіономія?

Отвѣчать на всѣ такіе вопросы можетъ только этнографія. Но въ послѣднее время эта наука у насъ мало увлекаетъ умы: въ „Запискахъ Географическаго Общества" преобладаютъ географическія и естественно-историческія изслѣдованія, при томъ направленныя преимущественно на далекія окраины нашего отечества; въ журналахъ болѣе общихъ чаще встрѣчаются статьи статистическаго или экономическаго содержанія. Какъ будто наперекоръ все развивающемуся въ нашемъ обществѣ народничеству, изсякаетъ самый живой интересъ къ изученію многочисленныхъ народностей, входящихъ въ составъ нашего государства. У насъ на югѣ со смертью Чубинскаго замерли всѣ этнографическія изслѣдованія, какъ будто задача

изученія малорусскаго народа вдругъ оказалась исчерпанной. Между тѣмъ, несмотря на почтенный объемъ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ Трудовъ, цѣль ихъ далеко еще не достигнута, во первыхъ уже потому, что наблюденія экспедиціи коснулись всего только 3—4-хъ губерній (кіевской, полтавской, черниговской, слегка подольской и очень мало волынской и екатеринославской), во вторыхъ—наблюденія, добытыя экспедиціей въ югозападный край, остаются сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ, разбросанными наблюденіями, не дающими цѣльной и полной характеристики національнаго типа и міросозерцанія, и въ третьихъ они не знакомятъ насъ съ современной нравственной физіономіей малорусскаго народа, не указываютъ на тѣ уступки старыхъ традицій, которыя дѣлаются народомъ или въ силу времени, или подъ вліяніемъ столкновеній съ другими національностями. А теперь именно на нашихъ глазахъ совершается весьма важное перерожденіе народнаго самосознанія. Какъ много отталкивающихъ насъ и непонятныхъ для насъ проявленій этого важнаго процесса было бы для насъ уяснено при помощи непрекращавшихся наблюденій надъ ростомъ народной мысли и отношеніемъ кореннаго народнаго міросозерцанія ко всей совокупности новыхъ впечатлѣній, извнѣ проникающихъ въ народную среду. Задача этнографіи не временная, а постоянная; она должна не только заниматься изученіемъ вымирающихъ обрядовъ и исчезающихъ памятниковъ народнаго художественнаго творчества, а обращаться и къ текущей жизни, къ самымъ будничнымъ явленіямъ, уясняющимъ коллективную душу и разумъ, которыя руководятъ частной и общественной жизнью нашей народной массы. Этнографами обыкновенно бываютъ мало подготовленные наблюдатели, вооруженные тою или иной случайно попавшей въ ихъ руки программой. Но работы ихъ всегда принесутъ плодотворнѣйшіе результаты, если за разработку матеріаловъ примутся ученые во всеоружіи критики и знанія. Вотъ этой то окончательной обработки этнографическихъ данныхъ у насъ особенно мало: всѣ онѣ представляютъ одинъ сырой матеріалъ, не систематизированный, не освѣщенный сравненіемъ или тѣмъ или инымъ обобщеніемъ. Труды г.г. Драгоманова и Антоновича, а также въ послѣднее время работы г.г. Сумцова и Кузьмичевскаго въ „Кіевской Старинѣ" представляютъ образцы, достойные подражанія. Только соединенными усиліями добросовѣстныхъ наблюдателей и ученыхъ наше общество и наша наука установятъ истинное народовѣдѣніе, уяснятъ національныя особенности и прольютъ новый свѣтъ

на множество общественныхъ вопросовъ. Установленіе при нашихъ университетахъ новой каѳедры географіи должно неминуемо способствовать развитію и этнографіи, составляющей одну изъ главнѣйшихъ отраслей географическихъ наукъ.

Матеріалъ, собранный г-жей Ганенко является, какъ мы уже сказали, первой попыткой этнографическаго описанія села херсонской губ. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ пѣсенъ, записанныхъ въ селѣ Ивановкѣ. Всѣ онѣ поются на малорусскомъ языкѣ, но въ нихъ встрѣчаются такія рѣдкія выраженія и слова—какъ: „бижащого востокъ создарила", или „спастерія всихъ дары приносять", „звиздерія всихъ дары приходять" (въ колядкахъ), „ревезенна", „дженджуривна дивка". Много есть и словъ и оборотовъ великорусскихъ, какими вообще отличается новороссійскій говоръ малороссовъ. Многія пѣсни полны той же поэтической красоты, какой отличается вся южнорусская поэзія, особливо въ отдѣлѣ козацкихъ и лично семейныхъ пѣсенъ.

Группировка пѣсенъ у г-жи Ганенко та же, что и у Чубинскаго; это значительно облегчаетъ сравненіе однородныхъ варіантовъ. Такъ какъ населеніе Ивановки хотя и образовалось изъ бѣглыхъ съ разныхъ сторонъ (между которыми осадчими были молдаване изъ за Днѣстра), но впослѣдствіи оно было пополняемо нѣсколько разъ людьми, купленными помѣщикомъ въ полтавской губ. золотоношскомъ уѣздѣ, то и среди пѣсенъ встрѣчается наиболѣе сходства съ варіантами, записанными въ полтавской губ. Чубинскимъ и др. По количеству всего больше записано щедровокъ (22) и колядокъ (15). По содержанію всѣ колядки исключительно духовныя пѣсни, только двѣ имѣютъ историческое значеніе.

Ой якъ бье такъ бье пидъ Кременъ городъ
Выйшлы къ ёму царь-городяне,
Царь-городяне славни мищане,
Вынеслы ёму пучокъ стрилочокъ.
А винъ на той даръ та не поглядавъ.
Выйшлы къ ёму царь-городяне,
Вынеслы ёму чашу червинцивъ;
А винъ на той даръ тай не поглядавъ.
Вывелы къ ёму коня въ наряди,
А винъ на той даръ тай не поглядавъ.
Вывелы ему дивку въ наряди
А винъ дивку взявъ, шапочку изнявъ
Нызенько поклонывся.

Эта колядка очень похожа на нѣкоторыя, имѣющіяся въ сборникѣ историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, такъ же какъ и слѣдующая:

Ой рано рано куры *запилы*
Святий Вечиръ.
А ще *найраньше* панъ Иванъ уставъ,
Панъ Иванъ уставъ, лучкомъ забрязчавъ;
Лучкомъ забрязчавъ, бративъ побужавъ:
Вставайте, братци, кони сидлайте,
Кони сидлайте, хортивъ склыкайте,
Тай пійдемо въ чистее поле,
Въ чистее поле на прогуляння.
Ой тамъ я бачывъ куну въ дереви
Куну въ дереви, дивку въ тереми.
Ой вамъ же, братья, куна въ дереви,
А *мени, братия, дивка* въ тереми.

Обѣ онѣ совершенно подобны таковымъ же колядкамъ, которыя относятся къ глубокой древности, къ великокняжеской эпохѣ и содержаніемъ своимъ указываютъ на существовавшій въ то время дѣлежъ добычи между княземъ и его дружиной.

Между козацкими и гайдамацкими пѣснями с. Ивановки мы встрѣчаемъ самыя популярныя въ херсонской губ. про Савву Чалаго, про Нечая (въ 2-хъ варіантахъ) и про голоту (тоже въ 2-хъ вар.). Савва Чалый—любимый герой Новороссіи и воспѣвается въ разныхъ углахъ херсонской губ. У насъ есть варіанты, записанные и на Бѣломъ озерѣ въ с. Бѣлозеркѣ херсонскаго уѣзда, и на берегу Днѣпра въ д. Консуловкѣ того же уѣзда, такъ же, какъ и пѣсня про Нечая, которая въ двухъ разныхъ варіантахъ напечатана въ 4-мъ т. пѣсенъ Лисенка. Много въ этихъ пѣсняхъ и варіантовъ уже знакомыхъ, чисто малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ Чубинскимъ (напр. Що по морю тыхому Дунаю тамъ плавала лебедочка зъ дитьмы) и Костомаровымъ (Ой у поли заметъ стоить, а у замети козакъ лежыть); есть пѣсни про Харька, про Коваленка и про знаменитаго южнорусскаго героя Кармелюка, о которомъ въ Херсонщинѣ ходитъ много еще незаписанныхъ легендъ и сказаній. Есть одна пѣсня о кровосмѣсителѣ (вар. записанной Чубинскимъ въ переяславсломъ у. У Киіви на Подоли жыла вдова у неволи). Попадаются и пѣсни, по стиху и языку представляющія образчикъ уже совеременнаго творчества:

Ой тамъ на Руси
Проявылысь *чавусы*.[1]
Та не мало, не багато
Пивтораста молодцивъ
На ихъ шапочкы боброви,
На ихъ рубахы шовкови.
Що найстаршій чавусъ
Іонъ на покути сыдыть
Ничого не говорыть,
Только вусомъ шевелыть:
„Ой послушайте, рибьята,
Прыказанья моего
Ой и де бы намъ зъискать
Багатого мужыка?
Ой тамъ за рикой
Багатый мужыкъ жыветъ
Іонъ ни сіеть, ни ареть
Наборъ денежкы даеть.
Слободою идучы
Не покрыкуючы
А до хаты идучы
Не посапуючы, не покашлюючы.
Ой ну, мужычокъ,
Поворачывайся,
Клади денежки на столъ
Тай росплачувайся.
Ой ти брате Мартинъ
Тягну мужика на тынъ.
А ты брате Тарасъ
Ты поджаривай гараздъ.
Лежыть байбакъ на печи
Тай той каже лежучы
Що у мене за святымы
Тай то лежыть тры полтыны.
Щей до лукы не дійшовъ
Сундукъ зъ деньгамы знайшовъ.
Усимъ чаусамъ
Та по сто рублей,
А найстаршому
Півтораста рублей“.

Въ чумацкихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемся съ тѣми же темами, которыя такъ богато развиты въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень Рудченка, о болѣзни чумака на чужой дальней сторонѣ, сравненіе его доли съ долею косаря, любовь чумака къ вдовѣ, любовь къ нему дѣвушки и наконецъ общераспространенная малорусская пѣсня про чайку, полная глубокой задушевной печали. Изъ 12 чумацкихъ пѣсенъ 8 — варіанты пѣсенъ, записанныхъ и въ харьковской и въ полтавской губ. и на Волыни; эти пѣсни лучшія по языку. Между солдатскими четыре поются по малорусски и оплакиваютъ горемычную долю солдата, покидающаго родную семью и подвергающагося всѣмъ тягостямъ военной жизни. Рядомъ съ ними же двѣ исполнены воинственнаго духа и поются испорченнымъ языкомъ, представляющимъ образецъ современнаго цивилизованнаго говора малороссовъ. Въ первой—„Ночка да темная, тучкы грозныи“—воспѣвается взятіе Варшавы, во второй „Пише листъ король французскій“ поется и о Суворовѣ, и о сенатѣ, и другихъ чуждыхъ народу понятіяхъ. Въ противоположность ихъ испорченному языку является пѣсня о крѣпостной зависимости, на чистомъ малорусскомъ языкѣ,

[1]) Въ стародубскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи есть село Чаусы, населеніе котораго представляетъ переходъ къ бѣлоруссамъ.

хотя лишенная всякой поэзіи, но проникнутая искреннимъ чувствомъ горечи и обиды.

Изъ лирницкихъ пѣсенъ г-жею Ганенко записано всего двѣ: о прощаніи души съ тѣломъ и о Лазарѣ,—т. е. именно тѣ, которыя можно услышать на любой малорусской ярмаркѣ.

Особливымъ юморомъ проникнуты такъ наз. пьяницкія пѣсни. Всѣ онѣ относятся къ пьяницамъ женского рода въ родѣ слѣдующей:

У середу пидъ четверъ—
Добре знаю, якъ теперъ—
Якъ велы мене дьячкы
По пидъ бокы въ будячкы.
А я пьяна, та ихъ не боюся!
Не ведить у будячкы
Бо я поколюся
Ведить мене въ лободу
Де лобода дробна
Стелить мени кафтанъ сыній
Бо я благородна!

Не меньшею ироніей проникнуты и такъ наз. сословныя пѣсни, въ которыхъ осмѣиваются сословныя предразсудки, спѣсь и чванство. Одна изъ нихъ — варіантъ, записанный Чубинскимъ, другая же современнаго склада:

Рюмочкы по столыкамъ похажываютъ,
Рюмочкы по хати всю ночъ говорятъ.
Сосваталъ дивыцу прелестный дворяныиъ
Сказывалъ, разсказывалъ багатство своё.
Есть у меня, діевица, сіемь деревень,
Сіемь деревень изъ прыселушкамы!
Вздумаю-подумаю пойтыть за него,
Разумомъ раскинула—не люблю его
Ой штожъ іонъ пойдеть
Турка воюваты,
Ой а я буду
Горе горюваты.
Рюмочки по столикамъ похаживаютъ и т. д.

Приводится сватовство купца, у котораго семь кораблей съ товарами, но который уйдетъ торговать и, наконецъ, сватовство музыканта, у котораго все богатство скрипка да смычокъ, но его то „діевица“ и избираетъ въ мужья за предстоящее съ нимъ веселое житье. Гораздо остроумнѣе пѣсня о Соврадимѣ и его жинкѣ, очень близкая по юмору и содержанію къ общеизвѣстной пѣснѣ „Дворянка“.

Весь циклъ семейныхъ пѣсенъ и лично-лирическія остались вполнѣ малорусскими по духу, стиху и языку; большая часть ихъ— варіанты таковыхъ же пѣсенъ, распѣваемыхъ въ Украинѣ. Впрочемъ, есть между ними и несомнѣнно заново сложившіяся или привнесенныя: напр.

Сыдыть Маша на дивани,
Пьеть стаканчыкъ изъ выномъ.
Ходыть Ваня по трахтыріе,
Курыть трубку съ табакомъ:
„Распроклятая сторонка
Научыла въ свіетѣ жыть,
Распроклятая вышніевка
Научыла водку пыть,
Разлюбезная діевчонка
Научыла жонку быть!"

Или другая въ томъ же родѣ „Ой ты діевыця раскрасавица біела, что въ тебѣ все заплаканы глаза".—Какимъ грубымъ цинизмомъ дышатъ обѣ эти пѣсни по сравненію, напр., съ распѣваемой въ той же Ивановкѣ малорусской: „Ой не свиты, мисяченьку", или „Якъ у саду, такъ и въ лиси"! Поэзія и чистота любовнаго чувства ярко запечатлѣны въ нихъ обѣихъ; чувство, возникающее на лонѣ природы, „мисяць" и „голубы", какъ единственные повѣренные его, все это замѣнилось грубой современной обстановкой, выражающейся въ современныхъ пѣсняхъ: трахтыръ, трубка и „стаканчыкъ изъ выномъ", вотъ аттрибуты современнаго романа въ деревнѣ, и какъ мало воспѣваемая въ нихъ „разлюбезная діевчонка" походитъ на прежній прелестный образъ малорусской дивчины! Новая обстановка проявляется и въ т. наз. шутливыхъ пѣсняхъ: напр.

На вакзали вогонь горыть, на весь городъ выдно,
А мій мылой, чорнобрывой по вакзали ходе.
А іонъ ходе, а іонъ ходе,
Только мене зъ ума зводе.

Или напр.: „Дають мени стаканъ чаю й опельцыну исты". Все новые реальные образы, но, увы, преисполненные прозы! Въ погонѣ за этими новыми понятіями старый народный языкъ искажается примѣсью новыхъ словъ, рѣжущихъ нашъ слухъ, но привлекающихъ вниманіе деревенской молодежи, всегда и вездѣ падкой къ новизнѣ. Вотъ почему наибольшее число новыхъ пѣсенъ встрѣчается среди такъ наз. уличныхъ и вообще составляютъ любимыя пѣсни молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ. Старыя же малорусскія пѣсни остаются достояніемъ болѣе зрѣлыхъ возрастовъ. Прекрасныя поэтическія веснянки, которыхъ такъ много записано у Чубинскаго, въ Ивановкѣ замѣнились короткими и не всегда изящными пѣсеньками, въ родѣ:

Ходе свыня коло млына,
Роспустывшы брюхо,
Выйди выйди ты Парасько
Чоргова брехухо.

И только одна изъ 23, записанныхъ г-жею Ганенко, сохранила характеръ веснянки:

И це весна, и то весна
Що ты намъ, весна, прынесла?
Прынесла я вамъ литечко,
И зеленее зиллячко,
И хрещатенькій барвинокъ,
И зелененькій васылёкъ,
И червоніи ягыдкы,
Зъ ничого села парубкы,
Порослы воны у лиси,
Якъ горобчыкы у стриси;
Порослы воны маленьки,
Якъ чорнобривцы повненьки;
Порослы воны велыки,
Якъ шолудыви гвоздыкы.

Также отсутствуютъ и длинныя содержательныя косарскія пѣсни и замѣняются короткими припѣвами, изъ которыхъ самый длинный слѣдующій:

Нашъ панъ молоденькій,
Пицъ нымъ коныкъ вороненькій,
И самъ не гуля,
И насъ прыганя:
Нуте, хлопци, нуте,
Нуте, прыпыльнуйте!
Якъ прыпыльнувалы,
Грабли поламалы.
Грабелькы новеньки,
Гребци молоденьки.

При обжинкахъ же поется:

Славный городъ Иванивка слобода,
Що нашъ барынъ много хлиба засива,
А прыказчикъ ище бильше прыбавля,
А отаманъ всю громаду собира,
Всю громаду до роботы прыганя.
Отамане батьку нашъ!
Не прыганяй до роботы теперъ насъ,
Бо якъ будешъ до роботы прыганять,
То знымемось, та пидемо въ зеленъ садъ,
Не вернемось въ Иванивку вже назадъ.
Ой налынулы въ Иванивку тры биды:
Перва бида—косовыця косарямъ,
Друга бида—громадыльныкамъ, гребцямъ,
Третя бида—все вьязыльныкамъ женцямъ.

Итакъ мы видимъ, что всѣ пѣсни, записанныя г-жею Ганенко, лишь за немногими исключеніями, поются на чистомъ малорусскомъ языкѣ и по содержанію своему вполнѣ сродны украинскому пѣсенному творчеству. Это объясняется тѣмъ, что Ивановка лежитъ далеко отъ желѣзной дороги и отъ всякихъ городскихъ центровъ и сравнительно мало страдала отъ приносящихъ свою культуру солдатскихъ и фабричныхъ элементовъ. Благодаря такой ея изолированности, въ ней въ совершенной чистотѣ сохранилась и вся пышная малорусская свадьба, со всѣми ея символическими обрядами, сопровождаемыми безчисленными пѣснями, приказками и припѣвами. Г-жа Ганенко записала свадьбу во всѣхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ и съ 252-мя относящимися къ ней пѣснями. Въ

печати уже имѣется одно описаніе свадьбы херсонской губ. тоже елисаветградскаго уѣзда (см. сборникъ Степъ: „Свадебные обряды елисаветградскаго уѣзда“ Е. И. Маркевичъ), но записанная г-жею Ганенко обильнѣе бытовыми подробностями. Жители с. Ивановки хранятъ и многіе другіе малорусскіе обряды и обычаи, которые и записаны г. Ганенко. Такъ, осенью, обыкновенно недѣли за двѣ до филипповки, дѣвушки каждаго кутка избираютъ хату какой нибудь вдовы или небогатой замужней женщины и собираются у нее на „досвитки“. Хозяйкѣ хаты платятъ за это коноплей или чѣмъ нибудь другимъ и помогаютъ ей въ ея работахъ (или вышиваютъ или прядутъ и дѣлаютъ ей время отъ времени подарки). Въ одну хату набирается отъ 4 до 8 дивчатъ и всѣ вмѣстѣ работаютъ—прядутъ или шьютъ. Освѣщеніе хаты на счетъ приходящихъ. За работой поются разныя пѣсни изъ цикла семейно-любовныхъ, а также шутливыя и т. наз. досвитчаныя, не отличающіяся ни поэзіею, ни особливой скромностью. На досвитки приходятъ парубки, преимущественно того же кутка, что и дивчата. Они приносятъ съ собою угощеніе—орѣхи, сѣмячки, водку—развлекаютъ дивчатъ сказками и шутками, а иногда работаютъ (вяжутъ шерстяныя перчатки). Ночуютъ тутъ же всѣ вмѣстѣ „покотомъ“ и иногда встаютъ еще до свѣта и снова принимаются за работу. Въ праздники досвитки принимаютъ, конечно, еще болѣе веселый праздничный характеръ. Продолжаются всю зиму, до заговѣнъ на великій постъ. На самыя же заговѣны, дѣвушки собираются въ досвитчану хату съ самаго утра, убираютъ ее, мажутъ, пекутъ и варятъ принесенную съ собой провизію, приготовляютъ „вечерю“. Каждая дѣвушка приноситъ съ собой муки, масла, мяса, куръ, яицъ—что у кого есть: „що маты дасть, а що вкраде“. Вечеромъ приходятъ парубки съ музыкой (скрипкой и бубномъ), приносятъ напитки (вино, водку, пиво), гостинцы дивчатамъ. Всѣ танцуютъ, пьютъ, ѣдятъ—гуляютъ цѣлую ночь. Подъ извѣстные праздники дѣвушки устраиваютъ гаданья. Такъ, наканунѣ Екатерины (24 ноября) каждая дѣвушка завязываетъ въ узелокъ немного конопляннаго сѣмени и носитъ его около себя до кануна новаго года. Ночью подъ новый годъ несутъ это сѣмя на токъ и сѣютъ его тамъ, а посѣявши снимаютъ съ себя юбки и волочатъ. Если весной это сѣмя взойдетъ, то дѣвушка будетъ счастлива. Кромѣ того воруютъ гдѣ нибудь вѣточку вишни, садятъ ее въ землю, поливаютъ и ждутъ, что на „святый вечиръ“ она разцвѣтетъ. Чья вишня разцвѣтетъ, тотъ будетъ богатъ. Но это гаданье считается грѣхов-

нымъ, такъ какъ „вышня закленае, що не до времня заставылы розцвитать“.

Наканунѣ Андрея (30 ноября) дѣвушки собираются въ „досвитчану“ хату и пекутъ такъ наз. „калиту“ (коржъ изъ прѣснаго тѣста съ сахаромъ, изюмомъ и сливами и съ отверстіемъ посерединѣ) и „балабушки“. Послѣднія пекутся слѣдующимъ образомъ: когда калиту посадятъ въ печь, всѣ присутствующія дѣвушки бѣгутъ къ рѣчкѣ, набираютъ въ ротъ воды и такимъ образомъ приносятъ въ хату три раза каждая. На этой водѣ мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ кругленькія лепешки по числу дѣвушекъ; пекутъ ихъ и раскладываютъ на поставленную посреди хаты скамейку, замѣчая, гдѣ чья, и зовутъ собаку: чью первую собака съѣстъ, та раньше замужъ пойдетъ. Когда собака поѣстъ всѣ „балабушки“, ее перевязываютъ крученымъ изъ соломы перевесломъ, въ родѣ того, какъ перевязываютъ на сватьбахъ старостъ. Тѣмъ временемъ собираются парубки. Калиту привѣшиваютъ на красной лентѣ къ потолку, разводятъ въ черепкѣ сажи и даютъ его одному изъ парубковъ, который и становится возлѣ калиты. За это его называютъ Калытынській. Хлопцы и дивчата по очереди надѣваютъ на себя рядно, садятся верхомъ на кочергу и ѣдутъ къ калитѣ. „Здоровъ, панъ Калытынській!“— „Здравствуйте, панъ Коцюбынській“, отвѣчаетъ ему парубокъ, стоящій возлѣ калиты.—„Я прыихавъ калыты кусать.“—„А я буду по зубамъ кресать.“—Пріѣхавшій старается, не смѣясь, откусить калиты и если успѣетъ, съ торжествомъ возвращается назадъ; если же онъ засмѣется, его мажутъ по лицу сажей.

Кромѣ того въ этотъ день идутъ на „смитныкъ“ (къ сорной ямѣ) и берутъ, не глядя, что попадется: кожи кусокъ—предвѣщаетъ мужа сапожника; кусокъ дерева—плотника; соломинка—хлѣбопашца; перо—писаря. Идутъ также къ проруби и по тому, кто что поймаетъ, замѣчаютъ, за кого выйдутъ замужъ. Еще считаютъ вечеромъ поздно колья въ заборѣ, приговаривая: „удовець, молодець“... Какой колокъ выйдетъ послѣдній, такой и мужъ будетъ. И этотъ послѣдній колъ чѣмъ нибудь перевязываютъ, а утромъ разсматриваютъ его: если колъ окажется безъ коры—будетъ мужъ бѣдный, и наоборотъ; если шашель поточилъ, будетъ мужъ рябой, если колъ двойной—быть за двумя мужьями; если суковатый, быть за вдовцомъ съ дѣтьми. Еще бросаютъ черезъ хату сапогъ: куда носкомъ упадетъ—въ ту сторону замужъ идти. Слушаютъ подъ окномъ и если услышатъ „иди“ или

что нибудь въ этомъ родѣ, то въ этомъ году выйдетъ замужъ; если же услышатъ „сьядь,“ то нѣтъ.

Жители Ивановки вѣрятъ также и въ чары и во всевозможныя примѣты; напр., кто хочетъ хорошо въ карты играть, долженъ на Пасху передъ самыми розговѣнами съѣсть туза. Если громъ ударитъ и зажжетъ хату, можно затушить только кислымъ молокомъ. Чесать женщинѣ голову въ праздникъ вообще считается грѣхомъ, беременной же въ особенности, такъ какъ она столько же часовъ будетъ мучиться въ родахъ, сколько употребитъ на чесаніе головы.

Есть особые повѣрья для причарованья, для счастливаго разрѣшенія судебной тяжбы, а также и при рожденіи теленка. Есть 34 заговора отъ всевозможныхъ болѣзней, составляющіе всегда тайну сельскихъ бабъ и повитухъ. Записаны также г-жей Ганенко и 73 загадки, изъ которыхъ 27 буквально тѣ же, что у Номиса, 11 представляются нѣсколько измѣненными и 35 самостоятельныхъ (т. е. не записанныхъ у Номиса)—но всѣ вполнѣ малорусскія, также какъ и поговорки: изъ 27 записанныхъ въ с. Ивановкѣ только 6 найдены у Номиса. Но особенно интересны народныя преданія и легенды, которыя конечно вполнѣ проникнуты малорусскимъ міросозерцаніемъ, ибо складывались они коренными малоросами и теперь сохранились въ Ивановкѣ, передаваемые отъ поколѣнія къ поколѣнію. Многіе изъ нихъ—о сотвореніи міра, объ отношеніяхъ между Богомъ и чортомъ, о превращеніяхъ чорта въ кошеня и о метаморфозахъ различныхъ животныхъ—имѣютъ большое сходство съ помѣщенными въ „Малорусскихъ преданіяхъ и легендахъ“ Драгоманова.

Кромѣ всѣхъ собранныхъ г-жей Ганенко памятниковъ народнаго творчества и записанныхъ ею обрядовъ, мы находимъ у нея и нѣсколько словъ объ юридическихъ обычаяхъ жителей с. Ивановки. Эти свѣдѣнія довольно кратки и составляютъ какъ бы дополненіе къ напечатанной уже въ сборникѣ „Степъ“ г-жей Ганенко статьѣ „Объ юридическихъ отношеніяхъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ“. Но мы позволимъ себѣ въ виду краткости этихъ свѣдѣній привести ихъ почти дословно:

Раздѣлы въ крестьянскихъ семьяхъ большей частью происходятъ вслѣдствіе ссоръ между женщинами.

„Мысль о выдѣленіи себя почти безъ исключенія принадлежитъ старшей невѣсткѣ, которая пристаетъ къ мужу: „доки мы будемъ робыть на гуртъ?“, сынъ въ свою очередь надоѣдаетъ отцу, прося „поставыть ёго хазяиномъ“. Отецъ рѣдко соглашается на отдѣлъ сына безъ увѣщаній и долгихъ просьбъ не разорять семью.

Въ концѣ концовъ онъ принимается строить хату—если большой грунтъ (усадьба) то на своемъ; если же негдѣ поставить хаты, то просятъ у общества отвести мѣсто подъ постройку, въ которой участвуютъ всѣ члены семьи. Когда хата готова, приглашаютъ нѣсколько душъ родныхъ и въ ихъ присутствіи отецъ указываетъ сыну все то что намѣренъ дать—чѣмъ „награждае ёго". Сколько бы сынъ ни получилъ, онъ протестовать не смѣетъ. Впрочемъ почти не бывало случая, чтобъ отецъ обидѣлъ сына и не далъ ему именно столько, сколько ему слѣдуетъ. Обыкновенно бываетъ такъ: если въ семьѣ 4 сына (дочери наслѣдницами не считаются), а имѣется 2—3 пары воловъ, 2—3 коровы, пара лошадей, то старшему сыну дается пара воловъ, корова и лошадь; предполагается, что до отдѣла 2-го сына семья еще успѣетъ пріобрѣсти столько, чтобъ всѣмъ хватило по ровну. Сообразно съ этимъ дѣлится и все остальное. Когда дѣлежъ оконченъ, сына благословляютъ иконой и съ хлѣбомъ-солью провожаютъ въ новую хату. Случаи возвращенія въ семью выдѣлившагося сына очень рѣдки и бываютъ только, когда умретъ жена, а мужъ не хочетъ вторично жениться; къ тому же если у него нѣтъ ни дочки, уже способной хоть кое какъ наварить борщу, или сына, котораго можно было бы оженить и имѣть въ домѣ хозяйку. Но и возвращается сынъ не надолго, пока только дѣти поднимутся, а тамъ возвращается на свое хозяйство.

Если раздѣлъ происходитъ послѣ смерти отца, то отдѣленные раньше сыновья не принимаютъ въ немъ участія, какъ наслѣдники, такъ какъ они считаются „одризана скыбка одъ хлиба", и отецъ наградилъ ихъ уже по заслугамъ. Приступая къ раздѣлу, наслѣдники приглашаютъ 2—3 ближайшихъ родственниковъ (бол. ч. дядей) и человѣка 2 постороннихъ (б. ч. сосѣдей стариковъ), которые дѣлаютъ оцѣнку имущества и дѣлятъ на ровныя части по числу наслѣдниковъ (однихъ мужчинъ—женщины въ разсчетъ не берутся). Младшій сынъ „остается на корини" (иногда солдатъ остается), т. е. ему принадлежитъ отцевская хата и усадьба. За это онъ обязанъ содержать до смерти мать и если есть незамужнія сестры, то выдать ихъ замужъ. Старшіе же братья даютъ на свадьбу сестеръ только незначительное пособіе (руб. 5 на водку). Если же нѣтъ ни матери, ни сестеръ, то остающійся „на корини" долженъ помочь при постройкѣ хаты тѣмъ братьямъ, у которыхъ ея еще нѣтъ. Если есть мельница, то обыкновенно ее получаетъ младшій, и долженъ остальнымъ братьямъ сплатить ихъ части по оцѣнкѣ сосѣдей стариковъ, или по завѣщанію отца, если таковое имѣется. Сады, левады, капустники, лозняки и т. п. дѣлятся по ровну между братьями по количеству земли, если есть что дѣлить: если же, напр., садъ очень маленькій, онъ находится въ общемъ владѣніи братьевъ до ихъ смерти, послѣ чего остается въ исключительномъ владѣніи того, возлѣ чьего дома онъ находится.

Если послѣ смерти отца остаются частные долги, а кредиторъ не успѣетъ получить, пока имущество не раздѣлено, то долгъ обыкновенно пропадаетъ; развѣ ужъ сыновья не захотятъ, чтобы „батькови кистки зъ гробу выверталы" (т. е. чтобы не проклинали покойнаго за неуплату долга), но такіе случаи рѣдкіе, единичные. Казенные же и общественные долги распредѣляются по надѣламъ. Всѣ эти дѣлежи считаются чисто семейнымъ, частнымъ дѣломъ, и ни сельское, ни волостное начальство не имѣетъ права вмѣшиваться, если объ этомъ ихъ не просятъ: если же и просятъ кого нибудь изъ начальства присутствовать при дѣлежѣ, то не какъ „начальство", а какъ односельчанъ. Послѣ благополучно оконченнаго дѣлежа на-

слѣдники ставятъ участвовавшимъ „могоричъ" (2—3 кварты водки), который тутъ же всѣми вмѣстѣ и распивается. Другаго вознагражденія за труды не полагается.

Не было еще примѣра, чтобъ неженатый сынъ вздумалъ выдѣляться изъ семьи. Женятся же вообще очень рано, лѣтъ 18—20 (въ 25 лѣтъ парубокъ считается уже старымъ). Женщины-сестры дѣлятъ между собой только „жиноче хазяйство" (подушки, рядна, полотна и пр.), на все остальное правъ не имѣютъ".

Оглядываясь на всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ прекрасныхъ записей г-жи Ганенко, мы можемъ представить себѣ уже сколько нибудь ясно внутренній бытъ с. Ивановки. Передъ нами раскрывается прочно сохранившійся малорусскій типъ села и его жителей. Переселившіеся по своей волѣ и по неволѣ эти выходцы изъ Малороссіи втеченіи цѣлаго вѣка хранили свой родной бытъ, свои нестарѣющія традиціи, свои нравственные законы и на новомъ мѣстѣ заводили тѣ же порядки, утѣшали себя на чужой сторонѣ родными пѣснями. Одежда ихъ, по словамъ г-жи Ганенко, до сихъ поръ таже, что носятъ въ полтавской губ.: „спидниця" и вышитыя сорочки для женщинъ, съ очипками (или „капурами" какъ они зовутся въ Ивановкѣ) для замужнихъ женщинъ. Мужчины носятъ „чумарки" и широкіе штаны засунутые въ чоботы, шапки зимой и картузы лѣтомъ. Бѣлыя и черныя свитки составляютъ теплую одежду для обоихъ половъ. Въ пиджакахъ ходятъ только писарь и старшина, а „кофты" и юбки съ оборками появляются лишь на дѣвицахъ, прослужившихъ у пана во дворѣ. Но все же новая жизнь, вторгаясь и въ изолированную Ивановку, оказываетъ свое дѣйствіе. Мы видѣли цѣлый рядъ новыхъ пѣсенъ, которыми все болѣе и болѣе увлекается ивановская молодежь: старыя скромныя пѣсни, полныя непосредственной поэзіи, кажутся ей недостаточно выразительными по сравненію съ распѣваемыми въ сосѣднихъ селахъ и городахъ. Конечно, не въ одной Ивановкѣ, а повсюду въ селахъ идетъ процессъ обновленія. Но въ селахъ херсонской губ. процессъ этотъ осложненъ столкновеніемъ разныхъ національностей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры и взаимно оказывающихъ одна на другую вліяніе. Такъ, напр., если въ с. Большая Выська малороссы отъ постояннаго столкновенія съ стоящими въ ней постоемъ драгунами окончательно утратили свой малорусскій типъ и всѣми силами стараются приблизиться къ идеалу солдатско-великорусскому, то съ другой стороны такіе же малоросы въ селѣ Грузськомъ поддались вліянію господствующей въ немъ націи—-молдаванъ до того,

что малорусскія женщины усвоили молдаванскій женскій головной уборъ („кгидзы“) и въ говорѣ ихъ часто попадаются молдаванскія слова. Въ другомъ же селѣ, тоже населенномъ этими обѣими національностями,—но гдѣ малороссы преобладаютъ численно, молдаване подчинились ихъ національному типу и цѣлый сходъ молдаванъ высказался, что „дѣды ихъ были молдаване, они же перевелись на хохловъ“. Въ Ивановкѣ же молдаванина можно узнать только по фамиліи, ибо всѣ говорятъ уже по малорусски и только старики понимаютъ по молдавски, хотя тоже уже не говорятъ. Гораздо меньше сліянія замѣчается въ селахъ, населенныхъ малороссами и великороссами: въ такихъ случаяхъ обѣ націи обособляются каждая на своемъ „кутку,“ и случаи смѣшанныхъ браковъ бываютъ рѣже, чѣмъ между молдаванами и малороссами. Вліяетъ ли на процессъ смѣшенія племенное сродство, или сродство темпераментовъ, или же всегда господствующимъ элементомъ является преобладающая по числу и значенію національность? Какую роль играютъ нѣмцы съ ихъ совершенно чуждой, но сильнѣйшею цивилизаціей, покоряющей край въ экономическомъ отношеніи? Отъ нихъ наши малороссы перенимаютъ гораздо больше, чѣмъ отъ родственныхъ имъ великороссовъ: нѣмецкіе фургоны и земледѣльческія орудія входятъ во всеобщее употребленіе и даже сама религія малороссовъ поддалась заимствованіямъ отъ нѣмцевъ же въ формѣ столь быстро распространившагося штундизма. Всѣ эти сталкивающіяся между собой вліянія, безъ сомнѣнія, измѣняютъ національный типъ и вырабатываютъ изъ него новую въ антропологическомъ и психическомъ отношеніи особь, носящую общее названіе новоросса. Для уясненія ея возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, исполненныхъ и научнаго, и общественнаго значенія, которые могли бы быть раскрыты добросовѣстными и многочисленными этнографическими изслѣдованіями. Они указали бы намъ тѣ ступеньки, по которымъ народъ охотнѣе всего подымается по пути прогресса, а также и то, чего онъ ищетъ и требуетъ отъ культуры. Вообще, очень многіе склонны видѣть одно тлетворное значеніе цивилизаціи для сельскаго населенія, склонны обвинять народъ въ деморализаціи. Между тѣмъ какъ еще слишкомъ мало обращаютъ вниманія на все болѣе пробуждающуюся въ народѣ любознательность и страстное стремленіе къ личной свободѣ; оба эти чувства являются конечно плодотворными чертами, носящими въ себѣ залогъ прогресса, какую бы временно безобразную форму онъ ни принималъ. Побольше безпристрастныхъ наблю-

деній надъ народной жизнью, побольше добросовѣстнаго изученія всѣхъ проявленій совершающагося процесса обновленія народнаго быта—и можетъ быть этнографія помогла бы намъ понять многое въ этой новой, ключемъ бьющей вокругъ насъ жизни массы, уяснила бы намъ лучше всякой публицистики настоящую роль и значеніе интеллигенціи въ этой жизни. А рядомъ съ этимъ этнографія дала бы намъ понять ходъ роста и вырожденія той или другой національности. Если современная публицистика такъ часто оскорбляетъ насъ своими поверхностными сужденіями и преждевременными выводами, которые жизнь такъ часто опровергала и приводила къ абсурду, то также часто разсужденія о національныхъ вопросахъ отличаются односторонностью и страдаютъ больше всего совершеннымъ отсутствіемъ знанія о томъ, какъ проявляются въ жизни національныя особенности. Безпристрастное изученіе нашихъ разныхъ народностей во всѣхъ ихъ индивидуальныхъ чертахъ и взаимныхъ столкновеніяхъ могло бы во многомъ способствовать уясненію самого понятія народности и ея роли въ прогрессивномъ ходѣ общественной жизни всего государства. Вотъ почему этнографія, направленная къ изученію современной будничной жизни народа, должна имѣть важное значеніе въ наши дни. Сборникъ г-жи Ганенко, конечно, еще не полонъ и не даетъ цѣльной этнографической характеристики села Ивановки, но мы привѣтствуемъ его, какъ первое этнографическое изслѣдованіе въ херсонской губ., и надѣемся, что онъ вызоветъ въ средѣ мѣстной интеллигенціи и подражателей, и продолжателей этой глубоко интересной работы.

С. Р.

Правила погарскаго благороднаго собранія.

(Рукописный памфлетъ 1817 г.).

Подъ этимъ заглавіемъ поступила къ намъ отъ Н. А. Максимовича (черниговской губерніи, суражскаго уѣзда) рукопись, доставшаяся ему, среди другихъ бумагъ, отъ дѣда его по матери Я. П. Полетики, жившаго въ окрестностяхъ Погара.

Очевидно, это памфлетъ, написанный въ видѣ правилъ для благороднаго собранія въ 1817 г. или Галецкимъ, или кѣмъ инымъ на современное ему общество и его нравы.

Г. Погаръ, бывшій во времена существованія новгородсѣверскаго намѣстничества уѣзднымъ и сдѣлавшійся при образованіи

черниговской губерніи заштатнымъ городкомъ черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда, издавна славился расположенными какъ въ немъ, такъ и въ окрестностяхъ его богатыми коноплянниками,—погарская пенька и конопляное масло всегда имѣли хорошій спросъ на рынкахъ, почему и ярмарки погарскія, служившія мѣстомъ сбыта этихъ мѣстныхъ продуктовъ, охотно привлекали къ себѣ массу купцовъ, пріѣзжавшихъ для пріобрѣтенія мѣстнаго и сбыта привознаго товара, и мѣстныхъ дворянъ—помѣщиковъ для тѣхъ же цѣлей.

Съѣхавшіеся на нѣсколько дней въ Погаръ и купцы, и помѣщики, очевидно, нуждались въ сборномъ мѣстѣ, гдѣ можно было бы заключать между собою сдѣлки по куплѣ—продажѣ товару, займу денегъ, а то и просто провести время за картами, танцами или даже просто за разговорами. Помѣщики часто пріѣзжали на ярмарку семейно, съ женами и взрослыми дѣтьми, между которыми были и барышни; въ кавалерахъ остановки тоже не было,—кромѣ мѣстныхъ помѣщиковъ и ихъ сыновей, въ то время въ черниговской губерніи постоемъ стояли полки; а въ нихъ были офицеры, охотники до танцевъ; отчего же было, по случаю ярмарки и съѣзда на нее, и не потанцовать? Авось вытанцуется свадьба или хоть проведется весело время... Все это и служило причиною возникновенія въ нашихъ глухихъ городкахъ благородныхъ собраній, преимущественно во время обычныхъ съѣздовъ туда дворянъ. Съѣзжавшіеся на эти собранія и дворяне, и не дворяне вели себя на нихъ со всею простотою нравовъ, обычаевъ и привычекъ, усвоенныхъ ими въ своихъ селахъ; поведеніе это коробило людей бывалыхъ, выросшихъ и сроднившихся съ иными порядками, и, стремясь пересоздать по своему родные обычаи и привычки, они въ своихъ памфлетахъ указывали на чисто внѣшнія стороны поведенія съѣхавшихся на эти собранія, черты, дающія намъ черезъ 70 лѣтъ понятіе о томъ, какъ вели себя въ большинствѣ наши дворяне средней руки на общественныхъ собраніяхъ.

„Между бумагами и библіотекою покойнаго Михаила Ивановича Галецкаго найдено довольно рукописей его собственной руки, въ числѣ коихъ и правила, написанныя для погарскаго собранія:

1817 года ноября 26 дня. Черниговской губерніи стародубскаго уѣзда, въ заштатномъ городѣ Погарѣ въ домѣ корнета Петра Владиміровича Соболевскаго устроено было благородное собраніе—на слѣдующихъ правилахъ:

1) Благородный Погарецъ, войдя въ собраніе, долженъ снять съ себя въ передней комнатѣ шубу, шапку и кенги, ежели одѣтъ будетъ въ оныхъ, очистя порядочно носъ и съ платья шубную шерсть и съ лица обтереть потъ, не стуча и не шархая ногами, входить въ залу тихо и благопристойно, вошедши поклонитца публикѣ, избрать мѣсто, никого не толкать и не желать здравія и къ дамамъ не подходить къ ручкѣ.

2) Громогласно не говорить и по пустому не хохотать, невѣрныхъ вѣстей не разсказывать, а говорить дозволяется о торговлѣ пеньки, масла и о займѣ денегъ, да и то по тихоньку, дабы не наскучать неимѣющему надобности въ таковой спекуляціи.

3) О политическихъ же дѣлахъ говорить въ собраніи вовсе запрещаетца, потому что онѣ для погарцевъ неудобопонятны.

4) Ежели случитца быть съ кѣмъ во враждѣ, то рекомендуетца таковымъ лицамъ близко одинъ къ другому не сходитца и не садитца.

5) Желающій быть въ собраніи долженъ чисто выбратца въ мундиръ или кафтанъ, штаны или панталоны имѣть на помочахъ и не имѣть на ногахъ обуви дегтянаго ремня.

6) По залѣ, заложа назадъ руки не разхаживать, а старатца избрать мѣсто и сидѣть на стулѣ или канапе, отнюдь не разваливаясь и не протягивая ногъ и не кладя (ихъ) на вкресть съ уваженія къ обществу, а въ особенности къ дамскому полу.

7) Желающему быть въ собраніи запрещаетца того дня въ пищу употреблять редьку и чеснокъ, дабы въ собраніи не рыгать, хотя сія пища и почитаетца въ (у) Погарцевъ во время поста за лакомство, но какъ отъ сего произрастенія бываетъ дурной и несносной запахъ особенно для дамскаго пола.

8) Въ собраніи въ карты играть дозволяетця, только въ комерческія игры, но при козыряньи не стучать объ столъ крѣпко руками, а ежели случитца кому проигратця, отъ чего Боже сохрани, то на судьбу не роптать, а нелениво расплатитця, и не надѣятьця отигратьця.

9) Имѣть въ запасѣ въ карманѣ въ капшучкѣ или кошелкѣ мелкую серебряную монету, дабы за взятое съ бухвета заразъ расплатитця, избѣгая стародавнихъ погарскихъ обычаевъ отговариватця неимѣніемъ при себѣ денегъ, когда потребуютъ должного, тогда сердитця и ругатця.

10) А какъ во время погарской никольской ярманки греки для продажи привозятъ разные вина и погарцы любятъ пробовать, отъ каковыхъ происходятъ разныя безчинства, ссора, драка и паденіе на полъ, желающему быть въ собраніи рекомендуетця отъ таковыхъ пробъ воздержатця, ибо замѣчено, хотя пьянаго фигура въ началѣ для общества бываетъ и забавна, но подъ конецъ несносна, отвратительна и омерзительна, особенно для дамскаго пола.

11) Ежели случитця у кого чихъ, то таковому здравія нежелать, ибо замѣчено, что отъ сего чихающему нѣтъ никакой пользы, а толко его безпокоютъ, да и обществу нетъ забавы.

12) Въ собраніи трубку или люльку курить позволяетця, но только въ особенной горницѣ, но не выпущая со рта много дыму и не плюя часто на полъ и не выкидая съ трубки или люльки на полъ или окошки перегорѣлаго табаку.

13) Табакерку или рожокъ съ табакомъ и носовой платокъ по диванамъ, стульямъ, столамъ не бросать, а имѣть въ карманѣ, для чего портные прышиваютъ къ платью.

14) Дабы не произвести въ собраніи дремоты и зѣвоты дозволяетця въ бухветѣ выпить водки и пуншу, но только умѣренно и на наличныя деньги.

15) За все взятое и разбитое въ бухветѣ, не выходя съ собранія, заразъ долженъ расплатитця, не откладывая до завтрего и не оставатця въ долгу за карты прислугѣ.

16) Носа не очищать руками, а за столомъ въ салфетку, а имѣть носовой платокъ въ карманѣ.

17) Танцовать дозволяетця, но только въ перчаткахъ и чтобы руки были чисто вымыты мыломъ, въ контраданцѣ или екосе́сѣ не пристукивать крепко ногами и не присвистывать, а любимые погарскіе танцы: метелицу, ꙁорлицу, дудочку, ꙁолубца, дергунца танцовать запрещаетця, какъ сіи танцы употребляемые одними простолюдинами, козачка танцовать можно, но не стуча крѣпко ногами и не разваливаясь, а комарицкаго безъ припѣву словъ.

18) Ежели въ танцахъ случилось бы нечаянно наступить на ногу, то тотчасъ же просить извиненія, ибо по теснотѣ дому собранія неизбѣжно сіе можетъ случитця.

19) Собранію время не назначаетця къ разъѣзду, а каждый можетъ быть по своему произволу, ежели хто пожелаетъ отправитця во свояси, то выходить тихо, не подходя къ дамамъ къ ручкѣ и не желая спокойной ночи, ибо о ночѣ и думать нихто не долженъ,

въ передней горницѣ не шумѣть, и старатця не взять чужой вмѣсто своей шубы или шапки, а ежели бы сіе случилось въ ошибкѣ, то на другой день рано прислать въ залу собранія.

20) Выходя съ собранія, итти не посрединѣ улицы а близь забора, дабы отъ неискусства въ供 供ѣ погарскихъ кучеровъ не получить оглоблею удара у спину.

Предостерегательныя правила:

Предъ собраніемъ за день рекомендуетця для очищенія желудка принять порядочный пріемъ кубебы или алеюсу, настоеннаго въ водкѣ.

Ежели кому встрѣтитця нужда для и... то сіе дѣлать не посрединѣ двора, и м. спущать не на крылцѣ, и осмотрѣтця: всѣ ли въ штанахъ защебнуты пуговицы и не замоченъ ли бантъ и нѣтъ ли чего на сапогахъ, чтобы не принести въ залу собранія...

Племянница Потемкина.

Предлагаемый отрывокъ заимствованъ изъ анонимныхъ записокъ невѣдомаго англійскаго доктора, совершившаго въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія путешествіе по южной Россіи. Журналъ „Revue Britanique“ (1847 г. № 2), гдѣ мы встрѣтили эти страницы, взялъ изъ книги англійскаго путешественника только этотъ портретъ престарѣлой графини Браницкой, первой владѣтельницы Бѣлой Церкви. Кое что въ этихъ замѣткахъ иностранца отзывается наивностью, но онѣ не лишены живости и личность аристократки екатерининскаго вѣка рисуется въ нихъ довольно рельефно. Путешественникъ описываетъ день, проведенный у графини Браницкой, къ которой попалъ прямо съ пріѣзда въ Бѣлую Церковь.

„Надо бы обладать перомъ Вальтеръ Скота, чтобъ описать эту женщину. Вся окружность на далекомъ разстояніи составляетъ ея собственность. Сама она происходитъ отъ знатной фамиліи, приходясь племянницей знаменитому Потемкину. Въ молодости, вмѣстѣ съ богатствомъ и знатностью, она плѣняла красотой. Она блистала на придворныхъ балахъ. Герой сѣвера, министръ и любимецъ Екатерины, умеръ на ея рукахъ. Она была баловницей императрицы и теперь, въ восемьдесятъ лѣтъ, съ такимъ же жаромъ и рвеніемъ заботилcя объ увеличеніи своего богатства и вліянія, какъ бы въ восемнадцатилѣтней юности. Состояніе ея самое значительное во

всей имперіи. Графиня является неограниченной повелительницей въ своихъ владѣніяхъ, которыя превосходятъ пространствомъ нѣсколько нѣмецкихъ княжествъ вмѣстѣ взятыхъ.

Я ожидалъ, конечно, встрѣтить особу величественнаго и важнаго вида, имѣвшую когда то честь носить шлейфъ императрицы всей Россіи, и мысль о представленіи ей приводила меня въ нѣкоторое смущеніе. Каково же было мое изумленіе, когда козачка-горничная ввела меня въ маленькую комнату, почти лишенную мебели. Стѣны комнаты были попросту вымазаны мѣломъ. Все убранство камина состояло изъ грубо раскрашеннаго гипсоваго бюста императрицы Екатерины. Въ каминѣ лежало нѣсколько полѣнъ дровъ. Дубовый столъ былъ заваленъ кипами бумагъ и тетрадей.

Въ ту минуту старая графиня занималась повѣркой счетовъ своего управляющаго. Она подписала нѣсколько послѣднихъ бумагъ и отпустила его, давъ поцѣловать свою руку. Когда управляющій вышелъ изъ комнаты, она повернулась ко мнѣ.

Это была женщина средняго роста и довольно полная. Черты ея лица сохранили слѣды былой красоты. Иногда это лицо оживлялось выраженьемъ. Глаза были еще блестящи и полны огня, несмотря на восьмидесятилѣтній возрастъ графини. На головѣ ея былъ надѣтъ чепецъ изъ муселина. Объ остальномъ костюмѣ нельзя было судить, такъ какъ вся она закутана была въ длинный турецкій шлафрокъ. Она нюхала въ большомъ количествѣ табакъ, просыпая двѣ трети его на свое платье.

Сидя въ вольтеровскомъ креслѣ, она постоянно терла щеки пальцами. Я былъ прежде всего пораженъ красотою ея рукъ, маленькихъ и полныхъ, какъ руки восемнадцатилѣтней дѣвушки. Большая бирюза, украшавшая указательный палецъ, еще больше обнаруживала необыкновенную бѣлизну ихъ кожи.

— Я чрезвычайно рада познакомиться съ вами, сказала она мнѣ. Какъ англичанинъ, вы видѣли, конечно, множество прекрасныхъ садовъ; но нигдѣ не найдете вы ничего похожаго на Александрію.

Я поклонился въ знакъ согласія.

— Это садъ Потемкина, продолжала старая графиня, любившая говорить и неохотно уступавшая слово другому: это садъ Потемкина и онъ посвятилъ его дружбѣ. Здѣсь вы увидите нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ императоромъ въ послѣдній его пріѣздъ. Тутъ стоитъ и бюстъ его, окруженный желѣзной рѣшеткой. На этомъ мѣстѣ императоръ пилъ какъ то чай. Бесѣдки и статуи стоили мнѣ боль-

шихъ денегъ, но я купила все на наличныя деньги и воспользовалась скидкой, что составило немалую сумму. Этотъ садъ обошелся мнѣ въ четыре милліона рублей. Но знаете ли, что сказала мнѣ императрица? Она сказала: „графиня, всѣ эти деньги остались здѣсь, на мѣстѣ, а это что нибудь да значитъ"... Гуляя, вы встрѣтите нѣсколько бесѣдокъ, въ окна которыхъ вставлены стекла. Въ этомъ виноватъ Бонапартъ. Я дала обѣтъ отпраздновать изгнаніе французовъ, затративъ десять тысячъ на украшеніе моей резиденціи, и эти стекла вошли также въ число украшеній... Въ большомъ павильонѣ вы замѣтите мраморный бюстъ императора, у подножія котораго на мѣдной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова... Вы вѣроятно понимаете по русски... Вырѣзанныя слова были буквально произнесены императоромъ; они означаютъ: „я до тѣхъ поръ не вложу сабли въ ножны, пока на русской землѣ останется хоть одинъ непріятель".

Графиня продолжала говорить такимъ образомъ, не давая мнѣ возможности вставить ни слова. Вдругъ она остановилась. Ея лицо болѣзненно сжалось и она сказала упавшимъ голосомъ:

— Докторъ, не знаете ли вы какого нибудь средства отъ судорги? Вотъ десять лѣтъ какъ она не даетъ мнѣ покоя.

Я понялъ тогда, почему она постоянно водила рукой по щекѣ: она разминала этимъ способомъ мускулы лица и останавливала ихъ сокращеніе.

Въ эту минуту ударили въ колоколъ на обѣдъ. Графиня указала мнѣ пальцемъ на дверь столовой и просила меня быть безъ церемоніи. Она предложила мнѣ присоединиться къ другимъ гостямъ и занять мѣсто за столомъ. Что касается ее, то она сейчасъ выйдетъ и сама.

Я повиновался и вышелъ.

Въ столовой было еще меньше мебели, чѣмъ въ комнатѣ, служившей пріемной. Стѣны ея были совершенно голы. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, накрытый бѣлой скатертью, на которой, кромѣ тарелокъ, видна была только, передъ приборомъ хозяйки дома, бутылка шампанскаго, да бутылка донскаго вина на противоположномъ концѣ стола. Всѣхъ обѣдающихъ было пятнадцать человѣкъ. Сзади каждаго изъ насъ стоялъ лакей въ великолѣпной ливреѣ. Чрезвычайно изумленный уже этой обстановкой, я былъ удивленъ еще больше, когда поданъ былъ обѣдъ. Она начался съ холодной ветчины, нарѣзанной ломтиками, которую обносили вокругъ

стола на большомъ блюдѣ. За ветчиной послѣдовалъ paté froid, потомъ салатъ, потомъ кусокъ пармезанскаго сыра.

Очень любя холодные обѣды, я радъ былъ поѣсть по своему вкусу и дѣлалъ честь подаваемымъ вещамъ. Я ѣлъ бы всего и больше, еслибъ слушался только своего аппетита; но я замѣтилъ, что сосѣди мои по столу едва дотрогивались до подаваемыхъ блюдъ, и я не хотѣлъ отставать отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе я готовъ былъ уже въ третій разъ спросить себѣ хлѣба, какъ вдругъ, къ неописанному моему удивленію, лакей принесъ на столъ вазу съ супомъ. Въ ту же минуту вошла графиня и сѣла на свое мѣсто.

Какой же я былъ неучъ и какъ я ошибся! Ветчина, пирогъ, салатъ и сыръ, не говоря о шампанскомъ и донскомъ винѣ, не составляли обѣда, а только какъ бы прелюдію къ нему, предисловіе и приготовленіе къ работѣ болѣе серьезной.

Я былъ немного сконфуженъ своей ошибкой, тѣмъ болѣе что удовлетворилъ свой аппетитъ на мелочахъ, которыя должны были только его пробудить. Тѣмъ не менѣе я вооружился мужествомъ и рѣшилъ подражать во всемъ дѣйствіямъ графини, убѣжденный, что въ моемъ невѣдѣніи обычаевъ, это былъ единственный способъ не надѣлать новыхъ неловкостей. Я наскоро покончилъ съ тарелочкой раковаго супа, дѣйствительно превосходнаго, и такъ какъ графиня запила его стаканомъ вина, я схватилъ бутылку, стоявшую возлѣ меня, и налилъ себѣ полный стаканъ, который и выпилъ. Можетъ быть поступокъ мой не подходилъ къ принятому этикету или, глотая это вино, чертовски кислое, я не могъ скрыть легкой гримасы, не ускользнувшей отъ графини, но только стоявшій позади меня лакей получилъ приказаніе поставить возлѣ меня на столъ бутылку пива и бутылку квасу. Я довольствовался этими двумя напитками въ остальную часть обѣда, хотя они не были мнѣ по вкусу.

Въ то время, какъ происходила эта перемѣна бутылокъ, подали громадный кусокъ ростбифа. Графиня, при каждой перемѣнѣ блюда, накладывала очень много себѣ на тарелку, но, отвѣдавши два-три раза, сейчасъ же приказывала убирать. Мнѣ объяснили, что любимой горничной предоставлено было преимущество кончать все, что оставалось на тарелкахъ госпожи, и что эти тарелки, еще на двѣ трети наполненныя, ей и предназначались. Послѣ мяса подали въ соусникѣ гречневую кашу съ холоднымъ масломъ. Я рѣшился пропустить это блюдо, не дотронувшись до него. Потомъ слѣдовала рыба—корона подъ соусомъ и я отвѣдалъ кусочекъ. Но продолжать

этотъ бой было рѣшительно не въ моихъ силахъ. Еслибъ вино было лучше или еслибъ я его больше выпилъ, оно дало бы мнѣ силы быть болѣе выносливымъ, къ чему пиво не было пригодно. Къ счастью, мнѣ показалось, что обѣдъ приближается къ концу, и видъ жаркого изъ дичи далъ мнѣ знать, что скоро появится дессертъ.

Я замѣтилъ, что сосѣди мои по столу едва обмѣнивались нѣсколькими словами и были всецѣло заняты важнымъ дѣломъ настоящаго момента.

За дессертомъ я не замѣтилъ ничего рѣшительно чужеземнаго: графиня изгнала все покупное. Она принадлежала къ людямъ, полагающимъ, что каждая страна можетъ и должна сама себя довольствовать. Скатерть не сняли со стола, какъ принято въ Англіи. Я насчиталъ пятнадцать сортовъ фруктовъ. Всѣ они были изъ садовъ нашей хозяйки. Персики, дыни и яблоки были превосходнаго вкуса. Маленькая сахарница, полная мелкимъ сахаромъ, была предложена графинѣ, которая взяла щепотку и посыпала кусокъ дыни, бывшій у нее въ рукахъ, но сейчасъ же отправила сахарницу, замѣтивъ, что дыня сама по себѣ достаточно сладка.

Послѣ этого хозяйка дома, бросивъ вокругъ себя взглядъ сопровождаемый любезной улыбкой, встала изъ за стола: всѣ встали по ея примѣру и многіе изъ обѣдавшихъ подошли поцѣловать ей руку. Мы перешли въ залу, гдѣ приготовлено было кофе. Нѣсколько минутъ спустя графиня предложила мнѣ прогулку по садамъ, о великолѣпіи которыхъ я много уже слышалъ.

Эти сады оказались достойными своей славы. Массы зелени, бассейны, полные рыбой, партеры цвѣтовъ и пр. все однимъ словомъ было на степени самаго высшаго тона. Хозяйка дома пила только шампанское. Ей позволено было пить одно это вино. Я упомянулъ уже, какъ она одна только посыпала сахаромъ дыню и какъ послѣ этого тотчасъ же унесли сахарницу. Этотъ характерный эпизодъ рисуетъ лучше нравы страны, чѣмъ все, что можно было бы сказать на эту тему. Двѣ три подробности дорисуютъ еще характеръ графини.

Для нее не было ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ мелкаго. Обладательница царскаго богатства, она изощряла способности въ спекуляціяхъ и, взимая съ своихъ крестьянъ только самый легкій налогъ, была бы въ состояніи поставить на ноги армію или снарядить флотъ. Очень щедрая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она проявляла въ другихъ крайнюю скупость. Недостатки ея были слиш-

комъ преувеличиваемы. Чтобы ни говорили по этому поводу, ея крестьяне не показались мнѣ болѣе несчастными, чѣмъ крестьяне сосѣднихъ владѣльцевъ. Унея были пріятныя манеры, способность вести интересную бесѣду и достаточно образованія. Правда, она преисполнена была предразсудковъ, но это было послѣдствіемъ обстоятельствъ, среди которыхъ она выросла и прожила жизнь“...

В. Г.

Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября).

Съ праздникомъ св. апостола Андрея Первозваннаго соединяется въ Малороссіи масса интересныхъ обрядовъ, гаданій и всякаго рода развлеченій. Этотъ праздникъ особенно чествуется дѣвушками, которыя наканунѣ его гадаютъ о своемъ суженомъ. Дѣвушка въ Малороссіи увѣрена, что имя перваго встрѣченнаго наканунѣ праздника мужчины и будетъ имя ея суженаго. Вѣроятно. названіе — Андрей *Первозванный* послужило основаніемъ такому повѣрью.

Стремленіе узнать свою судьбу и вѣра въ то, что при посредствѣ нѣкоторыхъ способовъ возможно приподнять завѣсу будащаго — глубоко коренится въ природѣ человѣка. Такая вѣра тѣмъ сильнѣе, чѣмъ мы дальше будемъ углубляться въ первобытную исторію человѣчества. Она вызвала появленіе оракуловъ, птицегадателей. звѣздочетовъ; таковъ мотивъ, между прочимъ, былъ у насъ существованія въ древности волхвовъ и кудесниковъ, а въ настоящее время—знахарей, вѣдуновъ, вѣдьмъ, ворожей и гадательницъ.—Нѣкоторые изъ способовъ гаданія въ канунъ Андрея напоминаютъ римскія гаданія авгуровъ и древне-германскія—при помощи птицъ и животныхъ, другія—при помощи хлѣба, составляютъ спеціальную принадлежность славянскаго племени; третьи — новѣйшаго, почти современнаго происхожденія

Въ малороссійскихъ деревняхъ уже за цѣлую недѣлю до Андрея *дивчата* съ особымъ волненіемъ ожидаютъ этого праздника. чтобы собраться на вечерныци, погадать о своемъ суженомъ и повеселиться съ *парубками*. Вечеромъ 29-го ноября, чуть засвѣтятся привѣтливые огни въ хатахъ, какъ толпа дѣвушекъ собирается къ одной какой-нибудь подругѣ или женщинѣ, гдѣ имѣется простор-

ная горница, и затѣмъ всѣ высыпаютъ за ворота *ловить прохожихъ*. Съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ подходитъ дѣвушка къ попавшемуся навстрѣчу человѣку и задаетъ обычный вопросъ: *будьте ласкавы, дядьку, скажить, якъ ваше имя?* И въ отвѣтъ получаетъ— *Грыцько*. Другія дѣвушки слышатъ имена: Петро, Павло, Семенъ, Тарасъ, Васыль и т. д. Дѣвушка, сказавши: *спасиби*, убѣгаетъ, и увѣрена, что узнала имя своего суженаго. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что спрошенный всегда правдиво отвѣчаетъ свое настоящее имя, а не выдумываетъ какое нибудь мудреное, какъ это бываетъ въ городахъ, гдѣ на подобное гаданіе смотрятъ, какъ на забаву.

Второй способъ гаданья обставленъ нѣкоторой обрядностью. Утромъ этого дня, до восхода солнца, дѣвушка идетъ къ криницѣ брать такъ называемой *непочатой воды*. Пришедши домой, она на этой водѣ изъ муки приготовляетъ лепешки, или *балабушки*, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Эти балабушки долженъ схватить песъ, котораго для этого случая и подготовляютъ. Обыкновенно, его передъ вечеромъ запираютъ въ сарай, чтобы дать ему возможность проголодаться. Вечеромъ ставится посреди хаты табуретъ (стилець); на немъ раскладываются балабушки; каждая такая балабушка означаетъ какое нибудь лицо. Одна, напр. представляетъ собою Марію, другая Степана, третья—Мотрю, четвертая Ѳедора и т. д. Всѣ дѣвушки разбѣгаются по угламъ хаты и наблюдаютъ, какъ будетъ хватать балабушки выпущенный песъ. Если песъ схватитъ сначала лепешку Маріи, а потомъ Степана, то это значитъ быть имъ въ парѣ. И дѣйствительно, парень смотритъ на указанную ему судьбой дѣвушку, какъ на свою избранницу, сходится съ нею на вечерницахъ и кончаетъ часто брачными узами.

Почти такой же смыслъ имѣетъ гаданье при помощи пѣтуха. Дѣвушки становятся въ кружокъ; каждая насыпаетъ подлѣ себя кучку зеренъ и кладетъ туда кольцо; затѣмъ впускаютъ пѣтуха. Подлѣ которой дѣвушки начнетъ онъ клевать и въ особенности, если попадетъ клювомъ въ кольцо, то это считается вѣрнымъ признакомъ, что та дѣвица скоро выйдетъ замужъ. Другаго рода гаданіе происходитъ съ сѣменами. Въ Подляськи дѣвушки засѣваютъ конопляным сѣменемъ землю, приготовленную въ лубочномъ ящикѣ, и говорятъ: „Св. Андрей! я на тебе ленъ сію. Дай мени узнаты, зъ кимъ буду сбираты" (Терещенко, Быт. р. н. ч. VI, 66). При этомъ вѣрятъ, что приснится суженый.

Потомъ дѣвушка выдергиваетъ изъ стрѣхи солому, ищетъ въ ней колосъ съ зернами, и если найдетъ до пары (четное число зеренъ), то выйдетъ замужъ, а если нѣтъ, то не выйдетъ.

Особенно знаменателенъ обрядъ, происходящій въ этотъ вечеръ, такъ называемый *доставать калету. Калетой* называется большой пшеничный коржъ, который намазывается медомъ и подвѣшивается къ потолку. Подлѣ калеты на лавкѣ садится парень съ мыйкой (тряпкой), омоченной въ сажу. Парни и дѣвушки, которые присутствуютъ на вечеринкѣ, должны подъѣхать къ калетѣ на кочергѣ (символъ домашняго очага), подскочить и схватить зубами калету. При этомъ ѣдущій обыкновенно говоритъ: „jiду (ѣду), jiду калету кусаты“; а парень съ мыйкой отвѣчаетъ: „а я тебе буду по морди кресати!“ Если ѣдущій засмѣется, то парень смазываетъ его мыйкой, и онъ отходитъ посрамленный въ сторону, при общемъ дружномъ хохотѣ.

Послѣ этого дѣвушки выходятъ колья въ тыну считать: если находятъ до пары, то значитъ, что выйдетъ замужъ, если же нѣтъ, то значитъ, не будетъ имѣть въ этомъ году пары.

Если подлѣ дома, гдѣ собрались, поблизости находится прудъ, то дѣвушки бѣгутъ къ пруду, захватываютъ горсть земли и затѣмъ дома разсматриваютъ, что имъ попалось: если найдется *триска* (щепка), то суженый будетъ плотникъ, если нитка, то—ткачъ, если желѣзо, то—кузнецъ, если уголь попался, то скверно,—будетъ жизнь мрачная, а то и смерть.

Идутъ слушать подъ окна, что говорится въ хатѣ. Если скажутъ: „сядь!“, то не выйдетъ въ томъ году замужъ; если скажутъ „иды соби!“, то скоро выйдетъ замужъ.—Берутъ также сапогъ и перебрасываютъ его черезъ себя назадъ: куда онъ упадетъ носкомъ, въ ту сторону пойдетъ замужъ.

Гадаютъ въ этотъ вечеръ еще при помощи воска. Выливаютъ растопленный воскъ въ миску съ водой; воскъ охлаждается и образуетъ причудливыя формы; на эти формы смотрятъ, и если находятъ подобіе церкви—быть вѣнцу; если же выльется крестъ—предсказаніе знаменуетъ близкую смерть.

Сны подъ этотъ день имѣютъ вѣщее значеніе: если приснится соколъ, значитъ—добрый молодецъ; если приснится, что переводитъ черезъ рѣку по мосту—это уже самый рѣшительный символъ брака. Въ толкованіи сновъ народъ придерживается своей символики, которая часто коренится въ миѳическихъ вѣрованіяхъ или въ древнихъ

обычаяхъ. Такъ, подлѣ рѣкъ, по сказанію Нестора Лѣтописца, совершались у древлянъ брачныя игрища и здѣсь же происходили умыканія дѣвицъ; отсюда, можетъ быть, переправиться (во снѣ) черезъ рѣку съ милымъ значитъ—вступить съ нимъ въ бракъ. Одна изъ бѣлорусскихъ пѣсень выражаетъ эту самую мысль: дѣвица ищетъ переправы черезъ рѣку; милый ей предлагаетъ мосты помостить и бояръ прислать. Дѣвица отвѣчаетъ, что съ боярами его она не знается. Тогда женихъ говоритъ; „Я къ табѣ, милая, соколомъ ляту".—„Я жъ къ табѣ, милы мой", отвѣчаетъ невѣста, „пирапелочкой". (Шейнъ, Б. п. № 338)

Такъ деревня гадаетъ. Города въ этомъ случаѣ не уступаютъ деревнѣ, хотя въ городскихъ гаданьяхъ менѣе непосредственности; здѣсь они скорѣе забава, условное традиціонное развлеченіе, способъ разнообразить свою жизнь. Въ самомъ Кіевѣ этотъ день празднуется всегда съ особымъ интересомъ: можетъ быть, этому способствуетъ то обстоятельство, что здѣсь есть прекрасная церковь св. Андрея Первозваннаго, вѣнчающая собою одну изъ горъ кіевскихъ. Вотъ въ эту церковь наканунѣ Андрея и собираются барышни, мѣщаночки и всякія дѣвицы, чающія выхода замужъ. Здѣсь давно уже укоренился, по нашему мнѣнію, довольно неприличный обычай сцѣплять парочки. Это дѣлается такимъ образомъ: пришиваютъ шлейфъ барышни къ пальто кавалера. Когда приходится расходиться изъ церкви, тутъ то и пойдетъ потѣха; барышня обращается съ претензіей къ кавалеру: „зачѣмъ вы меня тащите?" а тотъ возражаетъ: „нѣтъ, зачѣмъ вы меня тянете!" Часть барышень ходитъ по площадкѣ вокругъ церкви и обращается къ кавалерамъ съ вопросомъ: „какъ ваше имя?" Кучка стоявшихъ здѣсь семинаристовъ, которыхъ я наблюдалъ, назвали себя: Неонъ, Урванъ, Ѳеогнидъ, Каздой, Гаведдай, Протогенъ и Филологъ (такія имена дѣйствительно есть въ святцахъ). Затѣмъ подходятъ къ тремъ приличнымъ юношамъ,—тѣ называютъ себя: Коеффиціентъ, Перпендикуляръ, Радикалъ. Оказалось, что это были студенты-математики. Нѣкоторыя изъ барышень обращаются къ кавалерамъ, которые по проще—изъ мѣщанъ, но тутъ услышали уже совершенно странныя имена: Сорокопудъ, Шилохвость, Лоботрясъ. Въ Кіевѣ настоящее имя кавалера въ этотъ день барышнѣ весьма трудно узнать. На Крещатикѣ же часто кавалеры отвѣчаютъ неприличными именами.

И городскія дѣвицы, какъ и деревенскія, вечеромъ и на ночь (подъ св. Андрея) забавляются гаданьями. Обыкновенно берутъ

нѣсколько блюдецъ и накрываютъ ими пуговицу военную, штатскую, хлѣбныя зерна, перо, а одно блюдце оставляютъ пустымъ. Дѣвицы поднимаютъ блюдца: которая откроетъ военную пуговицу, значитъ—выйдетъ замужъ за военнаго, если откроетъ зерна—выйдетъ за помѣщика, если блюдце будетъ пустое—останется безъ жениха. Затѣмъ бросаютъ въ стаканъ воды кольцо и смотрятъ туда, пока предъ утомившимся зрѣніемъ не промелькнетъ чья нибудь фигура, по большей части того, о комъ усиленно думаютъ.—Еще прибѣгаютъ къ помощи бѣлка: выливаютъ бѣлокъ яйца въ стаканъ воды. Бѣлокъ, какъ и воскъ, принимаетъ причудливыя формы. Говорятъ, бѣлокъ всегда принимаетъ форму церкви или кладбища. Предсказаніе здѣсь очевидное. А то берутъ листъ бумаги, дѣлаютъ на немъ складки (гофрируютъ) и жгутъ его, а потомъ подносятъ къ стѣнѣ и смотрятъ, какія тѣнь отъ него производитъ фигуры. При малѣйшемъ движеніи воздуха, сожженная бумага измѣняетъ свою форму, и на стѣнѣ показываются то мальчики пляшущіе, то черти, и по нимъ гадаютъ. Въ этомъ случаѣ много помогаетъ извѣстнымъ образомъ настроенное воображеніе. Говорятъ же, что африканскіе дикари вѣрятъ, что солнце погружается въ море, и они даже слышатъ, какъ оно шипитъ и кипитъ, когда раскаленное свѣтило коснется воды.

Городская барышня, ложась спать, молится Богу, чтобы приснился ей суженый. Такіе сны вызываются даже искусственно. Такъ, дѣвушка беретъ наперстокъ воды, муки и соли, печетъ лепешку и ѣстъ ее на ночь, а подъ кровать ставитъ стаканъ съ водою, на верху котораго устраиваетъ мостикъ изъ прутьевъ. Ночью, когда ей захочется пить, ей приснится суженый, который переведетъ ее черезъ мостъ (миѳическій символъ брака). Въ другомъ случаѣ барышня на ночь подъ подушку кладетъ гребень и вѣритъ, что приснится милый, который ее расчешетъ. Иногда оставляютъ на одной ногѣ чулокъ и думаютъ, что милый въ эту ночь придетъ снимать его (сниманіе обуви въ древнерусской свадьбѣ). При такихъ гаданьяхъ принято ложится не на обычномъ, а гдѣ нибудь на новомъ мѣстѣ. Такъ обыкновенно и приговаривиютъ: „На новомъ мѣстѣ приснись женихъ невѣстѣ!“

Хр. Ящуржинскій.

Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими.

„По повелѣнію ясневелможного, високоповелителнаго г. Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войска Запорожского гетмана, е. и. в. действительного камеръ-гера и санкпетербур. академіи наукъ президента и лейбъ-гвардіи измайловского полка полковника (sic) и разнихъ ординовъ кавалера Россійской имперіи Кирила Григоріевича е. свѣтл. Розумовского исъ походной е. я. канцеляріи войсковому канцеляристу Гр. Губчицу

інструкцѣя.

Принявъ вамъ сію інструкцѣю и писма отъ е. я. къ разнимъ персонамъ, ехать вамъ подорожной почтою въ Санктъ-Питѣрбурхъ и, за прибитиемъ туда, тѣ писма, кому надлежить по подписамъ, вручить, а притомъ всякого дня являтся его рейхсъграфскому сиятелству Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, дражайшему е. я. брату, такожъ и государственному великому канцлеру, е. с. Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину и вице-канцлеру е. с. графу Михаилу Григорьевичу Воронцову, и старателно просить о нижейслѣдующемъ:

1) Оrрамотѣ въ конфирмацѣю гетманского достоинства.

2) На посланное отъ е. я. представленіе о битіи г. Кіеву и тамошнему магистрату подъ вѣдомствомъ гетманскимъ по прежнему, а расколникомъ, въ Малой Россіи на земляхъ владелческихъ живущимъ, о имѣющихся въ Малой Россіи бившихъ владѣнія гр. Михаила Головкина, состоящихъ нине въ канцеляріи конфирмацѣй селахъ Хоружовкѣ и протчихъ, о бившомъ во владѣніи бившого фелтмаршала Миниха селе Роскахъ съ построенною тамъ исъ тамошнихъ доходовъ суконною фабрикою и съ имѣющимися при той фабрики людми, да о поданнихъ въ прошлихъ годехъ е. и. в. отъ прежней старшины о малороссійскихъ дѣлахъ докладахъ, а именно: 1) о виводѣ грузинъ зъ Ма-

лой Россіи, по силѣ имянного е. и. в. указу, 2) о маетностяхъ, до генералной артилеріи издревне принадлежащихъ Рождественской, Краснополи (?)... съ прошеніемъ о возвращеніи всего вышеписанного подъ вѣдомство е. я.

3) Написанное въ комисію иностр. дѣлъ представленіе о взятой, за опустѣніемъ города Батурина, тамо всей артилеріи, которая положена въ г. Сѣвску, и возвращеніи оной по прежнему къ г. Батурину.

4) На посланное отъ е. я. писмо кіевскому канцелеру о возвращеніи данной въ 1711 г. на гетманство гетману Скоропадскому грамоты.

5) На посланное отъ е. я. писмо къ великому канцлеру съ прошеніемъ о докладѣ е. и. в., дабы, во исполненіе е. и. в. имянного указа, кирасирскихъ полковъ и конной гвардіи конскіе заводы изъ маетностей сего года июня до 1 числа всѣконечно виведени были и за содержаніе на коштѣ е. я. по тоежъ число конскихъ конной гвардіи полковъ, равномѣрно по тому жъ, какъ и за киросирскіе, заплатили.

6) Два, посланніе въ канцелярію иностранную представленія: 1) о бытіи ярмонку Кролевецкому по прежнему сентября 15 числа, 2) о присылкѣ въ Глуховъ положенного по окладу къ произвожденію Войску Запорожскому опредѣленнихъ хлѣба, пороху и свинцу, и на всѣ оніе представленія и писма стужателно просить резолюцѣю, а наипаче о тѣхъ дѣлахъ, кои въ 1, 2, 3, 4 и 5 пунктахъ вишеозначени.

7) Егда въ скороcти хотя на нѣкоторіе изъ оныхъ дѣлъ учинится резолюцѣя, найпаче если вамъ повѣрена будетъ височайшая грамота на гетманское достоинство, то съ оною ѣхать вамъ обратно денно и ночно, сы-съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ къ Москвѣ, гдѣ е. я. оной височайшей грамоти нетерпѣливо дожидаться будетъ, а протчихъ, въ сей инструкцѣи написанныхъ дѣлахъ, меморіалъ подать г. Сабанину и надв. совѣтнику г. Новоторжцеву. Будучи же вамъ въ нинѣшней посилки и въ исправленіи резолюцѣи на порученіе въ сей инструкцѣи дѣла поступать рачително и прилѣжно во всемъ, какъ доброму

и честному человѣку благопристойно. Дана въ Москвѣ. Маія 8 дня, 1751 г.".

(Южнорусск архивъ при харьковск. универс. Дѣло 19. 860).

Подписей нѣтъ. Очевидно, это—чернетка, случайно попавшая въ архивъ Малороссійской Коллегіи изъ походной канцеляріи гетмана Разумовскаго.

А. Твердохлѣбовъ.

Къ біографіи Г. Н. Теплова.

Важное историческое значеніе дѣятельности Г. Н. Теплова для судебъ южной Россіи достаточно уже извѣстно, чтобы была необходимость распространяться о ней теперь; тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ вспомнить главнѣйшіе факты его жизни, чтобы привести ихъ въ связь съ тѣми новыми біографическими данными, о которыхъ мы сообщаемъ ниже.

Григорій Николаевичъ Тепловъ, какъ предполагаютъ многіе, былъ сыномъ знаменитаго дѣятеля петровскаго времени новгородскаго архіепископа Өеофана Прокоповича отъ истопницы; унаслѣдовавъ отъ своего отца прекрасныя умственныя способности и получивъ подъ его руководствомъ и покровительствомъ блестящее по тому времени образованіе, которое довершилъ занятіями и слушаніемъ лекцій въ Тюбингенѣ и Парижѣ, онъ, по возвращеніи изъ заграничной командировки съ ученой цѣлью, былъ сначала адъюнктомъ по каөедрѣ натуральной исторіи въ Академіи Наукъ, а потомъ приглашенъ въ воспитатели къ будущему гетману Малороссіи графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому; расположеніемъ этого послѣдняго Тепловъ овладѣлъ настолько, что сдѣлался для него необходимымъ человѣкомъ: назначенъ былъ, напр., Разумовскій президентомъ Академіи Наукъ, и онъ предоставилъ Теплову право руководить дѣлами этого учрежденія; возвели Разумовскаго въ гетманское достоинство, и онъ опять вызвалъ къ себѣ Теплова, поручивъ ему завѣдываніе своей канцеляріей и не мѣшая ему дѣлать произвольныя распоряженія отъ имени гетмана; когда Разумовскому былъ пожалованъ государыней г. Батуринъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, то застроеніе города, сооруженіе гетманскаго дома и всего къ нему необходимаго было поручено Теплову; онъ собиралъ рабочихъ, расплачивался съ ними, пріобрѣталъ строительный матеріалъ и проч., ведя безпрерывную бумажную борьбу съ Генеральной

Войсковой Канцеляріей, которая обязана была распоряжаться сборомъ изъ разныхъ сотенъ поочередно мастеровыхъ и вообще рабочихъ людей и подводъ; за труды по застроенію г. Батурина и сооруженію гетманскаго дворца Разумовскій подарилъ Теплову участокъ земли, лежавшій за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровкою; мѣсто это располагалось на горѣ, спускаясь одной стороной къ р. Сейму; оно занимало пространство въ восемь десятинъ; въ теченіи четырехъ лѣтъ Тепловъ обязанъ былъ застроить полученную въ даръ усадьбу [1]); о томъ, что сталось позже съ этой усадьбой, мы не имѣемъ свѣдѣній. Вслѣдъ за тѣмъ Тепловъ, вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, написалъ манифестъ о вступленіи ея на престолъ и исполнялъ обязанности секретаря чрезвычайнаго совѣта, собиравшагося въ первые дни ея правленія; тогда же онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ и въ этомъ высокомъ для него званіи чередовался, вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Елагинымъ, находясь у пріема прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Наконецъ, возведенный въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ пожалованъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Елагинымъ, въ сенаторы, продолжая, однако же, принимать участіе во всѣхъ начинаніяхъ Екатерины и являясь всегда въ числѣ главныхъ ея совѣтниковъ; извѣстны его мнѣнія по вопросамъ промышленности и торговли на сѣверѣ и югѣ Россіи; по вопросамъ о воспитаніи вообще и о воспитаніи наслѣдника престола въ частности, объ учрежденіи батуринскаго университета, управленіи Малороссіей и проч.; извѣстны также и его „Записка о непорядкахъ въ Малороссіи", его многочисленные доклады государынѣ и особыя мнѣнія; есть извѣстіе даже, что грамота дворянству, обнародованная уже по смерти Теплова, написана имъ; извѣстны, въ свою очередь, и его печатныя произведенія: „Знанія вообще, до философіи касающіяся", вышедшее въ 1750 году [2]) и „Наставленіе сыну", вышедшее въ 1768 году; оба эти произведенія составляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость. Такъ разнообразна

[1]) Гр. Разумовскому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1750 году, а Тепловъ получилъ землю отъ гр. Разумовскаго по универсалу отъ 3 декабря 1760 года; въ теченіи десяти лѣтъ шла переписка Теплова съ Генеральной Войсковой Канцеляріей о доставкѣ рабочихъ людей. Сообщеніемъ этой переписки мы обязаны уважаемому А. М. Лазаревскому и приносимъ ему нашу глубокую благодарность.

[2]) Экземпляръ этого сочиненія находится въ библ. универс. св. Владиміра.

была дѣятельность Теплова на поприщѣ науки и общественной жизни. На этотъ разъ мы не будемъ касаться оцѣнки этой дѣятельности и личныхъ свойствъ Теплова, оцѣнки, въ которую внесено, какъ его современниками, такъ и позднѣйшими историками не мало пристрастія; пересмотръ всѣхъ этихъ мнѣній и отзывовъ, съ обусловливающими ихъ мотивами, мы отлагаемъ до ближайшаго будущаго, а теперь обратимъ вниманіе лишь на подробности малоизвѣстной до сихъ поръ семейной жизни Г. Н. Теплова, насколько выясняется она изъ оставленнаго имъ духовнаго завѣщанія, которое посчастливилось намъ найти въ огромной массѣ сыраго матеріала, касающагося лѣвобережной Украины и недавно полученнаго въ Центральномъ Архивѣ нашего университета.

Григорій Николаевичъ Тепловъ родился въ 1720 году, умеръ же въ 1779 г., проживъ такимъ образомъ почти 60 лѣтъ. Причина его смерти намъ неизвѣстна, но несомнѣнно, что онъ страдалъ какой то давней, тяжелой, хронической болѣзнію; когда Тепловъ „отправлялъ собственныя ея величества порученія“ и „состоялъ у принятія челобитенъ, подаваемыхъ ея величеству въ собственныя руки“ [1]), болѣзнь обнаружилась уже съ значительной силой. Екатерина II, жалуя ему въ 1765 году орденъ св. Анны, мотивируетъ въ одномъ частномъ своемъ письмѣ эту награду желаніемъ, чтобы Тепловъ скорѣе выздоровѣлъ [2]). Въ 1771 году болѣзнь возобновилась съ новой силой и государыня въ двухъ письмахъ, отъ 13 іюня и 16-го іюля того же года, къ одному изъ своихъ приближенныхъ выражаетъ сожалѣніе о болѣзни Теплова и желаетъ ему здоровья [3]). Въ 1778 году болѣзнь угрожала ему настолько, что онъ долженъ былъ позаботиться о распоряженіи своимъ имуществомъ; 8 октября имъ составлено было даже духовное завѣщаніе; смерть однако же послѣдовала только 30-го марта 1779 года. За нѣсколько дней до своей кончины, Тепловъ, послѣ свиданія и бесѣды съ близкими его сердцу людьми: графомъ К. Г. Разумовскимъ и сенаторомъ И. П. Елагинымъ, написалъ, въ дополненіе къ завѣщанію, письмо на имя этихъ сановниковъ, называя ихъ своими „милостивыми и любезными друзьями“, въ которомъ проситъ ихъ быть опекунами надъ его имуществомъ и дѣтьми, ходатайствовать предъ государыней объ

---

[1]) „Кіев. Старина“, 1887 г., № 1.

[2]) Сборникъ Рус. Историч. Общества, т. X, стр. 42.

[3]) Ibid., т. XIII, стр. 114—115.

утвержденіи его духовнаго завѣщанія и наблюдать за тѣмъ, чтобы его послѣдняя воля строго точно была выполнена сыномъ. Разумовскій и Елагинъ удовлетворили просьбу умирающаго Теплова, а Екатерина II 23-го апрѣля утвердила его завѣщаніе, вмѣстѣ съ письмомъ на имя душеприкащиковъ, собственноручной обычной подписью на обоихъ актахъ: „быть по сему“. Вслѣдъ за тѣмъ, завѣщаніе было представлено въ Сенатъ, который указомъ своимъ отъ 13 іюня 1779 года за № 192 предписалъ Малороссійской Коллегіи, въ виду того, что имѣнія Теплова находятся и въ Малороссіи, принять къ свѣдѣнію и руководству завѣщаніе послѣдняго; при указѣ были приложены въ копіяхъ и письмо къ опекунамъ и самое завѣщаніе; изъ старыхъ дѣлъ этой Коллегіи мы и заимствуемъ его.

Такова несложная исторія этихъ документовъ и намъ остается теперь перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія.

Сложилось мнѣніе, что у Теплова были огромныя имѣнія и несмѣтныя богатства; въ дѣйствительности же изъ завѣщанія мы узнаемъ, что соотвѣтственно тому высокому общественному положенію, какое занималъ онъ, и вліянію, какимъ пользовался онъ на дѣла, богатства его, сравнительно, не могутъ считаться особенно большими. У него было слѣдующее недвижимое имущество:

1) село *Молодово* въ кромскомъ уѣздѣ; въ немъ по ревизіи числилось 642 души; въ это число входили крестьяне изъ всѣхъ другихъ имѣній,

2) загородный домъ въ *ингерманландской* губ., съ 28 душами,

3) въ Малороссіи ему принадлежало село *Тепловка*, со слободами, въ лубенскому полку, въ селѣ и слободахъ было 150 дворовъ,

4) *Бѣлоусовскій* хуторъ въ новгородской сотнѣ стародубскаго полка, съ 10 дворами,

5) какія то угодья въ г. *Пирятинѣ* и, наконецъ,

6) два дома въ *С.-Петербургѣ*: одинъ на Фонтанкѣ, а другой загородный, на Выборгской сторонѣ.

Изъ „дневныхъ записокъ“ Маркевича намъ извѣстно, что сверхъ перечисленнаго имущества у Теплова былъ еще дворъ въ Глуховѣ по сосѣдству съ дворомъ Маркевича; свой дворъ Маркевичъ подарилъ потомъ Теплову; изъ сообщенныхъ намъ А. М. Лазаревскимъ и цитированныхъ выше документовъ видно, что у Теплова была еще усадьба въ 8 десятинъ въ Батуринѣ, подаренная ему Разумовскимъ; но ни о судьбѣ глуховскаго двора, ни о землѣ въ Батуринѣ мы не имѣемъ свѣдѣній и въ завѣщаніи они не упо-

минаются; весьма вѣроятно, что Тепловъ при переѣздѣ въ С.-Петербургъ продалъ ихъ кому нибудь.

Къ имуществу Г. Н. Теплова слѣдуетъ также присоединить мимоходомъ лишь упоминаемое въ завѣщаніи то приданое, которое далъ онъ двумъ своимъ старшимъ дочерямъ по рядным записямъ; величину этого приданаго самъ онъ, къ сожалѣнію, не опредѣляетъ въ завѣщаніи; мы также опредѣлить его не можемъ за отсутствіемъ этихъ записей.

„Денегъ наличныхъ", говоритъ завѣщатель, „у мене никакихъ нѣтъ, и къ прожитку моему часто у мене ихъ и не доставало". И дѣйствительно, онъ обязываетъ сына заплатить изъ доходовъ съ его имѣній болѣе 25,000 руб. долгу.

Относительно пріобрѣтенія имущества Тепловъ говоритъ, что оно у него не родовое, а пріобрѣтено имъ самимъ за собственныя деньги; точно также ни первая, ни вторая его жена приданаго за собой никакого не принесли и рядныхъ записей отъ нихъ у него будто бы не было и нѣтъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а также и тѣмъ, что всю свою жизнь онъ будто бы „проводилъ нестяжательно и ненавистникомъ былъ корыстолюбія", Тепловъ объясняетъ и незначительность своего недвижимаго имущества, и малое количество крестьянъ, и отсутствіе капитала. Но, если вспомнить захваты имъ какихъ то лизогубовскихъ земель, какія то жалобы крестьянъ самой будто бы государынѣ объ угнетеніи, о чемъ упоминаетъ въ своихъ возраженіяхъ г. Кулишу покойный М. А. Максимовичъ, пристрастно отнесшійся и къ личности Теплова, и къ его „Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи", то нельзя не признать, что нестяжательность и ненависть къ корыстолюбію понимались Тепловымъ весьма условно и относительно, а не прямо и буквально; о нестяжательности своей Тепловъ говоритъ также и въ письмѣ къ князю Щербатову, сѣтуя на недостаточное вознагражденіе своихъ заслугъ.

Переходя къ разсмотрѣнію распредѣленія указаннаго имущества между наслѣдниками, намъ необходимо ознакомиться прежде съ составомъ семьи Теплова и, насколько возможно, съ судьбою ея членовъ.

Составъ семьи Г. Н. Теплова—довольно значителенъ. Завѣщатель былъ женатъ два раза: въ первый—на Елисаветѣ Марковнѣ, фамилія, которой намъ неизвѣстна, а во второй—на Матренѣ Гера-

симовнѣ, дочери бунчуковаго товарища Стрѣшенцева—Денежка [1]); отъ перваго брака у него было двѣ дочери: Анна и Елисавета; старшая въ замужествѣ за Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ и меньшая за Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ; отъ втораго брака Тепловъ имѣлъ троихъ дѣтей: сына Алексѣя и двухъ дочерей: Наталію и Марію; послѣднія остались по смерти отца малолѣтними и опекуномъ надъ ними по завѣщанію назначался братъ.

Что касается до судьбы членовъ семьи Теплова, то о ней мы имѣемъ очень немногія и при томъ весьма отрывочныя свѣдѣнія. Дочери отъ перваго брака вышли замужъ еще при жизни отца, выдѣлившаго для нихъ приданое, „съ милосерднымъ матернимъ вспоможеніемъ ея императорскаго величества"; но размѣръ этого вспоможенія остается намъ неизвѣстенъ. Позже, въ одномъ изъ характернѣйшихъ своихъ писемъ, которое, по мнѣнію покойнаго С. М. Соловьева, адресовано было къ князю М. М. Щербатову [2]), Тепловъ ходатайствуетъ о предоставленіи орловскаго намѣстничества его зятю С. А. Неплюеву, который въ 1775 году является членомъ Малороссійской Коллегіи. О другомъ его зятѣ И. И. Демидовѣ, такъ же какъ и о дочери Маріи мы не имѣемъ свѣдѣній. Дочь отъ втораго брака Наталія вышла замужъ за лобачевскаго каштеляна Ледуховскаго; не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ сдѣлалась она женой польскаго магната и какъ провела съ нимъ жизнь, но въ 1797 году у нея было много кредиторовъ, которые чрезъ С.-Петербургскія Вѣдомости вызывались въ козелецкій уѣздный судъ для предъявленія къ ней претензій; въ числѣ ея кредиторовъ были даже такіе незначительные, какъ, напр., коллежскій ассесоръ Андрей Луценко [3]), который представилъ ко взысканію два векселя на 50 и на 100 руб., прибавляя въ прошеніи, что онъ „отдачи ихъ многократно требовалъ, но оныхъ и по нынѣ (съ 1792 г.) по разнымъ отговоркамъ не получилъ". Можно думать, что Наталія Теплова или ея мужъ любили широко пожить. Но далеко не заурядной личностью былъ сынъ его Алексѣй; издатель записокъ Гельбига г. В. Б. въ „Русской Старинѣ" называетъ его Василіемъ; но ошибка здѣсь

[1]) По свидѣтельству Маркевича ея родная сестра была замужемъ за генеральнымъ обознымъ Кочубеемъ.

[2]) Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 216.

[3]) Старыя дѣла Кіев. Централ. Архива, полученныя имъ изъ архива кіев. губерн. правленія.

несомнѣнна, такъ какъ изъ завѣщанія видно, что у Теплова былъ одинъ только названный нами сынъ. „Сынъ Теплова", говоритъ Гельбигъ, „всѣми уважаемый человѣкъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ. Онъ живетъ, удалившись отъ дѣлъ, въ Москвѣ на доходы съ большаго состоянія, унаслѣдованнаго имъ отъ отца. Знаменитый математикъ и филологъ Іоганнъ-Яковъ Обертъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ (слѣдовательно въ концѣ прошлаго столѣтія) профессоромъ въ Витенбергѣ, человѣкъ прекрасныхъ принциповъ, былъ его воспитателемъ въ Россіи, его гувернеромъ въ нѣмецкихъ университетахъ и провожатымъ въ путешествіяхъ" [1]). Издатель и переводчикъ записокъ Гельбига г. В. Б. исчисляетъ даже всѣ литературные труды молодаго Теплова и количество выдержанныхъ ими изданій. Изъ другихъ источниковъ, болѣе достовѣрныхъ, намъ извѣстно, что воспитаніе своему сыну Тепловъ далъ дѣйствительно блестящее, въ кругу немногихъ сверстниковъ, какими были сыновья графа К. Г. Разумовскаго; обучались они въ домѣ на Васильевскомъ островѣ, и Шлецеръ называетъ въ шутку этотъ маленькій институтъ „академіей въ X-ой линіи" [2]). Дальнѣйшее изображеніе судьбы сына Теплова у Гельбига рѣшительно не подтверждается документальными данными. Гельбигъ, повидимому, пишетъ, какъ очевидецъ, такъ какъ его записки относятся ко времени 1787 года, а между тѣмъ сынъ Теплова, какъ свидѣтельствуютъ о томъ подлинныя дѣла Центральнаго Архива, былъ еще въ это время вовсе не дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а лишь бригадиромъ, и жилъ не въ Москвѣ, а на югѣ Россіи; насколько велики были его имѣнія, это мы знаемъ уже изъ духовнаго завѣщанія его отца. Позже, въ указѣ Сенату 1797 года [3]) Алексѣй Тепловъ является въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ должности слободско-украинскаго губернатора, которому поручено было обведеніе границъ своей губерніи. Въ 1800-мъ году мы встрѣчаемъ уже его кіевскимъ губернаторомъ въ чинѣ, правда, тайнаго совѣтника.

Изъ женъ Г. Н. Теплова о первой, Елисаветѣ Марковнѣ, мы знаемъ лишь, что она умерла въ Глуховѣ въ 1752 году. Что касается до второй, то изъ „дневныхъ записокъ" генеральнаго подскарбія Якова Маркевича мы видимъ, что въ 1759 году Тепловъ

---

[1]) „Русская Старина", 1886 г., № 10.

[2]) „Русскій Архивъ", 1866 г., 315.

[3]) Полное Собр. Законовъ №№ 18048, 18116.

былъ уже женатъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшенцевой-Денежковой. Бракъ этотъ былъ несчастливъ; изъ завѣщанія оказывается, что, оставя мужа и дѣтей, она жила, по выраженію завѣщателя, „на чужомъ содержаніи“. Самъ онъ относительно своего разлада съ женой говоритъ, что „она хотя въ 1776 году оставила меня и дѣтей своихъ въ домѣ моемъ, по несогласію со мною, забравъ съ собою все то имѣніе и вещи, которыми отъ меня награждена была, послѣ прожитія своихъ собственныхъ, и по смерть мою больше уже жить со мною не восхотѣла, не взирая ни на какое мое приглашеніе“. Что на самомъ дѣлѣ заставило ее разойтись съ мужемъ, рѣшить трудно; хотя указанное выраженіе о чужомъ содержаніи и намекаетъ какъ будто на связь ея съ другимъ человѣкомъ; но изъ того спокойнаго и полнаго чувства уваженія, какое питалъ къ ней, повидимому, мужъ, изъ того, что онъ много разъ просилъ ее возвратиться къ семьѣ, изъ собственнаго заявленія завѣщателя о несогласіи съ нимъ жены, можно думать, что Матрена Герасимовна разошлась съ Тепловымъ просто вслѣдствіе несходства ихъ характеровъ; поэтому послѣдній и предусматриваетъ въ завѣщаніи возможность возврата жены къ семьѣ послѣ его смерти. Въ своемъ кругу жена Теплова, какъ женщина высокой честности, пользовалась почетомъ; напр., выдавая замужъ свою падчерицу, Маркевичъ пригласилъ Теплову и Кочубея быть посажеными отцемъ и матерью. О времени разлуки супруговъ Тепловыхъ опредѣленно сказано въ завѣщаніи, именно, названъ 1776-й годъ; но изъ „записокъ“ Маркевича мы узнаемъ, что жена Теплова, по отъѣздѣ мужа въ Петербургъ, оставалась нѣкоторое время въ Малороссіи; хотя отъѣздъ ея въ Петербургъ предположенъ былъ въ 1763 году, но она оставалась на родинѣ еще въ 1765 году; это видно изъ сообщеннаго намъ А. М. Лазаревскимъ письма графа Румянцева отъ 4 января 1765 года къ „господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ въ генеральной бывшей малороссійской канцеляріи присутствующимъ“ о томъ, чтобы М. Г. Тепловой, имѣвшей намѣреніе отправиться въ С.-Петербургъ, было дано нѣсколько козаковъ для безопасности въ пути; изъ этого письма мы узнаемъ, что Румянцева объ этомъ просилъ самъ Тепловъ и что о томъ же сдѣлалъ распоряженіе графъ К. Г. Разумовскій. Слѣдовательно, въ Петербургѣ Тепловы совмѣстно прожили около 10 лѣтъ. Такъ или иначе, но нельзя, намъ кажется, не признать, что жена Теплова была женщиной съ сильнымъ характеромъ: она пренебрегла мнѣніемъ свѣта и предпочла лучше

жить „на чужомъ содержаніи“, въ тиши, независимо, чѣмъ пользоваться удобствами въ домѣ нелюбимаго мужа, который и въ отношеніяхъ къ ней могъ обнаруживать тѣ же неприглядныя стороны своего характера, какія онъ проявлялъ въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ по службѣ. Правда, что онъ предполагаетъ также, что жена можетъ выйти замужъ или остаться по прежнему „на чужомъ содержаніи“, но ни то, ни другое не измѣняетъ отношенія завѣщателя къ женѣ и въ каждомъ случаѣ заставляетъ его почтительно относиться къ ней. Хотя Тепловъ и говоритъ въ завѣщаніи, что его жена, проживъ вещи, которыми будто бы онъ ее „наградилъ“, пользуется отъ него пособіемъ по 1000 руб. ежегодно, но его упрекъ въ растратѣ едва ли справедливъ, потому что изъ одного тяжебнаго дѣла, найденнаго нами въ томъ же Центральномъ Архивѣ, видно, что у ней были собственныя средства и, быть можетъ, значительныя: ей принадлежали земли около мѣстечка Басани въ с. Пескахъ, земли, которыя были захвачены у козаковъ ея отцемъ и достались ей по наслѣдству.

Судя по завѣщанію, Тепловъ относился ко всѣмъ членамъ своей семьи съ любовью и полнымъ довѣріемъ; такъ, напр., мы упомянули уже о томъ, что онъ ходатайствуетъ о мѣстѣ орловскаго намѣстника для своего зятя Неплюева, теперь онъ предписываетъ сыну уваженіе къ зятьямъ и распоряженіе имуществомъ по совѣту съ ними; вообще же рекомендуетъ любовь ко всѣмъ и доброе согласіе съ каждымъ. Тоже онъ предписываетъ и по отношенію къ сестрамъ. Даже къ матери, которая оставила его съ дѣтьми, Тепловъ требуетъ отъ нихъ любви и уваженія, хотя, какъ потерпѣвшій, онъ могъ бы въ завѣщаніи, если не хотѣлъ обнаруживать враждебнаго чувства къ женѣ, умолчать о ней совершенно; но онъ этого не дѣлаетъ; все указанное свидѣтельствуетъ о Тепловѣ, какъ о добромъ семьянинѣ, любящемъ мужѣ и заботливомъ отцѣ. Эта особенность характера обусловливаетъ равное и справедливое распредѣленіе имущества между дѣтьми, среди которыхъ у него нѣтъ любимцевъ; о дѣтяхъ отъ перваго брака онъ также заботится, какъ и о дѣтяхъ отъ втораго; единственному сыну своему онъ удѣляетъ не больше, чѣмъ и каждой изъ четырехъ дочерей.

Выходя изъ той мысли, что только нераздѣленное крупное имущество можетъ идти въ порядкѣ, увеличить доходы и позволить вынести тяжелые налоги и обязательства, онъ оставляетъ все свое недвижимое имущество сыну Алексѣю, но приказываетъ ему выпла-

тить весьма крупныя суммы въ пользу матери и сестеръ отъ втораго брака. Сестры отъ перваго брака, какъ мы уже сказали, были выдѣлены при выходѣ замужъ и теперь не принимаютъ участія въ наслѣдованіи; лишеніе ихъ этого права не нарушаетъ, однако же, добрыхъ отношеній ихъ самихъ и ихъ мужей къ младшему брату и сестрамъ.

Въ отношеніи къ послѣднимъ завѣщатель обязываетъ сына содержать сестеръ своихъ при себѣ дома, какъ было при его жизни; доставлять имъ все необходимое соотвѣтственно общественному положенію, занимаемому ими, и давать каждой изъ нихъ на одежду по 300 руб., прибавляя при этомъ, „что ежели сила его (т. е. сына) будетъ,“ то онъ по любви своей къ сестрамъ, каковую всегда имѣлъ, будетъ давать и побольше. Кромѣ того, каждой изъ двухъ младшихъ сестеръ сынъ долженъ приготовить къ свадьбѣ по 5,000 р., да послѣ свадьбы въ теченіи четырехъ лѣтъ выплатить по 15,000 руб. каждой; онъ можетъ выплатить эту сумму и сразу и въ болѣе короткій срокъ, чѣмъ четыре года, но во всякомъ случаѣ не долѣе; деньги выплачиваются безъ процентовъ.

Особенную заботливость обнаруживаетъ Тепловъ о женѣ; онъ говоритъ, что при жизни давалъ ей ежегодно по 1000 руб. „усмотрѣвъ, что она живетъ на чужомъ содержаніи“: умирая, обезпечить жену онъ считаетъ своимъ долгомъ и выдѣляетъ для того четвертую часть въ движимомъ имуществѣ и седьмую въ недвижимомъ; „но какъ сіи малые участки“, разсуждаетъ онъ далѣе, „сдѣлаютъ ея пропитаніе весьма бѣдное и нужное“ и при томъ раздѣлъ уменьшитъ доходность имѣній, то онъ призналъ за лучшее распорядиться такимъ образомъ: въ 1-хъ, если жена пожелаетъ жить по прежнему особенно отъ дѣтей, то сынъ по прежнему обязанъ выдавать матери по 1000 руб. ежегодно „и въ чемъ можетъ помогать ей къ прожитку“; во 2-хъ если жена пожелаетъ жить съ сыномъ и дочерьми, тогда „содержаніе должна имѣть отъ сына своего въ покояхъ, столѣ и экипажѣ такъ, какъ прилично имѣть матери родной съ надлежащимъ отъ дѣтей почтеніемъ, а на одежду и протчія мелкія надобности получить имѣетъ съ доходовъ сыновнихъ по 500 руб. въ годъ по смерть“; въ 3-хъ, какъ доказательство большой заботливости Теплова о женѣ, особенно любопытно и характерно слѣдующее условіе: въ случаѣ выхода замужъ жены, сынъ обязанъ выдавать ей до самой смерти по 1000 руб. ежегодно; наконецъ, онъ заключаетъ: „а жена моя Матрена Герасимовна получитъ себѣ въ доходъ

такой капиталъ на всю свою жизнь, который далеко превышать будетъ седьмую часть изъ оставшагося моего движимаго, а четвертую изъ недвижимаго имѣнія и не будетъ она чувствовать ни падежа скотскаго, ни недороду хлѣбнаго, ни податей, ниже налоговъ какихъ либо, но всегда изобильныя для нея уже будутъ жатвы чрезъ полученіе постояннаго денежнаго доходу, какого бы она и половины изъ своей части не имѣла". Приведенныя выше слова завѣщанія, какъ и изложенныя распоряженія Теплова, показываютъ глубокую привязанность его къ женѣ и искреннее глубокое чувство, готовое на жертвы. Предусмотрительность завѣщателя доходитъ даже до того, что онъ старается обезпечить правильное полученіе женой 1000 руб. и въ томъ случаѣ, если бы умеръ его сынъ: обязанность уплачивать женѣ завѣщанную сумму онъ возлагаетъ тогда на четырехъ дочерей поровну; деньги отъ сестеръ должна была собирать старшая дочь отъ втораго брака и вручать своей матери.

Обезпечивъ дочерей и жену, Тепловъ опредѣляетъ и положеніе сына: Ему онъ оставляетъ, какъ мы уже сказали, все свое имущество; изъ доходовъ съ него сынъ долженъ былъ не только сплачивать сестрамъ приданое и выдавать матери содержаніе, но и погашать отцовскіе долги, составлявшіе сумму болѣе, чѣмъ въ 25,000 р.; всего же, по разсчетусамого завѣщателя, его наслѣднику приходилось сплатить далеко болѣе 100,000 руб.; „но", говоритъ Тепловъ при этомъ, „я надѣюсь на его доброе хозяйство и економію, къ каковой онъ склонность имѣетъ", а это позволитъ ему не только вынести всѣ платежи, но и обезпечитъ въ будущемъ и сына и его потомство, о которомъ Тепловъ также не мало заботится: онъ вовсе не позволяетъ сыну закладывать или продавать свое имѣніе до женитьбы, а послѣ женитьбы разрѣшаетъ это въ такомъ лишь случаѣ, когда у него будутъ дѣти; если бы у него совсѣмъ не было дѣтей, то село Молодово, въ кромскомъ уѣздѣ, съ хуторомъ Бѣлоусовскимъ на малороссійской границѣ переходятъ къ дочерямъ отъ перваго брака, а Тепловка—дочерямъ отъ втораго; тѣ и другія могутъ или совмѣстно владѣть селами или одна у другой выкупить; въ случаѣ бездѣтности сына имѣнія должны переходить къ наслѣдникамъ Теплова отъ другихъ дочерей; этимъ требованіемъ завѣщатель имѣлъ намѣреніе удержать имущество въ своемъ родѣ; отсюда ни одна дочь не могла завѣщать своей части мужу.

Отъ этого же порядка наслѣдованія сестеръ зависитъ и распоряженіе Теплова относительно залога сыномъ имѣній на случай

экстренной уплаты долговъ и приданаго. Залогъ, по его волѣ, великорусскихъ имѣній могъ быть совершенъ лишь по совѣту и согласію съ старшими дочерьми, а малорусскихъ по совѣту и согласію съ младшими.

Наблюденіе за исполненіемъ сыномъ завѣщанія Тепловъ поручилъ было сначала своимъ зятьямъ: Семену Александровичу Неплюеву и Ивану Ивановичу Демидову; но впослѣдствіи онъ измѣняетъ это рѣшеніе: повидавшись со своими старыми друзьями: К. Г. Разумовскимъ и И. И. Елигинымъ, и переговоря съ ними лично, передалъ надзоръ этимъ послѣднимъ; „знаю я", пишетъ онъ, обращаясь къ нимъ, „что трудно вамъ, любезные и милостивые друзья мои, исполнить все сіе безъ особливой воли ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, и для того прошу Васъ прибѣгнуть къ ея природному милосердію и, подвергнувъ меня къ стопамъ ея, просить объ утвержденіи этого завѣщанія". Близость опекуновъ къ государынѣ и возможность съ ея стороны поддержки была, мы думаемъ, главной побудительной причиной въ выборѣ опекуновъ.

По обычаю того времени, Тепловъ, желая сдѣлать доброе дѣло для дворовыхъ людей, всю жизнь свою честно служившихъ ему, наградить ихъ за безкорыстіе и преданность и вызвать съ ихъ стороны благодарность и молитвы по душѣ своей, отпускаетъ на волю пять семей, близко стоявшихъ къ нему: Ивана Устрицкаго, дворецкаго Стефана Данилова съ женой и дѣтьми, двухъ поваровъ: Гавріила Любимова и Ивана Поспѣлова съ женой и дѣтьми, Александра Таризакова и Петра Устрицкаго. Первый былъ отпущенъ на волю самимъ завѣщателемъ, а послѣдніе его сыномъ. Эти отпущенныя онъ не мотивируетъ ничѣмъ; но, по нашему мнѣнію, въ нихъ не столько проглядываетъ религіозное чувство завѣщателя, сколько его личное расположеніе къ вѣрнымъ слугамъ.

Завѣщаніе свое Тепловъ заключаетъ слѣдующимъ наставленіемъ: „наконецъ, рекомендую сыну страхъ Божій, вѣрность къ ея императорскому величеству и къ отечеству, почтеніе къ родительницѣ и любовь къ сестрамъ; также доброе согласіе съ зятьями своими". Эти совѣты еще разъ подтверждаютъ высокіе, полные любви идеалы Теплова о семейной жизни. Для утвержденія, насколько были они искренни или лицемѣрны надо принять во вниманіе всю его жизнь, общественную и семейную, его сочиненія и переписку. Но эта задача слишкомъ обширна и можетъ послужить темой для

особой работы. Замѣтимъ мимоходомъ, что на его религіозныхъ и политическихъ взглядахъ необходимо должно было отразиться вліяніе французскихъ энциклопедистовъ, господствовавшее въ его время, а также и современныхъ политическихъ обстоятельствъ въ Россіи, въ которыхъ и самъ Тепловъ принималъ весьма дѣятельное участіе. Въ письмахъ его мы находимъ неустойчивость и тѣхъ и другихъ убѣжденій.

И. Каманинъ.

Для справокъ.

—— **О Варвинской иконѣ.** У помѣщика В. М. Діаконова въ м. Варвѣ, лохвицкаго уѣзда, сохранился не особенно старый—конца XVIII в., но довольно оригинальный образъ. Онъ написанъ на полотнѣ, натянутомъ на подрамокъ. Въ серединѣ верхней части полотна изображенъ семиконечный крестъ въ овалѣ, съ низа котораго свѣшивается гербъ, вѣроятно дворянъ Пилипенковъ, которымъ образъ принадлежалъ. Гербъ этотъ: семиугольникъ, заостренный къ низу и охваченный двумя подъ острымъ угломъ связанными перьями; внутри семиугольный крестъ, стоящій на двухъ вложенныхъ одно въ другое остріяхъ стрѣлъ.

По бокамъ большаго креста въ овалѣ изображены свв великом. Θеодоръ Тиронъ и Софія, при чемъ рисунокъ неособенно удаченъ. Почему именно эти святые, видно будетъ далѣе.

Нижнюю, болѣе значительную часть полотна занимаетъ написанный по бѣлой краскѣ черными буквами стихами меморіалъ, при чемъ первыя буквы стиховъ окрашены попеременно въ красный и желтый цвѣтъ. Поле съ меморіаломъ окружено завитками. Образъ достаточно потертъ.

Приводимъ меморіалъ цѣликомъ, исправивъ только описки, которыхъ въ немъ достаточно, и поставивъ знаки препинанія.

Меморіалъ.

Присутствіемъ своимъ Господь всѣхъ обитаяй,
Какъ на землѣ вездѣ, такъ ровно въ небесахъ,
Начатія благи всегда благословляяй
И любящимъ его способствуяй въ дѣлахъ,
Сей Михаила храмъ Архангела воздвигнуть
Всесильною Своей рукой благословилъ,
И окончанія намѣреній достигнуть
Во всѣхъ предметахъ тѣхъ пособіемъ Онъ былъ.

Стараніе и коштъ примеръ—маіора властный
Феодора на то Пилипенка взнесенъ,
И Софіи жены его во всемъ согласной
На вспоможеніе и трудъ былъ положе́нъ.
По милосердію, по личной ихъ и просьбѣ
Митрополитъ и членъ Синода Самуилъ
Миславскій Кіевскій въ Пилипчичъ къ вѣчной пользѣ
Въ знакъ благодарности къ нимъ храмъ сей подарилъ
Изъ Красногорской же пустыньки перевезенъ
Трудами прихожанъ парохіи сея,
Явившихъ ревностью долгъ Господу любезенъ
И полезный для всѣхъ, такъ ровно для себя,
За бытности тогда рачительна въ предметахъ
Сихъ романовскаго священника Фомы,
Къ нимъ оказавшаго себя во благихъ совѣтахъ,
Понесша и свои немалые труды.
Въ девять десятомъ тожъ году былъ и заложенъ
Іюня мѣсяца того во вторый день,
А первого семьсотъ девятьдесяти достроенъ
Въ шестый день сентября, и тѣмъ благословенъ
Да будетъ слава, честь и похвала на вѣки
Содѣйствующу въ томъ Верховному Владыкѣ.

Описанный образъ, сохраняясь въ родѣ Пилипенковыхъ, перешелъ къ С. М. Пилипенковой, владѣвшей частью м. Варвы и вышедшей замужъ за В. М. Діаконова.

Въ Варвѣ же у В. М. Діаконова находится и копія на деревѣ съ этого образа, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, напр. крестъ въ овалѣ четырехконечный. Такъ какъ размѣръ образа значительно меньшій, чѣмъ размѣръ предшествующаго, то меморіалъ написанъ въ видѣ прозы и не говоря уже объ ошибкахъ и опискахъ, есть и пропуски.

Ал. Маркевичъ.

— **Къ Кратк. очерку исторіи гор. Умани „Кіевск. Ст. 1888 г., № 8, стр. 393.** Въ уманской іезуитской школѣ воспитывался извѣстный ученый Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. **А. М.**

— **Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи.** Въ №№ 16—18 „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ П. Д. Мартиновичъ и В. П. Горленко помѣстили списокъ церквей полтавской епархіи, составленный ими по клировымъ вѣдомостямъ 1886 г. Списку этому предпослано составителями предисловіе, изъ котораго мы и сдѣлаемъ краткое извлеченіе. Цѣль составителей списка была „привести

въ извѣстность число и мѣстонахожденіе памятниковъ старинной церковной архитектуры въ полтавской губерніи", чтобы дать возможность уяснить формы и пріемы нѣкогда господствовавшаго въ краѣ, а нынѣ исчезнувшаго архитектурнаго стиля, весьма оригинальнаго, типичнаго, но почти вовсе не изслѣдованнаго. Относительно происхожденія этого стиля существуетъ мнѣніе (статья въ журналѣ „Зодчій"), что нѣкоторые образцы его (напр. трехглавыя южно-русскія церкви) заимствованы изъ юго-славянскихъ земель, адріатическаго побережья, Архипелага и т. п., такъ какъ трехглавыя южно-русскія церкви имѣютъ въ основѣ своего плана римскій крестъ (съ удлиненными запад. и восточ. концами), а не византійскій (равноконечный). Гг. Горленко и Мартиновичъ не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ „въ римскомъ крестѣ концы сѣверный и южный, если и короче, то должны по *ширинѣ* быть равными концамъ западному и восточному, а въ планѣ трехглавыхъ малороссійскихъ церквей этого нѣтъ. Средняя часть ихъ плановъ *шире* западной и восточной частей и потому не можетъ выдающимися на с. и ю. своими сторонами изображать сѣв. и южн. концовъ римскаго креста. Такимъ образомъ планъ этихъ церквей отличенъ и отъ формы восточнаго, равноконечнаго креста, и западнаго, съ укороченными концами". Какъ на типичныя старинныя деревянныя церкви авторы указываютъ на сгорѣвшую церковь въ с. Мерефѣ, г. Зѣньковѣ, г. Березнѣ черниговской губ. и девятиглавый соборъ въ Новомосковскѣ. Въ этихъ церквахъ каждая глава выстроена какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, сообщенномъ съ главнымъ корпусомъ зданія; иконостасы высокіе, къ верху суживающіеся, украшены рѣзьбой, а въ старое время и скульптурными изображеніями; характерны маленькія подобія крышъ на крышахъ, чтобы онѣ не загнивали отъ дождя, скошенныя двери съ широкими, покрытыми рѣзьбой или надписями лутками, окна разнообразныхъ формъ. Кресты, кромѣ ихъ своеобразнаго рисунка, въ старыхъ малороссійскихъ церквяхъ располагаются не такъ, какъ въ новыхъ—однимъ ребромъ на с., а другимъ на ю., а однимъ ребромъ на з., другимъ на в. и большею частью высятся надъ полумѣсяцемъ.

Формы каменныхъ церквей разнообразны и нерѣдко отступаютъ отъ описаннаго типа. Иногда всѣ купола выстроены на крышѣ одного зданія, какъ въ Никольскомъ соборѣ (военномъ) въ Кіевѣ, Кіево-Братскомъ монастырѣ, полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ и церкви въ Субботовѣ, строенной Богданомъ Хмельницкимъ, судя по рисунку ея у Бантыша-Каменскаго. Церкви этой группы имѣютъ болѣе связи съ древней архитектурой кіевскаго княжескаго періода.

Формы одноглавыхъ церквей, деревянныхъ и каменныхъ, очень разнообразны. Рѣдко теперь встрѣчаются церкви съ *опасанью*—наружной галлерейкой, окружающей все зданіе, имѣющей сходство съ старинными *пиддашьями* свѣтскихъ построекъ. Опасани попадались еще недавно и въ многоглавыхъ церквяхъ, какъ напр., въ сломанной нѣсколько лѣтъ назадъ Вознесенской церкви въ Кіевѣ, сооруженной Рафаиломъ Заборовскимъ.

Какъ на мѣстности, гдѣ изслѣдованіе церковнаго южнорусскаго задчества было бы наиболѣе интересно, авторы указываютъ на кіевскій раіонъ, сѣв. часть черниговской губ. и слободскую Украину и Волынь. Что касается до полтавской губ., то хотя она въ этомъ отношеніи представляетъ менѣе интереса, но все же и здѣсь сохранилось не мало памятниковъ церковной архитектуры, заслуживающихъ

изученія, съ просьбой объ описаніи которыхъ составители списка и обращаются къ мѣстнымъ священникамъ. Описанія эти тѣмъ болѣе необходимы, что самые памятники исчезаютъ съ поразительной быстротой. Составителямъ списка пришлось слышать отъ одного подрядчика, что онъ въ одно лѣто сломалъ 15 старыхъ церквей Многихъ церквей, упомянутыхъ въ „Памятной книжкѣ полтавской губ.", изданной П. М. Бодянскимъ въ 1865 г., теперь уже нѣтъ и слѣда. И не только въ селахъ, но даже въ большихъ городахъ безжалостно истребляются памятники старины. Такъ, недавно въ Харьковѣ сломана каменная Николаевская церковь, которая могла бы стоять еще много и много лѣтъ. Въ полтавской епархіи изъ всего количества 1079, церквей старыхъ (построенныхъ до 1800 г.)—342, новыхъ—737. Изъ старыхъ церквей каменныхъ—22, деревянныхъ—320. Большинство ихъ относится къ XVIII в. (316). XVII в. только 4, всѣ каменныя: 1) Троицкая церковь Густынскаго монастыря (1674), 2) Преображенская Мгарскаго монастыря (1654), 3) церковь с. Сулимовки, переясл. у. (1684) 4) с. Лютеньки. гадячск. у. (1686 г.). По уѣздамъ старинныя церкви располагаются такъ: прилукскій—38, полтав. 36, переясл. 33, гадяч. и роменскій по 29, зѣньков. 27, лохвицкій 25, кобеляк. 22, золотонош.—20, пирятин. 17, хорольск. 16, миргор. 14, лубенск. 12, кременчуг. 10 и константиногр. 8.

Въ заключеніе составители ставятъ рядъ вопросовъ, на которые они желали бы получить отвѣты отъ знающихъ людей. Каковъ наружный видъ церкви, форма постройки, число и видъ куполовъ? Нѣтъ ли при церкви колокольни, одновременной основанію церкви. Нѣтъ ли церквей некрашенныхъ, деревянныхъ и нѣтъ ли при церквахъ опасани (наружной галлерейки). Нѣтъ ли обстоятельной записи о строителяхъ, подрядчикахъ, архитекторахъ и пр. Нѣтъ ли памятныхъ надписей на луткахъ и т. п., наружной деревянной рѣзьбы, скульптурныхъ украшеній въ иконостасѣ и т. д. и какія еще замѣчаются отличія отъ современной церковной архитектуры и орнаментики.

—— **Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю.** Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому сентября 1888 года къ Казначею Общества поступило пожертвованій 28,647 рублей 21 копѣйка.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Кіевская Старина".

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылатся Казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

— На основаніи правилъ объ учрежденной при академіи наукъ преміи профессора Котляревскаго за изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности доводитъ до всеобщато свѣдѣнія, что сочиненія, предназначаемыя на конкурсъ 1889 года, должны быть представлены въ отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе декабря истекающаго года. Правила объ этой преміи можно получать въ комитетѣ правленія, отъ бухгалтера Э. С. Багенскаго.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (201—220). *Кіев. Слово* (485—508). *Подол. Еп. Вѣд.* (37—40). *Волын. Епарх. Вѣд.* (26—27). *Волынь* (106—114). *Черн. Губ. Вѣд.* (71—79). *Волын. Губ. Вѣд.* (63—72). *Харьковскія Губ. Вѣд.* (236—262). *Южный Край* (2645—2672). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (71—79). *Крымъ* (80—93). *Литов. Епарх. Вѣд.* (37—41). *Червоная Русь* (105—118).

Кіевлянинъ №№ 201—220. 201. *Журнальное обозрѣніе.* Нѣсколько словъ посвящено очерку г. Добротворскаго «Саяны», напечатанному въ «Вѣстн. Европы».

Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд. о находкѣ крестьяниномъ д. Башхина, старод. у. черн. г. Голиковымъ 9 ф. старинной серебряной монеты.

Перепечатка изъ «Новостей» о каменномъ идолѣ близь с. Харикова рославл. у. смол. г., котораго крестьяне считаютъ покровителемъ конопли и въ Духовъ день украшаютъ вѣнками.

202. Выдержки изъ статьи г. Исаева въ «Таганрог. Вѣст.» о караимахъ.

204. Новыя факультетскія клиники университета св. Владиміра.

Вотчинныя монополіи. Ив. Новицкаго.

Годичный отчетъ Маріинской Общины Краснаго Креста.

Библіографическая замѣтка о брошюрѣ Кулишера: «Лѣса волынской губ. подъ надзоромъ казны».

206. Перепечатка изъ Рус. Кур. замѣтки о курганахъ въ Поднѣпровьи и Посульи.

209. Некрологъ Г. П. Галагана и нѣсколько свѣдѣній о родѣ Галагановъ.

Годичный актъ духовной академіи.

О 30-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Присуждены малыя преміи, въ 500 рублей каждая, слѣдующимъ лицамъ: 1) профессору московской духовной академіи Каптереву за сочиненіе «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; 2) доценту кіевской духовной академіи

Голубеву за исторію кіевской духовной академіи; 3) профессору харьковскаго университета Багалѣю за «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства»; 4) священнику Будиловичу за сочиненіе «Русская православная старина въ Замостьѣ».

210. Засѣданіе историч. общества Нестора Лѣтописца. Отчетъ о рефератахъ И. М. Каманина и проф. В. Б. Антоновича.

211. Мозаика на шиферѣ. Проф. П. А. Лашкаревымъ доставленъ въ мѣстный церковно-археологическій музей обломокъ шиферной плиты, со вставленными въ него кубиками мозаики, найденный имъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Такая архитектурная подробность кіевскихъ храмовъ великокняжеской эпохи доселѣ не была извѣстна. Прикрѣплена мозаика къ шиферу такимъ образомъ: въ плитѣ выдолблены длинныя криволинейныя углубленія, шириною въ 8, а глубиною въ 4 сантиметра; эти углубленія заполнены прочнымъ розовымъ цементомъ, въ который втиснуты разноцвѣтные стеклянные кубики мозаики, образующіе узоръ. Въ какомъ мѣстѣ храма находились шиферныя плиты съ мозаикой—пока не выяснено. При недавнихъ раскопкахъ въ Святополковой церкви Михайловскаго монастыря также найдено нѣсколько шиферныхъ плитъ съ такими же углубленіями, но безъ мозаики; по мѣстамъ видны въ этихъ углубленіяхъ только остатки древняго цемента.

212. Смерть и похороны Г. П. Галагана.

214. Годичный актъ въ кіев. 2 гимназіи.

216. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Галицкой Руси.

218. Стародубскіе старообрядцы.

Кіевское Слово №№ 485—508. 486. Перепечатка изъ Од. Нов. о предполагаемомъ учрежденіи южно-русскаго архива.

488. Перепечатка изъ Нов. о курганахъ и каменномъ истуканѣ въ рославл. у. смол. губ.

495. Краткій некрологъ Г. П. Галагана.

Актъ въ кіев. дух. академіи.

497. Перепечатка изъ Нов. статьи о Г. П. Галаганѣ.

О 30-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

499. Передовая статья о правѣ производить археологическія раскопки.

Краткій некрологъ художника В. Лося, уроженца волынской губ.

Старообрядческія школы въ юго-зап. краѣ.

501. Корреспонденція изъ Прилукъ о погребеніи Г. П. Галагана.

505, 506 и 507. *Археологическія открытія въ кіевской губерніи.* Подъ такимъ заглавіемъ помѣщены три фельетонныя статьи, въ которыхъ трактуется о раскопкахъ г. Хайновскаго, сдѣланныхъ въ продолженіи этого лѣта. При этомъ въ № 505 рѣчь идетъ отъ третьяго лица, въ двухъ же остальныхъ

самъ г. Хайновскій повѣствуетъ о своихъ открытіяхъ и различныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ эти открытія. «Открытія» заключаются въ раскопкѣ кургановъ въ уманскомъ, звенигородскомъ и каневскомъ уѣздахъ.

Описанія раскопокъ кургановъ, находящихся въ мѣстностяхъ, еще мало или совсѣмъ не изслѣдованныхъ въ археологическомъ отношеніи, несомнѣнно весьма желательны, т. к. вносятъ частичку матеріала для будущихъ выводовъ. Но если эти описанія вмѣсто подробнаго дневника раскопокъ и осторожныхъ заключеній, основанныхъ на строго фактическихъ данныхъ, состоятъ изъ неотносящихся къ дѣлу разглагольствованій и затѣмъ выраженныхъ въ утвердительной формѣ соображеній, лишенныхъ твердаго основанія, по которымъ, напр., различные виды погребенія совершенно произвольно пріурочиваются тому или другому народу или племени, то въ этомъ случаѣ наука ничего не пріобрѣтаетъ, напротивъ теряетъ, а непосвященная публика вводится въ заблужденіе. Эти послѣдніе слова вполнѣ относятся къ статьямъ г. Хайновскаго. Не перечисляя всѣхъ ошибокъ, неточностей и курьезовъ, которыми изобилуютъ статьи, остановимся на болѣе крупныхъ, бросающихся въ глаза. Таковыми болѣе всего богата первая статья въ № 505, гдѣ описываются курганы уманскаго у.

Прежде всего г. Хайновскій принялся за разрѣшеніе вопроса, кѣмъ были насыпаны курганы: татарами, какъ это говоритъ народное преданіе, или какимъ либо другимъ, болѣе древнимъ народомъ, т. к. *«насколько известно, этотъ спорный вопросъ не былъ еще рѣшаемъ нашими археологами»*... г. Хайновскій разрѣшилъ его. Въ верхней части разрытаго кургана онъ нашелъ костякъ женщины, «костякъ этотъ съ похоронными принадлежностями—5-тью горшечками—а въ особенности *съ такимъ характернымъ признакомъ, какъ браслеты на ногахъ*, принадлежалъ, вѣроятно, ордамъ половцевъ, заселявшихъ южную часть кіевскаго княжества въ началѣ Руси и извѣстныхъ набѣгами на Кіевъ, и былъ похороненъ въ готовомъ уже курганѣ». Но откуда г. Хайновскій знаетъ что ниб. о погребальныхъ обрядахъ половцевъ и о томъ, что женщины ихъ носили на ногахъ браслеты—это покрыто мракомъ неизвѣстности, т. к. по крайней мѣрѣ до сихъ поръ подобными свѣдѣніями археологія не обладаетъ. Съ другой стороны того же кургана былъ найденъ костякъ мужчины въ сидячемъ положеніи. Типъ этого погребенія г. X. относитъ къ *«монголамъ* XIII ст., завладѣвшимъ кіевской землею», а почему, на это нѣтъ отвѣта; если только по аналогіи съ теперешними обрядами татаръ-мусульманъ, то нужно замѣтить г-ну X., что въ XIII в. татары были еще язычниками и магометанскіе обряды къ нимъ не примѣнимы. Подъ «половчанкой» и «монголомъ», на три арш. ниже, обнаружились слѣды новаго погребенія: «Всѣ ободрились. Рабочіе высказали надежду на отысканіе клада; г. же Хайновскій *по-*

лучилъ увѣренность, что найдетъ *скифскія могилы*». И дѣйствительно нашелъ:—«*могилы скифовъ неолитическаго періода каменнаго вѣка*».

Въ томъ же духѣ идетъ описаніе раскопокъ въ звенигородскомъ у. возлѣ р. Гнилой Тикичъ, помѣщенное въ № 506, и раскококъ каневскаго у. въ № 508; здѣсь у с. Гадомки вниманіе г. Хайновскаго обратили на себя погреба въ горѣ, о которыхъ онъ думаетъ, что они «ничто иное, какъ *пещеры* (курсивъ въ подлинникѣ), въ которыхъ жили до начала Руси поляне». Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что въ этой мѣстности въ курганахъ имъ найдено «пять *рыцарей* полянъ», которые жили въ пещерахъ.

Повторяемъ, что здѣсь приведены болѣе крупныя ошибки, малымъ же нѣсть числа.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 37—40. 38. Святая равноапостольная княгиня Ольга.

— Существующія нынѣ зданія каменецкаго духовнаго училища въ ихъ прошедшей судьбѣ.—Н. Яворовскаго. Авторъ посредствомъ сопоставленія нѣкоторыхъ оффиціальныхъ данныхъ время основанія нынѣшняго духовнаго училища въ Каменцѣ опредѣляетъ 1789 годомъ. Первоначально зданіе этого училища предназначалось для помѣщенія въ немъ уніатской семинаріи и консисторіи. Но открыть здѣсь полную семинарію не нашли почему то удобнымъ, и здѣсь читались только курсы *теологіи моральной* для уніатскихъ ставленниковъ. Въ 1795 году вслѣдствіе отказа мѣстнаго уніатскаго епископа Петра Бѣлявскаго принять русское подданство, зданіе семинаріи поступило въ секвестръ и затѣмъ было обращено въ женскій второкласный монастырь. Вскорѣ послѣ того, въ 1796 году женскій монастырь былъ отсюда переведенъ въ Немировъ, а домъ отведенъ для подольскаго дворянскаго собранія и сталъ съ этихъ поръ называться «дворянскою залою»; затѣмъ зданіе нѣкоторое время опять оставалось безъ всякаго назначенія; въ 1798 г. 22 сентября зданіе было отдано въ аренду шляхтичу Антону Зміевскому для помѣщенія въ немъ театра и танцовальныхъ собраній. Въ 1799 году, когда каѳедра шаргородскаго епископа была перемѣщена въ Каменецъ, епископу не понравилось близкое сосѣдство храма Божія съ увеселительнымъ заведеніемъ и онъ вошелъ съ ходатайствомъ въ св. Синодъ о передачѣ этого зданія въ духовное вѣдомство, каковое ходатайство, вопреки соображеніямъ, представленнымъ по этому дѣлу подольской казенной палатою, и было удовлетворено: указомъ правительствующаго сената отъ 30 марта 1803 года зданіе было отдано въ духовное вѣдомство для помѣщенія въ немъ подольской духовной семинаріи, чѣмъ и заключились пререканія между двумя вѣдомствами о владѣніи этимъ домомъ. Къ статьѣ приложена въ видѣ документовъ оффиціальная переписка по дѣлу о переходѣ зданія отъ одного вѣдомства къ другому.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 26—27. 26. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. V. Острожскій уѣздъ, городской благочиннический округъ: уѣздный городъ Острогъ (939—41) № 27 (стр. 972—976), № 28 (стр. 1019—1023).

28. Священники при св. Владимірѣ.—В. Калинникова (переп. изъ Тул. Еп. Вѣд.).

26. 27. 28. Предметный указатель содержанія неоффиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 231—242).

26. Протоіерей А. Ѳ. Хойнацкій (некрологъ) перепечатанъ изъ Кіевлянина.

27. Открытіе Свято-Владиміро-Василіевскаго братства въ г. Житомирѣ при волынскомъ каѳ. соборѣ (перепеч. изъ 59 № Вол. Губ. Вѣд.).

Волынь №№ 106—114. 106—107. *Порченная.* Пов. Ю. Левицкой-Нащенко. Перепечатка изъ «Кіевской Старины» (продолженіе и окончаніе).

110. *Волынская легенда.* А. К. Перепечатка изъ Новорос. Телегр. Легенда эта пріурочена къ горѣ въ Карпатскихъ отрогахъ, между Кременцемъ и Острогомъ, около Шумска, на вершинѣ которой есть камень и два высокихъ креста. Въ легендѣ разсказывается слѣдующее: Когда то вблизи этой горы стоялъ замокъ, въ которомъ жилъ какой то князь. У князя была дочь. Княжна была прекрасна, но холодна, какъ мраморъ; никто не видалъ на ея лицѣ улыбки. Однажды князь праздновалъ вѣковую годовщину замка. На празднество собралось множество гостей. Когда появилась передъ гостями княжна, впечатлѣніе, произведенное ея красотой, было такъ сильно, что всѣ юноши просили назначить какое угодно испытаніе, чтобы только заслужить ея расположеніе. Княжна объявила, что будетъ принадлежать тому, кто опередитъ всѣхъ на бѣгу. Двое красивыхъ юношей опередили всѣхъ и одновременно прибѣжали къ назначенному мѣсту. Выборъ былъ затруднителенъ. Тогда княжна предложила имъ взбѣжать на высокую гору, на вершинѣ которой она будетъ стоять, и обѣщала отдать свою руку тому, кто первый ея коснется. Одинъ изъ юношей добѣжалъ до вершины, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ княжны палъ мертвымъ отъ изнеможенія, другой уже коснулся было руки красавицы, но сердце его разорвалось отъ напряженія и онъ также упалъ бездыханнымъ у ея ногъ. Въ этотъ моментъ небо омрачилось тучами; молнія ударила въ то мѣсто, гдѣ стояла княжна, и испепелила ее, обнаживъ при этомъ на вершинѣ горы камень, который и остался памятникомъ страшнаго событія. А на мѣстѣ, гдѣ погибли юноши, были поставлены кресты, которые существуютъ и донынѣ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 71—79. 71. А. Тищинскій «*Къ исторіи края*» — *Сельскія купчіе записи.* Помѣщены два сельскихъ крѣпостныхъ акта, интересные въ томъ отношеніи, что они показываютъ: 1) что сдѣлки по продажѣ земли совершались въ прежнее время не только на город-

скихъ урядахъ, но даже и на сельскихъ, утверждавшихъ ихъ, 2) что между прочимъ такой сельскій урядъ существовалъ на предмѣстіи г. Чернигова (тогда еще деревнѣ) Лѣсковицѣ, 3) и что нынѣшняя *козлянская* дорога на трисвяцкую дорогу называлась гетманскимъ шляхомъ.

73. 74. 75. Къ исторіи края. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Документы, выданные 1707 г. Іоанномъ, архіеп. черниговскимъ, и Варлаамомъ, архим. троицкимъ, Павлу Полуботку по продажѣ боровичскихъ угодій. Четыре купчія 1710 г. тому же Полуботку отъ разныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ черниговъ. полка.

74. Корреспонденція изъ п. Еліонки о мѣстныхъ старообрядцахъ.

78. *Къ исторіи края.* Изъ бумагъ Н. Г. Лузанова. Универсалъ гетмана гр. К. Г. Разумовскаго на землевладѣніе полковому асаулѣ кіевскому Михайлѣ Шуму.

79. Біографическія данныя о Г. П. Галаганѣ (перепечатаны изъ Кіевлянина).

— Свѣдѣнія изъ отчета черниг. мужеской гимназіи за 1887—8 учеб. годъ.

— Къ исторіи края: черниговскіе губернскіе предводители: помѣщенъ списокъ ихъ, ниже сего приводимый:

1) Николай Михайловичъ Стороженко, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1803—1815.

2) Иванъ Яковлевичъ Лизогубъ, коллежскій ассесоръ, съ 1816—1819.

3) Степанъ Михайловичъ Ширай, генералъ-маіоръ, съ 1820—1830.

4) Иванъ Ивановичъ Посудевскій, полковникъ, съ 1830—1831.

5) Яковъ Ивановичъ Дунинъ-Борковскій, штабсъ-капитанъ, въ 1832.

6) Александръ Михайловичъ Маркевичъ, коллежскій ассесоръ, съ 1832—1838.

7) Василій Николаевичъ Ладомірскій, дѣйств. стат. совѣтникъ, съ 1838—1848.

8) Николай Петровичъ Борознда, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1848—1862.

9) Иванъ Николаевичъ Дурново, сперва провинціальный секретарь, а потомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1863—1872.

10) Николай Ивановичъ Неплюевъ, сперва штабсъ-капитанъ, а теперь тайный совѣтникъ, съ 1872—1888.

Свѣдѣнія эти взяты изъ календарей съ росписью чиновныхъ особъ, находящихся въ императорской публичной библіотекѣ въ С.Петербургѣ.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 63—72. 68. 69. 71. 72. *Братчиковъ*—Остатки волынской старины. Историко-археологическія замѣтки.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 236—262. 237. Со словъ «Нов. Вр.» сообщено о результатахъ раскопокъ въ с. Тарасовкѣ екатерино-

славскаго у Д. И. Эварницкаго: «Въ имѣніи А. П. Струкова, расположенномъ у праваго берега Днѣпра, находится до трехсотъ кургановъ, еще не тронутыхъ ни однимъ изъ нашихъ археологовъ. Изъ всѣхъ этихъ кургановъ наиболѣе интересна группа 50 могилъ, съ огромной могилой «Городской» во главѣ. Эта группа расположена на высокомъ береговомъ склонѣ Днѣпра. Вся группа пятидесяти могилъ, видимо, относится къ одному и тому же времени и насыпана однимъ и тѣмъ же народомъ. Могилы этой группы имѣютъ видъ остроконечныхъ, но отъ времени низко осунувшихся кургановъ, состоящихъ исключительно изъ земляной насыпи, безъ признака камней съ наружной стороны. Раскопка, начатая съ меньшихъ кургановъ, пока привела къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ курганѣ, на глубинѣ четырехъ аршинъ, найдены два скелета, положенные головами на востокъ, ногами—на западъ, съ руками, протянутыми вдоль боковъ. При одномъ изъ этихъ скелетовъ, у праваго плеча, найдено желѣзное, кованной работы, копье три четверти аршина длины, у лѣвой руки—сто двадцать трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, надѣтыхъ на тонкія палочки и вложенныхъ въ колчанъ изъ тонкой, бѣлаго цвѣта кожи. При другомъ скелетѣ, у лѣвой руки, найдено 50 такихъ же стрѣлъ. Эта раскопка всего болѣе замѣчательна тѣмъ, что оба скелета, отрытые въ курганѣ, найдены безъ череповъ, взамѣнъ которыхъ положены баранья головы, типичныя, съ рогами, лбомъ на востокъ. И люди, копавшіе курганы, и сами копатели были изумлены такою находкою. По словамъ г. Эварницкаго, подобный случай находки едва ли не единственный въ практикѣ всѣхъ русскихъ археологовъ".

246. Б. А. Кай. *Нѣсколько словъ о графѣ П. А. Румянцевѣ-правителѣ Малороссіи XVIII в.*—По поводу напечатанныхъ въ семъ году въ Черниговск. Губ. Вѣд. извѣстнымъ изслѣдователемъ южнорусской старины А. М. Лазаревскимъ распоряженій гр. П. А. Румянцева по управленію Малороссіей за 1779 г. авторъ замѣтки говоритъ:

«Появленію подобныхъ историческихъ матеріаловъ нельзя не порадоваться Тогда какъ военная дѣятельность П. А. Румянцева въ достаточной степени уже выяснена, дѣятельность его, какъ правителя Малороссіи, до сихъ поръ остается еще въ тѣни и, насколько намъ извѣстно, историки, если и затрогивали этотъ вопросъ, то лишь вскользь, мимоходомъ.

Большая часть напечатанныхъ А. М. Л—скимъ распоряженій Румянцева касаются слѣдующихъ вопросовъ: ограниченія винокуренія, упорядоченія землевладѣльческихъ отношеній, назначенія на уряды полковой и сотенной старшины; затѣмъ идутъ менѣе важныя распороженія о наборѣ пѣвчихъ и проч.

Что касается распоряженій объ ограниченіи винокуренія, то они были сдѣланы въ виду того, что «отъ неограниченнаго у всѣхъ къ винокуренію желанія истребляются лѣса и по дешевости вина (20 коп. ведро) простой паче

народъ и жизнію жертвуетъ». Мѣры, принятыя къ ограниченію винокуренія, точно еще не опредѣлены въ распоряженіи, намѣченъ лишь вопросъ.

И это понятно: не въ характерѣ П. А. Румянцева было дѣлать то или иное распоряженіе прежде, чѣмъ не будетъ выслушанъ голосъ самихъ обывателей по данному вопросу, прежде чѣмъ не будетъ изучено, на сколько тѣ или иныя мѣры соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ края.

Вотъ почему и при ограниченіи винокуренія П. А. Румянцевъ чрезъ малороссійскую коллегію обращается къ предводителямъ шляхетства и полковымъ канцеляріямъ, чтобы «они, сдѣлавъ свои мнѣнія, прислали въ коллегію, а отъ оной съ своимъ разсужденіемъ: коимъ бы образомъ удобнѣе взять мѣры, чтобы ограничить винокуреніе предоставили бы ему». Заинтересованный этимъ вопросомъ, П. А. Румянцевъ вскорѣ издаетъ и второе распоряженіе: «о собраніи свѣдѣній о количествѣ шинковъ въ Малороссіи и о лицахъ, которыя хотя и содержатъ шинки, но правъ на то не имѣютъ». Не дождавшись отъ коллегіи отвѣтовъ на эти приказанія, Румянцевъ предписываетъ уничтожить винокурни, выстроенныя посреди селъ, «отъ коихъ пожары, равно и иной вредъ причиниться можетъ». Другія изъ обнародованныхъ распоряженій, какъ я уже замѣтилъ, относятся къ упорядоченію отношеній между землевладѣльцами, у которыхъ стремленіе къ расширенію и округленію своихъ имѣній достигло во второй половинѣ XVIII в. крайнихъ предѣловъ. Чтобы захватить чужую ниву, чужой хуторъ, пускались въ ходъ не только доносы и кляузы, но насиліе. Нерѣдко толпа вооруженныхъ крестьянъ и козаковъ подъ предводительствомъ «державца» наѣзжала на село другаго владѣльца, сжигала хлѣбъ на гумнѣ, разрушала постройки, а крестьянъ брала «въ полонъ», переселяя на земли своего предводителя. Въ жалобѣ Тарновскихъ на П. Заводовскаго говорится, «что со стороны Заводовскаго сдѣланы на имѣніе его нападенія, забраны люди и скотъ, а въ слободѣ сожжено 43 двора, причемъ и одного человѣка убито». Узнавъ о такихъ насиліяхъ, П. А. Румянцевъ немедленно приказываетъ малороссійской коллегіи «безъ продолженія времени о семъ происшествіи изслѣдовать и съ виновными поступить по всей строгости указовъ». Мало того: такъ какъ при поземельныхъ спорахъ, сопровождавшихся, какъ видимъ, грабежами и убійствами, мѣстные власти—полковые и сотенные обыкновенно бездѣйствовали, то Румянцевъ напоминаетъ, чтобы «оные уряды обязаны бдѣть, дабы въ каждомъ повѣтѣ и сотнѣ сохранены были благочиніе и порядокъ». Но и самъ правитель не остается въ сторонѣ: онъ проситъ уряды доносить ему лично о всѣхъ подобныхъ буйствахъ, угрожая въ случаѣ умолчанія «оштрафованіемъ и лишеніемъ званія», которымъ такъ дорожили старшины. Не менѣе важны распоряженія П. А. Румянцева относительно назначенія служащихъ на свободныя мѣста въ полкии сотни. Ко второй половинѣ XVIII в. выборное начало при назначеніяхъ

на уряды уже исчезло, а генеральная войсковая канцелярія и полковники, къ которымъ отчасти перешло право раздачи чиновъ и должностей—далеко не отличались неподкупностью. Выдвигался нерѣдко человѣкъ безъ всякихъ способностей, запятнавшій себя неблаговидными поступками, но за то богатый. Румянцевъ замѣтилъ это и взялъ въ свои руки назначенія. Свободныя мѣста въ полкахъ и сотняхъ раздаются имъ съ крайней осторожностью и осмотрительностью. Только люди, лично извѣстные Румянцеву по своимъ военнымъ подвигамъ, или тѣ, въ честности которыхъ онъ не сомнѣвался, послѣ наведенныхъ справокъ,—получали должности. Щедрѣе былъ Румянцевъ на раздачу чиновъ, но здѣсь преслѣдовалъ онъ другую цѣль. Щедрою раздачею чиновъ П. А. Румянцевъ, удовлетворяя повидимому исканія самой «казацкой старшины», справедливо замѣчаетъ А. М. Л—скій, «вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялъ послѣднюю къ дѣятельности въ тѣхъ новыхъ формахъ гражданской жизни, которыя явились въ Малороссію вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничествъ въ 1782 г.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе главнѣйшихъ распоряженій Румянцева по управленію Малороссіей за 1779 г. Не смотря на то, что распоряженія эти охватываютъ слишкомъ ничтожный промежутокъ времени, все же и они имѣютъ, какъ видимъ, «значеніе для характеристики Румянцева, какъ правителя Малороссіи, въ теченія почти 25 лѣтъ. Понятно, что полная характеристика мозможна лишь послѣ тщательнаго и всесторонняго изученія относящихся сюда матеріаловъ. Къ сожалѣнію, изданія такихъ матеріаловъ едвали можно ожидать въ скоромъ будущемъ. Архивъ, въ которомъ сосредоточены документы для исторіи Малороссіи XVIII в., пока почти не доступенъ для занятій. Мы разумѣемъ харьковскій историческій архивъ, гдѣ до сихъ поръ не имѣется ни постояннаго архиваріуса, ни сноснаго помѣщенія, такъ какъ помѣщеніе, гдѣ зимой термометръ не поднимается выше 8°, гдѣ есть совершенно темное отдѣленіе, гдѣ полное отсутствіе вентиляцій—не можетъ, конечно, соотвѣтствовать своему назначенію. А когда придетъ на помощь, хотя частная благотворительность, да и придетъ ли еще—неизвѣстно".

247. Д. И. Багалѣй—Фамильныя бумаги Щербининыхъ, князей Крапоткиныхъ и Донцовъ-Захаржевскихъ въ имѣніи П. Н. Флоты—с. Бабаяхъ. Г. Багалѣй пишетъ:

«Занимаясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, я давно уже рѣшилъ привести въ извѣстность неизданный рукописный матеріалъ, хранящійся въ архивахъ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій,—а также и у частныхъ лицъ. При посредствѣ харьковскаго губ. стат. комитета собраны были свѣдѣнія обо всѣхъ старыхъ документахъ, хранящихся при губ. правленіи, городской думѣ, двор. депутат. собр., духов. конс. и т. п. Важнѣйшее и обширнѣйшее собраніе старинныхъ актовъ оказалось въ губ. прав.; тамъ сосредото-

чено было дѣлопроизводство нынѣ уже упраздненныхъ присутств. мѣстъ—харьк. полковой канцеляріи, губерн. канцел. и т. п. Всѣ эти бумаги цѣликомъ поступили въ харьковскій истор. архивъ, находящійся въ вѣдѣніи истор.-филол. общ. (при университетѣ). Слѣдуетъ желать, чтобы туда же поступили старые документы и изъ другихъ учрежденій, напр. казенной палаты, окружнаго суда и т. п. Но для этого необходимо расширить помѣщеніе, занимаемое въ настоящее время архивомъ. Тогда можно будетъ надѣяться, что не только правит. учрежденія, но и частныя лица будутъ охотно передавать туда свои коллекціи. Такимъ путемъ будутъ спасены для науки документы, имѣющіе важное истор. значеніе; для текущаго дѣлопроизводства они уже не нужны и архиваріусы смотрятъ на нихъ, какъ на лишнее бремя. Не могу не вспомнить здѣсь кстати объ одномъ чрезвычайно характерномъ въ этомъ отношеніи эпизодѣ. Проѣздомъ черезъ *одинъ* губернскій городъ въ Южной Россіи (nomina sunt odiosa!) я рѣшился осмотрѣть въ немъ архивъ губ. правл., гдѣ, по моимъ соображеніямъ, должны были находиться еще старыя дѣла, разъясняющія исторію мѣстнаго управленія и землевладѣнія. По распоряженію г. начальника губерніи, архиваріусъ долженъ былъ показать мнѣ всѣ старыя бумаги. Я пришелъ къ нему съ этимъ адресомъ, но получилъ отвѣтъ, что никакихъ старыхъ дѣлъ у него нѣтъ, ибо они переданы въ московскій архивъ Мин. Юст.; не удовлетворившись этимъ объясненіемъ, я попросилъ его проводить меня въ самое помѣщеніе архива; онъ исполнилъ эту просьбу и сталъ показывать мнѣ новыя дѣла. Вдругъ мое вниманіе остановилось на цѣлой связкѣ дѣлъ XVIII в., отъ которыхъ всячески старался отвлечь меня мой провожатый. Увидѣвши, что его попытка скрыть отъ меня документы не удалась, архиваріусъ сразу перемѣнилъ обхожденіе: рѣшилъ задобрить меня откровенностью, показалъ нѣсколько дѣлъ XVII в., которыхъ не было ни въ какихъ описяхъ, и тогда же объяснилъ мнѣ причину своей скрытности: онъ боялся хлопотъ, сопряженныхъ съ передачей этихъ документовъ въ какой нибудь ученый архивъ; «я думалъ, говорилъ онъ, что «туча» пройдетъ мимо и не тронетъ моихъ бумагъ; ну, а разъ вы сами уже нашли, что вамъ было нужно, то теперь я вамъ покажу все».

Опытъ доказываетъ, что и въ присутственныхъ мѣстахъ архивныя бумаги сохраняются далеко не всегда удовлетворительно: онѣ терпятъ отъ сырыхъ помѣщеній, ихъ забираютъ любители и ученые, ихъ продаютъ на пуды и т. д.; хорошимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить судьба архивовъ малорос. коллегіи и харьковск. губерн. правл. Что же сказать о частныхъ хранилищахъ, о фамильныхъ архивахъ? Сохраненіе этихъ документовъ является еще менѣе обезпеченнымъ. На нашихъ глазахъ затерялись многія важныя рукописи, бывшія въ рукахъ прежнихъ историковъ здѣшняго края—Срезневскаго и пр. Филарета—мемуары старинныхъ харьк. дворянъ,—Квитокъ, Лесевицкихъ, Тевя-

шовыхъ, Кондратьевыхъ; гдѣ теперь чрезвычайно цѣнное собраніе рукописей изюмскаго помѣщика Д. Ѳ. Запары, въ которомъ было до 50 свитковъ, относящихся къ исторіи нашей мѣстности въ XVII и XVIII вв.? Еще въ 50-хъ годахъ нын. столѣтія его видѣлъ изв. нашъ писатель Г. П. Данилевскій. Всѣ попытки, какъ мои собственныя, такъ и другихъ лицъ, разыскать эти историческіе документы до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, хотя при этомъ удалось все таки найти и кое что цѣнное; такъ, изъ Чернигова получены черновыя бумаги пр. Филарета по исторіи харьк. еп.; у одного частнаго лица удалось пріобрѣсти чугуевскую переписку, которая была въ рукахъ того же преосв. Филарета; найдено историческое описаніе харьковской губ. 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія; въ импер. публич. библіотекѣ хранится рукописный Атласъ Сл. укр. губ. 1802 съ любопытнымъ текстомъ, къ нему приложеннымъ; атласъ этотъ съ Высочайшаго разрѣшенія былъ доставленъ на время въ библіотеку харьковскаго университета для моего пользованія и здѣсь списанъ его текстъ.

Но вопросъ о фамильныхъ архивахъ у дворянъ харьковской губ. все таки оставался открытымъ. Въ январѣ мѣсяцѣ нын. года уважаемый ректоръ нашего университета И. П. *Щелковъ* обратился съ запросомъ о документахъ по мѣстной исторіи къ владѣльцу с. Жихоря и Карачевки А. М. Щербинину. Сдѣлано это было въ виду того, что фамилія Щербининыхъ играла видную роль въ краѣ; П. А. Щербининъ былъ въ XVIII в. прокуроромъ харьковскаго намѣстничества, а троюродный братъ его Евдокимъ Алексѣевичъ 1-мъ слободско-украинскимъ губернаторомъ; при немъ и подъ его ближайшимъ наблюденіемъ уничтожено было прежнее козацкое устройство и введены общерусскія учрежденія. Родоначальникъ Щербининыхъ не былъ кореннымъ обитателемъ харьк. края, а происходилъ изъ дворянъ псковской губ.; только женитьба на княжнѣ Крапоткиной побудила его поселиться навсегда въ этой мѣстности; князь Крапоткинъ также не былъ мѣстнымъ уроженцемъ, но женитьбою на дочери харьк. полк. Донца-Захаржевскаго пріобрѣлъ себѣ здѣсь массу земель, большая часть которыхъ и перешла къ Щербинину въ качествѣ приданаго за его женою. Такъ путемъ браковъ тѣсно переплелись матеріальные интересы одной мѣстной фамиліи—Донцовъ-Захаржевскихъ и двухъ пришлыхъ—князей Крапоткиныхъ и Щербининыхъ. На запросъ И. П. Щелкова, А. М. Щербининъ отвѣтилъ, что семейный архивъ Щербининыхъ долженъ находиться въ сс. Бабаяхъ (П. И. Флоты) и Должикѣ (кн. Д. Ѳ. Голицына); «по наслышкѣ я знаю, писалъ А. М. Щербининъ, что главный семейный архивъ рода Щербининыхъ и князей Крапоткиныхъ находился въ Должикѣ до того времени, когда часть его перевели и новый архивъ завели въ селѣ Бабаяхъ. Это, надо полагать, произошло въ періодъ времени 1770—1780 годовъ». Получивъ такое свѣдѣніе, я рѣшился на каникулы осмотрѣть архивъ въ с. Бабаяхъ. Со стороны нын. владѣльца с. Бабаевъ

къ которому оно перешло отъ его дяди А. А. Щербинина, я встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе. Кое какія старинныя вещи оказались и въ домѣ, занимаемомъ владѣльцемъ: одна подлинная жалованная грамота на имѣнія, отрывки изъ дневника А. А. Щербинина (съ 1863 по 1872 годъ), рукописныя замѣтки его же на исторію Отеч. войны 12 года Богдановича и нѣсколько интересныхъ портретовъ—чрезвычайно цѣнный портретъ Императора Александра I-го, въ младенческомъ возрастѣ, исполненный масляными красками извѣстнымъ художникомъ Левицкимъ, Екатерины II-й, 1-го харьковскаго губернатора Е. А. Щербинина, кн. Як. Ник. Крапоткина и его матери; наконецъ, здѣсь же висѣла картина большихъ размѣровъ, нарисованная худ. Брандтомъ и изображающая семейство П. А. Щербинина; въ ней особенно интересенъ мѣстный пейзажъ—видъ дома и садъ въ с. Должикѣ. Кромѣ того въ отдѣльной каменной постройкѣ хранится множество старыхъ бумагъ сельско-хозяйств. содержанія; всѣ онѣ подобраны по годамъ и обнимаютъ время съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время; въ нихъ заключаются богатые матеріалы для исторіи мѣстной сельско-хозяйственной промышленности; по нимъ можно прослѣдить переходы отъ полузависимаго (подданническаго) труда къ крѣпостному (въ концѣ XVIII в.), а отъ этого послѣдняго къ свободному (въ 1861 г.). Для изслѣдователя мѣстной старины наиболѣе интересными представляются три связки XVIII в., открытыя мною при осмотрѣ экономическихъ бумагъ; разборомъ ихъ я и занялся и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Связки эти содержатъ въ себѣ разнообразныя дѣла, относящіяся къ фамиліямъ Щербининыхъ, князей Крапоткиныхъ и Донцовъ-Захаржевскихъ; не имѣя возможности остановиться здѣсь болѣе или менѣе подробно на ихъ содержаніи, я только замѣчу, что въ нихъ заключается масса цѣнныхъ свѣдѣній для характеристики высшаго слоя слободско-украинскаго общества въ прошломъ вѣкѣ; больше всего данныхъ мы тутъ найдемъ для изученія матеріальнаго быта этого общества—его заботъ о пріобрѣтеніи и расширеніи имѣній и т. п., но не мало также здѣсь разсѣяно извѣстій, рисующихъ намъ мѣстные нравы; есть также и документы оффиціальнаго происхожденія—копіи съ указовъ и т. п. Въ виду важнаго историческаго значенія этихъ матеріаловъ П. П. Флота рѣшился напечатать ихъ на собственный счетъ въ отдѣльномъ сборникѣ; выборку, редактированіе бумагъ и составленіе къ нимъ предисловія я принялъ (конечно, gratis) на себя. Самые документы будутъ переданы владѣльцемъ въ Харьковскій Историческій Архивъ.

Было бы въ высшей степени желательно, чтобъ примѣръ П. П. Флота, пожелавшаго сдѣлать доступнымъ свой фамильный архивъ для ученыхъ изслѣдователей, нашелъ себѣ подражателей. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и у другихъ дворянъ харьк. губ. имѣются болѣе или менѣе значительныя коллекціи рукописей; владѣльцы, буде пожелаютъ, могутъ передать ихъ въ Харьк.

Ист. Архивъ (адресъ: «въ университетъ, завѣдующему Харьк. Ист. Арх. проф. Д. И. Багалѣю»), принесутъ большую пользу наукѣ и въ томъ случаѣ, если просто сообщатъ о нихъ краткія свѣдѣнія, эти послѣднія будутъ печататься мною въ «Харьк. Сборникѣ».

248. Некрологъ Н. Ф. Бобровскаго—одного изъ мѣстныхъ харьковскихъ дѣятелей.

— Долина рѣчки Мерефы (корресп.) I. Чурилина.

252. Некрологъ профессора Лапшина. 23-го сентября въ Одессѣ скончался бывшiй профессоръ харьковскаго университета Василiй Ивановичъ Лапшинъ. Покойный родился въ 1809 году; первоначальное образованiе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ губернской гимназiи; по окончанiи университетскаго курса покойный былъ командированъ въ извѣстный въ прежнее время профессорскiй институтъ при дерптскомъ университетѣ и въ 1835 г. былъ назначенъ профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ физики и физической географiи. При открытiи въ 1865 году новороссiйскаго университета, В. И. Лапшинъ былъ перемѣщенъ туда. Покойный былъ извѣстенъ своими учеными трудами и ему, между прочимъ, принадлежитъ изобрѣтенiе приборовъ анемографа и батометра.

— Некрологъ пр. Ѳ. В. Тихоновича, скончавшагося 28 сент. въ Харьковѣ. Ѳеофилъ Васильевичъ Тихоновичъ, читалъ въ харьковскомъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ физiологическую химiю и физику. Покойный получилъ образованiе въ первой харьковской гимназiи и затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ. 3 года назадъ Ѳеофилъ Васильевичъ, выслуживъ полный пансiонъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣнiи, полтавской губернiи, гадячскаго уѣзда, близь слободы Рашевки, гдѣ и застигла его смерть.

253. О перенесенiи иконы Озарянской Божiя Матери изъ Куряжскаго въ харьковскiй Покровскiй монастырь. До упраздненiя Озарянской пустыни въ 1787 г., чудотворный этотъ образъ находился тамъ же; а съ этого года перенесенъ въ Куряжскiй монастырь, гдѣ, впрочемъ, оставался недолго, такъ какъ въ слѣдующемъ 1788 г. и этотъ монастырь былъ закрытъ. Тогда же этотъ образъ перенесли въ г. Харьковъ въ Покровскiй монастырь. Девять лѣтъ сряду, т. е. до 1797 года, чудотворный Озярянскiй образъ Божiей Матери находился здѣсь, привлекая богомольцевъ, не только со всей харьковской губернiи, но изъ отдаленныхъ мѣстъ. Вслѣдствiе ходатайства бывшаго харьковскаго генералъ-губернатора Ливанидова, Куряжскiй монастырь снова открытъ и вотъ чудотворный Озарянскiй образъ Божiей Матери въ 1797 году обратно перенесенъ въ Куряжскiй монастырь.

Въ первый разъ крестный ходъ съ иконой Озарянскiя Божiя Матери совершенъ былъ 44 года назадъ—30 сентября 1844 года.

— Дополнительныя свѣдѣнія къ некрологамъ Тихоновича и Лапшина.

253. Некрологъ извѣстнаго дѣятеля Г. П. Галагана.

259. Корреспонденція изъ Прилукъ о смерти Г. П. Галагана.

Южный Край №№ 2645—2672. 2645. «Находящіяся на харьковскомъ городскомъ кладбищѣ могилы нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей представляютъ собою весьма печальное зрѣлище. Между прочимъ, одному изъ студентовъ харьковскаго университета пришлось случайно отыскать могилу одного изъ популярнѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, Д. И. Каченовскаго. Плита, которая находится надъ могилой, совершенно вросла въ землю и на ней едва можно разобрать слова надписи. Въ такомъ же печальномъ состояніи находится и могила другаго харьковскаго профессора Альбрехта—предшественника профессора В. Ф. Грубе. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе общества на это крайне прискорбное обстоятельство».

2646. Корреспонденція изъ Ромновъ; о раскопкахъ пр. Самоквасова; пер. изъ Кіевлянина.

2648. 2662. Торжество открытія сумскаго духовнаго училища и освященіе устроеннаго въ немъ храма (училище переведено изъ Ахтырки).

2652. Корреспонденція изъ Полтавы о сельско-хозяйственной выставкѣ сего года.

2653. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ (страница изъ исторіи народнаго образованія).

2657. Корреспонденція изъ Симферополя о таврической губернской сельско-хозяйственной выставкѣ сего года.

2664. Григорій Павловичъ Галаганъ (некрологъ).

2669. Возстановленіе приписныхъ церквей.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 71—79. 71. Скотоводство въ екатеринославской губерніи.

— Врачебная экскурсія въ Дебальцеву балку на раскопки тимофеевской глины (алюмино-желѣзистый глей—terra-mineralis Thimoffeef).

73. Корреспонденція изъ александровскаго у. объ упадкѣ пчеловодства—Кистрици.

— Еще о тимофеевской глинѣ.

75. Дѣятельность харьковской бактеріологической станціи и пастеровскаго прививочнаго института.

77. Къ исторіи Покровскаго собора въ Александровскѣ. Контрактъ, заключенный священникомъ Кошѣвскимъ и ктиторомъ Драганомъ съ подрядчикомъ на поставку лѣса.

Крымъ №№ 80—93. 80. *Къ исторіи раскола и сектантства въ Крыму.*

Первые раскольники на югѣ явились въ херс. губ. въ 1752 г. изъ Польши и изъ Россіи. Потемкинъ, старавшійся о заселеніи края, покровительствовалъ поселеніямъ раскольниковъ. Въ царствованіе Николая Павловича положеніе ихъ ухудшилось. Единовѣріе имѣло успѣхъ на ю.; такъ теперь р—ки живутъ въ числѣ 2000 д. почти исключительно въ Бердянскѣ. Единовѣрцевъ 5157 д. м. п. и 5812 ж. п. Изъ сектантовъ—раціоналистовъ духоборцы поселились въ Новороссіи въ концѣ прошлаго столѣтія; въ 1834—45 гг. многіе духоборцы были сосланы на Кавказъ; скопцы явились сначала въ качествѣ ссыльныхъ въ бердянскомъ у. тавр. г., въ 40-хъ гг. главные ихъ дѣятели были сосланы въ Сибирь, но секта все таки распространялась. Сильнѣе всѣхъ распространены въ таврич. г. молокане (до 9000 д.), поселившіеся на Молочныхъ водахъ въ 1823 г. Есть прыгуны, хлысты, шалопуты, марьяновцы, нѣтъ только штундистовъ.

93. Замѣтка о состояніи народнаго образованія въ таврической губ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 37—41. 37, 39, 40. *Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.* Глава V. Унія послѣ Замойскаго собора. Унія послѣ раздѣловъ Польши. Полоцкій соборъ 1839 г. и возсоединеніе уніи съ православіемъ.

— М. Молодечна. (Корресп. «Вил. Вѣстн.»). Объ открытіи народнаго училища въ д. Раевщинѣ.

— *Попечитель Новосильцевъ въ сѣтяхъ базиліанской интриги.* Историческій эпизодъ 1824—1832 г.г. (изъ «Вил. Вѣстн».).

41. *О русской гродненской старинѣ въ память о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ.* П. Меліоранскаго. Статья написана по поводу празднованія въ Гроднѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

Червоная Русь №№ 105—118. 107—108. Изъ писемъ русскаго туриста.

108. Рѣчь посла Романчука въ львовскомъ сеймѣ объ учрежденіи русскихъ школъ.

109. Нѣсколько замѣтокъ о праздновании 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси въ Галиціи.

Краткій некрологъ проф. богословія въ львовск. унив. д-ра Якова Цѣпановскаго.

110. Ставропигійская выставка древностей.

111. Торжеств. открытіе выставки галицко-русскихъ древностей.

Библіограф. замѣтка объ изданномъ въ Спб. сборникѣ стихотвореній славянскихъ поэтовъ «Баянъ».

112. Замѣтки о празднованіи 900-лѣтн. юбилея крещенія Руси въ Галиціи и о выставкѣ русскихъ древностей во Львовѣ.

113. Открытіе ставропигійской выставки во Львовѣ.

115. 900-лѣтіе крещенія Руси въ Галиціи.

Краткій некрологъ Г. П. Галагана.

117, 118. Уніатскіе церковные синоды. XXVII, XVIII.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Boberski—Trzeci przyczynek do lichenologji Galicji. Краковъ 1888.

Бошно В. Планъ города Кіева съ предмѣстьями. Одесса. Fol. 1 стр.

Веселовскій А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. 1888. 8 д. 361+262 стр.

Widmann K. Archivum miasta Lwowa. Львовъ 1888—Вып. I.

Владиміровъ П. Житіе Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка. С.-Петербургъ 1887.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго (Отт. изъ «Кіевск. Старины»). Кіевъ, 1888. 8 д., 38 стр.

Wołoszczak. Drugi przyczynek do flory Pokucia. Краковъ, 1888.

Wałyniak. Kilka słów o dwoch szkołach dawnych w Podlasiu. Познань, 1888.

Heck K. J. Pobyt Władysława IV we Lwowie w roku 1634 i Józefa Bartłomieja Zimorowicza «Vox Leonis.» Львовъ, 1887.

Górski K. O działaniach wojska koronnego Rzeczy Pospolitej w wojnie z kozakami od dnia 19 Lutego do 10 Lipca 1651 roku—bitwa pod Beresteczkiem. Варшава, 1887.

Д—въ В. Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. Кіевъ, 1888 г. 16 д., 6 нен.—25+ мен. 28.

Dzieduszycki Wojciech. Die Malerei in der altruthenichen Kunst. Wien 1888.

Е—ая А. Я. Святъ-вечиръ. Оповидання. Харьковъ, 1888. 16 д., 26 стр.

Захарченко М. М. Кіевъ теперь и прежде. 988—1888. 4 д.

Zdziechowski. Messjaniści i sławianofile, szkice z pzychologji narodów sławiańskich. Краковъ, 1888.

Iłgowski. Ostatnia starościna Zwinogrodzka, zarys dziejów kresowego miasteczka. Краковъ, 1888.

Историческое описаніе начала Руси и ея крещенія, съ хронологіей Россійскаго государства, съ галлереей портретовъ всѣхъ русск. государей и съ друг. приложеніями. Новое исправл. и дополнен. изд. 4 д., 32 стр. +1 отд. рис.

К. К. Богатства земли. I Нафта и воскъ земный. Львовъ 1888.

Квитка-Основьяненко Г. Ѳ. Панъ Халявскій. Части I и II (Дешевая библіотека). Спб. 12 д., 186+183 стр.

Kolberg Pieśni ludu z Podola Rossyjskiego. Краковъ, 1888.

Korzeniowski I Catalogus codicum manuscriptorum musei principum Czartoryjski Cracoviensis—fasciculus II. Краковъ, 1888.

Kopernicki. Wesele u górali beskidowych z okolic Rabki. Краковъ, 1888

Крещеніе Руси. Изд. общедост. русск. библіотеки. Москва, 1888. 16 д., 16 стр.

Л. П. Святый Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный великій князь кіевскій (Лѣтописное сказаніе). Кіевъ, 1888. 8 д., 15 стр.

Lewicki Anatol. Zarys historji Polski i krajów ruskich z nią połączonych. Краковъ, 1888.

Левицкій Кость. Наша свобода, албо яки мы маемо права. Львовъ, 1888.

Materjały do klimatografji Galicji, zebrane przez sekcją meteorologiczną komisji fizjograficznej c. k. akademji umiejętności w Krakowie—rok 1888. Краковъ, 1888.

Морозовъ П. О. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій. Спб., 1888. 8 д., VI+389+1 стр.

Moszczyński Adam. Pamiętnik do historji Polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. Краковъ, 1888.

Nędza w Galicji w cyfrach i sposób ratunku. Тарновъ, 1888.

Ossowski. Materjały do paleontologji kurhanów ukraińskich Wiadomości wstępne, kurhany Ukraińskie Краковъ, 1888.

Остапенко А. С. Юбилейное стихотвореніе по случаю 900 лѣтъ крещенія русскаго народа въ Кіевѣ св. благовѣрнымъ княземъ Владиміромъ въ 988 году, какъ сказываетъ лѣтописецъ. Кіевъ, 1888 г. 4 д., 8 стр.

Отчетъ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Приложеніе къ LIX тому записокъ Императ. акад. наукъ № 1. Спб., 1888. 8 д., 1+375 стр.

Papée. O hetmanie Żołkiewskim. Львовъ, 1888.

Потебня А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е исправл. и дополн. изд. 8 д., VI+535+VI стр.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, 1888 г. 22 августа. Кіевъ, 1888. 8 д., 29 стр.

Протоколы засѣданій общества кіевскихъ врачей съ приложеніями за 1887—88 годъ. Вып. I. Кіевъ, 1888. 8 д., III+99+55 стр.

Rusin. Ruś Galicyjska, jej separatyzm, przyczyny tegoż, działania i skutki. Гродекъ, 1888.

Satke. Ciepłota w Tarnopolu. Краковъ, 1888.

Сергіевскій Н. А., протоіерей. Слово на 15-ое іюля 1888 года, день девятисотлѣтней памяти крещенія Руси, говоренное въ московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. Москва. 8 д., 4 стр.

Статутъ гуцульской спилки промысловой въ Коломыи, товарыства зареестрованого зъ ограныченою порукою. Коломыя, 1888.

Talko-Hryncewicz. Trwanie życia ludzkiego w powiecie Zwinogrodzkim gub. Kijowskiej, obliczone na zasadzie wykazu zmarłych w dwudziestu sześciu latach, 1860—1885. Краковъ, 1888.

Уляницкій. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XV—XVI вѣкахъ. Москва, 1887.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Журналы засѣданій общихъ собраній членовъ за 1888 годъ. Вып. I. Харьковъ, 1888. 8 д., 26 стр.

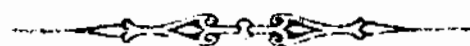
Chlebovski B. i *Valevski W.* Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych kraiów słowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 105. Tom IX. Варшава 1888. 4 д., съ 8+1 по 720 стр. 3000 экз.

Szaraniewicz. Die Franciskaner Kirche in Halitsch. Wien 1888.

Szarłowski. Stanisławów i powiat Stanisławowski pod względem historycznym i geograficzno-statystycznym. Станиславовъ 1887.

Шимановскій В. Отвѣтъ критику. Дополненіе къ книгѣ «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ». Варшава, 1888. 8 д., 42 стр.

Schlichting. Die Galizische Volksschulgesetzgebung. Meinz 1888.

Прилагаемый къ этой книжкѣ портретъ проф. А. А. Котляревскаго сдѣланъ съ фотографіи, обязательно доставленной намъ вдовою покойнаго профессора Екатериною Семеновною Котляревскою, которой и приносимъ нашу благодарность.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1888 г.

		СТР.
I.	Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова**	215—234
II.	Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. IV. **С. А. Бершадскаго**	235—265
III.	Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Рыльскаго**	307—306
IV.	Матеріалы для исторіи гайдамачины	307—325
V.	Тарасъ изъ Ворохты. (Переводъ съ польскаго) **К. М.**	326—363
VI.	Люди старой Малороссіи. **Ал. Лазаревскаго**	364—373
VII.	Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. **В. Науменка**	374—394
VIII.	Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. **Ив. Луговаго**.	395—400
IX.	Критика. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій“ Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. **П. Голубовскаго**. Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части. **И. Житецкаго**. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. **Н. Каманина**. Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. **Н. Б.** Географическій Словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія, сост. И. Я. Спрогисъ.	

стр.

И. Каманинъ. Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ ред. И. Ф. **А. С—ча** . . . . 29—60

X. Документы, извѣстія и замѣтки. Село Ивановка. **С. Р.** Правила погарскаго благороднаго собранія. Племянница Потемкина. **В. Г.** Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября). **Хр. Ящуржинскаго.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими. **А. Твердохлѣбова.** Къ біографіи Г. Н. Теплова **И. Каманина** . . . . 51—100

XI. Для справокъ . . . . 96—100

XII. Библіографическій листокъ . . . . 15—32

XIII. Объявленія . . . . 1—12

Приложенія: 1) Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.

2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

3) Словарь книжной малорусской рѣчи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1889 г. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г.** — г. 1889.

НА ИЗДАВАЕМЫЕ

при с.-петербургской духовной академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

Поставивъ своей задачей посильное служеніе св. церкви и наукѣ — преимущественно — богословской, редакція „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ будетъ и въ слѣдующемъ 1889 году преслѣдовать эту задачу съ неослабной энергіей и настойчивостью. По прежнему питая убѣжденіе, что наше время требуетъ напряженія всѣхъ силъ церкви и науки для выясненія и устраненія затрудненій, создаваемыхъ для высокой миссіи той и другой невѣжествомъ однихъ и легкомысленнымъ невѣріемъ другихъ, редакція считаетъ долгомъ совѣсти вносить свою долю участія въ общія усилія представителей церкви и науки для защиты общаго дѣла общими силами.

Размѣръ и характеръ принимаемаго редакціей участія въ служеніи общему дѣлу выражены въ программахъ академическихъ изданій. Программа „Церковнаго Вѣстника“ разсчитана преимущественно на потребности служителей церкви. Съ этою цѣлью въ нее вводится все то, что, по мнѣнію редакціи, можетъ содѣйствовать правильному пониманію и всестороннему удовлетворенію этихъ потребностей. Сложностью и разнообразіемъ этихъ потребностей-равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обозрѣніе духовныхъ журналовъ; 5) обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библіографическія замѣтки, или

обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни: 8) „въ области церковно-приходской практики“ — отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ, 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Сверхъ того, въ числѣ объявленій будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковные капиталы.

Редакція надѣется, что этой программой исчерпываются вполнѣ всѣ существенныя потребности пастырскаго служенія. Если же, вопреки ожиданію, въ ней окажется какой-либо пробѣлъ, то редакція проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оный, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христіанскаго Чтенія“ столь же обширна, но выполняется преимущественно въ интересѣ тружениковъ науки; при чемъ однакожъ не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи“ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаіи), а также неизданные письменные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ цѣломъ программы обоихъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженикамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ до 140 л. и „Христ. Чтен.“ до 115 л.).

Условія подписки. — Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала **7 р.** (семь) съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5 р.** (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ **5 р.** (пять). Заграницей. для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.** (девять), за каждый отдѣльно **7 р.** (семь) съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182,

кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп.—за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

Примѣчанія:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непремѣнно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются безплатными. За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ. № 1. 1—2

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собою въ концѣ года библіотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоющую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Двѣнадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ“*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ нумерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигіенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы оригинальные рисунки для выпилочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составятъ въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** *съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.*

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ“.

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ пандань (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Босфоръ“, тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.—проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франковъ), мѣсяцъ 1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8уб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20) а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48-й; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать нумера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Варшава. Редакторъ-издатель *П. А. Кулаковскій.* № 9. 1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на прежнихъ условіяхъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ

ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1889 ГОДУ

съ доставкой на годъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ семь рублей,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к. одинъ мѣсяцъ 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. и $^1/_2$ мѣс.; на эти сроки разсрочка не принимается. Остальныя двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается, и на тѣ-же сроки, и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока приплачивается за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. При перемѣнѣ адреса—25 к. Копѣйки могутъ высылаться почтовыми и гербовыми марками.

Газета будетъ издаваться семнадцатый годъ и выходить полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

уведомленіе: коль много Вы сочувствуете во всемъ томъ, что къ славѣ Ея и общенародному благополучію Ея государствѣ токмо служить можетъ.

Я же въ прочемъ пребываю Вамъ послушнымъ слугою Г. Румянцовъ. Въ должности Секретаря Дмитрій Карпѣка. Въ должности Регистратора Канцеляристъ Яковъ Бакуринскій.

1767 году, февраля 26 дня.
Глуховъ.

Съ таковыхъ экземпляры посланы во всѣ суды земскіе и сотенныя правленія и въ Сѣчь Запорожскую.

II.

Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки.

1) Въ Новгородкѣ, для городскихъ жителей марта 4.

2) Въ Стародубѣ а) для городскихъ жителей марта 9. Повѣту Стародубского, б) для шляхетства—10, в) для козаковъ—27.

3) Въ Чернѣговѣ, а) Для градскихъ жителей—16. Повѣтовъ Черниговского и Менского, б) для шляхетства—18, в) для козаковъ—27.

4) Въ Нѣжинѣ, а) для градскихъ жителей—23. Повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского, б) для шляхетства—24, в) для козаковъ—27.

5) Въ Глуховѣ, для градскихъ жителей апрѣля 2. Повѣту Глуховского: въ сихъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Его Высокографское Сіятельство, для шляхетства—4.

6) Въ Гадячи, для градскихъ жителей марта 4, для козаковъ—27.

7) Въ Сорочинцахъ, для городскихъ жителей—8, для козаковъ—27.

8) Въ Полтавѣ, для городскихъ жителей—13. Повѣтовъ Полтавского и Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, для шля-

хетства—15. Въ симъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Господинъ Генеральный обозный Кочубей.

9) Въ Козельцѣ, а) для городскихъ жителей—3. Повѣтовъ Козелецкого и Остерского, б) для шляхетства—4, в) для козаковъ—27.

10) Въ мѣстечкѣ Острѣ, для градскихъ жителей—10.

11) Въ Переясловѣ, а) для градскихъ жителей—15. Повѣтовъ Переясловского и Золотоноского Господинъ Генеральный писарь Туманскій, б) для шляхетства—17, в) для козаковъ—27.

12) Въ Лубнахъ, а) для градскихъ жителей—10. Повѣтовъ Лубенского и Роменского Господинъ Полковникъ Огаровъ, б) для шляхетства—13, в) для козаковъ—27.

13) Въ Прилукахъ, для градскихъ жителей—9. Повѣтовъ Прилуцкого и Иваницкого, б) для шляхетства—11, в) для козаковъ—27. Господинъ маіоръ Стремоуховъ.

14) Въ мѣстечкѣ Погарѣ, для градскихъ жителей—5. Повѣту Погарского, для шляхетства—7. Господинъ Генеральный судія Журманъ.

15) Въ Сѣчи Запорожской, Господинъ Полковникъ Сѣвского Пѣхотного полку Андрей Милорадовичъ.

Г. Румянцовъ.

III.

Выборы въ Глуховѣ.

1) Ордеръ Сотнику Глуховскому Господину Уманцю.

Сего году февраля 28 дня въ ордерѣ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента, Украинского и Малороссійского Корпусовъ Главного комендира и Кавалера Графа Петра Александровича Румянцова ко мнѣ присланномъ изображено: во исполненіе до Высочайшого Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 дня 766 году состоявшогося, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста съ приложеніемъ о выборѣ Депутатовъ въ учреждаемую въ

Москвѣ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія назначенны отъ Его Сіятельства ко собранію для выборовъ тѣхъ Депутатовъ сроки по приложенному при томъ ордерѣ росписанію и при оныхъ выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Его Сіятельство самъ быть имѣетъ; и по другимъ для приведенія въ исполненіе всего предписанного по оному Всевысочайшему указу назначены отъ Его Сіятельства персоны; и какъ въ обрядѣ выбора дворянамъ повелѣно начальнику города сочинить роспись пріѣжаючимъ дворянамъ и все, что къ выбору принадлежить приготовить. Потому, наблюдая Ея Императорскаго Величества Высочайшое въ обрядѣ установленіе къ прибытію отъ Его Сіятельства персонъ, таковые дворянамъ росписѣ къ произведенію сего дѣла зъ благопристойнымъ и предписаннымъ порядкомъ, домъ и что къ тому потребно приготовить велено. Чтожъ принадлежить до собранія козаковъ, то, по полученіи того ордера, какъ найскорѣе во всѣ сотнѣ предложить, дабы отъ взякой сотнѣ выбраны были по одному или по два повѣренныхъ, смотря по числу козаковъ; однако чтобъ въ каждомъ полку такихъ выбранныхъ не больше было отъ всѣхъ сотень, какъ до ста человѣкъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано; и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства и протчихъ назначенныхъ персонъ въ тѣ мѣста, гдѣ собраніямъ быть, на назначенные въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки оныи собраться могли. Того ради посланными отъ мене въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ, и гдѣ сотники въ отлучкѣ—къ сотеннымъ старшинамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ, какъ найскорѣе отъ тѣхъ сотень выбрать по два или по три повѣренныхъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства въ Нѣжинъ, гдѣ собранію быть назначено, въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки, то есть прежде 23 числа сего марта они собратся могли всенепремѣнно. Гдѣ же

для выбору назначенны мѣста и сроки, о томъ зъ присланного росписанія приложенны при тѣхъ ордерахъ справочные копіи, о чемъ для вѣдома и къ надлежащему исполненію и вамъ чрезъ сіе предлагается зъ сообщеніемъ зъ тогожъ росписанія справочной копіи.

Петръ Разумовскій.

1767 году,
Марта 1-го дня.

---

2) Донесеніе глуховскаго сотника Уманца о козачьихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшему Графу, Высокопревосходительнѣйшему Господину Генералу Аншефу, Малороссійскому Генералу Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского корпусовъ главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Александровичу Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Сего марта 9 дня получилъ я ордеръ отъ господина Полковника Нѣжинского Разумовского, состоявшійся во исполненіе высокого Вашего Сіятельства повелѣнія, послѣдовавшаго о выборѣ Депутатовъ и повѣренныхъ къ сочиненію проэкта новаго уложенія, по коему между протчимъ изображенно, что принадлежить для собранія козаковъ, то посланными оть него господина полковника Нѣжинского въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ какъ найскорае отъ тѣхъ сотенъ выбрать по два или по три повѣренныхъ, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Вашего Сіятельства въ Нѣжинъ прежде 23 числа сего марта, они собратся могли, о чемъ для вѣдома и к надлежащему исполненію и ко мнѣ тѣмъ ордеромъ предложенно, зъ сообщеніемъ зъ росписанія Вашего Сіятельства справочной копіи. А понеже по оному росписанію назначены сроки въ Глуховѣ для городскихъ жителей априля 2 дня, для шляхетства 4 дня, и о козакахъ ничего не упомянуто, означеннымъ же ордеромъ господинъ полковникъ Нѣжинскій, какъ выше-

писанно, предлагаетъ и мнѣ ко исполненію. Того ради оный подленный ордеръ и при немъ справочную копію съ росписанія Вашего Сіятельства при семъ подъ высокое разсмотрѣніе представляю, и что по оному повеленно будетъ учинить, на то ожидаю повелительной Вашего Сіятельства резолюціи.

Сотникъ Глуховскій *Семенъ Уманецъ.*

1767 году,
Марта 10 дня.

---

3) Донесеніе земскаго судьи объ окончаніи выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу, Высокопревосходительнѣйшому Господину Генералъ-Аншефу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному командиру и разныхъ ординовъ кавалеру, Его Сіятельству Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшій Рапортъ.

По Всевысочайшему Милостивѣйшому Ея Императорскаго Величества манифесту, отъ 14 декабря 1766 году о выборѣ Депутатовъ въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія и о протчемъ состоявшомусь, отъ гражданъ города Глухова выбранъ я сегожъ города Головою, и какъ уже все то, что онымъ Всевысочайшимъ манифестомъ повелѣно, дѣйствительно исполнено, и выбранному Депутату Генеральному Асаулу Ивану Скоропадскому сочиненной наказъ съ прошеніями, такъ же и полномочіе отосланы, а копіи отданы въ церкве, гдѣ присяга учинена, первому священнику. Для того во исполненіе обряда при ономъ же манифестѣ сообщенного пункта 24 (о окончаніи всего принадлежащаго) Вашему Высокографскому Сіятельству нижайше репортую.

Земскій Судія *Сергей Дергунъ.*

1767 году,
Мая 29 дня.

IV.

Выборы въ Черниговскомъ полку.

1) Роспись, кто именно зъ шляхетства и другихъ чиновъ какого числа и часа въ Чернѣговъ прибылъ, а изъ живущихъ въ Чернѣговѣ явился къ собранію для выбора Предводителя и Депутата зъ полку Чернѣговского въ учрежденную Коммиссію для сочиненія проэкта Нового Уложенія. 1767 году, марта.

Марта.			ПРІЕЖЖІЕ.	Избират.
10-го	10 час.	1.	Бунчуковій Товаришъ Константинъ Лизогубъ	25
„	10 „	2.	Бунчуковій Товаришъ Павелъ Мокріевичъ. .	26
„	10 „	3.	Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ .	—
„	10 „	4.	Войсковій Товаришъ Іванъ Маркевичъ. . .	21
12-го	11 „	5.	Сотникъ Выбелскій Андрей Тризна . . .	27
13-го	4 „	6.	Судія Генералній Андрей Безбородко . .	105
„	4 „	7.	Бунчуковій Товаришъ Алеѯандръ Безбородко.	—
14-го	10 „	8.	Бунчуковій Товаришъ Іосифъ Рашевскій. .	41
„	10 „	9.	Войсковой Товаришъ Почтмейстеръ Іаковъ Красовскій	44
„	10 „	10.	Сотникъ Роискій Іаковъ Крупянскій . . .	12
„	11 „	11.	Судія Земскій Повѣту Чернѣговского Михайло Дунѣнъ Борковскій	52
„	11 „	12.	Войсковій Товаришъ Михайло Шуба . . .	—
„	4 „	13.	Бунчуковій Товаришъ Іаковъ Лизогубъ . .	47
„	5 „	14.	Обозній Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	49
„	5 „	15.	Войсковій Товаришъ Степанъ Сахновскій. .	—
„	7 „	16.	Войсковій Товаришъ и Асаулъ Полковій Компанѣйскій Петръ Каневскій	31
15-го	11 „	17.	Войсковій Канцеляристъ Степанъ Мокріевичъ.	—
„	11 „	18.	Войсковій Канцеляристъ Федоръ Мокріевичъ.	—
„	11 „	19.	Значковій Товаришъ Іванъ Федосовъ . . .	16
„	11 „	20.	Значковій Товаришъ Гаврило Gурскій . .	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
15-го	3 ч.	21.	Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій . .	46
„	3 „	22.	Значковій Товаришъ Іванъ Морозъ . . .	10
„	5 „	23.	Войсковій Товаришъ Осипъ Сахновскій . .	12
„	5 „	24.	Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій.	—
16-го	8 „	25.	Значковій Товаришъ Григорій Базиліевичь .	12
„	8 „	26.	Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій .	42
„	8 „	27.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Стаховичъ . .	33
„	8 „	28.	Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій .	15
„	8 „	29.	Умершого Войскового Товариша Райполского сынъ Іванъ Райполскій.	—
„	3 „	30.	Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ . .	—
„	3 „	31.	Войсковій Товаришъ Василь Ждановичъ. .	—
„	3 „	32.	Войсковій Товаришъ Іванъ Сербиновичъ . .	33
„	3 „	33.	Сотникъ Березинскій Іакимъ Сахновскій . .	53
„	3 „	34.	Асаулъ Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	47
„	3 „	35.	Возній Сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій .	47
„	5 „	36.	Войсковій Товаришъ Кирилъ Медушевскій .	—
„	6 „	37.	Войсковій Товаришъ Іванъ Молявка . . .	24
17-го	9 „	38.	Сотникъ Любецкій Іванъ Посудевскій . .	—
„	9 „	39.	Значковій Товаришъ Евфимъ Шаршановичъ.	12
„	9 „	40.	Значковій Товаришъ Константинъ Селивановъ	—
„	9 „	41.	Значковій Товаришъ Трофимъ Боголѣвъ. .	—
„	9 „	42.	Возній Подкоморскій повѣту Чернѣговского Димитрій Каранда	—
„	10 „	43.	Судія Земскій повѣту Менского Павелъ Ломѣковскій.	11
„	10 „	44.	Возній сотнѣ Волинской Іванъ Колодѣевъ .	60
„	10 „	45.	Абшитованній Асаулъ Артиліеріи Полковой Іаковъ Шихуцкій	13
„	10 „	46.	Асаулъ Артиліеріи Полковой Чернѣговской Іванъ Шихуцкій	19
„	10 „	47.	Войсковій Канцеляристъ Петро Маѯимовичъ	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
17-го	10 ч.	48.	Возній сотнѣ Роиской Іванъ Стодолѣнскій .	—
„	10 „	49.	Значковій Товаришъ Іванъ Миничъ . . .	—
„	10 „	50.	Значковій Товаришъ Іванъ Красовскій . .	—
„	10 „	51.	Значковій Товаришъ Іаковъ Довгаль. . .	—
„	10 „	52.	Значковій Товаришъ Іванъ Даничъ . . .	—
„	12 „	53.	Бунчуковій Товаришъ Іванъ Полторацкій .	58
„	12 „	54.	Войсковій Товаришъ Василь Полонѣцкій. .	20
„	12 „	55.	Войсковій Товаришъ Іванъ Трусевичъ . .	23
„	12 „	56.	Войсковій Канцеляристъ Семенъ Лисявскій .	—
„	12 „	57.	Возній сотнѣ Сосницкой Емеліанъ Станѣславскій	25
„	12 „	58.	Значковій Товаришъ Григорій Петровскій .	23
„	6 „	59.	Возній сотнѣ Синявской Василь Драчевскій.	—
„	6 „	60.	Значковій Товаришъ Петро Лисенецкій . .	—
„	6 „	61.	Канцелляристъ Войсковій Михайло Кузмѣнскій	39
18-го	8 „	62.	Бунчуковій Товаришъ Михайло Папловскій .	57
„	8 „	63.	Писарь Суда Земского повѣту Менского Корнѣй Лѣневичъ	44
„	8 „	64.	Войсковій Товаришъ Іванъ Товстолѣсъ . .	42
„	8 „	65.	Сотникъ Іванъ Гламазда	38
„	8 „	66.	Войсковій Кацелляристъ Петро Лизогубъ .	—
„	8 „	67.	Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ .	23
„	8 „	68.	Войсковій Товаришъ Іванъ Бакуринскій . .	16
„	8 „	69.	Возній повѣту Менского Данило Колчевскій.	27
„	8 „	70.	Войсковій Товаришъ Федоръ Михно . . .	—
„	8 „	71.	Войсковій Канцелляристъ Степанъ Рашевскій	—
„	10 „	72.	Канцеляристъ Полковый Іванъ Рашевскій .	—
„	10 „	73.	Войсковій Товаришъ Іванъ Даниловичъ . .	36
„	10 „	74.	Войсковій Товаришъ Григорій Коненко . .	20
„	10 „	75.	Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій .	15
„	10 „	76.	Значковій Товаришъ Іванъ Кладкевичъ . .	14
„	10 „	77.	Значковій Товаришъ Петро Іванина . . .	—
„	10 „	78.	Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ . .	7

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избрат.
18-го	10 ч.	79.	Войсковій Товаришъ Василь Михно. . .	15
„	10 „	80.	Значковій Товаришъ Іванъ Іарковскій . .	12
„	10 „	81.	Значкового Товариша синъ Владимеръ Князиковскій	—
„	10 „	82.	Абшитованній Хоружій сотенній Степанъ Шихуцкій	21
19-го	11 „	83.	Войсковій Канцеляристъ Іаковъ Тризна .	—
„	11 „	84.	Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій .	20
„	11 „	85.	Значковій Товаришъ Іванъ Загалскій . .	24
„	11 „	86.	Значковій Товаришъ Маѯимъ Москалцовъ .	—
„	11 „	87.	Значковій Товаришъ Омелянъ Демидовскій.	14
„	11 „	88.	Значковій Товаришъ Ахеѯѣй Харченко. .	—
„	12 „	89.	Значковій Товаришъ Іаковъ Бубликъ . .	8
20-го	9 „	90.	Войсковій Товаришъ Петръ Юнѣцкій . .	35
21-го	8 „	91.	Войсковій Товаришъ Антонъ Силичъ . .	27
„	8 „	92.	Значковій Товаришъ Михайло Сенюта . .	—
22-го	10 „	93.	Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ . .	15
23-го	8 „	94.	Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ	42
„	4 „	95.	Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна. .	88
„	4 „	96.	Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ .	24
26-го	10 „	97.	Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ .	12
27-го	8 „	98.	Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ .	70
„	8 „	99.	Значковій Товаришъ Федоръ Колодка . .	8
„	4 „	100	Возній сотнѣ Любецкой Іванъ Савичъ . .	23
„	4 „	101.	Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантичовичъ	—
„	4 „	102.	Бунчуковій Товаришъ Степанъ Бутовичъ .	68
„	4 „	103.	Войсковій Товаришъ Иванъ Бутовичъ . .	—
„	4 „	104.	Возній сотнѣ Городницкой Авѯентій Панащатенко	19

ЖИТЕЛСТВУЮЩІЕ ВЪ ГОРОДѢ ЧЕРНѢГОВѢ.

		Избират.
1.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ	55
2.	Писаръ полковій Чернѣговскій Андрей Іакимовичъ . .	71
3.	Хоружій полковій Чернѣговскій Василь Петрашевичъ. .	21
4.	Сотникъ Бѣлоускій Георгій Дзвонкевичъ	34
5.	Абшитованній Атаманъ Григорій Плохута	14
6.	Писарь Суда Гродского Семенъ Стаинскій	22
7.	Атаманъ Городовій Чернѣговскій Федоръ Плохута. . .	13
8.	Возній повѣта Чернѣговского Василь Стаинскій . . .	—
9.	Коморникъ повѣта Чернѣговского Іванъ Стефановскій. .	30
10.	Значковій Товаришъ Іаковъ Плохута	15
11.	Значковій Товаришъ Василь Ґрембецкій	24
12.	Значковій Товаришъ і города Чернѣгова Квартермистръ Степанъ Іакимовичъ	—
13.	Значковій Товаришъ, правящій Городническою должностію Михайло Доморка	8
14.	Городничій Чернѣговскій Николай Константиновичъ . .	18
15.	Значковій Товаришъ Іовъ Сокоцкій	4

Писарь Полковій Чернѣговскій *Андрей Іакимовичъ.*

---

2) Списокъ, по силѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской манѣфеста и приложеннаго при ономъ обряда, отъ Магистрата Чернѣговского по выбору всѣхъ гражданъ повѣреннимъ, напередъ женатимъ и имѣющимъ дѣтей, потомъ же вдовцамъ, а неженатымъ послѣднимъ, учиненій 1767 году, марта 29 дня.

ЖЕНАТІИ и ИМѢЮЩІЕ ДѢТЕЙ.

		Избир. голос.
1.	Бурмистръ Михайло Енко	86
2.	Обозній Иванъ Сахновскій	27
3.	Райца Иванъ Бордадимъ	28
4.	Сотникъ Георгій Дзвонкевичъ	25

	Избир. голос.
5. Купецъ Григорій Енко	50
6. Писарь Магистратовый Евфимъ Дранковскій	—
7. Козакъ Андрей Римарь	7
8, Канцеляристъ Консисторіи Чер. Димитрій Прожига	17
9. Писарь сотенній Кондратъ Корнѣевъ	—
10. Козакъ Федоръ Штацкій	11
11. Стефанъ Портновъ	12
12. Райца Никита Инспекторенко	11
13. Пушкаръ Максимъ Кіевскій	8
14. Райца Василь Медведовъ	14
15. Канцеляристъ полковій Иванъ Молчановскій	13
16. Райца Павелъ Колужинецъ	8
17. Мищанинъ Игнатъ Коритко	10
18. Канцеляристъ полковій Иванъ Морозовъ	20
19. Мѣщанинъ Михайло Петрушинецъ	—
20. Козакъ Иванъ Авеселовскій	—
21. Канцеляристъ полковій Михайло Марачевскій	16
22. Бурмистръ Григорій Бубликъ	57
23. Мѣщанинъ Яковъ Хлѣбовскій	—
24. Райца Яковъ Билявскій	9
25. Мищанинъ Данило Грищенко	17
26. Райца Иванъ Данилевскій	—
27. Мѣщанинъ Петро Грищенко	—
28. Козакъ Осипъ Молчановскій	—
29. Мѣщанинъ Гордѣй Шкляренокъ	7
30. Козакъ Федоръ Мокренецъ	18
31. Мѣщанинъ Мартинъ Демяновъ	9
32. Мѣщанинъ Иванъ Щербакъ	13
33. Мѣщанинъ Алексѣй Стодола	11
34. Мѣщанинъ Семенъ Золотарь	—
35. Мѣщанинъ Федоръ Плакса	9
36. Федоръ Семеновъ	12
37. Мѣщанинъ Исакъ Коломѣйченко	—

	Избир. голос.
38. Козакъ Григорій Мамля	10
39. Козакъ Максимъ Шумовскій	10
40. Козакъ Стефанъ Наболонскій	12
41. Мѣщанинъ Николай Мамля	14
42. Козакъ Трофимъ Мякота	13
43. Мѣщанинъ Терешко Сосницкій	6
44. Мѣщанинъ Василь Глинскій	—
45. Мѣщанинъ Василь Лопатень	13
46. Райца Никита Ракъ	35
47. Райца Иванъ Хлѣбовскій	21
48. Мѣщанинъ Андрей Свислоцкій	—
49. Мѣщанинъ Иванъ Золотарь	14
50. Бурмистръ Иванъ Крутѣнь	66
51 Значковій Товаришъ Михайло Доморка	25
52. Райца Стефанъ Леонтіевъ	27
53. Канцеляристъ Магистратовій Корнѣй Лявровскій	19
54. Козакъ Михало Слѣсарь	10
55. Атаманъ городовій Федоръ Плохута	27
56. Цехмистръ Ковальскій Иванъ Лукяненко	16
57. Райца Василь Малаховъ	39
58. Обшитованній Атаманъ Григорій Плохута	23
59. Значковій Товаришъ Василь Грембецкій	26
60. Райца Илія Лопата	20
61. Мищанинъ Федоръ Малаховъ	12
62. Райца Фома Желѣзникъ	16
63. Мѣщанинъ Мануйло Збинецъ	11
64. Почталѣонъ Остапъ Кипріяновъ	18
65. Войтъ Никифоръ Шарой	31
66. Почталѣонъ Яковъ Здоръ	14
67. Райца Корнѣй Здоръ	24
68. Почталіонъ Іосифъ Шереметъ	16
69. Цехмистръ Шевскій Евдокимъ Поливода	13
70. Мищанинъ Григорій Бичокъ	12

	Избир. голос.
71. Мищаяинъ Федоръ Мельникъ	9
72. Райца Иванъ Грибъ	15
73. Райца Демянъ Грибъ	24
74. Мѣщанинъ Иванъ Римарь	9
75. Мищанинъ Денисъ Кравецъ	50
76. Мищанинъ Семенъ Стадникъ	—
77. Райца Романъ Ребій	50
78. Райца Иванъ Сарафіоновъ	16
79. Мищанинъ Евфимъ Головокъ	14
80. Райца Иванъ Санковскій	21
81. Райца Федотъ Митаревскій	31
82. Мищанинъ Иванъ Матусь	16
83. Райца Прокопъ Станѣславскій	24
84. Мѣщанинъ Остапъ Нестеренко	14
85. Райца Данило Баришавецъ	28
86. Мищанинъ Каленикъ Шкурка	10
87. Мищанинъ Петро Колужинецъ	12
88. Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ	26

ЖЕНАТИЕ БЕЗДѢТНИЕ.

89. Мищанинъ Яковъ Ладонка	—
90. Козакъ Христофоръ Николаевъ	24
91. Райца Афанасъ Широгроцкій	—
92. Мищанинъ Семенъ Ребій	—
93. Гусарскій Прапорщикъ Прокофій Соколовъ	26

ВДОВЦИ.

94. Райца Игнатъ Глинскій	—
95. Райца Иванъ Макотринъ	20

НЕЖАНАТИЕ МИЩАНЕ.

96. Есипъ Глинскій	—
97. Василь Поддубинъ	—

		Избир. голос.
98.	Тимофей Митаревскій	35
99.	Гаврило Тарасевичъ	10
100.	Яковъ Лопатень	—

Войтъ Магистрата Чернѣговского Никифоръ Шарой.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Григорій Бубликъ.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Иванъ Крутѣнь.
Райца Магистрата Чернѣговского Феодотъ Митаревскій.
Райца Магистрата Чернѣговского Афанасъ Широгроцкій.

---

3) Донесеніе предводителя шляхетства Андрея Безбородка объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову, Высокопревосходительнѣйшему Генералу-Аншефу, Малороссійскому Генералу-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского корпуса и войскъ Малороссійскихъ Главному Комендиру и разныхъ орденовъ Кавалеру.

Репортъ.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ декабря отъ 14 числа 1766 года повелѣнный отъ шляхетства, въ полку Черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, выборъ Депутата въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія, и все, къ тому принадлежащее, окончено; и потому все собравшееся шляхетство сего априля въ 5 день распущено, Депутату жъ отъ меня письменно рекомендовано, чтобъ онъ отправленіемъ въ Москву и явкою въ Правительствующемъ Сенатѣ не умедлилъ, какъ о томъ Высочайшіе манифестъ и указъ, господамъ Губернаторамъ данный, повелѣваютъ. По долгу моему, Вашему Сіятельству нижайше о томъ репортую, поднося при семъ списки реестра бывшихъ при выборѣ, полномочія Депутату, выбора персонъ къ сочиненію наказа, чело-

битной къ Ея Императорскому Величеству и наказа въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ.

Предводитель Шляхетства Черниговского полку, Генеральный Судія *Андрей Безбородко.*

Черниговъ,
априля 5 дня 1767 года. № 9.

---

5) *Посланіе черниговскаго шляхетства.*

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская,

Всемилостивѣйшая Государиня!

Между народами, которые промысломъ Божіимъ премудрому Вашего Императорскаго Величества правленію ввѣрены, малороссійскій въ разсужденіи единого рода и вѣры съ россійскимъ, а паче добровольного возвращенія въ союзъ съ прежнимъ его тѣломъ, при всѣхъ свято-почившихъ предкахъ Вашего Императорскаго Величества пользовался отмѣнними монаршими щедротами, нетокмо въ ненарушимомъ храненіи свободъ и законовъ, издревле имъ пріобрѣтенныхъ, но и въ разпространеніи всего того, что къ лучшей его ползѣ по времени и обстоятелствамъ служить могло. Ваше Императорское Величество, желаніемъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ наслѣдствуя престолъ Великой Имперіи, нетолко преемницею прежнихъ Россійскихъ обладателей въ милости къ сему вѣрноподданному народу учинились, но разширяя попеченіе о благоденствіи всѣхъ членовъ державы Вашей, восхотѣли дать и намъ участіе во всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, которими совершеніе великихъ Вашихъ намѣреній обнадеживаетъ Россію, и потому, какъ по перемѣнѣ бывшаго здѣсь гетманского правленія сему благоприсоединенному народу Императорскимъ словомъ обѣщать изволили: возводить его на такую степень щастія, въ которой бы онъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость вящше чувствовать смогъ, такъ и въ нынѣшнее время, созивая отъ всѣхъ частей Россійскаго Государства

уполномоченныхъ Депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенья, здѣлали и насъ таковой матерней къ подданнымъ довѣренности участниками, всемилостивѣйше позволивъ взнесть къ Вашему Императорскому Величеству прозбы въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Мы чувствуемъ, Всемилостивѣйшая Государиня, что состояніе правителства и обрядовъ земскихъ въ отечествѣ нашемъ мало соотвѣтствуютъ доброму порядку, и что нынѣшнія наши обстоятелства требують во всемъ поправленія. Но какъ Ваше Императорское Величество промыслъ о благополучіи нашемъ на себя принять соизволили, то мы возлагаемъ всю надежду нашу на матернее Ваше милосердіе, не сомнѣваясь, что Ваше Величество самодержавною отъ Бога данною Вамъ властію положите твердое основаніе покоя и благоденствія всѣхъ жителей малороссійскихъ. И въ разсужденіи сего выбранному нами изъ полку Черниговского Депутату, Генералному Асаулу Ивану Скоропадскому, дали мы полномочіе представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшіе прошенія наши въ таковыхъ токмо дѣлахъ, которые собственно до шляхетства касаются; и въ томъ для лучшей вѣры, снабдѣли его наказомъ. Всенижайше Ваше Императорское Величество просимъ призрѣть на вѣрноподданническое всѣхъ насъ усердіе, и въ сихъ прозбахъ нашихъ, отъ которыхъ утвержденіе щастія нашего зависить, Всемилостивѣйшее рѣшеніе пожаловать. Толь великія благодѣянія приняты будутъ отъ всѣго свѣта новымъ опытомъ Вашего человѣколюбія и великодушія, которіе привлекають подъ благословенную державу Вашу многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ; а насъ и потомковъ нашихъ утвердятъ ещеболѣе въ непоколебимой навѣки рабской вѣрности престолу Вашего Императорскаго Величества, и во взаимномъ съ прочими землями Россійской Имперіи согласіи.

Черниговъ.
1767. Апрѣля 4 дня.

Вашего Императорскаго Величества вѣрніе подданіе и всенижайшіе рабы:

Шляхетства Черниговскаго полку Предводитель, Судія Генеральный Андрей Безбородко, Бунчуковій Товаришъ Костантій Ли-

Научаю — поучаю, вразумляю, соглашаю.
Научаюся—навикаю, познаваю, разсмотряю.
Наученіе—учительство.
Наушница — усерягъ, усерязь, обушеніе.
Нахиляю—преклоняю.
Нахиляюся—тое жъ.
Начинье—сосудъ, орудіе.
Нашинецъ—нашинъ.
Наюченіе—наважденіе.
Небаченіе—презорство, стропотность.
Небезпеченство — неизвѣство, бѣда.
Небезпечный—блязненный.
Неблудячій—неблязненъ.
Небозчикъ—усопшій, преставльшийся.
Неболеніе—безболезніе.
Небоязливъ—дерзостный.
Небоязнь—безстрашіе, дерзость.
Небрегій — небрежникъ, малодушенъ.
Небылый—несущый.
Невдячность — нерадостотворность.
Невдячный—неблагодаренъ, неблагоразуменъ.
Невинность – незлобіе, беззлобіе.
Невинный—неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.
Невиннымъ зостаю—извиняюся.
Невоздержный—ласкосердій.
Неволникъ – плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.
Неволничый—рабий.
Неволничая пристойность — раболѣпіе.
Неволство—стражба.
Неволя—работа.
Невонтпливе—явѣ.
Невстидаюся—не обинуюся.
Невстидливость — безстудство, безсраміе, напраснство.
Невстидливый — безстудный, студодѣй, безсрамный, мѣдноличенъ.
Невчасный—безвременный.
Невымовный — неизреченный, неизглаголанный, неизслѣдованный.
Невыповѣдимый—тое жъ.
Невѣдомость—невидѣніе.
Невѣснюкъ—малакія, мяккый.
Невѣстка—сноха.
Негинучее—негиблемое, неизнуряемое, неиждиваемое, нестрастное.
Негніючій — нетлѣнный, неувядаемый.
Негоднимъ чиню—унедостояю.
Негордый—некичливъ.
Не даю покою—стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.
Недбале—нерадиве, щапственнѣ.
Недбалецъ—нерадивъ, малодушный.
Недбалость—небреженіе, нераденіе, ослабленіе, нерадствіе, щапство.
Недбаю—небрегу, неражу.
Недовѣрокъ—маловѣрный.

Недовпърство—маловѣріе.

Недогаданьеся—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтелство, недомышленіе, недомислимость, таинство.

Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.

Недолугій — маломощный, бѣдный, вредный.

Недоносокъ—извергъ.

Недорпкій—косноязичный, медлеязичный, мудноязичный.

Недосажалъ--недоходилъ.

Недосвпдчоный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.

Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.

Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.

Недостаткомъ—оскудно.

Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.

Недостигненный—зри недогоненный.

Недужъ—недолугъ, немощный, немощенъ.

Не единаче—не токмо.

Не есть--нѣсть.

Не жалую—не щажу.

Не жалуючи—нещадно.

Незбожность—нечестіе, безчестіе.

Незбожный—нечестивый.

Незвадливый—не лестный.

Незвалченный — непреборимъ, непреборимый.

Незгода—разногласіе, разгласіе, инодушіе, инодушность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.

Незгодливый-стропотенъ, строптивъ, стропотный, напрасннвъ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.

Незичливый—лукавъ.

Незличонный—безмѣрный, нешчетный, безконечный.

Незлосливость — незлобіе, беззлобіе.

Незлосливъ—беззлосливъ.

Незрахованный—зри незличонный.

Неимовпрно—неувѣрително.

Неистовъ—неразуменъ.

Нелатвость—зри недогаданьеся.

Нелатвый — неудобный, прудный (sic).

Нелюдзкій- -безчеловѣчный.

Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.

Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.

Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.

Немного—сцѣгло.

Немовятко—отроча, дѣтище.

Немогу—недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.

Немогучій втекти — неизбѣжный.

Не могучій дати о себп справы—безотвѣтенъ.

Неможная речъ—немощно.

Немощъ—недугъ, болѣзнь.
Ненавижу—враждую,ненавижу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендза—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзный—нищій, худый, умыленный, окаянный.
Нендзую—вреждаюся.
Необичайный -безмѣстный.
Неовраженіе—невреждеціе.
Неогорненный—неосязанный.
Неодмѣнный—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрително.
Неохендожный—безобразный.
Неошацованный—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный,..., сомнѣнникъ.
Непилно—наддѣлателнѣ (sic).
Неплодная жона — неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный — непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзроный — непорочный, безпорочный, незазорный.
Неповстяглив—продерзивъ.
Непогода—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный— неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ,ненадежденъ,пренебрегаемый, безмѣстенъ.
Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, преизлишше.
Непотребно—неключимо, лишше, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню — упражняю.
Непоцтивость—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непреконаный в диспутаціи—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприймую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючій — сходителнѣйшій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприязнь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенье—непошествіе.
Непорушный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство — ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсужчійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразнственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣлный для сутелности, несѣкомый, непресѣкомый.
Нерихло—косно.

Нерихло чиню—косню.
Нерозность—неразнствіе.
Нерядница—блудница.
Несвѣдость — невѣденіе, невѣжество, неразуміе.
Несказанный — невиповѣдимый.
Несказителность—нетлѣніе.
Несказителный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слухаю—не повинуюся.
Не смакую—негодую.
Не смачность—безсластіе, несладость.
Несмертелный—безсмертный.
Несмѣлость—малодушіе.
Несмѣлый — малодушный, бездерзновенъ.
Несмѣю — сомнюся, обинуюся, стиждуся.
Необлазненіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, забдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, неначаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Неставаетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафнѣ—неискуснѣ.
Неублаганный — неукрощенъ, жестокъ, некротокъ.
Неугамованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукрочонъ—зри неублаганъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислнѣ—подѣлнѣ.
Неумѣстно—щапственнѣ.
Неумѣстность — невѣжество, щапство.
Неуставичность—неистовство, неразуміе.
Неуставичный — непостоянный.
Нефалшивый — цѣлъ, цѣлый, правый.
Не фолґовалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость — безпечаліе.
На фрасуюся—благодушествую.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалецъ.
Нецнота — беззаконникъ, нечестивый, непреподобный, неблагоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливе живу—щапствую.
Нечаемый — неначаемый, противъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно, преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаго ложа синъ—прелюбодѣйчищъ.
Не чисто живу—щапствую.
Нечистость — разсверѣпѣніе, скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій, порочный, растлѣнный, скверпивый, скверненый.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, злоключеніе, злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Нещирый—неискусенъ лицемъ, лукавъ.
Нива—браздна, удоліе.
Нива межи горами—удолъ.
Нива оранная—возоръ.
Нижчиючій—истребителный.
Низка червоная—конра.
Низкій— смиренный.
Низко лежу—низложу.
Нищу—изнуряю.
Нищѣю—таю, истаеваю, топнѣю.
Новина—странна, нова (sic).
Новини чиненье—новосѣченіе, новотвореніе.
Новациятъ—новакъ.
Ногутъ—горохъ, сланутокъ.
Ножъ восный (sic)—стругъ.
Норовъ—нравъ.
Носъ—ноздрія.
Ночный (sic)—долгій часъ, нощное поприще.
Ночую—нощеваю, обнощеваю.
Ношеніе—монисто, обшлягъ.
Ныдѣю—ныю, уныватю.
Нынѣ—днесь.
Нынѣшній—настоящій.
Нырка—бубреги (sic).
Нѣжли—нежели, даже.
Нѣкоторый—нѣкій, нѣкто.
Нѣкчемная—растлѣнная, гнилая.
Нѣкчемно—суетно, мерзко, мерзостно.
Нѣкчемнѣйше—гнюснѣе, гнюшше.
Нѣтъ—нѣсть.
Нѣчого доброго—зри лотръ.
Нѣчого ми до того—нѣчто же къ мнѣ се.
Нюханье—обоняніе.
Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленьеся— обиновеніе.
Обавляю—низлагаю, разоряю.
Обавляюся—зри несмѣю.
Обачую — съразумѣваю, намѣряю.
Оббѣгаю—обтичу, обтицаю.
Обвиненіе—оглаголаніе, порицаніе.
Обвиняю—осуждаю, окаеваю.
Обволиваю — возглашаю напередъ.
Обволиваетъ—трубитъ.
Обвязка—обвязало.
Обгортую—обхожу.
Обезславеніе — охужденіе, зри ганба.
Обезстудилъ—обезсрамилъ.
Обертаніе—обращеніе, возвращеніе.
Обертанье вколо—съобращеніе.
Обецаю—обѣтую, обѣщаю, обѣтоваю.
Обецный—здешній.
Обжирство — чревообяденіе, чревобѣсіе.
Обжирца—чревобѣсецъ.

Озазираю—укаряю.

Обитель—монастыръ.

Облапеніе—лобзаніе, соплетеніе.

Обличіе—видъ, лице.

Облюкъ—примракъ.

Облюкъ дощевый — смерчъ, смращъ, пявица.

Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.

Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.

Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.

Облудный—лукавый, лицемѣрный.

Облуженье—обстояніе.

Облюбенецъ—женихъ.

Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.

Обмовляю—клевещу, оглаголаю, оболгаю.

Обмовца—оболгатель, оглаголникъ, клеветникъ, хулникъ.

Обмываніе—умовеніе, крещеніе.

Ободъ—окруженіе.

Обоетный—обоюдунъ (sic).

Обожуюсь—возникаю, воспраняю (sic).

Обозный—свузникъ.

Обозокъ—полчище.

Обозъ—полкъ.

Обозъ обточенный—ополченіе.

Обозъ становлю—ополчаюся.

Обозу становитель — ополчитель.

Обозомъ ставаю—обточую.

Оболженіе—зри ганба.

Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.

Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.

Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, предстатель, покровитель, протекторъ.

Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.

Оборочаюся—назадъ воспящаюсь.

Обосторонный—зри обоетный.

Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.

Ображаюся—приражаюся, озлобляюся.

Ображеніе—приражевіе, претиканіе.

Образа—обида, обидѣніе.

Образъ—икона.

Образъ ясный—образъ свѣтелъ.

Обредный—шкаредъ.

Обридливость—мерзость.

Обридливый — злообразный, шкаредный.

Оброть—узда, брозда.

Обрушаю—раздражаю.

Обрушаюсь—порицаю, оглаголую.

Обтяженіе—стуженіе.

Обтяжаю — отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.

Обувъ—обуща, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, изобилно, лишше, множае, зѣлно.

Обфитость — гобзованіе, доволство, изобилство, презѣлно преспѣющій избитокъ, преизлишество, зри—достатокъ.

Обфитый урожай—тое жъ, що обфитость.

Обхоженье—обходъ, обхожденіе, празникъ.

Обхожую вколо — обхожу, обтичу.

Обцую—сообщаюсь.

Обыватель — тоземецъ, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предпріятіе, устроеніе, съустроеніе.

Обычай милый—сладкый нравъ.

Обычаю злого—злонравіе.

Обычайность—благонравіе, благообразіе, стидѣніе, соприятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный—лѣпый, благонравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обѣтница—обѣтъ.

Обѣтованье—совѣтъ, обѣщаніе.

Обѣщаніе—зри обѣтованіе.

Обѣцаю—зри обецаю.

Обявенье—откровенье.

Обявляю—являю, откриваю, обличаю.

Овечка—агница.

Овощъ—овощі.

Овця—агница.

Овчатко—агня.

Овчее стадо—паства.

Овчина—милоть.

Овшеки—и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ—и убо.

Огиджую—обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Оглядание—виденіе.

Огневая—огневица, огнь, жеговица, трясоница.

Огниско—огнь.

Огнисто—жератчано (sic).

Оголошеніе—возгласъ.

Оголошую—оглашаю.

Оголюю—брію, обросную, обтираю.

Огонь роскладаю—огнь возгнѣтаю.

Оґонъ—ошибъ, опашъ.

Огородникъ—градарь, вертоградарь.

Огородница—зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую—содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую—уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри—лѣность.

Оданье—преданье.

Одвѣрный—дверникъ, вратный, вратарь.

Одвѣрокъ—прагъ.

Одгинаю—востлапляю (sic).

Оддаленьеся—ошаяніе.

Оддаляюся—отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

Оддухъ—духъ.
Оддѣленье—отлученье.
Оддѣленный—отлученный.
Оддѣляюся—зри отдаляюся.
Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.
Одежда ошарпанная—рубище, рубы.
Одержаніе—пріятіе.
Одержую—улучаю, пріимую.
Одестье—отшествіе.
Одиймую — испразняю, упраздняю.
Одинъ разъ—единою, единощи.
Одмѣнный—ползокъ (sic).
Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.
Однимъ умысломъ—обще.
Одновляюся — паки назидаюся, обновляюся.
Одурѣніе—неистовство, бѣснованіе.
Одѣгаю—одѣяю, одѣваю.
Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.
Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.
Одѣдичую—наслѣдую, наслѣждую.
Одѣнье верхнее—скутъ.
Одѣнье плохое—портъ.
Оженяюся—посаґаю.
Оженился—поялъ помощницу.
Ожидаю—подемлю, терплю, варяю.
Оздоба—красованіе, зри—краса.
Оздоровленье—устребленіе.
Оздоровляюся—устребляюсь.
Озеро—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.
Ознаймую—сказую, являю.
Ознаменую назнаменовую, провѣщеваю.
Озяблость—изсякновеніе.
Ой—негли, либо.
Ой добро—благо же, часомъ радость, *ой*—часомъ шидерство значитъ.
Оказало—свѣтло, явленне, явственно.
Оказалый—ухищряемый.
Оказія—извѣтъ, явленіе, кичение.
Оклеветую — осуждаю, ненависть творю.
Оклену—озлорѣчую.
Окно, где соль робятъ (sic)—слатина.
Оковы—вериги, узи.
Около, окрестъ, количнѣ мовячій—окрестъ глаголнѣ.
Окраса—зри краса.
Окрикъ — молва, грохотъ, зри крикъ.
Окромѣшный—внѣшный, свѣнный.
Окромъ—точію, кромѣ.
Окрутенство—зри лютость.
Окрутный—зри лютый.
Окрутъ—корабль, ковчегъ.
Окрухъ хлѣба—крома.
Окунь—перкъ.
Окупъ—искупъ, искупленіе.
О курѣхъ—пѣтоглашеніе.
Олбримъ — исполинъ, ґиґантъ, ґиґансъ, щудь.

Олей—зри олива.

Олива — олей, масло деревяное.

Оливки—масличіе.

Оливная судинка—ячайце.

Оливное дерево—маслина.

Олово—киситиръ.

Олтаръ—освятилище, святиня, очистилище,ублагалище,жертовникъ, требище.

Омана—прелесть, мечтаніе.

Оманяю—прелщаю.

Омацую—ощущаю.

Омдлѣваю—малодушествую.

Омешканіе—медленіе, зри забава.

Омешкую—косню, укоснѣваю, медлю.

Омочую—омокаю.

Омылка — погрѣшенія, блудъ, прелесть, поползновеніе, поползіе, ..., умиленіе.

Омылный — ложъ, блазненный.

Омыляюсь — погрѣшаю, облазняю.

Онуча—портъ.

Оный—онсица.

Опакъ—..., зади, воспять.

Опасуюся—препоясуюсь.

Опатритель—строитель, учитель, наставникъ.

Опатрне — смотрително, разъсмотрително.

Опатрность—ухищреніе, многоиспитаніе, смотреніе,согласіе, утваръ, честность, украшеніе.

Опатрный—благовѣнный, непрелестный, смотрителный, ухищренъ.

Опатрую—строю.

Опачина—весло, гребло.

Опачный—стропотный.

Опекунъ — заступникъ, защитникъ, поборникъ, предстатель.

Оперезуюсь—зри опасаюсь.

Опираюся — воспящаюсь, пружаюся.

Описую—уставляю.

Опитъ—возисканіе.

Опліовую—оплеваю.

Оплотки—халуги.

Оплошаю—охуждаю.

Оплошенъеся—охужденіе.

Оповѣдаетъ—трубитъ.

Оповѣданье — возвѣщеніе, возглашеніе.

Опоганюю—оскверняю.

Оподаль—подалѣ.

Опока—камень, камикъ.

Опрочъ—зри окромъ.

Опрѣснокъ—безквасіе.

Опрятненье—сопрятаніе.

Опущаюсь—унываю, ослабѣваю.

Опущонный—лишенный.

Опѣкаюся—заступаю, строю.

Опять—паки.

Орало—рало.

Ораторъ—вѣтий, риторъ, хитрословецъ, рѣчетворецъ.

Орацію складую — составляю слово.

Орачъ — тяжатель, земледѣлатель, земледѣлецъ, ратай, зри ролникъ.

Орелъ великій—грифъ, ногпатка.

Орудіе—оружіе, мечъ.

Осада—стражба.

Освѣдчаюся — засвидѣтелствую, послушествую.

Освѣчую—озаряю.

Оскардъ—оскордъ.

Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.

Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.

Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облаґаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.

Оскираюся—осклабляюся.

Оскомины набиваю—оскотиниваю (sic).

Ослабѣваю — изнемогаю, унываю, стужаюся.

Ослабенье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.

Ослобоженье—освобожденіе.

Осмѣвую—укаряю, досаждаю.

Осмѣявъ мя — досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.

Осмѣянный—поругаемый, поруганный, досаду пріятъ.

Особа — видъ, лице, собство, съставъ, ѵпостасъ.

Особы шанованіе—обиновеніе.

Особливый—лишший, особный.

Особнѣ—особѣ, наединѣ.

Особно стою—разстою, разностою.

Оставеніе—прощеніе.

Оставленъ бываю — лишаюсь, лишаемъ бываю.

Остатечный—прочій, послѣдный.

Остатокъ—избитокъ, лишеніе.

Остенъ—пострѣкатель.

Остереганье—блюденье.

Остерегаюся—охибляюсь.

Остригаю—зри оголюю.

Остриженье—обрененіе.

Островлѣнье—устребленіе.

Островъ—отокъ морскій.

Острога—стрекало.

Острогъ—стѣна.

Осторожность—бодреніе.

Осторожный—зри опатрный.

Осторожный естемъ—опасуюсь.

Острость розуму- благоразуміе.

Острый—трудный.

Осужаю—оглаголую, осуждаю, облаюю.

Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.

Осяганье—осязанье.

Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.

Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣяю, отрѣваю.

Отбираю—воспріемлю.

Отважуюся—понуждаюся, устремляю ся вседушно.

Отведенье—отвожденіе.

Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.

Отвертаю всторону—уклоняюся.

Отволожую—отвлажую, таю.

Отволока—отложеніе.

Отворяю—отверзаю.

Отганяю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Отдаляюся — растою, разностою.

Отдатокъ—воздаміе, воздаяніе.

Отдѣленье—отлученье, ошаяніе.

Отдѣленный—отлученъ, отдѣленъ.

Отецъ всему свѣту—патриархъ вселенскій.

Отецъ зацный—попъ, презвитеръ.

Отискую—притяжую, паки притяжу.

Откидаю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Откола—коль, откуду.

Откритье—откровеніе.

Отлеглый—несущий.

Отложеніе—отдѣленіе, отлученіе.

Отлучаю—упражняю.

Отлучаюся — растою, розно стою.

Отлученный—отдѣленъ, отлученъ.

Отмовляюся—отрицаюся.

Отмѣна — премѣна, преложеніе, премѣненіе.

Отмѣтованье—отрицаніе.

Отмѣтую—отражаю, отрѣваю, отрѣаю.

Отновляю—устрояю, поновляю.

Отношу—восприемлю.

Отнюдъ—весма, всяко.

От оного часу—отселѣ, отзде.

Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.

Отпорода — наслѣдіе, достояніе, жребій.

Отпорца—тожъ.

Отпочиваю—почиваю, предпочиваю.

Отпочненье—отрада.

Отпущаю-прощаю, отдаю, раздрѣшаю, оставляю, ослабляю, угаждаю.

Отпущенье—прощеніе, оставленіе, раздрѣшеніе.

Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.

Отребины—отребіе.

От сего мѣсца—отзде, отсюду.

От сего часу—отселѣ, отнелѣ, отзде, отсюду.

Отскочилъ—отвержеся.

Отступникъ-расколникъ, схисматикъ, раздорникъ.

Отсюль—отзде, отсюду.

Оттинаю—отсѣцаю.

Оттручаю—отражаю.

Отрученье—отриновеніе, отраженіе.

Отрученъ—маломъ нѐ упалъ, преклонихся пасти.

Отчизна — отечество, отечествіе.

Отчичъ—наслѣдникъ.

Отщепенецъ—схизматикъ, расколникъ, раздорникъ.

Отщепенство- схизма,расколъ, раздоръ, распря, сѣченіе.

Офѣра—жертва, приносъ, приношеніе, закланіе, треба.

Офѣра цало паленая—всесожженіе.

Офѣрованіе—жрѣніе, корванъ.

Офѣровникъ—жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйствіе (sic).

Офѣрую—жру, жертвую, приношу, рѣжу.

Охендожка — одежда, одеяніе, иматасма.

Охендожный—зри красный.

Охендожство — утваръ, украшеніе, честность, ухищреніе.

Охолода — упокоеніе, ослаба, отрада, сладость, сласть, сладострастіе.

Охороняюсь—охабляюся.

Охота—усердіе.

Охотне—нетяжестнѣ, ненавистнѣ (sic).

Охотный—благоувѣтливъ.

Очарованье — обава, обаяніе, обавленіе.

Очекиваю—терплю.

Очекиваніе—терпеніе.

Очеркненье—окруженіе, околеніе.

О чомъ—о чесомъ.

Ошаленье—изумленіе, неистовство.

Ошарпанецъ—рубищеносецъ.

Ошуканье—ложъ, прелесть, ..., прелщеніе, лщеніе.

Ошукати—яти.

Ошукачъ—прелестникъ.

Ошукиваю — лещу, прелщаю, лихоимствую.

Ошустъ—прелестникъ, запинатель, клеветникъ.

Ощажую—щажу.

Ощупъ—..., дреколь, ратище.

П.

Пава—киннось.

Павѣза—щитъ, плишъ.

Павѣментъ—подъ, помостъ.

Пагорокъ—холмъ.

Паднѣнье—падежъ, зри омилка.

Падолъ зарослый—дебрь.

Пазуха — недро, ядро, занадрія.

Палацъ—полата.

Палецъ—перстъ.

Пампушокъ—сковрадъ.

Памятаю—памятствую.

Памятка—память, пониманіе, воспоминаніе.

Памятъ—умъ, разумъ.

Панна—дѣва, дѣвица, дѣвая.

Панованіе—господствіе, владычество, началство, настоятелство, могутство, область.

Пановъ—панвица.

Панскій—владыченъ, господень.

Панско—господственнѣ.

Пантофлѣ—выступци.

Паную—обладаю, господствую, державствую.

Панучій —владичественъ, господственъ, обладаяй, началствуяй.

Панцѣръ—броня.

Панянка—юнота.

Панъ—владыка, господь, началникъ, властелинъ, обладаяй.

Панъ молодый—женихъ.

Папѣжъ—папа.

Папѣжъ—бумага, хартія.

Паръ—духъ.

Пара шатъ—измѣна рызъ.

Парґамѣнъ—кожа.

Парканъ—забрало.

Паростка—отрасль, приросль.

Партачъ—белохудожникъ.

Парусъ—вѣтрило, ядрило.

Пархи—прокази.

Паршивый—прокаженъ.

Пастухъ—скотопитатель.

Патронъ—зри опекунъ.

Паша—пажить, паствина.

Певне—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.

Певное—извѣстное, опасное.

Певность — извѣство, опаство.

Певный — твердый, нарекованный.

Педаґоґъ—пѣстунъ.

Пелґримъ — пришлецъ, странникъ, странный.

Пендзель—стручецъ.

Пендъ—стремленіе.

Первородство—первенство, перство (sic).

Первость—первенство.

Первястки—первородная.

Перебачаю—небрегу, прощаю.

Переверненье — превращеніе, низложеніе.

Перевертаю—опровергаю, превращаю.

Перевожуся—проношуся, препосилаюся.

Перевышшаю—преспѣваю, преуспѣваю, превосхожу, преймаю.

Превышаючее—превосходящее, превышающее.

Перевышенье—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.

Переглядую—съзерцаю.

Перегорода—преграждеціе, законъ, средостѣніе.

Перегорожую—преграждаю.

Переди спутованіе — прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.

Перейшолъ—прейде, отиде, мимошедъ, препливъ.

Перекладачъ—апоґрафонъ.

Перекладъ—зводъ, архитиконъ, антиґрафонъ, апоґрафонъ.

Перекупецъ—скупникъ.

Перелещенье—прелщеніе.

Перелещую—прелщаю.

Переличую—сочетаваю.

Перемагаю—одолѣваю.

Перемагаю в мовѣ — заущаю, затикаю уста.

Перемагалися—бѣждахуся.

Переможеніе—одолѣніе.

Перемѣненье—измѣна, измѣненіе, преображеніе.

Перемѣшую—возмущаю, озлобляю, удручаю, запинаю, претикаю.

Перенесенье—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.

Переношу окомъ — презираю,

пренебрегаю.

Переношуся—преселяюсь, зри перевожуся.

Перепираю—увѣщеваю, препѣраю.

Переписъ—зри перекладъ.

Переполохъ—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.

Переправляюся — зри перевожуся.

Переслѣдую—созерцаю.

Пересмотрюю—соглядаю.

Переставаю—престаю, пребываю, почиваю.

Перестанье—упражненіе.

Перестерeганье — соблюденіе, сохраненіе.

Перестoрога—то жъ.

Перестрахъ—зри переполохъ.

Перестрашую—изумляю, . . . , ужасаю, стужаю, устрашаю.

Пересѣцаю—паствую, препинаю, пакощу.

Перетинаю—пересѣцаю.

Перехитрую—обхожду.

Переходень—переселникъ.

Переходячее—преходящее, превозвышающее.

Переходъ з мѣсца на мѣсце—преселеніе.

Перечка—прѣніе, пря, рвеніе, распря, тяжба, распрѣваніе.

Перешкода — препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.

Перешкодца—запинатель, подстрѣкатель.

Перешкожую — зри перемѣшую.

Перло—бисеръ, женчугъ, маргаритъ.

Перо—періе.

Перо до писанія—трость, писеръ (sic), ґрафія.

Перси—лоно, нѣдра, сосца.

Персона—зри особа.

Перунъ—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.

Перханье—пареніе.

Перше—прежде, первѣе, даже, ажъ.

Перший—прежный, первый.

Перший овощъ—начатокъ.

Петаль златъ—доска златая.

Петлица—петель, петля.

Печалованье—попеченіе, опасеніе.

Печаловитый—попечителный.

Печатникъ—печатаръ, знаменитель.

Печатую—знаменую.

Печать—знаменіе.

Печера—вертепъ, пещера.

Печерка—нирище.

Пещота—сладострастіе, разсверѣпеніе.

Піенкность—зри краса.

Піенкный—зри красный.

Пиво—оловина.

Пилно—тощно, опасно, расмотрителнѣ, извѣстно.

Пилность—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилную — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.

Пилный — тщателный, потщателный, благоприсѣдителный, опасный.

Пилный слухачъ — вниматель, внушитель, опасный.

Пирогъ елейный—хлѣбъ масличенъ.

Писанія способъ—писало.

Писаръ—книгочій, книжникъ.

Писканіе—гуденіе.

Пискаю—якаю, ячу, скомлю(sic).

Пищалка — пищаль, свѣриль, сопѣль, трость.

Пищки—пищали.

Планети — планиты, мамрены (sic).

Пласконосый—тупоносый.

Пластовый медъ — страдовный медъ.

Платца—мздовоздаятель.

Плахта—вретище, власяница, скутъ.

Плачливе жалую—очаеваю.

Плачу—ридаю, слезю, сѣтую.

Плачъ—вопль, сѣтованіе, ридание.

Плачъ жалостный—риданіе.

Племя—ищадіе, жилище.

Плесна ножныи—плеснь.

Плечи—плещѣ, мышца.

Пліотка велерѣчивый—баснотворецъ.

Пліотки—оплатство, басны(sic).

Плодность—плодовитость, ситость.

Плодный—плодовитый.

Плодъ—чадо.

Плотъ—градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.

Плугъ—рало, орало.

Плѣвки—кожи.

Плѣснь—тля.

Плюгавецъ — скверный, нечистый, сквернавый.

Плюгавство—отребье, скверна, нечистота.

Плюскъ—слишателный, щукъ.

Пляга—пагуба, зри—моръ.

Плястръ—плястиръ.

Плястръ меду—сотъ.

Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.

Пляцъ, где игри и шармѣрства отправуютъ—тризнище, позорище, подвигоборище.

Побиваю—уязвляю, ураняю.

Побитье—рана, язва.

Побожность—благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣнство, ревность.

Побожный—зри набожный.

Поборъ—дань, урокъ.

Побудка—поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.

Побуженье—то жъ.

Побуждаю—понуждаю, припонуждаю.

Поваблenье—обава, обавленіе, обаяніе.

Побавляю чарами—обаваю.

Повага—поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.

Поважный—височосердый, тяж-

косердый, благообразный, тяжекъ.
Поважный людъ—людъ тяжекъ.
Поважнѣ—господственнѣ, косно.
Повинность або часть—достояніе.
Повинный—природный, своеплеменный, ужикъ.
Повиноватство—ужичество.
Повинутье—повиновеніе.
Поводиръ—руководитель.
Поводитъ ми ся—добре спѣю.
Поводъ въ правѣ—винителный.
Повоженье доброе—спѣяніе.
Поволность—благоуміе.
Поволный—преклонный.
Повоненье—уханіе, обоняніе.
Поворозъ — уже, ужы, вервіе, вервія, вервь.
Повстаніе—востаніе.
Повторе—двоично, вторицею.
Повшехный—насущный, присный, всегдашный.
Повѣданье—вѣщаніе.
Повѣдачъ—вѣстникъ.
Повѣдаю—вѣщаю, глаголю.
Повѣка—вѣжда, вѣя.
Повѣренье—врученіе, повѣреніе.
Повѣсть—слово.
Повѣсть добрая—благовѣстіе.
Повѣтріе—моръ, зри—моръ.
Повѣтрье—аеръ, воздухъ.
Повѣтъ—страна, предѣлъ.
Поганбенье—зри ганба.
Поганбляю—зри ганблю, извожду въ позоръ.
Погане—язици.
Поганинъ—язичникъ.
Поганскій—языческій.
Поганый—зри плюгавецъ.
Поглядапье—зрѣніе, виденіе.
Погода—ведро, извѣтъ, благоутишіе.
Погожесть—ключимость.
Погожий—благоключимий.
Поголовье—поглавіе.
Погоржаю—отмещуюся, отмѣтаюся, отрицаюся, преобидѣхъ (sic), зри взгоржаю.
Погорщенье—соблазнъ.
Погубляю—растлѣваю.
Погубляючій—губитель.
Поданье—преданіе, уставъ, веленіе, догматъ, нравъ, предѣлъ, предателство.
Подарокъ—даръ.
Подвигаю—подвизаю, воставляю.
Подвиженье—воздвиженіе.
Подвика—сударъ.
Подвойский — проповѣдалникъ (sic).
Подвори (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.
Подвязка—вузъ сапожный.
Подданный—обладаемый, начинаемый, подначалный.
Подданьеся—повиновеніе, повинутіе.
Поддаюся — покаряюся, повинуюся.
Подезренье — зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаеваніе, непщеваніе.

Подезроно—зазорно.
Подезроный—зазорный, порочный.
Подеймую — воздѣю, возставляю.
Подиръ—рыза допчая (sic).
Подкладаютъ мя—подчиняюся.
Подложница—заложница, наложница.
Подлость—худость, ..., суета.
Подлый—худый.
Подлѣгаю—покоряюся.
Подлѣйшій — худѣйшій, меншій.
Поднесъ—подялъ.
Подножокъ—подножіе.
Подношу—воздежду.
Поднущаю—подощряю, обощряю.
Поднятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, приятіе.
Подобаю—благоугождаю.
Подобающее—простѣ, негли.
Подобенство—притча, образъ, подобіе.
Подоблю—угаждаю.
Подоблюся собѣ—любопочитаюся.
Подобникъ—подражатель.
Подобно—подоболѣпно, любодостойно.
Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.
Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.
Подоптанье—попираніе.
Подоптую—попираю.
Подорожникъ—зѣлье троскотъ.
Подорожное—напутіе.
Подорожный—путникъ, странный.
Подошва—плесница, сандалъ.
Подписъ—подписаніе.
Подполомикъ (sic) —опрѣснокъ,..
Подругъ—клеврѣтъ, другъ.
Подступокъ—навѣтъ.
Подтинаю—подсѣцаю.
Подушка—возглавіе.
Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.
Подущенье—навѣтъ.
Подхождую—прелщаю.
Подчашій—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающій.
Подщувачъ—навѣтникъ.
Подщуваю—зри подущаю.
Подѣлнѣ—зри надѣлателнѣ.
Подѣлье—подѣліе, наддѣланіе.
Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣненнѣ.
Подъ претекстомъ — непщеваніемъ.
Поедcurrently

Пожитокъ маю—успѣваю.

Пожитокъ чиню—тоежъ.

Пожитокъ чинячій—успѣшный.

Позверхность якой речи—явленіе.

Позволенье—изволеніе, прощеніе, произволеніе.

Позволяю—изволяю, прощаю.

Поздоровленье—цѣлованіе.

Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.

Позираю—зрю, вижу.

Позирай—зри, виждь.

Познаемости — предпріятіемъ (sic).

Познáю—увѣмъ.

Позно—поздно, коснѣ.

Позовъ—сказнь.

Позиванье—пойми (sic), поносъ, поношеніе.

Позиваю—поемлю.

Позивачъ—потяжникъ.

Позискую—приобрѣтаю.

Позичанье—заемленіе.

Позичаю—взаимъ даю.

Позичаю собѣ—заемлю, заимствую.

Позичаючій—заемникъ.

Позичалникъ—заимодавецъ.

Позостальый—прочій, лишенный.

Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.

Позрѣнье—возрѣніе.

Позѣваю—зри зѣваю.

Поимати—яти.

Поимаю—емлю.

Поимай—емли, поемли.

Поималъ—ять, ялъ.

Поиманный—ятый, ятъ.

Поймованье умомъ — смыслъ, смышленіе.

Поймую—вмѣщаю.

Покаляный—зри нечистый.

Покаляю—скверню.

Поки—доколѣ, дондеже, донелѣже.

Покиванье—маніе, маяніе.

Покивую—возмаваю, возмаяю.

Покладаю—полагаю, вмѣняю.

Покой—смиреніе, миръ, упокоеніе, безмолвіе, покой, мированіе, ослаба, отрада, упражненіе.

Покой кролевскій—полата, чертогъ.

Поколѣнье—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.

Покора — смиреніе, смиренномудріе.

Покораю—повинную.

Покормъ—пища, брашно, снѣдь, сънѣдь.

Покормъ звѣрный—звѣроядина.

Покореній—зри покорній.

Покоренье—послушаніе.

Покорная мудрость—смиренномудріе.

Покорне мудрую — смиренномудрствую.

Покорный—смиреній, благоугодительный, смиренъ.

Покорнѣйшій—тишайшій.

Покоряюся—смиряюся.

Покоштованье—начипаніе.

Покревность—ужичество, родъ, ищадіе.

Покревный—приискрный.

Покрива—стволіе.
Покритье—присѣненіе.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса — страхованіе, искушеніе, мечтаніе, искуситель, діаволъ, дѣдко.
Покушенье—искушеніе.
Поле—село.
Ползаю — плѣжу, пресмыкаюся.
Ползячее низу—плѣжущее.
Полизачъ талѣровъ-ласкосердій, гортанобѣсецъ.
Поликаю—поглощаю.
Полискованье — блистаніе, сотѣненіе (sic).
Полиція—гражданство.
Поличаю—почитаю, воминяю.
Поличенье—сословіе, сочисленіе, согляданіе.
Поличокъ—ланита, скриня.
Полкъ—чета.
Полкненье—поглощеніе.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—пелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнъ.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакаю.
Полталярокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Полѣпшенье — цѣломудріе, исправленіе, умиленіе, полза.
Полѣпшую — уцѣломудряюсь, исправляюсь.
Поля розмѣры—волоки, ланы.
Помагачъ—споспѣшникъ, помоӣщникъ, заступникъ.
Помагак—пособствую, воспріемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканье—жителство, гражданство.
Помикаю—потязаю, привлачаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помиренье—зри покой.
Помноженье—растеніе (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣкаю, порѣцаю.
Помолодецку—юношески.
Помочъ—помощъ, полза, стражба, умиленіе.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіе, явленіе, напыщеніе, гордѣніе, щапство.
Помста—мщеніе, месть, отмщеніе.
Помсту чиню — отмщаю, лицую (sic).
Помститель — местникъ, отмститель.
Помышленье—помишленіе, помислъ, мечтаніе.
Помышляю—воспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневолный—нехотимъ.
Понижаюсь—смиряюсь.
Пониженье—зри покора.
Понижонъ бываю—повинуюся.

Понижаю—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По оной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправуючій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростацку—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попущаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попѣлъ—попелъ, пѣсокъ.
Порада — совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчъ.
Поражку маю—враждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Поранѣшный—утрный.
Пораняюся—ураняю.
Пораховонье—зри поличенье.
Пораховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Пориваю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, сораз-суждеціе, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, туне, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожный—празный, тощъ.
Порожную-празную, упраздняюся.
Порожняя слава—тщеславіе.
Порохно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю — вручаю, вовѣряю, предаю, полецаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порадно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строителный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадзка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Поселъ — вѣстникъ, молитвенникъ, ходатай.
Поссесію держу—державствую.
Поскакую—перу.
Послизненье — поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушеный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, порадованіе.

Посмикую — потязую, привлачаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — обцій, собранный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидній.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе, произволеніе, устроеніе, намѣреніе, правило, доґма, вирокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, полагаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ, утвердихъ.

Постать—зракъ, vпостасъ, имство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерѣгаю — блюду, ощущаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри переполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣляю.

Пострѣлъ—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постягаю—утоляю.

Постягаюсь—огрѣваюсь, ошаеваюсь, ошаяюся.

Постягливость — воздержаніе, ошаяніе.

Постягливый—воздержный,воздержателный.

Постягнутися — отступити, удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стесность.

Посуха — зной, скваръ, пекъ, варъ.

Посѣдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—оное, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевещу, пакощу, оклеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе, напасть, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣщеваю, засвѣдителствую, благоволю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, устремленіе.

Потикаю — срѣтаю, срѣтаю, сряшую.

Потикаюсь—поткуюсь, борюсь, ратую.

Потканье—срѣтеніе, стремленіе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечь, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣтище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

Потреба—нужда, насиліе, треба.
Потребно — ключимо, нужно, ключаемо.
Потребный—ключимый, ключаемый, достойный, искусный.
Потребны суть — потребствують.
Потребованье—требованіе.
Потребую — требую, потребствую.
Потручую—зри попихаю.
Потуга—рогъ.
Потужность—зѣлность, велелѣпота.
Потужнь—доблѣ, доблественнѣ, ...
Потупленіе—судьба, судъ.
Потупляю—окаеваю, зазираю.
Потѣха—порадованіе, сласть, сладость.
Потя—птица.
Потягаю—потязаю, повлачаю.
Потягненое—потяженое, зѣлное.
Пофолґую—ослабляю.
Похвали—плесканія.
Похваляю — ублажаю, превозглашаю.
Похватую—похищаю.
Похибляю—погрѣшаю.
Похилность—соустроеніе.
Похиляюся—воскланяюся.
Похлѣбство—ласканіе, лесть, лещеніе.
Похлѣбца—ласкатель, потаковникъ, пасоритъ (sic), притрапезникъ, трапезолизатель.
Похлѣбую—ласкаю.
Похмѣлный—шуменъ.
Походистый—стромнителенъ.
Походня—свѣтилникъ.
Похожую—похожду.
Похопъ до чого—предспѣяніе.
Поцалованье—лобзаніе.
Початокъ—начало, архиоглашеніе.
Початокъ стиха—гранесіе.
Початокъ або якой речи сума—главизна.
Початокъ подаючій—оглашенникъ.
Початокъ чинячій—виновный.
Почекай ми—долготерпи о мнѣ.
Почесть—говѣніе.
Почетъ—чета, причетъ.
Почки—бубреги, нядра, пиры.
Почтенный—блаженний.
Почтивость—честность, говѣніе.
Пошанованье—говѣніе.
Поясъ—обрусецъ.
Правда—истинна.
Правду мовлю—истинствую.
Правдиве—истинно, достовѣрно.
Правдивый—правый, истинный, цѣлый, цѣлъ, сущый.
Право—во истину, убо.
Право—законъ, заповѣдь, доґма.
Право становлю—законополагаю.
Правость—правота, правина.
Правица—десница.
Правый—десный.
Прагненье исти—алканіе, алчба.
Прагненье пити—жажда.

Прагну—жажду.
Прагнулъ—возжадахся.
Празникъ—празнованіе.
Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.
Практикую—пророчествую, отвѣждаю.
Практицтво—соглаголаніе, сословіе.
Праса винная—тиска, точило.
Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.
Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.
Працовитый—трудолюбезный.
Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.
Працую—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, врeждаюся, стражду.
Працъ полный—трудный, многотрудный.
Прачка—бѣлица.
Пребачаю—пренебрегу, небрегую, небрежу, презираю.
Пребаченье—небреженіе, презорство.
Пребываетъ—лежитъ.
Преветная дѣра—сопль проходный.
Превзятость—преимѣтелство, величествіе.
Превзятый—преимущый, преизящный.
Превротность—стропотность.
Превротный—злонравный, злу хитрецъ, лукавый, лукавъ, стропотивенъ, развращенъ.

Превышшаю—превосхожду.
Превышшенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.
Преданіе—веленіе, нравъ.
Предводитель—вождь, держащый.
Предиспутовую — препрѣваю, затикаю уста, заущаю, увѣщеваю.
Предмова—предисловіе.
Предмѣстіе—предградіе.
Предмѣщане—предграждане.
Предназначеный — пронареченный, прознаменанный, предизбранный, преопредѣлный.
Предный—предпочтенный.
Преднѣ—предводителнѣ, изящнѣ.
Предсьевзятье — предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.
Презацный—преизящный.
Презначенье—образованіе.
Презренье—смотреніе, осмотреніе, судбы строеніе.
Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.
Презрочистый — свѣтлый, чистый.
Презъ мѣчъ—убоемъ.
Презъ онаго — онымъ, чрезъ онаго
Преквѣнтованье — разсверѣпѣніе.
Прекладаю—предлагаю.
Преложеные—властели, владики, господіе.
Преложоный естемъ—держав-

ствую, господствую, владичествую.

Преложоный—наставникъ, настоятель, преимущный.

Леописъ--зри перекладъ.

Препіорка—крастель.

Препона—зри перешкода.

Препону чиню—возбраняю, зри перемѣшую.

Препущаетъ—препосилаетъ.

Пресажую—переношую.

Пресажаючійся — тщателный, потщателный.

Пресваренье — заущеніе, препрѣніе.

Преслѣдованье—гоненіе, изгнаніе.

Преслѣдовца—гонитель.

Преслѣдую—гоню.

Престолъ болванскій — требище.

Престолъ в церкви — жертовникъ, олтарь.

Претекстъ—прирокъ.

Пре то—тѣмъ, сего ради.

Печъ—вонъ.

Прибитокъ—зри зискъ.

Прибѣгаю — теку, притѣкаю, притичу, срищусь.

Привертаю—устрояю.

Привиденье—зри куглярство.

Привижуюся—мечтаюсь.

Привикаю — обикаю, обучаю, поучаю.

Привлащаю—присвояю.

Привлащенье — свойство, присвоеніе.

Привожу—произношую.

Привѣшенъ бываю—прицѣпляюсь, привязуюся.

Пригана—уколъ, зри ганба.

Пригляжую—прозираю.

Приглядуюсь—созерцаю.

Пригода—случай, примѣтъ (sic).

Пригожій—зри красный.

Приготованье—устроеніе.

Приготовляю—соустрояю.

Придаетъ ся—ключаетъ ся, случаетъ ся.

Придатки—восприятія.

Придатокъ — прилогъ, приложеніе.

Призвичаюся—навикаю.

Призвичаилемъ ся — предпріятый есмъ.

Призвоите—лѣпо, влѣпоту.

Призволенье—изволеніе, маніе, мановеніе, сложеніе, обѣтъ.

Призволяю — засвѣдителствую, исповѣдую.

Признаваюсь—исповѣдуюсь.

Приймую — воспріемлю, примаю, сопричтаваю.

Прійти маючій—грядущий, будущий.

Приказанье—зри право.

Приклада — сочтаніе , соразсужденіе.

Прикладаю—прилагаю.

Прикладаюся—прилагаюсь.

Прикладъ — образъ, указанье, указъ, притча.

Приклычъ—призови, пригласи.

Приклякаю—преклоняю колѣнѣ.

Прикрите—присѣннѣ, присѣ-

неннѣ, прикровеннѣ, осѣненнѣ.

Прикро ми—гнушаюся.

Прикруся—стужаю, озлобляю, удручаю, обтягчаю, возмущаю, труды дѣю.

Прикрый—прискорбный, трудный, стужателенъ, притужный.

Прилбица—шлемъ.

Прилежу—заступаю, предстателствую, поспѣшествую, удовляю.

Приличую—причитаю, прилагаю.

Приложити—прибавити.

Прилучаю—прицѣпляю.

Прилѣпляю—прицѣпляю.

Примноженье—ростъ, растеніе.

Примножую—умножаю.

Примушаючій — насиловникъ, нудитель.

Примушенье—насиліе, бѣжденіе.

Примушую—насилую, понуждаю, увѣждаю, настою.

Примѣраю—соравняю, соглашаю, сочиняю.

Примѣрье—сложеніе, обѣтъ.

Примѣтъ—случай.

Принагляю—зри примушаю.

Принагляючій—настояй.

Принятье — принятіе, поднятіе.

Припадаючій—подобающій, лѣпый, подобный.

Припадки—привнитія.

Припадокъ—зри пригода.

Припеструю—упещряю, украшаю.

Припливаю — притѣкаю, притичу.

Припложую—плодъ приемлю.

Приповѣданье—моленіе.

Приповѣсть—притча, образъ.

Приповѣстье—штучные извитія словесъ.

Приподобанье—приподобленіе.

Припоминанье—приповѣданіе.

Припоминаю—воспоминаю, произношаю, приповѣдую.

Приправованье—устроеніе.

Приправую—притворяю.

Припрятую—сопрятовую.

Припѣкаю кому—зри примушаю.

Приравниваю—соравняю, сочетаю, уподобляю, соглашаю.

Прировнанье—сравненіе.

Прироженье—естество.

Припругую — припоручаю, согласую, совѣщеваю.

Приряжаю—сочиняю.

Прислугую—угаждаю.

Присмаки—пристроеніе.

Присмотрую—призираю.

Присмотруюся—созерцаю, соразумѣваю, усмотряю.

Приставъ—приставникъ, пѣстунъ.

Пристань—пристанище.

Пристойне- влѣпоту, врѣсноту, лѣпо, послѣдователнѣ, изящнѣе.

Пристойность — лѣпота, рѣснота.

Пристойный—лѣпый, красный, подобный, подобающый, приличный.

Пристоитъ—лѣть есть, подобаетъ, достоитъ, подобитъся.

Пристосовую—строю, сочиняю.

Приступъ—извѣтъ.

Присяга—рота.

Присягаю—кленуся, рочуся.

Присяглый—ротникъ.

Присягу показуючій—ротникъ.

Притворяю—причиняю.

Притворъ—сѣнь, дворъ.

Притомность—прибытіе.

Притомный—настоящый.

Притрафленье—случай.

Притрафляюсь — прилучаюсь, приключаюся.

Приучуюся—навицаю.

Прихваткомъ—наддѣлателнѣ.

Прихилность—приклоненіе.

Приходень — прихожый, пришлецъ, пришелецъ, странныкъ, странный, приселныкъ, иноколѣнныкъ, иноколѣнница.

Прихожу—гряду, прихожду.

Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.

Приходъ—пришествіе.

Причастіе—комканіе.

Причащаюся—комкаю.

Причетныкъ—клирикъ.

Причина чому—виновный, повинный.

Причиненье—извѣтъ, моленіе.

Причинокъ — придатокъ, прилогъ, приложеніе.

Причиняюся — ходатайствую, приповѣдаю.

Пришолъ—пришелъ, приспѣ.

Пріязнь—друголюбіе, любовь.

Приялъ—подялъ.

Приятелско — истинно, прекрпо.

Приятелство—ужичество, любовъ.

Приятель—другъ, ужикъ, клеврѣтъ.

Приякю—желаю, рачу.

Проба—искусъ, правило.

Пробую— искушаю.

Провожу- проваждаю, руководствую.

Проводникъ-наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.

Продкую—перствую (sic).

Продкуючій — превышаючій, предваряющый, преимѣяй, предводитель, наставникъ, первый, проигуменъ.

Продолжаю — закоснѣваю, замедлѣваю.

Продолженье—закоснѣніе, замедленіе.

Продуха в водѣ—хлябы.

Продруханье—истрезвеніе.

Прожно—зри надаремне.

Прожность—суета.

Прозба—молитва, моленіе.

Прозванный—нареченъ.

Прозвиско—имя, пезимя (sic), порекло.

Проклинанье—рета.

Проклинаю—рочу.

Проклинаюся—рочуся.

Прокураторство — соглаголаніе.

Прокураторъ—вѣтый, соглаголный.

Проливаю—изливаю.

Промислъ—промышленіе.

Промьнокъ—назвиско, презимя, порекло.

Пронырство—сообращеніе, лукавство.

Пропастный—преисподный.

Пропасть—тина, бездна, тма, преисподняя, хлябъе.

Пропереџъ—знаменіе.

Прорва—хлябь.

Прорвистый—стромнителный.

Пророкую — прорицаю, совѣтъ даю.

Проростую—прозябаю.

Прosливаю—промикаюся.

Простацкый станъ—простакъ, невѣжда, невѣгласъ, смиренный, оглашенъ.

Простацтво—невѣжество, невѣдѣніе, неразумѣніе.

Простирадло—плащеница, понява.

Просто—прямо, противу.

Просто—праволучно, право.

Простую—управляю.

Простый—цѣлъ, цѣлый, худый, общый, обычный.

Простый человѣкъ — поселянинъ.

Простяница — людянинъ, невѣжа народный, особница.

Протекстуюся — засвѣдителствую, послушествую.

Противко—противъ, прямо.

Противленьеся — противленіе, сопротивостояніе, ..., сопротивословіе.

Противная мова — сопротиворѣчіе, сопротивоположеніе, протнвословіе.

Противникъ — навѣтникъ, сатана, сопостатъ, суперникъ.

Противность—скорбъ.

Протхлань—хлябь.

Протягаю — пробавляю, продолжаю, возвращаю.

Прохира—пронырливецъ, пронырливый.

Проходка—обходъ, глумленіе.

Прохожую—хожду, глумлюсь.

Прошеный—бѣдимъ, молимъ.

Прошеніе—моленіе.

Прошлое—мимо шедшое, преплывшое, предваршее, прежде бывшее, мимотекущее, преходящее, постигшее, прошедшее.

Прошу—молю.

Прошу пилно—бѣжду.

Прудко — абіе, скоро, внезапу.

Прудко бѣжачій — быстроточный.

Прудкость—скорость.

Прудкый — пернатъ, скорый, скоръ, борзый, сверѣпый, напрасный, стромнителенъ.

Прутъ—жезлъ.

Пруюся—отмѣтаюся, отрицаюся, отмѣщуся.

Пряденый—сотканый.

Псотливый — малакіа, нечистость.

Пестротина—пестрота, пещреніе, порокъ.

Псую — вреждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.

Псуй—вреди, сокруши, раздрѣши.

Псуючій — вредитель, разоритель.

Птаство—птичьство.

Птахъ—птица.

Публика—позоръ.

Публице —народнѣ.

Пугаръ—потиръ, чаша.

Пудреніе—устремленіе.

Пужаю—изумляю, устрашаю.

Пукли—мохри.

Пуклѣръ—павѣжъ (sic).

Пунктъ—срока.

Пупокъ—пупъ.

Пупяшокъ—на деревѣ пупъ.

Пусто—тще.

Пустошитель—губитель.

Пустошу—погубляю.

Пустую — безчинпую, безчинствую.

Пута—вериги, оковы.

Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.

Пухну—надимаюсь.

Пуча на древѣ—пружіе, акриды.

Пуща—пустиня.

Пытанье—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.

Пытачъ—истязатель.

Пытаю—истязую.

Пытаюсь — вопрошаю, истязую.

Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, высокоуміе, киченіе, величаніе, напищеніе, хупавость, презорство, напрасиство, кручина.

Пышаюсь—гордюсь, величаюся, кичуся, великомудрствую.

Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, высокоуменъ, напыщенъ, ухищренъ.

Пѣвень—пѣтель, алекторъ.

Пѣклованье—попеченіе.

Пѣнязь дробный—мѣдница, кодрантъ, лепта.

Пѣрье—пѣріе.

Пѣрьемъ оброслый—пернатъ.

Пѣсней спѣванье—пѣснопѣніе.

Пѣчъ—сучало.

Пятно—печать, знаменіе.

Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.

Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохотъ.

Радшей—радѣй, паче.

Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).

Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщеваю.

Разъ—единощи, единою.
Рамя—мышца.
Рана—язва.
Ранный — уязвленный, уязвителный.
Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.
Раны задаючій—уязвляючій.
Раный—утреный.
Раню—язвлю, досаждаю.
Ратунокъ—помощь, полза.
Ратушъ—престолъ, судилище, судище.
Ратую—пособствую, поспѣшествую, свобождаю, удовляю.
Рахованье — словоположеніе.
Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.
Рачачи —бѣдячи.
Раченый—бѣдимъ.
Рачу—бѣжду.
Рачъ—хтѣй.
Рву—терзаю, тръзаю.
Ревно плачу—ридаю.
Реготаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволненіе.
Регочу—хлехощу.
Реентъ—канцляй, книгочій.
Реестръ — сочисленіе, сословіе.
Режимѣшокъ—мѣшкорѣзецъ.
Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.
Ремесникъ — художникъ, хитрецъ.
Ременецъ — возвузъ, сапожняя (sic).
Ремѣнный—усмѣнный, усмѣнъ, кожаный.
Ремѣнь—кожа.
Ретязъ—разворъ, верія.
Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословецъ.
Речевисте—чувственно.
Ржа—тля.
Ринштокъ—ровъ, токъ, прияталище, исходище.
Робакъ—червь.
Роблю—дѣлаю, труждаюсь.
Робота — трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.
Работникъ — дѣлатель, тяжатель.
Ровесникъ—сверстныкъ.
Ровность — соравненіе, равенство, подобность, токмина.
Ровный—ровенъ, точенъ, подобный, таковъ.
Ровный в силѣ—ровносилный, сопротивосилный.
Ровняю—соравняю, одобляю.
Ровняюсь—подобляю ь, сравняюсь.
Ровъ — ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.
Рогатина—дреколь, сулица, ратище, луща.
Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.
Година—родъ, рожденіе, исчадіе.
Рожа—шипокъ.
Роженый—прискрный.
Роженье—рожденіе.
Рождуся — рождаюся, происхожду.

Рожчка—жезлъ, вѣтвь, ваія, вѣія.

Розбаченье—разсмотреніе, разсмощреніе, мудрованіе.

Розбачую — разсмощряю, размышляю.

Розбиваю - разбываю, разсѣкаю, просаждаю.

Розбиранье — зрѣніе, стязаніе, возисканіе, обиновеніе.

Розбираю в мысли—разсмощряю, размышляю.

Розбойныкъ—хищникъ.

Розбуяюсь—разсвѣрѣпѣваю.

Розбѣганье—стремленіе.

Розважанье—зри розбиранье.

Розважаю себѣ—внемлю себѣ.

Розвязую—разрѣшаю, рѣшаю.

Розгнѣваюсь—негодую, огорчеваюся, полютѣваю.

Розголошую—росповѣдаю.

Роздаваю—раздаваю, строю.

Роздираю—растерзаю.

Роздичую — разсверѣпѣваю.

Роздѣленный естемъ—разстою.

Роздѣлне—строчне.

Роздѣляю — раздѣляю, упражняю, рѣшаю, раздаваю, строю.

Роздѣлъ—глава, предѣленіе.

Розеймую—упражняю.

Роззявляю—разширяю.

Розинка—сухва, сухопль.

Розкидую—разоряю.

Розливаю—разливаю.

Розлично—различно, разнственно.

Розличаю—раздѣляю, различую.

Розмаите—различно, разнственно, многообразнѣ, всеобразно, всяко.

Розмаитый—различный, многообразный.

Розмаитыми—многими.

Розмова—бесѣда, гаданіе, омилія, ..

Розмовленье — бесѣдованье, бесѣда.

Розмовляю за кимъ—ходатайствую, ходотаю.

Розмышленье — размышленіе, смышленіе, мудрованіе, разсмотреніе, разсмощреніе, зрѣніе, видѣніе.

Розмышляюсь — поучаюсь, размышляюсь, обинуюся, глумлюся.

Розмѣтую—разоряю.

Розмякченіе—ослабленіе.

Розненье—разногласіе.

Розное—разнственное, различное.

Розность—разнствіе, различіе, разноличіе, разногласіе, разнство, сопротиворазнствіе.

Розношу—расповѣдаю.

Розный естемъ—розню, разнствую.

Рознюсь—разликуюсь.

Розохочую—поущаю, поущряю, предобручаю, подвизаю.

Розпираюсь—раздѣляюсь.

Розпорошую—изнуряю, испрашаю.

Розправую—розличаю.

Розпростираю—разширяю.

Розрадитель—строитель.

Розрадовуюсь—разливаюся отъ радости.

Розрваньє — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.

Розриваю—растерзаю, просаждаю.

Розростуюсь—гобзую.

Розрухъ—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грохотъ.

Розрухъ чиню—крамолю, смущаю, молвлю.

Розрухъ чинячій — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.

Розсипаю—изнуряю.

Розсипую—разстаю.

Розславленьє—разношеніе.

Розславляюся–промчуся, расповѣдаю.

Розсмотрую–смотряю, разсмотряю.

Розстань—распутіе, исходище.

Розсужаю — разсуждаю, сматряю, разсматряю, разсмотряю, востязую.

Розтовкую—разтручаю, розбываю, разсѣкаю, истнѣваю.

Розторгую—растерзаю.

Розумный—разумный, разумычный.

Розумное—разумное, словесное, размыслительное.

Розумытелный — мудрый, разуменъ, благоухищренный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.

Розумѣньє–непщеваніе, мнѣніе, виденіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.

Розумѣю—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.

Розумѣймо—вонмѣмъ

Розумъ—умъ, умишленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.

Розумъ знаменитый—мудрованіе.

Розумъ злегчаю—умъ воперяю, воскриляю.

Розходъ—проторъ.

Розчиняю—разчиняю.

Розчка—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.

Розшарпаю—разхищаю.

Розшафовую — иждиваю, изнуряю, истрошаю.

Розширеньє—народованіе.

Розширяю—разширяю.

Рокъ—годъ, годище, лѣто.

Ролныкъ — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.

Роля сама плодяч я — никнущая.

Роса замерзлая—златина.

Росказано ми—повеленъ есмь...

Росказаньє–заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, мановеніе.

Росказую—повелѣваю.

Росказуючій—повелитель.

Роскошний животъ—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

Роскошникъ — сластолюбецъ, ласкосердій.
Роскошую—наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюсь пространно.
Росненіе (sic)—растеніе.
Росолъ—слатина.
Роспаленье — роздеженіе, кручина, распаленіе.
Роспаленьеся—возгорѣніе.
Роспалина — щѣль, вертепъ, скважина.
Роспачаючій—отчаянный.
Роспачую—отчаеваюся.
Роспачъ—отчаяніе, нечаяніе.
Роспорошую — расточаю, разоряю.
Росправа—подлога, подложеніе.
Росправне—строчне.
Росправный—обрѣтословецъ.
Росправую—росчиняю.
Роспуста-невоздержаніе, ласкосердство, досада, студодѣйство, студодѣяніе, ослаба, разсверѣпѣніе.
Роспуста—распутіе, исходище.
Роспустный—студный.
Роспустный естемъ—шатаюсь.
Роспутье—зри роздорожа.
Роспущаю—рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.
Роспущаюся — ослабѣваю, разсверѣпѣваю, устремляюся.
Роспущенье—стремленіе.
Ростеркъ — молва, смущеніе, плищъ, мятежъ, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣваніе.
Ростираю—ослабѣваю.
Ростопляюся—таю, истаеваю.
Росторгую—растерзаю.
Ростропность-остроуміе, острораэуміе, цѣломудріе, умудрованіе, вѣжество, разумъ.
Ростропный—умпый, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смыслный.
Ротмистръ—ротникъ.
Роштъ—сковрада, огнище.
Рубаха—срачица, хитонъ, рубище.
Рудель—кормъ, кормило, гребло кормилное.
Рукоесть—рукоясть.
Рукоемство—зареченіе.
Рукоимя — емецъ, поручникъ, испоручникъ.
Румеґаю—оживую, двеґую (sic).
Руменую—меризаю (sic).
Румянецъ—повапленіе.
Рура—врутка.
Руринки—ятра.
Ручникъ—понявица, рукомыкъ.
Рушаюсь—движуся.
Рыбакъ—рыбитвъ, рыбарь.
Рыґель у замку—верія.
Рыза домгая—подиръ.
Рыза верхняя—эпотида.
Рыкаю—лаю.
Рымарь—усмошвецъ.
Рынокъ—купилище, торжище.
Рысованіе — кроеніе, начертаніе, повапленіе.
Рысую—крою, чертаваю, сѣннопишу.
Рыхло—абіе, скоро.